

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ V

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 6 ТОМАХ

Том V

ЗАПИСКИ
РУССКОГО ЭКСТРЕМИСТА

СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ,
ВЫСТУПЛЕНИЯ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014

ББК 66.2(2Рос)я44

УДК 32

Ш 30

Шафаревич И. Р.

Ш 30 Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. // Отв. редактор
О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014 –
464 с.

Институт русской цивилизации публикует Полное собрание сочинений выдающегося русского ученого и публициста, одного из ведущих русских мыслителей XX века, академика РАН Игоря Ростиславовича Шафаревича. В его трудах вскрываются корни самых трагических событий современной истории России.

Шафаревич является классиком русской национальной мысли. Его книги вошли в золотой фонд русского национально-го наследия. Для миллионов русских мысли, высказанные в них, стали ориентиром в духовной и социальной жизни.

Том V включает: «Записки русского экстремиста», статьи, интервью, выступления.

ISBN 978-5-4261-0116-6

© Шафаревич И. Р., 2014

© Институт русской цивилизации, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПИСКИ РУССКОГО ЭКСТРЕМИСТА	3
Россия на разломе тысячелетий	5
Русский народ и государство	5
История «Русофобии»	18
История диссидентства	38
Закон о фашизме	44
«Эксперимент»	53
О теракте 11 сентября 2001 года.....	59
Вопросы и ответы	78
О культуре советской эпохи	78
Зарубки истории.....	96
О наблевшем в вопросах и ответах	118
Кое-что об истории еврейства	173
СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ, ВЫСТУПЛЕНИЯ	179
Выступление на вечере, посвященном 70-летию А. И. Солженицына.....	181
О Данииле Андрееве.....	195
Д. Д. Шостакович.....	206
Шостакович и русское сопротивление коммунизму.....	232

О вокальном цикле Шостаковича «Из еврейской народной поэзии».....	243
О некоторых тенденциях развития математики.....	257
Загадка индивидуальности.....	264
По эту сторону добра и зла.....	294
Выступление на вечере, посвященном памяти 150-летия закладки Храма Христа Спасителя в Москве 24 сентября 1989 г.	320
Что хорошо для России.....	323
Предновогодние мысли.....	336
Будущее России.....	339
Предисловие.....	339
Введение.....	341
Западная цивилизация.....	343
Основные принципы западной цивилизации.....	345
Запад и Россия.....	350
Как Запад подчинил Россию?.....	353
Кризис Запада: материальные факторы.....	359
Кризис Запада: духовные факторы.....	368
Исторические параллели.....	376
Россия и Запад.....	386
Перспективы России.....	389
«Мы поработены западным духом».....	395
В защиту русскости.....	401
О «еврейском столетии».....	416
Гибель наций.....	445
Отзыв о книге С. Ю. Куняева «Жрецы и жертвы холокоста».....	454
К общему собранию Российской академии наук (9 сентября 2013 г.).....	455
Примечания	458

**ЗАПИСКИ РУССКОГО
ЭКСТРЕМИСТА**

РОССИЯ НА РАЗЛОМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

РУССКИЙ НАРОД И ГОСУДАРСТВО

В последние годы много критикуют русских за их приверженность государственности: русские привыкли во всем полагаться на государство, и это якобы является причиной того, что мы проигрываем в конкурентной борьбе с другими этносами. Предлагают в очередной раз ломать русский характер через колено, менять стереотип поведения и вырабатывать новые правила общежития. На мой взгляд, это очередное преступление перед народом.

Мне кажется, что народы похожи на организмы или виды животных в том, что каждый из них вырабатывает свой тип поведения для адаптации к жизни. Одни животные вырабатывают умение незаметно подкрадываться к добыче и выслеживать ее, другие, наоборот, спасаться бегством от хищников, иногда это бывает едкий отпугивающий запах, в других случаях – умение жить в коллективе или более высокий интеллект и т. д. Сейчас народ нашей страны переживает глубочайший кризис, и уместно нам попытаться осознать, какие же созданные историей силы есть в нашем распоряжении, на что мы сможем вообще опереться. Для сравнения приведу ре-

альные примеры. Многие малочисленные народы, которые живут среди более многочисленных, часто вырабатывают чувство взаимной поддержки или спайки, когда близость общих стереотипов поведения позволяет лучше оценить человека и делает его более надежным в сотрудничестве. Так образуются национальные группы во многих областях деятельности – от сицилийской мафии до контроля над московскими рынками. Но прошедшие десятилетия, думаю, убедительно доказали, что такого чувства сплоченности русские не выработали.

Другие народы вырабатывают способность почти мгновенного заражения единым чувством согласованного действия. Особенно эти качества выражены у еврейского народа. Один из ведущих национальных идеологов еврейского народа XIX в. по фамилии Гретц однажды назвал это «чудесной взаимосвязью, нерасторжимо соединяющей членов еврейского мира». Это свойство особенно ярко проявилось, например, перед Первой мировой войной в так называемом деле Бейлиса, который был обвинен в ритуальном убийстве мальчика Ющинского. Дело это мгновенно стало общемировым событием. Дошло до того, что иностранные послы делали запросы министру иностранных дел России. Я вспомнил об этих событиях недавно, когда посетил Оптину пустынь и поклонился там могилам трех зарезанных лет пять назад монахов. Это уж было несомненное ритуальное убийство, чего не отрицал даже и сам задержанный убийца. Но оно не вызвало абсолютно никакого отклика не только во всем мире, но даже и в России.

Так что подобной «чудесной взаимосвязи», как говорил Гретц, русские явно не создали. Ну так выработал ли русский народ вообще какие-то исторические инструменты адаптации за свою длинную историю? Кажется, что да. Это создание своего национального государства,

цель и оправдание которого – защита народа, причем не только защита его границ, но его духовной, экономической и даже чисто биологической жизни. Конечно, национальное государство – это не русское изобретение, но в России именно этот социальный фактор бывал спасительным, и особенно это ясно было в XIII–XIV вв., когда Россия под монгольским игом как бы провалилась в такую же глубокую историческую яму, как сейчас. Тогда, например, было написано ярчайшее «Слово о погибели Русской земли» – значит, именно так современники воспринимали произошедшее. А многие сейчас аналогично оценивают наше положение. Тогда в летописях задумывались о причинах того, что случилось с Россией. И ответ обычно был такой, что это кара Божья за распри князей, т. е., на современном языке, за упадок общегосударственного чувства. Да ведь и «Слово о полку Игореве» все проникнуто ужасом того, что какое-то происходит отрицательное, разрушительное явление в народной психологии, которое приведет к трагическим последствиям, что вполне оправдалось. И укрепление государства тогда дало действительно выход из того положения, которое, казалось бы, было безнадежным. И народ, видимо, осознавал эту роль государства как своего защитника и поэтому многое терпел: и постоянное закрепощение (пока это была «крепость земле», а не превращение в частную собственность, в холопа), и другие тяготы тогдашней суровой жизни. И в результате государство дало возможность народу за два-три века вырасти так, что он потом смог сам после Смутного времени восстановить разрушившееся государство.

Поэтому похоже, что и теперь у русских есть лишь одно средство, чтобы снова стать жизнеспособным народом, – это создание сильного русского государства, которого, конечно, опасаются все, кто желал бы господ-

ствовать над русскими или чтобы русская сторона была слабее в мире. Может быть, другие страны – такие как Англия или США – действительно способны надежно отстаивать интересы своих народов, имея слабые государства. Так, Англия поднялась до уровня великой державы без обязательной воинской повинности, без государственной системы обучения, без государственного медицинского обеспечения, апеллируя к общности интересов населения, организуя общество по типу какой-то акционерной компании. Но опыт истории показывает, что для русских нет такого пути, а есть единственный способ отстаивать себя – создание и укрепление своего национального государства.

При этом мне кажется самым существенным фактором, что государство является только инструментом или средством для достижения вполне определенной цели – защиты народа. Но, конечно, любой инструмент, как бы совершенен он ни был, может действовать эффективно, а может действовать неэффективно, может даже быть кем-то использован для совсем непредусмотренных целей. Так что главный принцип государства, мне кажется, заключается в том, что оно есть инструмент народа. Или, короче, что государство для народа, а не народ для государства.

Марксизм рассматривает государство исключительно как орудие классового господства. Но, например, в XV–XVI вв., наоборот, казалось бы, государство всех защищало от Орды. Однако нельзя не признать, что в некоторых условиях государство может быть или может стать орудием господства определенного правящего слоя. Какой-то правящий слой в течение всей известной истории всегда существовал. Из этого следует, что он, вероятно, всегда или, по крайней мере, в обозримом будущем будет существовать.

Это особенно ясно должно быть нам, жителям современной России. Ведь в течение XX в. мы, т. е. Россия, испытали, кажется, все известные формы государственного устройства: абсолютную монархию, конституционную монархию, либеральную демократию, тоталитарный строй и опять либеральную демократию. Мало в этих общественных укладах было общего, но можно заметить, что всегда судьбу народа определял какой-то узкий слой. Это часто и явно подчеркивалось. Ленин, например, писал, что если будущие историки восстановят современность, то вряд ли поверят тому, как мало людей, какие отдельные тысячи, может быть, сотни людей фактически осуществляли управление страной. Собственно, иначе не может быть. Основная часть народа не имеет сил вырабатывать стратегию его поведения в целом. Как и в каждом организме, большинство клеток работают просто на то, чтобы организм жил, это главная его цель.

Глубинной причиной теперешнего кризиса является то, что мы лишены правящего слоя, который свою цель видел бы в защите народа. А как следствие – он не может, да и не хочет укрепления такого средства защиты, как государство. Достаточно вспомнить последний кризис, который мы пережили в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (собственно, эта ситуация продолжается до сих пор). Он происходил под оглушающие крики, какое-то улюлюканье о необходимости покончить с «последней империей», что было очевидной бессмыслицей, потому что, пожалуйста, Советский Союз распался, и часть его – Грузия – оказалась такой же империей, которая тоже может распадаться. (На самом деле в большей степени, чем Россия, империей является Китай, о котором просто не рискуют говорить, потому что он слишком силен.) Тогда поднимали на щит любого врага государства, будь то хоть Дудаев или Басаев. Видно было, что без разрушения

государства желаемых реформ произвести не удастся. Я не знаком с подробностями жизни Китая, но общее впечатление у меня таково, что, когда говорят о коренном различии так называемого китайского пути реформ и российского пути, в основе лежит факт, что в Китае не дали разрушить свое государство.

Мне представляется, что механизм образования правящего слоя, в конце концов, играет второстепенную роль: формируется ли он наследственно, через выборы, под влиянием денег, захватом власти или через пропаганду в средствах информации и т. д. Принципиально вот что: отстаивает он или не отстаивает интересы народа, укрепляет или не укрепляет государство для его защиты. Поэтому основным фактором современности представляется, что нынешний правящий слой этих функций не выполняет, и, как следствие, мы не имеем и государства, которое защищало бы наш народ.

Это видно, какую бы область жизни мы ни взяли. Народ стремительно вымирает, и об этом иногда упоминается, время от времени, но для красного словца, не связывая это ни с какими конкретными действиями, ни с какой программой борьбы с этой, казалось бы, губительной опасностью. Политические отношения России и Запада состоят из цепи односторонних уступок со стороны России, односторонность которых именно подчеркивается. Например, закрытие какой-нибудь базы России не сопровождается аналогичным действием другой стороны. Это подчеркивает, что мы делаем эти уступки не в порядке партнерства, а обязаны их делать как проигравшая сторона, вроде выплаты контрибуции победителю. Все, наверное, помнят это страшное событие, когда сотни людей были взяты в заложники в Театре на Дубровке в Москве. Я тогда был поражен промелькнувшим сообщением, что Соединенные Штаты рассматривают вопрос о призна-

нии тех организаций, которые ответственны за этот акт, террористическими. Но больше я об этом вопросе ничего не слышал, вполне возможно, что его рассмотрением все тогда и ограничилось. Таково так называемое партнерство в борьбе с мировым терроризмом, за которое Россия реально расплачивается смертельно опасным для нее осложнением отношений с исламским миром.

Если взять другую сторону жизни, то недавно президент Белоруссии на одной пресс-конференции в России сказал, что на наши доходы от нефти мы могли бы жить, как в Кувейте или хотя бы на среднеевропейском уровне. Но Россия вообще должна жить на доходы не от нефти, а от наукоемкого производства, на что она вполне способна. В то же время большей частью народ живет в полной нищете. И государство не препятствует этому, ради этого оно и было разрушено. Ярко это было описано на пресс-конференции, которую лет пять или шесть назад дали ведущие московские банкиры, приехав с визитом в Израиль. Там были высказаны поразительные мысли. Например: «Таких прибылей и таких доходов, как в России, не было нигде»; «Два года вообще не платили никаких налогов»; «Появилась возможность приватизировать богатства стоимостью в миллиарды, это было ничье!». Все это показывает: необходимо, чтобы все стало ничьим.

Таково положение в экономике. А как государство защищает духовную жизнь народа, можно судить хотя бы по тому, что бывший министр культуры в руководимой им телевизионной программе «Культурная революция» (одно название ее чего стоит) говорил, например: «Русская литература умерла», «Без мата нет русского языка», «Русский фашизм хуже немецкого» и т. д. Ведь это не выкрики какого-то экстремиста или хунвейбина, а демонстрация принципиального отношения теперешнего государства к русскому народу.

Таково сейчас положение, которое нам необходимо осознать прежде всего. У русского народа нет своего государства, которое стояло бы на страже его жизненных интересов. Как это совершилось? Как мы лишились своего государства? Поняв это, нам будет легче ориентироваться в современной, а может, и в будущей ситуации.

Речь идет о тяжелом и длительном процессе, занявшем около трех веков. Он шел то медленным подтачиванием главных принципов жизни, то грандиозными обвалами. Начало его, как мне представляется, где-то в XIII в. Сложившийся тогда правящий слой, как часто бывает в истории, не выдержал испытания властью. Он предпочел сохранить свои привилегии, переложив обязанности на остальной народ. Символичным в этом отношении был манифест «О вольности дворянства» 1762 г., причем закрепощение крестьян было сохранено еще почти на столетие. Ключевский, Платонов и другие историки видят именно в этом одну из причин Пугачевского мятежа в 1774 г. Крестьяне были уверены: раз один слой освобождается от обязанностей перед государством, то и они будут освобождены. А когда этого не произошло, вот тогда бунт на краю государства превратился в народную войну такого размера, что нужно было посылать лучших полководцев Империи для борьбы с ним. С другой стороны, как оправдание своего незаслуженного привилегированного положения в правящем слое начало складываться отношение к народу как к существам низшего сорта. Уже в XVIII в. Сумароков в комедии под названием «Чудовищи» выводит персонаж, который говорит: «Я бы и русского языка знать не хотел. Скарденый язык! Для чего я родился русским?». Но тогда лицо, выражающее взгляды автора, еще называет таких людей «привозная обезьяна». А уже в XIX в. Достоевский полемизировал с влиятельным и, может быть, доминирующим тогда направлением,

тезис которого он формулировал так: «Кто застыдится своего прошлого, тот уже наш». В начале XX в. Розанов выразил взгляд этого течения такими словами: «Россия есть ошибка истории».

Грандиозным силовым переломом всего развития была революция 1917 года. Тогда установилась власть, для которой «русский великодержавный шовинизм» был одним из главных врагов. Их идеология была интернационалистической. Так, в воззвании Коминтерна на 1 мая 1919 г. говорилось: «Грядет Всемирная Советская республика», – что и провозглашалось как идеал. Советский Союз был создан как некое временное государственное объединение, к которому, по мере победы мировой революции, будут присоединяться все новые и новые республики. Когда в 1923 г. в Германии вновь созрела, как тогда считали, революционная ситуация, то в газете немецких коммунистов «Rote Fahne» были напечатаны программные статьи Зиновьева, Троцкого, Бухарина и Сталина. В частности, Сталин писал: «Неосомненно, победа немецкой революции перенесет центр всемирной революции из Москвы в Берлин». Так, это временное государство предполагало также и перемещающуюся столицу – то в Москве, то в Берлине, а потом, может быть, где-то и дальше.

Тот же дух господствовал и потом, когда вожди говорили, что «за 40, 50 или за 60 лет нашей истории...», вычеркивая тем самым все предшествующее из нашей истории. Андропов считал главной задачей борьбу с опасными «русистами» – опубликовано его письмо, направленное тогда в Политбюро. И так уже до следующего силового перелома в начале 90-х. Мне обычно задают вопрос: «Так что же нам делать, что вы предлагаете?»

Если такой вопрос понимать как вопрос о каких-то физических действиях, то должен сказать, что ответа

у меня просто нет. Мне представляется, что вообще здоровое развитие какого-либо народа не происходит так, что кто-то выдумывает для него путь, а остальные потом его принимают или отклоняют. Вроде, например, как Эдисон изобрел граммофон, и многие стали его покупать, а Эдисон разбогател. Такой путь «придумывания» иногда действительно реализуется, но это и есть утопия. Потом еще предстоит подгонять под нее действительную жизнь, что обычно является очень жестокой процедурой. Но обычное, нормальное, здоровое историческое развитие течет по каким-то другим труднодостижимым законам.

Тут есть какая-то «тайна жизни», нам, видимо, недоступная. Заметим, что и в эпоху, более всего похожую на нашу, – время монгольского ига в XIII–XIV вв., – никто и не придумывал никакого пути выхода, но этот путь был и заключался в восстановлении своего государства. Тогда реализовать этот выход удалось в связи со смутой, начавшейся в Орде, в летописях она называлась «замятня». Сейчас главная сила, которая на нас давит, – это Запад, созданная там мировая финансовая структура и колоссальная военная машина. Но я уже не раз приводил ряд признаков того, что и сам Запад подвергается воздействию многих разрушающих его факторов. Я эти соображения повторять не буду, тем более что недавно вышла в русском переводе книга известного американского политолога и политика Патрика Бьюкенена, которая так и называется – «Смерть Запада» и где приведено множество необычайно ярких фактов подобного рода.

Как мне представляется, распад Советского Союза и падение коммунистического режима тоже является отражением процесса распада Запада. В Советском Союзе была создана (пользуюсь терминологией историка Тойнби) «дочерняя», или «окраинная» по отношению к Западу, цивилизация. Это видно, прежде всего, по основной

роли в этот период марксизма – исключительно западного учения, а также и в принятии основного принципа, на котором основывалось общество Запада, – индустриализация за счет разорения деревни. Я очень хорошо помню это по своей молодости – всюду висели лозунги «Догнать и перегнать»... Но ведь догнать-то можно лишь того, кто признается находящимся впереди. Это признание Запада как образца и реализовалось полностью в 90-е годы.

Распад, упадок Запада играет сейчас роль «замятни» в Орде. Сейчас реальная и необходимая цель – это осознание активным слоем русских существующей ситуации, чтобы не быть застигнутым врасплох будущими событиями. По мере углубления «замятни» на Западе будут становиться более реальными, более видимыми возможности создания государства в России, которое защищало бы наш народ. Как говорил Маркс, который любил выражаться красиво, крот истории роет медленно, и сейчас основная реальная задача – быть идейно готовыми к изменениям жизни, которые явно назревают.

Сейчас нам упорно внушают, что государство – это пережиток прошлого, идет глобализация и суверенные государства уходят в прошлое. Но это чистая демагогия! Потому что, например, в Соединенных Штатах влияние государства все усиливается, вводятся такие государственные меры контроля над населением, которые были бы немыслимы 10 лет назад. Китай остается сильным централизованным государством. Конечно, в русской истории сильное государство играло такую роль, что очень трудно себе представить, чтобы от этого можно было бы излечиться. Точно так же, как нельзя излечиться от того, что мы – русские. Хотя надо помнить, что государство само по себе может быть и русским, и нерусским.

Может быть и антирусским. Может исполнять желания, служить какому-то слою. Например, государство

играло роль в самом суровом закреплении крестьян, но, с другой стороны, через государство происходило и раскрепощение крестьян. Отмена крепостного права проходила под большим давлением государства. По инициативе государства в России были созданы сильные и прогрессивные законы по охране труда. Рабочее законодательство России было одно из самых радикальных в мире в начале XX в. Так что государство может играть такую роль, какую мы ему отведем. Конечно, существенным является факт, чтобы это было государство русское, чтобы правящий слой государства в основном состоял из русских, что даст ему возможность (это необходимое, но недостаточное условие) ощущать нужды народа. Иначе он при желании это сделать не сможет, да и желания такого иметь не будет. Писатель Виктор Астафьев когда-то мечтал о том времени, когда у нас и русские пушкинисты будут.

А вообще, для России лучше было бы не способствовать углублению кризиса Запада, на который мы вряд ли можем реально влиять, а не дать ему слишком нас захлестнуть. Чем больше Россия включена в систему ценностей экономических, идеологических – каких угодно – Запада, тем сильнее западный кризис будет сказываться на нас. Поэтому осторожное, разумное для русских отношение заключалось бы в некотором дистанцировании от Запада – в таком, которое проявляется во многих странах, например азиатских.

Сейчас в основе реального разделения страны лежит колоссальный перелом всей жизни, который наиболее ярко выразился в последние десять лет. Фактически он начинался еще с военного коммунизма (это была первая попытка), затем коллективизация и т. д. Мне кажется, это один процесс, который нельзя дробить на части, иначе он становится непонятным. Как к нему относиться?

Есть люди, которые стоят на такой точке зрения: надо принять то, что произошло, и нужно надеяться, что воры со временем вернут хоть часть украденного, будут вкладывать деньги в нашу экономику, проститутки не будут рекламироваться в газетах и по телевизору, и жизнь как-то наладится. Другие этими реформами вытолкнуты из жизни, им остается только терпеть, стиснув зубы: если сами не смогут что-то исправить, то передадут это своим детям. Так относились к монгольскому завоеванию русские в XIII в. Это, мне кажется, главное разделение.

В этом смысле выборы в Думу, хотя бы чисто формальные, конечно, могут служить некоторым индикатором, но ведь поразительно, что в выборах участвовало только 55% тех, кто имел право голоса! Если вычесть тех, кто голосовал против всех, то, может быть, выборы вообще бы не состоялись! Эти цифры очень как-то не любили называть. Я смотрел несколько телевизионных передач, посвященных выборам. Говорили о том, какая партия сколько голосов получила, кто кого перегнал, кто в Думу прошел, кто не прошел и т. д., а эти фундаментальные цифры: один раз они были названы и больше не повторялись. Это характеризует серьезность положения наиболее ярко. Мы, собственно, потеряли единый народ. Оказалось, что в народе имеются два совершенно разных взгляда на жизнь, которые никак не удастся свести. В то же время те, кто агитационно декларировал симпатии к сильному государству и говорил, что он за русских, тот имел некий успех, что показывает, что уже устали от противоположной фразеологии и от того, чтобы об народ публично вытирали ноги. Жесты вроде заявления, что «будем мочить террористов в сортире» и т. д., воспринимаются очень положительно. Но, как мне представляется вся картина, дух выборов оставляет впечатление трагическое, какой-то обреченности. Это как русские дворяне

перед революцией бунтовали против государства, которое единственное их только и защищало. Главная оппозиционная партия была кадетская, руководство которой состояло в основном из дворян старых хороших фамилий, а в их партийной программе стоял пункт о принудительном отчуждении земли. Так и сейчас потеряно какое-то классовое чувство самосохранения. Поливают друг друга помоями так, что в результате вся система компрометируется – не только тот или иной участник дискуссии, а все вместе. Такое возникает чувство – просто метлой бы это все надо вымести, и все! Если бы появился кто-то, кто бы заявил: «Караул устал!» – то это было бы естественной реакцией, а это, в общем, реакция деструктивная, потому что не предлагает реального выхода. В этом – главный трагизм положения.

ИСТОРИЯ «РУСОФОБИИ»¹

Вопрос о взаимоотношении наций тяжелый, потому что нации составляют элемент жизни, жизнь есть борьба, и мы все время видим элементы столкновения национальных интересов. Например, столкновения между армянами и азербайджанцами, которые были еще и до революции, и при установлении советской власти, потом в Сумгаите, Карабахе и т. д. Возникает вопрос: как относиться к этим проблемам, нужно ли, как по английской поговорке, «не будить спящую собаку», обходить их молчанием? Обсуждение иногда называется разжиганием межнациональной розни. Что же выбрать? Мне кажется, что здесь у нас есть большой опыт, потому что в эпоху советской, коммунистической власти была попытка преодолеть национальные проблемы путем их за-

¹ По передаче на радиостанции «Радонеж».

малчивания. На эти проблемы был наложен запрет. Помню, еще в 70-е годы был опубликован сборник «Из-под глыб», в котором я как раз написал статью под названием «Разделение или объединение. О национальном вопросе в Советском Союзе», где я приводил контраргументы по поводу распространенной точки зрения, что Советский Союз есть некое продолжение русской империи, что это как бы колониальная русская империя, остальные нации в ней – порабощенные нации. Точка зрения в некоторых кругах интеллигенции распространенная, особенно на западном радио, на радио «Свобода», например. И тогда действительно поражало то, что я слышал в национально окрашенных и агрессивных высказываниях по отношению к русским. Против этого с началом эпохи гласности и другие протестовали. Я очень хорошо помню случай, который послужил началу обсуждения этой ситуации. Это было время, так сказать, большого либерализма, и меня пригласили в университет на большой вечер. Это был, по-моему, 1989 г. И мне там подали записку. Я, мол, протестую против того, что печатают статью Синявского, где написано: Россия-мать – сука, или повесть Гроссмана, где говорится о вечной рабской душе русской. Так что же я предлагаю: запретить их, не печатать? Мой ответ был такой: почему же именно запретить? Был, например, самиздат, писать там под своей фамилией было рискованно, но люди шли на риск, в то же время некоторые сами ставили себе определенные границы. В нем был некоторый элемент самоограничения. И к такому ограничению надо себя призвать в антирусских высказываниях. Отказаться же от обсуждения межнациональных отношений невозможно. Собственно, каждый человек себя осмысливает и воспринимает на основании контакта с другими людьми. Каждая нация ощущает себя благодаря взаимоотношениям, проблемам, которые у нее воз-

никают с другими нациями. Наложить на какую-нибудь нацию запрет обсуждать свои национальные проблемы – это значит фактически запретить рефлексировать по поводу себя. Это не реальный путь. А реальный путь, мне кажется, заключается в типе этого обсуждения, которое основывается на фактах, аргументах, а не на каких-то аморфных, связанных с подсознанием образах, потому что именно такой путь – как бы апелляция к подсознанию – поднимает эмоциональный уровень отношений в этой области, а факты в результате призывают, чтобы их обсудить, возразить против них или их интерпретации, привести какие-нибудь аргументы. И тогда дискуссия идет в другом эмоциональном поле. Мне кажется, что нечто подобное было в коммунистическое время, когда запреты формулировались нарочито аморфно, связывались с чем-то подсознательным; например, термин «антисоветский», который совершенно не детализировался никаким образом, поэтому непонятно было, о чем идет речь. Подозрение, что человек выдает какие-то секреты врагу или одевается не так, как это принято, или что еще другое имеется в виду? К сожалению, все тогдашние призывы не встречали никакого сочувствия. Тогда начавшаяся гласность, возможность печатать и перепечатывать то, что было за границей, или то, что было известно в рукописях, но не было напечатано, была воспринята как возможность печатать в колоссальном количестве ядовитые, оскорбительные и уничижительные эмоциональные всплески в адрес русских. Причем все, по-видимому, легко пошло по этому пути, потому что это было продолжение некоторой инерции, продолжение концепции пролетарского интернационализма, интернационального долга, борьбы с русским великодержавным шовинизмом и т. д., которая все время существовала. И тогда был опубликован ряд таких произведений, в основном

из перепечаток эмигрантских произведений и эмигрантов третьей волны, и традиция эта продолжалась непрерывно, до последнего времени. Мне кажется очень ярким эпизодом демонстрация по телевидению фильма «Последнее искушение Христа» в 1997 г. Фильм совершенно омерзительный – именно в смысле, так сказать, неуважения к людям, среди которых живешь. Там изображаются постельные сцены с участием Марии Магдалины и Христа, имеющего двух жен. Даже если принять интерпретацию, что это изображение некоторого бреда умирающего на кресте, то все равно это глубоко кощунственно, оскорбительно. И тогда вокруг этого фильма, я думаю, именно для того, чтобы привлечь к нему интерес, происходили так называемые дискуссии, потому что это были не дискуссии, а нечто вроде театральных постановок, там же, на телевидении, созданные на НТВ. Именно центральным пунктом было утверждение, что свобода слова заключается в том, что никто не может запретить нам показывать то, что мы хотим. И это было совершенно справедливым утверждением, потому что фактически оказалось, что так оно и есть, запретить никто не может. Но мне кажется, что гораздо более интересен вопрос, почему было желание этот фильм показать. Ведь не все же фильмы показывают, существует какой-то отбор. И, к сожалению, по поводу этого фильма ответ не вызывал никаких сомнений, потому что сначала было объявлено, что он будет показан на Пасху, в воскресенье. И только благодаря резким протестам, заявлениям патриарха показали фильм позднее. Я так и не могу понять: зачем же, когда хозяином, владельцем этого канала являлся Гусинский, который был президентом Российского еврейского конгресса, вице-президентом Всемирного еврейского конгресса, когда главный режиссер фильма имел фамилию Файфман, зачем было желание показать фильм

именно на Пасху? Вот это, мне кажется, и было элементом разжигания национальной розни. Но с какой целью — это совершенно необъяснимо. И я хочу подчеркнуть, что ничего сопоставимого по отношению к какой-нибудь другой нации никогда не было совершено. В ответ на этот фильм, помню, у кинотеатра собралось несколько тысяч человек, громадная толпа с иконами, хоругвями. Мы собрались, чтобы себя духовно поддержать, только и всего. Конечно, никакого влияния на решение демонстрировать этот фильм мы не оказали. Тут надо было бы отдать справедливость терпению русских, которое нет никаких оснований до бесконечности испытывать. Но тем не менее тенденция нанести удар русскому сознанию продолжается. Я думаю, что здесь нет никакого противоречия: фильм, конечно, был антиправославный, антихристианский, но Православие настолько сплетено с русской культурой, что даже совершенно нерелигиозным русским человеком такой вот плевок в лицо Православию воспринимается как удар по своему национальному чувству. И эти какие-то странные иррациональные выпады продолжают до сих пор. Вот, пожалуйста, совсем свежий текст. В 2001 г. в Интернете рассказывалось о выставке Максима Кантора — известного на Западе художника. Как говорится, речь идет о России, которую Кантор трактует как некую мировую черную дыру, уродливую кляксу на карте мира, самопоглощающий пустырь, населенный множеством обитателей — кривые, корявые, прячущие лица в складках жира, жрущие, пьющие, орущие. Русский — он ведь убудок, беспородная дворняга: не монгол, не германец — так, двуногая помесь. Шансов ему на выживание художник не оставляет: не сопьется — так вымрет от экологической катастрофы. Ну а почему, если имеются какие-то проблемы, не пытаться их как-то логически, на уровне «гомо сапиенс» обсуждать, не

превращая себя, своих оппонентов и свою аудиторию в какую-то первобытную орду?

Во время одной большой беседы, посвященной Сергею Александровичу Нилусу, всплыла, конечно, такая центральная тема, которая связывается с его именем, – публикация им «Протоколов сионских мудрецов». Меня тогда спросили, что я думаю по поводу этих протоколов, потому что они все-таки сыграли определенную роль в судьбе минувшего XX в. и, возможно, и сейчас являются каким-то важным моментом в международных отношениях. Пользуясь случаем, попытаюсь ответить на этот вопрос.

Конечно, какую-то роль эти документы сыграли, но значение, которое им придавалось много лет, мне всегда казалось загадочным. Я вот их читал и не мог понять, почему они так интересовали большой круг с разной точки зрения к ним относящихся людей. Ведь надо заметить, что изданы они были очень давно – в 1905 г., но совершенно тогда не произвели впечатления. Я никогда не слышал каких-либо отзывов на них, каких-то дискуссий, с ними связанных, дореволюционного времени. Их знаменитость началась, по-видимому, на Западе и после революции. Началась потому, что их восприняли как некое предсказание – предсказание того, что произошло в России, и которое, очевидно, в России исполняется. Ну вот, например, в «Таймс» было написано: «От этого жуткого сходства с событиями, развивающимися на наших глазах, нельзя просто так отмахнуться. Утверждение, что Протоколы сфабрикованы русскими реакционерами, не затрагивает самой сути Протоколов, необходимо объективное расследование». Это писала «Таймс», когда они были опубликованы впервые, по-английски, в 1918 г. Генри Форд, по-видимому, находился под большим влиянием их, он их распечатал в Америке, распро-

странял и говорил, что многие американские сенаторы, которые знакомились с Протоколами, были поражены, что евреями за столько лет вперед был выработан план, ныне осуществленный, и что большевизм за много лет вперед еще замышлялся евреями. Но мне кажется, что именно как предсказание коммунистического переворота они очень слабы. Если объективно на них посмотреть, то они не предсказывают, что в России произошло. В них говорится о свержении сословного режима, они направлены против дворянства, там говорится, что власть будет в руках денег, бирж, что евреи захватят власть в прессе, что через прессу будут вести народ, как баранов. Но все это ни в какой мере не характерно для происшедшего в Советском Союзе.

Это повторение обвинений, которые противники евреев высказывали на Западе. Например, в Германии примерно в 1870-е гг. развилось движение, которое, по-видимому, впервые, как само название, и употребило термин «антисемитизм». Был такой знаменитый автор Вильгельм Мар, который написал книжку под названием «Победа еврейства над Германией». Ну чего же более радикального? Был социалист Дюринг, который тоже пытался построить социалистическую антиеврейскую идеологию социалистической партии, но при помощи Энгельса и его произведения «Антидюринг» был побежден и из немецкой социал-демократии изгнан. Во Франции было такое же движение, во главе которого стоял публицист Дрюон, написавший ряд книг на эту тему. В связи с делом Дрейфуса были колоссальные дискуссии. И даже раньше, когда еще в первой трети XIX в. распространилось социалистическое учение Сен-Симона, его противники указывали, что значительная часть руководителей, кроме самого графа Сен-Симона, были евреями, и даже тогда впервые, по-видимому, была сформу-

лирована концепция, что это есть еврейский заговор с целью захвата власти над христианским миром. Ее высказал польский поэт Красиньский в поэме «Безбожная комедия». Таким образом, Протоколы – это было некое предсказание того, что уже произошло, – прием, который неоднократно применялся: публиковались различные предсказания, которые якобы были написаны очень давно и сначала излагали ситуации, которые читателю знакомы, и таким образом как бы подтверждали, что они предсказывают правильно, а после этого предсказывали будущее. Поэтому мне кажется, что на уровень предсказания они не тянут. Сам же документ декларирует аморализм, что право есть сила, политика не имеет ничего общего с моралью, мы одурачили и развратили молодежь и т. д. И потом говорится, что в результате правомерно осуществляемой политики будет создана абсолютно тоталитарная власть. Но нового в этом очень мало: такой политический аморализм в очень яркой форме присутствует у Макиавелли, в какой-то мере таким же аморалистом являлся Ницше. Концепция установления тоталитарного строя тоже очень древняя и существует, может быть, со времен Платона.

Обычный вопрос, который часто слышишь: верите ли вы в «Протоколы сионских мудрецов»? Ну что значит верить? Это же не догмат о Святой Троице, в которую можно верить или не верить. Фактически предлагается выбор: или это действительно некое заседание некоего тайного правительства, на котором был оглашен этот план, либо это фальшивка, изготовленная в русской охранке. На самом деле, конечно, там мешанина из различных концепций еврейского национализма, аморализма политического и т. д., ницшеанства, макиавеллизма – XIX век был действительно веком какого-то водоворота различных интеллектуальных течений. Вот

из него и образовался такой странный документ смешанного происхождения. Указывали, что был такой французский публицист Морис Жоли, который опубликовал памфлет против Наполеона III, и вот в этих Протоколах содержатся целыми абзацами цитаты из него. Но это указывает, что такого типа сочинение могло возникнуть в какой угодно форме. Его автором мог быть какой-то мыслитель, так сказать, еврейский Макиавелли, или большая группа, обсуждавшая такие вопросы. Единственное, что вызвало такой резкий интерес на Западе сразу после революции, в начале 1920-х гг., – что, действительно, в руководстве советской властью тогда было исключительно большое процентное участие евреев. Это единственное, что связывало с этим документом. Во всех остальных отношениях он, по-моему, является очень слабым предсказанием. Авторам даже и в голову не приходило, например, что можно национализировать всю промышленность, можно прикрепить крестьянина к земле, проведя коллективизацию, построить Беломорканал и т. д.

Что же теперь – вообще запретить издавать Нилуса? Как-то я случайно заглянул в телевизор: там какой-то человек говорил: ведь до чего дошло – у нас можно купить «Майн Кампф» Гитлера! Ну как иначе может быть? Мне кажется, что это признак цивилизованного государства. Что историю монголов, которые нами 300 лет владели, что идеологию Гитлера мы должны знать. И должны знать эти документы, и уничтожение их или недопущение к ним людей, которые хотят с ними познакомиться, – это признак дикости. Вот у американцев есть очень заслуживающий уважения принцип, что свобода слова должна быть абсолютной. Мне кажется, что это, безусловно, очень здоровый принцип для здорового развития, если помнить о внутреннем ограничении, о котором я говорил. Мир состоит из многих народов, которые

находятся во взаимоотношениях сложных, и надо работать, чтобы наш разум не породил чудовищ.

Вот у меня лежит книжка, написанная дьяконом Андреем Кураевым, которую я бы предложил в качестве примера, как обсуждать межнациональные отношения. Книга называется «Как делают антисемитов». Автор приводит в качестве своего принципа или призыва к жизни слова одного своего знакомого, как он говорит, православного еврея, который, когда слышит или видит такие публикации вроде того фильма, о котором я рассказывал, говорит: «Не делайте меня антисемитом». Вот, мне кажется, тот принцип, к которому бы и я призывал.

Теперь можно перейти к истории самой «Русофобии». Она появилась в 1983 г. в Советском Союзе в самиздате, а в 1988 г. уже вышла легально. Что меня побудило написать эту книгу? Меня к ней подталкивало чувство, что есть какая-то тенденция, представленная, может быть, узким, но активным слоем людей, как бы отрицающим Россию, так сказать, элемент русскости, русскую культуру, русскую историю, русскую психологию, просто вообще русского человека. Это появилось впервые, когда возникла возможность эмиграции. И незначительная часть, ничтожная по сравнению со всем количеством населения, эмигрировала. Мне запомнился такой эпизод. Тогда был создан сборник «Из-под глыб», его идея принадлежала Солженицыну, мы вместе его готовили. И в этом процессе Солженицын был выслан, а потом уже я этот документ самиздата здесь распространял. Я тогда разослал представителям всех газет, советских и иностранных, приглашение прийти ко мне, познакомиться с новым сборником. Советские представители не пришли, а пришли некоторые иностранные корреспонденты. Я им рассказал об этом сборнике и отвечал на вопросы. И один из вопросов был: «Как вы смотрите: является ли

трагедией для России эмиграция?» На тот момент я сказал, что мне трудно рассматривать это как трагедию, потому что уезжают люди, которые уже раньше, как правило, с Россией связь потеряли и не могут для России что-то существенное сделать. Как пример, привел Синявского – критика, в свое время арестованного, отсидевшего, потом отпущенного в эмиграцию. Он в то время написал статью, в которой допустил сделавшуюся знаменитой хулиганскую фразу, бьющую на эпитаф: «Россия – сука». Меня упрекали, что я процитировал один кусочек. Если развернуть то, что он говорил подробнее, это было несколько не менее враждебно. Суть всего пассажа заключалась в том, что русские виноваты в эмиграции евреев, и ты, Россия-мать, Россия-сука, еще ответишь за это выращенное тобой и выброшенное на помойку дитя. Даже бессмысленный в каком-то смысле пассаж. На какую помойку кто уезжал? Вот он в Париж поехал, кто-то – в Израиль, больше – в Америку. Почему это помойка? Вот я и почувствовал тогда по этой фразе какой-то болезненный элемент в тогдашней эмиграции. Действительно, часть из них уезжала просто в поисках более спокойного места. А большей частью они уезжали как борцы, в каком-то смысле это был элемент их карьеры. Они там издавались, печатались или основывали журнал, агентство, издательство. И то, что они борцы, – вот это, так сказать, был фундамент их деятельности. Создавалось странное положение: борьба здесь, а борцы почему-то там. То, что на это обратили внимание, вызвало чрезвычайно резкий – и там, и здесь – протест всего этого круга, их поддерживающего, реплики, заявления очень раздраженные. Тогда я почувствовал этот элемент. А потом увидел, что в самиздате появляются статьи с какой-то странной злобой против русских: зачем они существуют с их психологическим типом, их

культурой, которой на самом деле и нет, и истории у них нет? Что только не писали тогда! Что у России не было истории, было только бытие вне истории, что Россия проявила свою политическую импотентность. Я с этими произведениями отчасти познакомился, встречаясь с их опровержениями, с которыми выступали разные люди. И постепенно у меня возникло чувство, что это есть некоторое направление, психология и идеология которого заключается в том, что у русских культура была дефективная, приводящая всегда к патологическим ситуациям, что собственно русская культура состоит только из Ивана Грозного, Петра и Сталина. И единственный выход – забыть это все, покаяться в своем бытии и следовать примеру Запада. И вот мне показалось, что это опасная вещь, что это есть некоторая заявка на якобы будущую идеологию, которая будет господствовать над умами, чтобы поворачивать страну в каком-то направлении. И, собрав материал, я и написал тогда книгу.

Для меня в процессе обдумывания было очень важно установить, что речь идет не о некотором локальном явлении, связанном с данным моментом, и именно с Россией, а то, что его можно представить себе как фактор истории, повторяющийся в различных исторических ситуациях. Для меня решающую роль сыграло знакомство с работами по истории французской революции. Вообще французская революция поразительна своей параллельностью во многих аспектах с русской революцией. Вот, в частности, из всех историков французской революции, которых я читал, наконец, я напал на такого, что «ахал» каждый раз, когда его читал. Это некий Огюстен Кошен, убитый в Первую мировую войну. В основном работы его публиковались уже после его смерти. Он, так сказать, не либерального лагеря был и поэтому оставался мало популярным. И вот он описывает аналогичную совершенно

ситуацию перед французской революцией, как какой-то слой как бы готовил духовный захват власти, победу над народом, которую он в революции осуществил в виде уже физической победы. Это маленький слой людей, которые прониклись идеологией, что они являются законными творцами истории, что они умнее, культурнее, цивилизованнее, чем народ, и имеют право вершить его историю. Они должны были от народа отделиться, дистанцироваться, выработать психологию мастера по отношению к материалу – народ должен быть материалом в их руках, как дерево, камень, глина. И тут уже не имеют места ни сочувствие, ни симпатия – наоборот, если материал не готов, – покорно принимать форму, которую ему придает мастер, это вызывает крайнее раздражение и озлобление. Когда перечитываешь, например, «Дневник писателя» Достоевского, то кажется, что он как будто полемизирует вот с этими авторами – теми, которых я читал, которые через сто лет писали. Он говорит, что основная их идея заключается в том, что у нас не было истории, все, что было под видом истории, нужно с презрением забыть; тот, кто застыдился своего прошлого, тот уже наш – вот их лозунг, и т. д. Потом я стал знакомиться с немецкой литературой эпохи революционного подъема 1830-х гг.: вот левогегельянцы, молодой Маркс, течение в литературе, называвшееся «молодая Германия». То же самое: наши радикалы писали, что литературы в России нет, что Пушкин и Лермонтов – слабые подражатели, истинная культура только в Германии. А немцы писали в то время, что культуры в Германии нет, и писали это уже после Гете, Шиллера, романтизма немецкого, после Баха. А истинная культура только во Франции. Другими словами, это некая анатомия национального кризиса, и в ней существеннейшую роль играет создание слоя, который сначала уходит куда-то в подполье, в эмигра-

цию и копит раздражение и злобу, создает свое сознание, противоположное и враждебное существованию народа и его прежде всего фундаментальным ценностям и взглядам. А потом в какой-то момент оказывается и его хозяином – без этого радикальный переворот совершить действительно невозможно. Нужно, чтобы люди почувствовали себя как бы иностранцами, какими-то инопланетянами в своей стране.

Кошен предлагает для этого слоя термин «малый народ», он его сравнивает с остальным народом, который называет «большой народ». И приводит яркий образ, когда говорит, что это как путы, которыми лилипуты связали Гулливера и осыпали стрелами.

Насколько я себе представляю, это очень сладкая концепция для представителя «малого народа». Человек, который ей отдался, ну, как бы полубогом становится, чувствует себя несравненно выше всех людей. И у нас этот слой называли «диссиденты» или «интеллигенты», когда про него писали, но видно было, что это, конечно, не все диссиденты и не все интеллигенты, а те или иные слова брались, чтобы описать специфический круг. Они писали, что чувствуют себя в стране как нормальные среди душевнобольных. А эти люди возвышаются до уровня каких-то демиургов, которые, по крайней мере, морально готовы творить мир, творить историю. Я думаю, что это гордыня, которая и Люцифером двигала, в каком-то смысле упирается в вопрос об источниках зла.

Если принимать богословскую, православную концепцию вообще сотворения человека Господом как образа и подобия Своего, то в данном случае эта группа людей просто снимает с себя все моральные, нравственные, этические установки по отношению к другим людям, к массе, так сказать, и в этом смысле они перестают быть людьми.

И, конечно, здесь нет какой-нибудь партии, в которую человек вступает, или масонской ложи, которой он приносит клятву, – он подчиняется только своему импульсу власти. Ну, знаете, как Энгельс писал Марксу, что пока мы можем это делать только своими умами, а когда сможем – и кулаками. В зависимости от возможности это могут быть и вольтерьянцы, и якобинцы, и какие-нибудь русские нигилисты и большевики – это уже градация.

Возвращаясь к книге «Русофобия», хочу обратить внимание на статьи, которые я рассматривал: тут явно чувствовалось влияние какого-то еврейского течения. У меня не было никаких оснований и желания утверждать, что это в каком-то смысле есть выражение духа еврейского народа или еврейского населения Советского Союза, да это все и слишком общие понятия. Такое течение было, конечно, не особенно многочисленное, но в нем большую часть, может, наиболее активную, составлял еврейский компонент. Это было какое-то определенное течение, в то же время совершенно перпендикулярное развивавшемуся сионистскому течению. Тогда и совсем другие были люди, которые никуда уезжать не хотели. Они говорили и писали: мы копили силы, чтобы воплощать свои идеи здесь. И ряд признаков был, по которым видно, что авторы выступали не как русские интеллигенты, а как представители какого-то очень специфического направления; что здесь какая-то именно национально еврейская ориентированность играет большую роль. Например, во всех статьях обсуждался вопрос, когда будет разрешена полная свобода отъезда евреев; или писали об опасности еврейских погромов в России, которых, конечно, никогда не было, как видно сейчас. Кто кого только в России не громил? Армяне с азербайджанцами воевали, таджики с узбеками и т. д. Еврейских погромов не было. Но это все время у них присутствовало, т. е. видно было, что какая-

то национальная ориентированность есть. Видна была и симпатия к эпохе революции 1920-х гг., в которой тоже какое-то радикальное еврейское течение играло громадную роль. Вот на это я обратил внимание, не мог не обратить, иначе это значило бы охолостить работу, не сказать того, что каждому читающему очевидно. Я обсуждал вопрос: является ли такое действие антисемитизмом? Я высказал точку зрения, что совершенно не понимаю, что такое антисемитизм. Что же такое антисемитизм? Это не высмеивание каких-нибудь определенных национальных черт еврейского характера или наружности или желание каким-то образом ограничить возможности евреев в жизни. Или, как у Гитлера, стремление, хотя бы выражение желания физически их уничтожить, или что это такое? Когда этот термин употребляется, то никогда не поясняется. Это есть способ, как мне представлялось, влияния на массовое сознание, когда создается термин, который уже по своему аморфному характеру находится вне сферы логических рассуждений. А на самом деле это есть некое скрытое обвинение, чуть ли не посягательство на существование в целом евреев как нации, геноцид, моральный холокост какой-то. После этого я встретил лавину возмущенных откликов. Поразительно, что работа называлась «Русофобия», т. е. видно, что она посвящена русской теме, авторам плевать было: какая там русофобия? Она никого не интересует, а вот как можно было сказать что-то о евреях, само слово произнести! И, несмотря на мой точно сформулированный вопрос по поводу антисемитизма, я могу привести несколько десятков статей, в которых меня обвиняли в этом здесь и за границей, но ответа я так и не увидел.

Мне трудно быть судьей своей собственной работы, но, во всяком случае, она переполнена цитатами. Там больше цитат, чем каких-либо моих комментариев.

И когда мне говорили, что я вызываю еврейские погромы такими цитатами, то я отвечал: если одна цитата может вызывать еврейский погром, тогда повлияйте, чтобы такие работы не печатали. Эти работы когда-то у нас распространяли полуподпольными способами, потом издавались громадными тиражами. Роман Гроссмана «Все течет» наделал страшно много шума: Гроссман был больше известен как журналист сталинского духа, но в то же время писал роман совершенно противоположного направления. Содержание этого романа заключается в том, что человек возвращается из лагеря и обдумывает: что же произошло со страной? Почему его жизнь поломана? Он видел трагедии и других в этом лагере. И вот он думает: что же это такое – Сталин виноват? Нет, Сталин был учеником Ленина, а Ленин, собственно говоря, следовал русской традиции. Оказывается, это все находится в основе русской психологии. И дальше следует приговор именно русской душе, которая всегда, во всех тысячелетиях своей истории, на всех своих просторах была вечной работой. Весь мир развивал принципы свободы, а история России была историей развития рабства. Если сюда заносились искорки свободы, они этим рабством уничтожались. Напиши нечто подобное о евреях или кто-нибудь в другой стране о своем народе – скандал был бы. А этот роман был издан с помпой: вот мы преодолеваем, так сказать, препоны цензуры, издаем замечательный новый роман с хвалебным предисловием. Конечно, есть трудные места, но мы должны смотреть правде в глаза. Какие же трудные места? Потому что автор там про Ленина не очень положительно высказался. У меня тогда кто-то еще брал интервью. Спросили, что я скажу о произведении Гроссмана. Я говорю: мне интересно больше всего предисловие. Там упомянуто о двух отрицательных персонажах в этом романе – Ленине

и России. Но извиняться надо было только за упоминание Ленина. Такая литература не только хлынула сюда, а была переиздана, репродуцирована. Начали появляться одна за другой статьи, где говорилось, что эдипов комплекс – комплекс русских, что Россия – рыхлая, расплывшаяся баба, которую ее сын, ее муж – ее народ – не могут сексуально удовлетворить, что русские – не люди, они находятся где-то посередине между животным и человеком. В конце концов, это превратилось фактически в государственную идеологию. И когда во время предшествующей кампании в Чечне телевидение прежде всего, да и другие средства массовой информации глумились над армией, над солдатами, над Россией, это было продолжением той же самой вакханалии.

В работе я высказал мысль, что еврейское участие играет роль катализатора, как в химической реакции; это очень активный фактор, без которого все равно этот процесс происходил бы, но только гораздо бледнее, медленнее и т. д. Полемика имела удивительный характер. Я приводил цитаты из того же Синявского и еврейских авторов. Надо сказать, что возражений я не видел. Я привел цитату Бабеля, который писал в свое время, что Россия отвратительна, как стадо платяных вшей. На что Синявский мне отвечал, что это ложь, он, говорит, Бабелем сам занимался, он специалист и может сказать, что Бабель скорее Россию героически описывает. Но не объяснил, почему «стадо платяных вшей» – героическое. Эта цитата его не интересовала. Другой автор во фразе Солженицына, где он перечисляет пять национальностей, которыми ЧК кишела, говорит, что тот засовывает «опасное слово», т. е. «евреев», в самую середину, чтобы его нельзя было даже вытащить для цитирования. Я спрашиваю: почему это слово опасное, а все остальные – неопасные? На этот вопрос он не захотел отвечать.

Особенное впечатление на меня произвели многочисленные статьи, появившиеся как реакция на эту работу. Я готов был к дискуссиям, спорам, готов был и корректировать свои взгляды, если бы мне профессионально, квалифицированно ответили на мои вопросы. Я ждал такой критики, а встретил ругань. В какой-то газете поместили карикатуру. Не знаю, как словами передать, что там нарисовано. Какая-то жуткая морда с высушенным языком, выпученными глазами. Что это такое? Я, мои мысли, Кошен или что это, кого это должны изображать? Ну, был такой на радио «Свобода», а может, и есть, Парамонов, он там штатный философ. В «Независимой газете» он написал статью, в которой, по крайней мере, три четверти посвящено мне и «Русофобии». Статья называлась словом совершенно нецензурным, с которым ассенизаторы имеют дело. Это был поток ругани, обвинений в антисемитизме, человеконенавистничестве, мне даже писали, что на моих руках кровь младенцев...

За границей, конечно, отношение некоторых коллег и ученых изменилось. Вот Кембриджский университет приглашает приехать и принять у них мантию почетного доктора, а потом присылают сообщение, что у них были протесты в связи с моей работой «Русофобия», и, чтобы не вызвать трения или раскола в университете, они должны это отменить. Или один математик просто приглашает приехать, прочитать лекцию, а потом звонят: к сожалению, это не может произойти. Президент Американской академии наук написал мне даже письмо, в котором спрашивал, не собираюсь ли я пересмотреть вопрос о том, что я иностранный член их Академии наук. Трудность, печальная для них, заключалась в том, что у них в уставе не было пункта об исключении и исключить меня не могли. Я им ответил, что я не предлагал себя избрать, что избрали они, я считал, что

избирают на основании научных заслуг. Если их статус будет изменен и они скажут, что избрание связано с какими-то идеологическими установками, я и выйду тогда. Вице-президент Американской академии наук напечатал в журнале общенаучного характера, что это не первый прецедент, что был такой известный ученый и он высказывал тоже расистские взгляды, а именно, что негры не обладают к абстрактным знаниям такими же способностями, как и англосаксы. Но это были только его взгляды, а Шафаревич якобы губил карьеры молодых еврейских математиков. У меня было много еврейских учеников, но ни от одного никогда не слышал, что я к ним хуже отношусь, чем к другим. Я написал в этот журнал, что прошу указать конкретный случай или признаться, что он сказал неправду. Никакой реакции не было, конечно. И даже на «Голосе Америки» они собрали несколько моих учеников, вероятно, эмигрирующих евреев, с просьбой рассказать, как я преследовал евреев, но таких случаев они не вспомнили.

Положение хуже с моими российскими учениками. Я получил письмо по электронной почте под названием «Всем, кто знает Шафаревича» за подписью моего ученика, много лет со мной работавшего, который от меня отрекается публично. Совершенно как в сталинские времена, когда отрекались от арестованных родственников, сошлось именно так, что нужно было весь мир оповестить об этом отречении и таким образом еще раз напомнить о табу на обсуждение этого вопроса или обсуждение только в том смысле, что мы должны каяться за 6 млн. жертв, помня все время, как талантлив был Эйнштейн. А в других формах обсуждать нельзя. Можно говорить об отношениях между англичанами и ирландцами, скажем. Вполне обсуждаемая тема. Но вот между русскими и евреями – это нельзя. Нарушение

этого табу вызывает, конечно, такую автоматическую и очень резкую реакцию.

Невольно приходит на память Сербия. Она в каком-то смысле воспринимается как малозащищенный вариант России, я бы сказал, что отношение к Сербии можно квалифицировать как какое-то странное преломление русофобии. Русофобия для меня – это вовсе не ненависть. Фобия – по- гречески, вообще говоря, это страх, но трактуется как ненависть, как страх и ненависть по отношению к русским со стороны врагов.

А вот те, которые пишут: «Мы – русские» и говорят: мы, русские, такие-то и наша страна такая-то, мы совки и т. д. – они потенциально опасны. И если такое отравленное сознание всерьез охватит целое поколение, это переломит историю. Ну не может существовать народ, который безнаказанно третируют, которому в принципе отказывают в самом праве на существование.

Сейчас, надо сказать, реакция на слова «русофобия», «патриот» и т. д. изменилась в здоровом направлении, и это внушает надежду на нравственное оздоровление народа.

ИСТОРИЯ ДИССИДЕНТСТВА¹

Диссидентское движение было очень сложным и разносторонним. Оно существовало в момент, весьма существенный в нашей истории, но в общественной памяти осталось в примитивном и искаженном виде, вся его сложность совершенно позабыта. Собственно говоря, первым диссидентом был, конечно, Хрущев, с него все началось. И я думаю, что здесь, в этом противостоянии Хрущева и всей партийной верхушки, которую он потом,

¹ По передаче на радиостанции «Радонеж».

когда победил, назвал антипартийной группой, правы были они. В том смысле, что они предвидели, чувствовали, какой результат может вызвать сталинское разоблачение. А он этого сам, по-видимому, не понял. Трудно в его психологию вникнуть и решить, что тут играло роль – какие-то внутренние эмоции или это были политические соображения. Но по крайней мере видно было и тогда, что он с большими колебаниями это проводил. Помню, в физическом институте Академии наук рассказывали, как этот доклад читался. Заранее было сказано, что никаких комментариев не должно быть – прослушаете этот доклад и разойдетесь. И тут встал один из сотрудников – Орлов – и сказал, что теперь надо обсудить, что же сделать, чтобы подобное не повторилось. Его немедленно уволили, но это был знак, предсказание будущих последствий этого первого нарушения сменившихся запретов. Причем доклад вообще читался в нескольких вариантах: более подробном, более цензурованном и т. д. Главное обвинение Сталину заключалось в преследовании выдающихся партийных работников, хотя те, кто слушал, примерял это скорее к себе и своим близким.

Одновременно появился самиздат. Напечатанные на машинке или сфотографированные тексты передавались из рук в руки, печаталось очень немного экземпляров. Самиздат был чрезвычайно разнообразный. Там, например, громадную роль играл религиозный самиздат. Что это значит? Некоторые произведения Иоанна Златоуста у какого-то человека были, он дал своему знакомому, тот их перепечатал, и они пошли в самиздат. Были какие-то воспоминания, художественные произведения, но все это вместе создавало какое-то новое настроение, чувство того, что жизнь меняется. В то время внушалось всячески, и действительно все в это верили, что жизнь нашего общества построена на века или на век по край-

ней мере. И это отражало общее настроение. И вдруг появилось чувство, что нет, все это может меняться и, в конце концов, зависит от поступков отдельных людей. И действительно, жизнь тогда несла в себе множество проблем, искажающих жизнь. Самая главная из них – положение в деревне. Коров у колхозников сначала отнимали и объединяли в колхозное стадо, потом раздавали. Это была деятельность, вряд ли осознанная, но она создавала какое-то разрушительное настроение. Совхоз завтра могли назвать колхозом, колхоз – совхозом, могли объединить несколько колхозов в один. Вторая проблема – положение с Церковью. Где-то около 1960 г. Хрущев начал очень резкие гонения на Церковь. Примерно в течение двух лет около 10 тысяч церквей были закрыты. Церковь была подчинена так называемому уполномоченному Комитета по делам культа. Тогда говорили, что эта организация полностью подчинена КГБ, а уполномоченными были уходящие в отставку его сотрудники. Они требовали от церквей приношений. Множество фактов на эту тему сообщалось и передавалось в тогдашний самиздат; большое впечатление производил издававшийся им листок «Хроника текущих событий», который рассказывал об арестах людей, о положении осужденных в лагерях и т. д. Но было тут и противоречие: прочитав текст, начинаешь понимать, что издатели пишут о себе. Перестали бы власти их преследовать, они тоже перестали бы об этом писать. Остро встал вопрос об эмиграции. Все понимали, что речь идет не просто об эмиграции кого угодно, а именно о еврейской.

Но тут, по-видимому, было какое-то чрезвычайно мощное давление, которое заставило власть в этом вопросе уступить. И эмиграция была разрешена. Ведь это же поразительно: в то же время поездка на научную конференцию была вопросом сложнейшим. Какая-то

определенная группа решала, кого пустить, кого не пустить за рубеж. А рядом с этим происходила эмиграция по десяти тысяч в год, наконец, она дошла до сотни или нескольких сотен тысяч. В то время существовал очень распространенный православный самиздат, был политический самиздат и общественные движения существовали. Ну, например, было движение, в то время очень активное, противостоящее власти в борьбе за запрет постройки на Байкале целлюлозного комбината, который отравил бы Байкал. Его логично включить в диссидентское движение, потому что люди на этом и карьеры себе портили, и это было связано с трудностями при защите диссертаций, и с положением на работе, и с возможностью поехать за границу. В конце концов, Байкал был объявлен секретным объектом, т. е. в списке тем, которые можно упоминать только с санкции цензуры. В этом списке оказалась и Луна. Речь шла о космической программе полета ракет на Луну. Были и более политизированные движения. И наиболее яркой фигурой, это уже в конце 1960-х гг., оказался Андрей Дмитриевич Сахаров, выступивший с трактатами о политических вопросах, о демократии, борьбе за мир и т. д., которые он здесь перепечатывал, обсуждал со своими друзьями, а потом передал в руки корреспонденту американской газеты. В результате Сахарова из атомного центра, где он был заместителем начальника по научной части, уволили, и он стал работать в физическом институте в Москве. Потом был сослан в Горький, примерно в 1980 г. То, что он говорил в 1980 г., очень сильно отличалось от того, что он говорил в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Он сильно менялся. И если говорить о начальном периоде, то он примыкал к концепции, никак не противостоящей существующему строю, импульсы которой шли от Хрущева. Сейчас

его предложения того периода гораздо менее радикальны, чем настоящая программа КПРФ.

Самиздат мне казался тогда очень привлекательной формой распространения мысли, потому что там не существовало никаких внешних форм давления, не было цензуры, не было власти денег. Если работа казалась интересной, ее перепечатывали. А потом начались судебные процессы, в ходе которых обвиняемые отправлялись на психиатрическую экспертизу и там признавались невменяемыми. В результате изменялся весь процесс судопроизводства. Суд не был гласным, считалось, что это из гуманных соображений, чтобы не травмировать больных. Их не присуждали к определенному сроку, а отправляли в психиатрическую больницу до излечения. Фактически это означало, что никаких пределов их пребывания там не было, человек оказывался приговоренным к неопределенному сроку. Очень удобный способ для властей осуществлять идеологическое давление. Потому что взгляды нежелательных людей уже компрометировались как взгляды психически больных. Преследование их как бы приобретало сверхгуманный характер. Речь шла как будто о защите интересов больного человека, которого нужно щадить. Психиатрическое обследование такого больного проходило раз в полгода. Их спрашивали: осознали ли они то, что их заявления были бредом? Если они говорили, что убеждения сохранили, то оставались в психиатрической больнице.

В то время я интересовался социалистическими учениями – их колоссальное количество было. Планы построения универсального общества существовали уже больше двух тысяч лет. И почти во всех утверждалось, что в идеальном обществе преступников не будет, их будут объявлять больными и лечить. неизлечимых станут отправлять на некие острова, чтобы они не ме-

шали нормальной жизни. Эти планы теперь как бы реализовались. Я считал их очень опасными. Они могли исказить жизнь больше, чем массовые аресты. И вот тогда на собрании Академии я познакомился с Андреем Дмитриевичем Сахаровым и стал с ним сотрудничать. Он предложил мне вступить в Комитет по правам человека. Комитет этот был очень странный, надо сказать, и маленький – человека четыре, наверное. И по уставу его прокламировалось, что речь идет даже не о борьбе за те или иные права, а об изучении каких-то правовых проблем с какой-то абстрактной точки зрения. Когда я с этим Комитетом познакомился, мне показалось, что есть опасность сосредоточиться на каких-то очень узких проблемах – главным вопросом был вопрос эмиграции. Тогда приписывалась такая мысль Сахарову: среди всех прав человека право на эмиграцию является первым среди равных. Утверждение, что главным для нас является вопрос о том, как уехать из страны, мне показалось чудовищным. Потому что страна должна жить своей жизнью, и проблема ее заключается в том, как она будет существовать, а не как из нее уехать.

Но, в конце концов, все свелось к борьбе за эмиграцию, за которую боролись и диссиденты в самиздате, и американский конгресс.

Диссидентское движение приобрело какой-то исключительно политизированный характер. Вот была какая-то демонстрация с лозунгами. Лозунги были комические. Например, молодые люди несли лозунг «Вернемся к ленинским нормам». Их посадили на несколько лет, потом они ко мне приходили, с одним я был знаком, знал его с детства. «Ты же должен понять, – говорю ему, – что здесь “ленинские нормы” не соблюдены только в том смысле, что тебя только на три года посадили, а не расстреляли. К чему ты призывал, ты пони-

маешь?» – «Ну, так вот нам казалось...» Туман в голове был какой-то невероятный. Вопрос об эмиграции разлагающе действовал на диссидентское движение из-за того, что эмиграция придала всему этому какой-то двойственный характер. Люди, которые ездили за границу, рассказывали, что эти эмигранты, когда им нужно было получать зарплату на радио «Свобода» или в издававшихся там газетах, хихикая, говорили: «Ну, пошли получать деньги ЦРУ». Другими словами, это был такой своеобразный черный юмор, который отражал, однако, действительность. В результате из движения, которое действительно было связано с какими-то реальными духовными изменениями в жизни, ничего не получилось. Было опубликовано где-то письмо Андропова, в котором он говорит, что диссидентство уже разгромлено, не существует самиздата, но появилось опасное течение русистов. На них нужно обратить внимание. Вот это и был конец диссидентства.

ЗАКОН О ФАШИЗМЕ

В Государственной Думе во втором чтении был принят закон о запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации. С моей точки зрения, это очень тревожный симптом, потому что под крики о фашизме всегда били, бьют и, видимо, собираются бить именно русское национальное движение. Вообще говоря, эта проблема имеет длинную историю и она давно привлекала к себе мое внимание. Я хотел бы немножко эту историю вспомнить. Тогда, в перспективе, роль этого события будет яснее.

Давайте перенесемся в 1989 и 1990-й гг. Еще не произошел развал страны, не произошли гайдаровские

реформы, никто не слышал о невыплате пенсий или зарплат, при помощи гиперинфляции у людей не были отняты их сбережения на черный день, не произошел массовый обвал производства, и самое страшное из того, что произошло, – вымирание народа в стране. И, тем не менее, демократическая печать, только что освободившаяся от власти цензуры, предвидела страшную опасность, нависшую над страной. Какую же именно? А вот эту самую – русский фашизм. Тот, кто те времена помнит, со мной, наверное, согласится, что тогда трубили об этом во все трубы и публицисты, и страстные поэты и по телевидению, и в прессе. Это связывали главным образом с обществом «Память». Я помню, что даже Совет Европы принял постановление, заклеившее это общество. Мне говорили, что в Америке есть четыре русских слова, которые знает каждый американец: спутник, перестройка, гласность и «Память». Хотя следы влияния этой «Памяти» сейчас невозможно обнаружить, но тогда это было главной темой и главным доказательством опасности русского фашизма. Яркое воспоминание того времени – статья, напечатанная советским ученым, академиком Гольданским. Статья называлась «Антисемитизм. Возвращение русского кошмара». Я хочу напомнить несколько основных ее тезисов. Утверждалось, что в Советском Союзе существуют правые экстремистские группы. Они, вероятно, уже сейчас стали самыми мощными и, безусловно, наиболее растущими силами раскола, толкающего страну к кровопролитию и гражданской войне. Я предпочитаю, говорит автор, называть их русскими монархонацистами или монархофашистами. Главная организация, которая служит координатором монархонацистских сил, является Союз писателей РСФСР. В число лидеров этого движения входят многие печально известные писатели, некоторые ученые, некоторые

художники и др. Они испытывают глубокое почтение к самодержавной, царской Российской Империи в сочетании со звериной ненавистью к евреям. Более того, они назначили погромы на день святого Георгия, в начале мая, напоминая, 1990 г. И что же делать? – спрашивает автор. Для начала необходимо проинформировать мировую общественность о деятельности и намерениях новых последователей Гитлера в Советском Союзе и назвать их имена. И статья заканчивается так: эта цепь событий может быстро перерасти не только в национальную, но и в международную катастрофу. Теперь все знают, что отнюдь не русские националисты были причиной распада страны и кровопролитий, расстрела парламента и т. д.

Это можно было видеть и тогда при желании, но спорить было совершенно безнадежно. Я помню, когда пояснял иностранным корреспондентам и нашим демократам, что «Память» – это вообще группы, совершенно незначительные по своей численности и по своему влиянию, то мне отвечали: ну и что же, национал-социалисты тоже были вначале небольшой партией. Другими словами, если бы я сказал, что их вообще нет, то они бы сказали: ну и что ж, было время, когда национал-социалистов не было. Это вопрос желания верить. Помню такой случай. Была такая телепрограмма, и сейчас она есть, которую некий Познер ведет, и он меня пригласил выступить. Там я прочитал выдержку из привезенной из Киева украинской газеты, где говорилось, что к евреям и москалям нельзя относиться, как к людям, а нужно рассматривать их как вредных насекомых. На что он сказал: ну, подумаешь, всюду есть такие группы, вот у нас есть «Память». «Ну да, – говорю, – у нас есть “Память”, а газету, которую мне подарили, купили на Крещатике и сказали, что она продается в каждом киоске. Можете вы назвать мне газету, которую издает “Память”?»»

Он не мог, но нашел правильный ответ: этот эпизод был просто вырезан при монтаже.

Вот я и хочу сказать, что хоть логика была бессильна, но жизнь-то все это проверила. Прошли шесть-семь лет с того времени, и мы видим, что погромы действительно были в большом количестве: и в Сумгаите, и в Фергане, и в Туве, и в Душанбе, но не те, которые предвидели и которыми запугивали – еврейскими погромами, в день святого Георгия. И громили кого угодно, кроме одних евреев, которых никто не трогал. Произошла гражданская война, но в Таджикистане, которую никак русские монархофашисты не могли начать. Поэтому видно, что это были неверные утверждения, скромно говоря, но по существу это была клевета на нашу страну и на наш народ как носителя фашистской идеологии и фашизма. Ну и что же, были потом какие-то извинения, сожаления высказаны? Ничего. «Огонек» печатал тогда не статьи, а анонимные письма людей, которые ожидали погромов и не спали ночами. И что же, редактор этого «Огонька» выразил сожаление о той волне истерии, которую поднимал? Редактор исчез куда-то, мы его не видим. Но истерия продолжается, и ее подогревает этот законопроект, который работает на то же самое: внушает мысль, что Россия опасна, что Россия беременна фашизмом, а это грозит национальной и международной катастрофой. К России нужно относиться как к опасной стране. Происходит некая демонизация России. А в Эстонии проходят каждый год парады эстонских эсэсовцев. В Латвии граждане, которые служили в нацистских войсках, получают за свои достижения пенсии из ФРГ. В Израиле непрерывно происходят террористические акты экстремистских организаций.

И ни в одной из этих стран не ставится вопрос, чтобы ввести закон против фашистской пропаганды. А в России

сама Государственная Дума ставит такой вопрос. Ну что же, с ней не поспоришь, ей лучше знать. Вот этот страшный образ и внушается этим законом в конце концов.

Крик о русском фашизме пошел сразу же, как только начало пробуждаться русское национальное самосознание, русское национальное чувство. Другими словами, важен не сам фашизм – его используют для того, чтобы бить по национальному сознанию, привить ему комплекс неполноценности. А вообще-то этот крик был услышан еще раньше: когда у нас все голоса были приглушены, уехавшие из России эмигранты чрезвычайно эту версию развивали. Вот был некий Янов – советский коммунист, кандидат философских наук, печатался в журналах «Коммунист», «Молодой коммунист», а потом уехал на Запад и сделался там советологом. Его постоянная тема: как бы ни начиналось русское национальное духовное движение, в каких бы благородных формах оно ни представало, всегда кончается одним – фашизмом. Единственный способ избавить мир от опасности русского фашизма – полностью уничтожить этот зловередный корень, из которого фашизм рождается, – русское национальное самосознание.

А каков же признак фашизма? В законе читаю: чувство превосходства, исключительности одних рас и наций и дискриминация других. В России этого никогда не было. Русские заселяли громадные пространства, селились рядом со многими народами и никогда не смотрели на них сверху вниз. У них не было того, что у западноевропейцев, что воспел Киплинг: белые должны, как непослушных детей, воспитывать другие народы и вести их к цивилизации. Русские легко вступали в смешанные браки. И никогда никаких оснований для зарождения фашизма в России не существовало и не существует. Поэтому рассмотрение закона против

фашизма является чисто идеологической акцией. Для чего-то нужно такой закон провести, а не потому, что это реальная жизненная потребность.

Он и сформулирован, как мне кажется, нарочито неопределенно – так, чтобы с этим и спорить нельзя было, и так, чтобы можно было под это подвести что угодно. Это то же самое, что в советское время обвинение в антисоветизме. Антисоветчик – что это значит? Под этим можно подразумевать все, что угодно. Закон внесен депутатом Государственной Думы Зоркальцевым – членом партии КПРФ, коммунистом. Программа коммунистической партии начинается с заявления, что она основывается на идеологии марксизма-ленинизма. Положение Маркса основывается на том, что насилие есть повивальная бабка истории. И вот коммунист предлагает закон, в котором пропаганда насилия запрещается. Да не просто пропаганда, а «культ» – совершенно безграмотное выражение, в правильном смысле надо понимать как некое религиозное действие: молиться насилию нельзя, кадить вокруг него, ритуалы какие-то совершать...

Есть еще один интересный пункт. В соответствии с этим законом запрещается изготовление, сбыт и использование символов фашизма. Но все мы знаем, что свастика была изобретена не немцами, что на многих православных храмах есть свастика, это очень древний знак.

Каким образом решить, как человек использовал этот символ: в качестве символа фашизма или в качестве символа вечного движения? В такой ситуации закон, конечно, действовать не может.

Кстати, план «Ост», план завоевания на Востоке, у немцев был задолго до национал-социализма. Он вынашивался еще где-то в недрах идеологии прусского дворянства. Гегель уже писал, что славяне не могут рассматриваться как самостоятельная движущая сила

истории, они должны быть под влиянием германских наций. Такой же план, совпадающий с планом «Ост» и с тем, что сейчас происходит, был разработан довольно загадочным человеком, Гельфандом-Парвусом, который финансировал большевистскую партию из фондов немецкого генерального штаба, о чем опубликованы документы. И план именно такой: расчленение России на отдельные страны, подчинение ее экономическому контролю Германии, чтобы Россия никогда не поднялась. И еще есть один пример: когда Вторая мировая война шла к концу, министр финансов Соединенных Штатов Моргентау предоставил Рузвельту план, как надо поступить с Германией. Рузвельт его не принял, он показался ему слишком страшным. Германия нужна была в качестве союзника в борьбе с Советским Союзом. А Моргентау так гордился этим планом, что опубликовал его сам как книжку. Когда я ее читал, у меня было впечатление, что это описание того, что с нами происходит: разделить Германию на ряд земель, уничтожить тонкие технологии, уничтожить высокий уровень образования, поставить всю прессу под контроль. Желательно, чтобы все это осуществлялось руками самих немцев, а не американскими оккупационными войсками.

Но обратимся к теме фашизма. Интересно, что законопроект о борьбе с фашизмом, который не смогли провести демократические лидеры в 1989, 1991 гг. через первую демократическую Думу, сейчас пробивает один из представителей КПРФ. А ведь оппозиция могла бы препятствовать этому. Здесь возникает загадочный альянс самых крайних антигосударственных, антинационально настроенных демократов и коммунистической фракции. Думаю, что обе стороны ставят себе разные цели. Общая цель может быть такая, что крик об опасности фашизма всегда нравится на Западе. Но

дальше они ставят себе разные цели. Когда такой закон будет принят, им можно будет пользоваться, создавая атмосферу опасности, назревающего кризиса, катастрофы в стране. И какая угодно партия, которая будет иметь в это время власть, средства информации, может им манипулировать. Но боюсь, что это будет использовано против русских, потому что всегда сводится к русскому национальному самосознанию, представлению, что Россия имеет какой-то собственный путь развития, какие-то свои цели. И это всегда будет под ударом в случае принятия такого закона.

Я лично ни разу не читал публикацию, что есть татарский, башкирский, еврейский фашизм, всегда речь идет только о русском. В законе об этом не говорится – о русском непосредственно, но всегда подразумевается.

В законе в этом смысле написано или уж очень простодушно, или уж очень непростодушно, как говорил Достоевский. Конечно, фашизм может быть только национальным. Это коммунизм интернациональный и может быть интернационалистским. Это либерализм может быть интернационалистским, но фашизм может быть только какой-то национальности. Если есть угроза фашизма в нашей стране, то какой нации? Здесь об этом не говорится.

Не раз в последнее время я слышал разговор, что всемирная отзывчивость русского народа, которой в свое время так восхищался Достоевский, в настоящих условиях превратилась в порок, в вид душевной слабости и отсутствия средств и желания к самозащите. Действительно, сейчас появилось какое-то чувство слабости в русском человеке, чувство самосохранения, стремления к выживанию, которое присуще каждому народу. Мне кажется, что это результат очень тяжелой истории России в XX в., отчасти еще и до этого – со вто-

рой половины XIX в. Тогда русское национальное самосознание, чувство того, что русские образуют единый народ, находилось между молотом и наковальней и раздавленным, сейчас каким-то чудом постепенно воскрешается. Можно было бы ожидать, что оно будет вообще затоптано до конца, что никакого следа не останется. Может быть, результатом продолжающегося этого болезненного периода и является ощущение, которое, конечно, сказывается и в нашей деятельности.

Но вернусь собственно к теме. Вот я беру словарь, открываю слово «фашизм». Написано: латинское слово, пучок, связка, объединение, партия. Значит, если это слово испоганилось при Гитлере, теперь его нельзя употреблять? Почему мы путаем национал-социализм с фашизмом? Конечно, у нас в стране после войны осталось чувство, что мы воевали с фашистами. Но на самом деле был фашизм итальянский, испанский, румынский. И он не оставил бы следа в мире, если бы не было немецкого национал-социализма. В законе о фашизме иногда появляется вдруг нацизм, иногда национал-социализм, и эти понятия нарочно остаются неразъясненными, неразделенными.

Кстати, сами немецкие нацисты не называли себя фашистами. Они подчеркивали: «Мы – национал-социалисты, мы – нацисты». А в законе это все подменяется и специально создается зыбкое такое понятие, которое можно использовать как угодно. Я уже писал об использовании термина «антисемитизм», который нигде не раскрывается.

Ну, по крайней мере, под русским фашизмом понятно, что подразумевается, и вроде ясно, что такое явление нам не угрожает, а угрожает принятие такого закона, который, с одной стороны, вроде бессмыслен, потому что борется с явлением, которого нет, а с другой – опасен,

потому что создает образ, как говорили про Советский Союз, империи зла. Теперь это переносится на Россию. И принятие Думой, в которой к тому же большинство как будто выступают с патриотической позиции, такого закона, конечно, будет позорным.

«ЭКСПЕРИМЕНТ»¹

Сейчас обсуждается и одновременно внедряется в жизнь реформа образования. Из всех реформ, обрушившихся на нашу жизнь за последние десятилетия, эта реформа одна из тех, которая, если она пройдет, наиболее глубоко повлияет на жизнь, будет иметь самые длительные последствия. Надо сказать, что лица, пропагандирующие и осуществляющие эту реформу, тонко ощущают изменения в настроении народа. В частности, все привыкли, что у нас слово «реформа» лишь по-другому выражает понятие разрушения: реформа экономики, жилищного хозяйства и т. д. И вы, как правило, услышите, что планировщики этих изменений образования сами являются противниками реформ, они предлагают лишь его модернизацию (сторонники военной реформы, например, до такой тонкости не дошли). Но ведь не в терминах суть, а в делах.

Что же конкретно происходит? Вводится так называемый Единый государственный экзамен, который одновременно будет и выпускным, и приемным; он будет определять и уровень знаний, оканчивающих среднюю школу, и возможности их поступления в тот или иной вуз.

Экзамен предлагается проводить в форме тестов. Большинство заданий заключается в том, что нужно выбрать правильный среди нескольких ответов (поставить

¹ По выступлению на «Народном радио».

крестик в правильной клеточке). В других – указать верный ответ. Экзамен проводится не учителями школ, а специально для этого создаваемой комиссией.

Потом письменные работы направляются в Центр, где их проверяют (предположительно машины) и выставляется определенный балл. Сведения о полученных баллах молодой человек направляет в вуз (возможно, сразу в несколько), где прием осуществляется сразу по количеству баллов.

Вообще терминологически внедрение реформы подготовлено, как говорят, «грамотно». Сейчас это вообще называется «экспериментом». Как бы примерка – «как получается». Но из года в год число субъектов Федерации, в которых проводится «эксперимент», растет. И явно дело идет ко всеобщему директивному введению этой системы. Если таковая тенденция очевидно поддерживается центральным министерством, то как ей будет сопротивляться небольшой провинциальный институт? Мощные институты вроде МГУ или ЛГУ, может быть, на несколько лет отстоят свое право проводить собственные вступительные экзамены, но под конец должны будут уступить общей тенденции.

Проведение этих принципов в жизнь, безусловно, приведет к гибели имеющейся у нас системы образования. Нужно себе представить, какие знания можно проверить системой тестов. Решение самой простенькой геометрической задачи сюда совершенно не укладывается. Равно как и стандартное обычное сочинение на тему типа «Женские образы в романах Тургенева». В одной инструкции к проведению такого экзамена по математике специально оговорено, что «решение на оценку никак не влияет». Другими словами, надо не показать понимание определенного раздела, а угадать ответ. Мыслящий человек редуцируется к уровню примитивного автомата.

А если такая система экзаменов утвердится, то и школа к ней приспособится. В последних классах будут учить тому, как верно отвечать на тестовые вопросы. Например, не понять доказательство теоремы Пифагора, а выбрать один из четырех вариантов ответа. Воспитываться будет совсем другой тип мышления (если это вообще можно назвать мышлением).

Главная аргументация основывается на утверждении, что преподаватели школ и вузов сплошь коррумпированы, оценки на экзаменах фактически продаются и покупаются. Я совершенно уверен, что это чистая клевета, безосновательная и безжалостная. Большую часть своей жизни я преподавал в университете, и до сих пор большинство моих знакомых – преподаватели вузов. О школьном преподавании могу судить только по тому, что в школе учились мои дети и учатся внуки. Конечно, в обеих частях преподавания были и есть выродки, способные нечестно ставить отметки по указанию начальства или за мзду. Но это были всегда исключения, «паршивые овцы в стаде». Те, кто преподают сейчас, делают это ради духовного удовлетворения, которое дает общение с молодыми людьми, за оплату, на которую невозможно содержать семью, вместо того чтобы уйти в торговлю или уехать за границу. Естественно, они – «бельмо на глазу» у служителей «золотого тельца», правящих сейчас у нас бал. И развернутую кампанию клеветы против них я рассматриваю как попытку свести счеты с чуждыми и, таким образом, опасными людьми.

Да если и стать на точку зрения самих пропагандистов и искать всюду «кому это выгодно», то получится, что новая реформа как раз готовит почву для несравненно большей, громадной коррупции. По планам проведение экзаменов изымается из рук преподавателей и передается чиновникам министерства (образования).

В выпущенном сейчас сборнике «нормативных материалов» говорится даже, что в экзаменационную комиссию входят представители органов исполнительной власти. Почему же предполагать, что эта публика окажется менее коррумпированной, чем учителя? Если стоять на точке зрения, что все делается ради денег, то почему не заподозрить, что речь идет о попытке этого слоя получить в свои руки колоссальные возможности наживы?

Другой часто повторяемый аргумент заключается в том, что новая система ослабит стрессы, испытываемые школьниками. Понятый буквально, этот аргумент бессмыслен: ведь основная масса экзаменов приходится на время учебы в школе и институте. Но здесь явно сквозит мысль, что число таких экзаменов параллельно будет уменьшаться, а в идеале все сведется к этому единому экзамену (единый = единственный). Другими словами, это наступление на самый принцип экзамена. Принцип, выработанный тысячелетиями культуры, – письменный экзамен, дающий возможность спокойно проверить свои знания, и устный, основанный на индивидуальном контакте. Тысячи лет назад, когда современная культура только начинала складываться, шумерские писцы уже сдавали экзамены. Неужели современные планировщики своей мудростью превосходят всю культурную традицию человечества? Да и с точки зрения стрессов такой один экзамен (или несколько экзаменов), от которого зависит будущее молодого человека, способен вызвать гораздо больший стресс! Единственный способ бороться с этим, как всегда, – это тренировка, постоянное участие в экзаменах, начиная с 7–8-го классов.

Под конец несколько слов о самой идеологии реформ. Несомненно, жизнь все время меняется, и мы должны к этому приспособливаться. Например, если я чувствую, что парус моей лодки плоховато ловит ветер

и она неважно слушается руля, надо найти время и постараться ее исправить. Но когда это делать? Когда погода хорошая, я пристал к берегу, а не во время шторма, если еще и лодка дает течь. А современная психология реформ похожа на стремление отремонтировать лодку во время шторма, когда берег далеко. В таком положении пора думать о спасении. Так и в нашей жизни, казалось бы, должны были брать верх мысли не о реформах, а о спасении того, что еще спасти можно и спасти стоит.

Вот к небольшому числу таких факторов нашей жизни относится наша система образования. Она начала складываться с XVIII в., строилась весь XIX век, весь советский период. Конечно, в ней были недостатки. Но и с учетом их она, безусловно, была одной из лучших в мире. Сколько раз я читал западные статьи, где о ней говорилось с завистью! Такая, например, фраза: «Почему русские обогнали нас в космосе? Потому что их система образования лучше» – была стандартной на Западе. Поэтому в наше трудное время, казалось бы, надо думать о спасении нашей системы образования. А если когда-то жизнь поправится, страна разбогатеет, то можно будет помечтать и о реформах, о принципиальных преобразованиях.

Почему же с таким напором осуществляются действия, противоречащие столь простым и очевидным мыслям? Я позволю себе высказать догадку. Речь идет о надежде свести образование к созданию из людей примитивных автоматов. Так для большинства. А для богатых – особые школы с нормальным, нереструктурированным образованием (может быть, за границей). Но если такая мечта и есть – она иллюзорна. Тонкое, глубокое образование даже в дорогих избранных школах может вырасти только на почве здорового, нормального всенародного образования.

Так что «богатые» в любом случае обманут сами себя. Но что делать нам, «небогатым»? Вряд ли мы все согласимся на такую судьбу своих детей, что они станут послушными полуавтоматами, а вернувшись домой, смогут «оттянуться» и посмотреть по ТВ «порнуху». В нас глубоко заложено представление о другой жизни. Мне рассказывали о таком социологическом обследовании. После перестройки многие потеряли работу, к которой их готовило полученное образование. И некоторые из них превратились в «челноков». Среди них и был произведен опрос: зачем они туда пошли? Оказывается, подавляющее большинство – чтобы дать детям возможность получить образование! Так что представление об общекультурном образовании у русских – в генах (или аналогичной традиции).

Что мы можем сделать, чтобы осуществить эти свои основные жизненные принципы? Я думаю, что положение не безнадежно. По крайней мере, был один яркий прецедент – когда решено было вводить в школе курс «сексуального просвещения». Тогда было уже решение министерства, выделены часы, отнятые у литературы, истории, математики, написан учебник. Я сам держал в руках макет учебника и программу, где, например, на изучение полового акта отводилось 26 часов! И это решение не было реализовано только благодаря родителям, создавшим группы протеста в разных городах.

Правда, тема была более поражающая. Помню, как я однажды по радио рассказал об этом проекте. Я сам был поражен реакцией. Даже среди сотрудников радиостанции. Помню, как женщины обступили меня и спрашивали: «Что же делать? Как я буду смотреть в глаза своему Петьке, если он после такого урока попросит кое-что объяснить?»

Но ведь и сейчас, по существу, положение не менее драматическое. Нас стремятся оторвать от той культурной почвы, на которой мы все выросли. Куда бы потом ни пошел молодой человек – учиться в институт или работать на завод, но приобретенный в школе опыт соприкосновения с многотысячелетней культурой человечества будет влиять на него всю жизнь. Вот этот элемент нашей жизни непрерывно находится под угрозой разрушения.

Когда-то мы отдали свою экономику, недра, саму страну. Но тогда могло быть извинение, что все удалось повернуть так быстро – года за два-три. И мы даже не успели сообразить, что же происходит. Теперь у нас такого оправдания нет: все давно понятно и разъяснено нам на примерах. Поэтому ответственность за то, что произойдет, будет лежать на нас самих – если мы это допустим. В частности, в образовании.

О ТЕРАКТЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА¹

Мне кажется, то, что произошло в США 11 сентября, знаменует какой-то колоссальный поворот в истории. И, как всякий такой поворот, он не является чем-то совершенно новым. Прежде чем поставить на сцене драму, режиссер должен провести несколько репетиций. Репетиции уже были. В 1993 г. ту же самую башню, которую сейчас развалил самолет, пытались взорвать. Но взорвали неудачно, и башня сильно не пострадала. Потом был взрыв в Оклахома-сити в 1995 г., где 168 человек погибли, терроризм в Ирландии с колоссальным коли-

¹ По выступлению на «Народном радио».

чеством жертв, еще раньше – в Германии... Мы видим сейчас только наиболее драматическое проявление того явления, которое связано с понятием терроризма. Часто говорят: это какой-то беспрецедентный акт варварства! Можно согласиться: действительно, терроризм потрясает своей жестокостью, но с тем, что он беспрецедентен, никак нельзя согласиться. Хиросима – это тоже акт терроризма... Я понимаю еще, когда сбросили атомную бомбу на военно-морскую базу Нагасаки, но Хиросима была мирным городом, в котором были убиты и ранены около 140 тысяч жителей. Или в самом конце войны – Дрезден, где не было никаких военных объектов, но скопилось громадное количество беженцев: сгорело и погибло под развалинами около 200 тысяч человек. Это был чистый акт мести. Потом, уже в более позднее время, – бомбардировки Ирака. И, наконец, последнее – это уже с косовским конфликтом связано – бомбардировки Сербии. Это был типичный акт терроризма, когда исполнитель отказывается от всех законов, норм права и сам вершит и суд, и расправу. И Соединенные Штаты, и Запад как бы обучали весь мир, как в школе, принципу терроризма. Человечество мучительно в течение многих тысячелетий вырабатывало очень трудное понятие закона в отношениях внутри общества и в отношениях между государствами. До того существовал в племенах закон кровной мести. Каждый человек брал в свои руки исполнение этого закона, который в качестве вендетты еще сохранился кое-где и до нашего времени. Постепенно можно проследить, как человечество пыталось как бы локализовать смерть и насилие. Вообще, по-видимому, человек не может надеяться на утопию уничтожения зла. Но, по крайней мере, происходила все время попытка зло локализовать: например, убийство снять с совести одного человека, а взять его на совесть

общества, суда. Точно так же в отношениях между народами – убийство как бы локализовалось и становилось делом государства. Оно подчинялось различным законам, которые должны были делать зло менее разрушительным. Например, таков был смысл конвенций, вроде Гагской. Идея ее заключалась в том, что война в конце концов хоть и не будет уничтожена, но сведется к тому, что воевать будут только солдаты против солдат, из этого будет полностью исключено мирное население, будут воевать только люди в мундирах. И вот терроризм – это как будто возвращение к уровню племенной мести. А вот другая сторона терроризма, которую нам лучше всего понять на примере Великой Отечественной войны. Например, если честно говорить: кто же была Зоя Космодемьянская, как не террористка? Так обычно, конечно, называют своих шпионов разведчиками, но ведь это вопрос только в формулировке. И, в конце концов, партизанская война – тоже шаг, приближающийся к терроризму. Гагской конвенцией как раз партизанская война и была запрещена, полагалось, что война может существовать только между армиями, между людьми в мундирах.

Но есть и другая сторона вопроса. Терроризм – это оружие более слабого технически, но более сильного духом врага. Это предложение поднять планку жертвенности выше: «Ну, пожалуйста, вы можете разрушить наши деревни, но мы с ваших пленных будем сдирать шкуры. Готовы вы на такой риск или нет?» Я нашел удивительные места у Толстого в «Войне и мире». Князь Андрей перед Бородинским сражением говорит: «Да, да, – рассеянно сказал князь Андрей. – Одно, что бы я сделал, если бы имел власть, я не брал бы пленных. Что такое пленные? Это рыцарство. Французы разорили мой дом и идут разорять Москву. Оскорбили и оскорбляют меня

всякую секунду, они враги мои, они преступники все, по моим понятиям... Надо их казнить. Ежели они враги мои, то не могут быть друзьями, как бы они там ни разговаривали в Тильзите. Не брать пленных, – продолжал князь Андрей. – Это одно изменило бы всю войну, сделало ее менее жестокой. А то мы играем в войну, вот что скверно. Ежели бы не было великодушия на войне, то мы шли бы только тогда, когда стоит того идти на верную смерть, как теперь. Тогда бы не было войны за то, что Пал Иваныч обидел Михаила Ивановича, а ежели война, как теперь, так война, и тогда интенсивность войск была бы не та, как теперь, тогда бы все эти вестфальцы, гессенцы, которых ведет Наполеон, не пошли бы за ним в Россию. И мы бы не ходили в Австрию и Пруссию, сами не зная зачем. Война не любезность, и самое гадкое дело в жизни. И надо понимать это, а не играть в войну. Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить, я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла». В другом месте Толстой размышляет так. Представим себе двух людей, вышедших на поединок со шпагами, по всем правилам фехтовального искусства. Фехтование продолжалось довольно долгое время. Вдруг один из противников почувствовал себя раненым. Поняв, что это дело не шутка, а касается его жизни, бросил шпагу и, взяв первую попавшуюся дубину, начал ворочать ею. Но представим себе, что противник, так разумно употребивший простейшее средство для достижения цели, вместе с тем воодушевленный преданиями рыцарства, захотел бы скрыть сущность дела и настаивал бы на том, что он по всем правилам искусства победил на шпагах. Можно себе вообразить, какая путаница и неясность возникла бы от такого описания произошедшего поединка.

Фехтовальщик, требовавший борьбы по правилам искусства, олицетворял французов, его противник, бросивший шпагу и поднявший дубину, – русских людей. Старающиеся объяснить все по правилам фехтования – историки, которые писали об этом событии. Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая под прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступления после сражения, Бородино и опять отступление, пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспорта, партизанская война – все это были отступления от правил. Наполеон почувствовал это, когда в правильной позе фехтования остановился в Москве и вместо шпаги противника увидел поднятую над собой дубину. Он не переставал жаловаться Кутузову и Императору Александру на то, что война велась против всех правил. Как будто существуют какие-то правила для того, чтобы убивать людей. А дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погубила все нашествие. И благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая, как по правилам поступали другие в подобных случаях, поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменится презрением и жалостью. Правильно заметил Толстой, что отношение русских и французов к войне было совершенно разным. Во Франции, когда туда вступили войска, не возникло партизанской войны. И то же самое было в Великую Отечественную войну. Когда немцы проиграли войну, Гитлер в своем завещании пролепетал, что должно быть сопротивление или какие-то партизаны, он назвал их оборотнями. Но я помню предупреждение командую-

щего войсками во французской оккупационной зоне, что если это произойдет, то будут братья заложники и массами расстреливаться. Но никого не расстреляли, потому что сопротивления не было.

И вот сейчас мне кажется, что США страшно давят на Запад, ища у него поддержку. Но для Запада это никак не может рассматриваться как защита своего дома, как партизанская борьба, в которой народ хватается дубину. И это вовсе не вопрос жертвы. Как раз Запад и не готов на жертвы принципиально. Ведь во всех западных книгах, во всех западных фильмах, которые и нам показывают по телевидению, именно пропагандируется и внедряется в наши души миф о как бы бессмертии американца. Этот герой очередями косит этих глупых китайцев, вьетнамцев, русских, которые валяются, как куколки, и в то же время сам, как заговоренный, ходит среди их пуль. И американцы не выдерживают, когда ставится под сомнение вот этот миф об их бессмертии. Был такой пример, когда американцы для поддержки Израиля высадили морскую пехоту в Ливане. И тогда какой-то грузовик, начиненный взрывчаткой, въехал в их части и взорвался, несколько десятков американцев погибли. Американцы немедленно убрались на корабли и ушли. Был случай, когда они высадились в Сомали. И тогда там убили одного американца, привязали за ноги к бронетранспортеру и таскали по городу. Это попало в американскую хронику. Немедленно американцы из Сомали ушли. Это прямо противоположно их принципу. Это какая-то другая психология – не психология народа, доведенного до отчаяния. И несчастье для мира, мне кажется, заключается в том, что Соединенные Штаты совершенно не способны осознать, что происходит, учиться на том, что случилось. Возьмем хотя бы термин «возмездие». По-прежнему пытаются мыслить только в этих терминах: крылатые ра-

кеты, акции возмездия и т. д. Я могу вспомнить, когда впервые услышал слово «возмездие». Это было примерно в 1940-м г., когда шла война на Западе. Тогда можно было слушать радиостанции. В дневных налетах немцы пытались подавить воздушную оборону англичан. А когда им это не удалось, они перешли к бомбардировкам одного за другим английских городов. И вот это они называли актами возмездия, потому что перед тем англичане бомбардировали какие-то немецкие города. Это и был немецкий термин, который я запомнил на всю жизнь. Можно и другой пример привести, когда в 1938 г. 17-летний юноша, еврей из Польши, по фамилии Гриншпан, убил секретаря немецкого посольства в Париже фон Рата. И в ответ нацистское руководство организовало еврейский погром. Было разгромлено громадное количество еврейских магазинов, убиты несколько десятков евреев, сожжено несколько синагог. И тогда известный социолог Мюллер Клаудис произвел с полной гарантией анонимности опрос 41 члена немецкой национал-социалистической партии по поводу того, как они относятся к тому, что произошло. Оказалось, что только два человека полностью поддержали действия властей. В том, что на террор надо отвечать террором, убеждены 80 или 90% американцев, т. е. они находятся примерно на том же уровне, как те два нациста в 1938 г.

И нас все это, конечно, должно волновать, как это обернется для России. Какую роль в этом может играть Россия? Какую в принципе она могла бы роль играть в этих операциях? Наши арсенальные возможности настолько несопоставимы сейчас с возможностями американцев или англичан, что мы им даже не нужны в этом смысле. Есть все-таки один вопрос, где наше положение крайне важно. За Россией все же сохраняется какое-то обаяние, чувство уверенности в том, что она

все еще является великой державой. И Западу чрезвычайно важно представить, что атаки против него – это атаки против всего мира, а его действия – это действия всего мирового сообщества. И здесь участие России в качестве такого маскировочного элемента очень важно. И все время мы слышим, как те или иные политические деятели, обозреватели говорят так, как будто этого не нужно доказывать, – террористические акты направлены против всего мира. Но пятая часть мира живет в Китае, они никак не были направлены ни на Индию, ни на Индонезию. И вот тут, конечно, возникает мировая опасность, что в качестве такого маскировочного средства Россия может быть втянута в войну, в конфликт какой-то, который по масштабам своим вполне сопоставим с Первой мировой войной, тоже начавшейся с террористического акта, с попытки ответить на террористический акт прямым насилием со стороны Австро-Венгрии. У нас есть громадный опыт, как втягивалась нация в ненужный и болезненный для нее конфликт. В Афганистане, например, сначала свергли шаха. Судя по всему, советское руководство в этом никак не участвовало. Потом следующее правительство уже имело какую-то поддержку, появлялись какие-то мальчишки, которые им помогали, а потом появилась необходимость свергнуть Амина, заменить его Бабрак Кармалем, потому что иначе пришло бы к власти правительство, в тех условиях явно нам враждебное. Таким же образом, без какого-то объявления войны, без обсуждения, даже без объяснения народу причин того, что происходит, Россия может быть тихо и поэтапно вовлечена в конфликт, который поглотит все небольшие силы, которые у нас еще сохранились. И это было бы, конечно, величайшим достижением дипломатии Запада и Соединенных Штатов. И сейчас есть шанс, что такие усилия могут увенчать-

ся каким-то успехом. Это будет страшная катастрофа для России, и в этом будет страшная ответственность тех, кто это делает, всего нашего правящего механизма, который очень сложный и состоит из правящих слоев в прямом смысле и оппозиции, которая каким-то образом с ними взаимодействует и никак не может быть, мне кажется, избавлена от ответственности в этом вопросе. Если у нее мало голосов, чтобы провести то или другое решение Думы, то я уверен, что заявление, подписанное лидерами фракции, которые представляют большую часть Думы, о том, что исторически важный вопрос для судьбы России требует обсуждения, вряд ли может быть оставлено без внимания. Даже само такое заявление было бы некоторым определенным актом, влияющим на судьбу страны. А тем более, скорее всего, после этого было бы обсуждение. Если бы оно даже не привело к какому-то голосованию, это все же было бы какое-то действие, ответственность за несовершенство которого останется навсегда.

Эти террористические акты многие связывают с предшествующим им израиле-палестинским конфликтом. Израиле-палестинский конфликт, мне кажется, является в некотором смысле моделью поведения России, которая была выработана за целый ряд десятилетий Советским Союзом и в числе редких исключений того, что было достигнуто Советским Союзом, не была отброшена и в современной России. Мы же не заняли позицию поддержки какого-то определенного лагеря, а используем наше преимущество – способность говорить с каждым из этих лагерей. И поэтому можем быть главной силой, которая способна обеспечить и переговоры, и какой-то выход из конфликта с меньшими потерями и трагедиями. Это одна сторона конфликта. Другая – та, о которой я уже сказал: мне кажется, что

израиле-палестинский конфликт – кульминация ненависти, которую исламский мир испытывает к навязываемой им культуре, цивилизации Запада и Соединенных Штатов. И в этом конфликте главным противником исламского мира выступают и Израиль, и Соединенные Штаты. Соединенные Штаты сейчас всеми силами стараются это переориентировать и превратить в некое противостояние человечества против недочеловеков.

И еще остается один аспект этой проблемы, который заключается в том, что совершение террористического акта 11 сентября приписывается каким-то радикальным мусульманским группировкам. Эта версия отчасти навязана средствами массовой информации Соединенных Штатов. Но ведь до конца совершенно неизвестно, кто совершил этот акт. Соединенные Штаты сообщили, что они имеют какие-то неопровержимые доказательства участия в этом бен Ладена, которого, похоже, в свое время ЦРУ само и создавало. Но эти доказательства они России не сообщили. Так что Россия находится вообще в униженном положении. Мы таким образом декларируем свое участие в действиях, основания которых нам не известны. Никому, и даже, судя по всему, самому высшему руководству.

Не может ни бен Ладен, ни какая-то одна группа быть виновником целого исторического течения, свидетелями которого мы являемся, начиная с революции в Иране и кончая этими террористическими актами. Это есть некоторая порочность развития мира на данный момент. Мир сам создает очаги напряжения. И реакция происходит разными способами, более-или менее цивилизованными или совсем нецивилизованными, как когда-то в Иране, например, захватили всех сотрудников американского посольства. Это был чисто спонтанный акт, но совершенно не связанный с каким-то дру-

гим терроризмом. Потом жертвой Соединенных Штатов оказался Ирак. Но перед тем было восемь лет войны между Ираком и Ираном, где Соединенные Штаты поддерживали Ирак оружием, потому что надеялись, что он отомстит Ирану за унижение, которое Соединенные Штаты там понесли при перевороте, когда был свергнут шах. Другими словами, видно, что это какое-то громадное течение, источником которого не может быть какая-то одна группа. Терроризм достиг таких масштабов, что стали говорить о возможности Третьей мировой войны. И в каком-то смысле эти опасения вполне обоснованны. Думаю, что мы, может быть, стоим на пороге каких-то катаклизмов и трагедий, которые по масштабам своим будут не меньше, чем Вторая или Первая мировые войны. Но, вероятно, будут носить совсем другой характер. Как мы сейчас видим, по Соединенным Штатам удар был нанесен вовсе не какой-то эскадрой, высадкой десанта и т. д. – в совершенно других формах.

Когда случились эти террористические акты, со стороны Соединенных Штатов было высказано обращение к миру, что, если кто-то оправдает эти акты, сам станет сообщником террористов. Все цивилизованное мировое сообщество должно стать на защиту общечеловеческих ценностей, против терроризма – иными словами, поддержать Соединенные Штаты Америки в сложившейся ситуации. Конечно, со стороны России были также сделаны определенные заявления в пользу декларируемой линии Соединенных Штатов. Но, с другой стороны, неоднократно приходилось сталкиваться с таким фактом, что сами американцы вовсе не пытались, даже после этих террористических актов, осуждать терроризм чеченских радикалов. Наоборот, постоянно было слышно, что они согласны с вами сотрудничать, но при этом пункт по конфликту в Чечне не снимается. Мы также вы-

ступаем против вашего вторжения, как они выражаются, в Республику Ичкерия, где нарушаются права человека.

Я абсолютно уверен, что действия в Чечне откуда-то финансируются, и ясно, что какие-то определенные усилия со стороны Запада могли бы эти источники финансирования вообще прекратить либо помочь нам их контролировать. Мы сразу же сообщили, что важнейшие сведения, которые у нас были по поводу талибов, мы им передали. Но они же не сообщили, что передали нам такие же сведения, которые были бы по поводу таких же партизанских действий в Чечне. Тут, мне кажется, такое трагическое неравноправное положение. Все время от России чего-то требуют, она сама непрерывно предлагает что-то. В то время как другая сторона не только ничем это не компенсирует, но даже и с просьбами не обращается. Конечно, речь не идет о том, чтобы оправдывать терроризм или не оправдывать. Кто же его может оправдывать? Но вопрос заключается в том, что можно ли чисто военными средствами преодолеть эту проблему. И есть ли основания у России ввязываться в эту проблему, в то время как у нее своих сколько угодно. Вот на теперешний момент, конечно, самая кричащая – это вымирание населения, которое сокращается на 800 тысяч в год. Есть ряд таких признаков, которые указывают на ощущение исторического поражения, которое испытывает русский народ. Например, громадное количество самоубийств, я помню, 54 тысячи самоубийств в год, это примерно четыре афганские войны. У русских необычайно ослабло чувство национального единства, ощущение себя единой нацией. Это видно по тому, что любые акции, оскорбительные для русских, публикации произведений, в которых над русскими издеваются, их покрывают грязью, практически не встречают какого-либо дружного сопротивления. Был этот фильм о Христе, по-

казанный по НТВ. Как мало он вызвал протестов тогда! Полное равнодушие царит по поводу судеб 25 миллионов русских, оказавшихся вне России. Я как-то участвовал в радиопередаче. После меня выступал один казачий атаман из Казахстана. Он рассказывал об ужасах, с которыми сталкивается русское население, особенно активисты, пытающиеся поддержать русское единство, в основном это казаки. И после его выступления ни разу телефон не позвонил, т. е. никому это было не интересно. Казалось бы, такие страшные вещи он рассказывал, что должны были сразу начать звонить: что делать, скажите, собираетесь ли вы организовать какой-нибудь пикет, демонстрацию? Нет, никто не заинтересовался.

Такое же страшное положение русских в Прибалтике. И в каком-то смысле реакция самих русских там же – не здесь, а там оставшихся россиян – тоже очень болезненная. Реакция заключается в том, что уезжают. Больше из Казахстана, оттуда уже несколько миллионов уехали. В Прибалтике, в Латвии и Эстонии русские составляют около 40% населения. В больших городах – большинство, от них зависела судьба страны. В Риге, например, на электростанции, которая снабжает город, работают преимущественно русские, в порту – преимущественно русские, т. е. они могли бы дружно держать судьбу страны в своих руках и диктовать свои условия. Ничего этого нет. Даже более того: все началось с плебисцита о суверенитете в Прибалтике. И в Латвии, я помню, цифру точно узнавал, более-менее ясно, что этот плебисцит прошел русскими голосами. Я встречался с представителями русских общин, даже с теми, которые были потрясены положением, в котором они находились уже позднее, когда я там был. Они говорят, что их обманули, когда обещали, что их будет кормить вся Европа, они будут прекрасно жить, все поровну делить. А потом

не захотели им давать гражданство, ввели ряд запретов для людей, не получивших гражданство, и т. д. Другими словами, фактически это значит, что эта приманка, что их будет кормить вся Европа, оказалась в тот момент весомее, чем болезненность отрыва от России.

На Украине я сам видел эти страшные листовки с надписью «Москали съели твоё мясо, москали съели твой хлеб, москали выпили твою горилку». И там плебисцит решался тоже в значительной степени русскими голосами. Потом происходили медленные изменения и продолжают происходить. Тогда это было зловещее чувство потери, потери какого-то ощущения необходимости национального единства, которое трудно объяснить. Ясно было, что, разбредясь, мы пропадем. Мне кажется, что последнее время происходят заметные, безусловные изменения в другую сторону, хотя не такие яркие – какие-то драматические, как можно было ожидать. Например, они сказались в полном изменении языка в политической жизни. Десять лет назад слово «патриот» писалось только в кавычках, произносилось как смачное ругательство, фактически донос, опасное обвинение. И красно-коричневые, и имперские амбиции – все это обрушилось на русских. Сейчас, наоборот, всякий политический деятель – от коммунистов до членов правительства, до президента – все говорят, что они патриоты, патриотов все пишут без кавычек, все клянутся, что они исходят из интересов государства, из интересов народа. Можно сказать, что все это слова, дела-то делаются примерно одни и те же. Но даже если так, то это колоссальное изменение, которое само собой не могло произойти, а изменение всего языка в политической области свидетельствует о каком-то изменении сил внутри страны. Ведь, в конце концов, язык определяет сознание, а сознание уже определяет действие. И ситуация такая, что не мы

поддельваемся, перекрашиваемся, не говорим, что мы не называли себя патриотами, что это клевета; мы космополиты, мы интернационалисты, а они почему-то хотят забыть, какими они были интернационалистами или космополитами, что они писали, кто 10, кто 20 лет назад. А клянутся в том, что они патриоты. Это показывает, что произошел какой-то духовный перелом, произошел очень неожиданно, совершенно не в той форме, как кто-нибудь ожидал. Думали, что будет перелом в виде какого-то народного сопротивления, действий неповиновения или появится какой-то очень волевой, умный вождь, который сумеет около себя сплотить народ. Ничего подобного не произошло, но произошло какое-то духовное изменение, которое привело нас сейчас, мне кажется, в новый какой-то этап. И уже теперь проблема состоит в том, как на этом этапе жить. Как эти духовные изменения превратить в изменения материальные? Это вопрос, конечно, самый сложный, и совершенно непонятно, удастся ли этот капитал, который каким-то образом явно образовался, реализовать.

Я уже писал, что есть такая тенденция в истории, которую можно определить как умирание народа. История дает очень богатый материал для сопоставления. И если взять конец античного периода и провести параллели, то очень много схожего с положением нашего народа мы можем увидеть и сейчас. Продолжу эту мысль. То, что народы смертны, – по-видимому, абсолютный факт. Никуда не денешься. Древних ассирийцев или шумеров нет. Древних греков, эллинов тоже нет, нынешние греки – это совсем другой народ. Это факт, конечно. Теперь: как они умирают? Действительно, если смотреть на конец античности, то возникают какие-то страшные, как будто специально подобранные параллели к тому, что происходит у нас. Роль государ-

ствообразующей нации понижается. Основные военные части формируются из варваров, основные известные императоры, руководители государства, происходят из провинции. Сепаратизм. Отделяется то одна, то другая провинция. Экономический кризис. Девальвация, которую мы прошли, там имела ту же форму с изменением просто процентного содержания серебра в монетах и т. д. Упадок сельского хозяйства, бегство земледельческого населения в города, концентрация его в городах, сокращение населения. Все время римские императоры издавали законы, цель которых была поддержать каким-то образом семью, приостановить убыль населения, именно в центральных, так сказать, поддерживающих империю районах – в Италии, в Греции. Это не помогало. Стремясь к зажиточной жизни, родители считают, что лучше иметь одного или двух детей, как и у нас сейчас рассуждают. Мне кажется, с другой стороны, эти параллели являются не абсолютными, что нам нужно оторваться от представления, что история идет по какому-то единому процессу, по какому-то единому закону, потому что сам конец античности показывает, насколько неоднозначно развитие в тех же самых условиях. Пожалуйста, действительно, кризисные явления надвигались, и к чему же они привели? Да к тому, что Римская империя разделилась на две части и Западная Римская империя была захвачена варварами, образовались варварские государства, а Восточная Римская империя превратилась в Византийскую империю, которая еще тысячу лет просуществовала и дала глубочайшую культуру, богословскую литературу Отцов Церкви и ту духовную культуру, которая в каком-то смысле два раза дала толчок России: один раз – Киевской Руси с принятием Христианства, а другой раз – России, уже освобождавшейся от монгольского ига. Это, по-моему,

и есть привлекательная сторона истории, что она неоднозначна, не является физическим или естественнонаучным процессом, как привыкли смотреть, что можно познать ее законы. Она может развиваться и так и этак. В значительной мере это зависит от воли людей – от воли народов в целом и от воли отдельных людей. Вот это наличие воли, наличие индивидуальности и есть то, что создает человека с душой, а не с механизмом.

В истории каждого народа были взлеты и падения. Вот сейчас говорят о кризисе в России.

А мне кажется, что вообще мы, собственно, переживаем кризис мировой, а Россия благодаря каким-то чертам русского народного характера оказалась точкой, в которой болезненнее всего этот кризис и проявляется. Действительно, верно, что сейчас есть ощущение какого-то конца. Разные люди представляют его в разном смысле. Вот Шпенглер писал в книге «Закат Европы», что западноевропейская цивилизация переживает последний этап своего развития, предшествующий полному распаду и гибели, и он построил целую концепцию истории, состоящую из отдельных цивилизаций, где каждая проходит свой цикл: создания, расцвета, упадка и гибели. И вот когда он описывает признаки гибели цивилизации, то действительно как будто про весь западный мир написано. Это проявляется в том, что великое духовное творчество уже все находится в прошлом. Действительно, и Микеланджело, и Рафаэль, и Сервантес, и Шекспир – это все в прошлом. И Галилей, и Ньютон – тоже все в прошлом. Мне кажется, что даже такая блестящая научная революция, которая произошла начиная с XVII в., тоже сейчас проявляет признаки какого-то торможения и упадка. И если в первой половине XX в. явилось несколько областей науки, которые изменяли взгляд на мир – такие как квантовая механика, теория относительности,

генетика, то во второй половине таких не было. И когда сейчас говорят о блестящих достижениях человечества, говорят о спутниках, компьютерах. Но это же не достижения науки. Наука должна открывать законы природы, а это не открытие новых законов природы. Действительно, творчество еще происходит в области техники. Но если почитать Шпенглера, еще в начале века писавшего, то видно, что он признак упадка цивилизации приметил в том, что все творчество сосредоточивается в области техники. Позиции в мире, внешняя политика государства характеризуются империализмом, т. е. в данной ситуации войнами против слабых, благодаря большим техническим возможностям. В то время как для героического периода времени характерны войны как раз с более сильным противником. Войны выигрываются величием духа, способностью на большие жертвы.

И написано как будто о современном западном мире и Соединенных Штатах: о бомбардировках Югославии, Ирака. Вся эта цивилизация, основанная на технике, на максимальном использовании техники, привела к экологическому кризису, к разрушению природы, которая угрожает уже самому человеку, потому что он является тоже частью природы. Гибнет по одному виду из всех живых организмов, по одному виду каждый час, и такое дальнейшее развитие где-то уже в XXI в. грозит нарушением равновесия биосферы. И множество признаков показывают кризисное состояние духовное. По благополучным странам, с нашей точки зрения, прокатились волны терроризма. В Америке сейчас все время рассказывают о том, что вдруг явился школьник с карабином и уложил шестью выстрелами шесть своих одноклассников, причем оказывается, что меткость эта больше, чем на соревнованиях. Как он мог научиться этому? Научился он потому, что продают такие компьютерные

игры... Если ты попал в человека там, на экране, у него разлетается голова, разлетаются мозги и т. д. ...Полиция выяснила, что эти компьютерные игры – гораздо более эффективный метод обучения прицельной стрельбе, чем в полиции используется.... Все это показывает кризис той цивилизации, которая крылом задела Россию. Россия, начиная с петровских времен, столкнулась с западной цивилизацией и могла либо полностью ее не принять, что, вероятно, привело бы ее к состоянию Китая или Индии, либо полностью подчиниться ей, а выбрала какой-то другой путь, с сохранением своего лица. И, в конце концов, революция – тоже реализация в России западной концепции марксизма, для Запада созданной, наиболее радикальной западной концепции. И теперь это на России отразилось наиболее болезненно. И, мне кажется, это есть признак кризиса не именно специфически российского, оценивать его нужно как часть кризиса западной цивилизации.

Главный вопрос, который будет стоять в XXI в., мне кажется, это вопрос, так сказать, о наследнике, о том, кто создаст такие культурные, духовные, прежде всего духовные, ценности, которые дадут возможность человечеству двигаться дальше, когда проявится полная нежизненность цивилизации Запада. Это, конечно, может быть и Китай, и Индия, и Россия. Но мне кажется, что Россия здесь занимает некое особое положение, которое заключается в том, что она все-таки впитала в себя в значительной степени продукты западной цивилизации, не превратившись, тем не менее, в страну чисто западной цивилизации. И Запад нас никогда не признает своей частью. И поэтому передача эстафеты России была бы для человечества менее конфликтна, чем, скажем, Индии или Китаю. Ну, если сравнивать опять с античностью, могли бы избежать той эпохи, которая называлась «темные века».

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

О КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

– Мы хотим поговорить о таком предмете, который, с одной стороны, связан с историей нашей науки, а с другой – с историей нашего государства и нашего жизнеустройства в прошлом столетии. XX век все дальше отходит от нас. И чем дальше он удаляется, тем становится интереснее. Когда мы жили в этом веке, мы видели детали. Понимаете, говорят, за деревьями не видно леса. Когда мы отошли от этого века, он уже оторвался от нас на три года, то начинаем видеть его в целом, и когда на смену микроистории, истории деталей, выходит макроистория, т. е. век во всем охвате сразу, то возникают поразительные вещи. Оказывается, макроистория не есть сумма явлений микроистории, т. е. то, что мы по отдельности наблюдали вблизи, при отходе дальше в сумме дает не то, чем на самом деле представляется век в целом. Вот о чем хотелось поговорить на примере нашей советской математической школы, которая является частью нашей истории, нашей культуры, нашей науки. Дело в том, как к веку относиться. Наверное, правильно говорят, что это был тоталитаризм.

Ленин разрушил замечательную царскую государственность, гражданская война – самая свирепая из войн, дальше Сталин захватил власть и подавил всякое инакомыслие. Все, наверное, так, если говорить о каких-то отрезках истории, о фактах и деталях. Но в то же время истекший век, как мы сейчас видим, был очень плодоносным в культуре, науке и искусстве. Необычайно плодоносным – и это парадокс, конечно. Возникает впечатление, что событийные реальности, феноменологическая реальность – это одно, а где-то под ней существует совершенно иное субстанциональное существование русского народа и русской страны нашей, которая мало зависит от внешних детальных событий, какая-то латентная субстанциональная внутренняя жизнь великой России, которая живет и, несмотря на то, что там происходит на поверхности, дает какие-то плоды, вот как, знаете, грибница, которую не видно, которая находится под землей, дает плодородное тело грибов. Поэтому грибники знают, что урожай грибов мало связан с погодой, с какими-то внешними, казалось бы, важными для роста грибов событиями: иногда и погода хорошая, и влажность хорошая, а грибов нет. А иногда неблагоприятные условия, а они прут и прут из-под земли. Интересно разобраться, действительно ли в России есть эта скрытая сила, которая производит плоды, не очень зависимые от таких обстоятельств, как войны или даже государственный строй. Вот такая скрытая, тайная сила. Хотелось бы верить, что она есть. Однако есть и другие объяснения этого несоответствия между тоталитарным государством и большим расцветом культуры и науки. Первое объяснение: все-таки революция вызвала большой энтузиазм, многие люди поверили в строительство нового

мира, что изменит судьбу человечества, и т. д., и это открыли их. И в науке, и в искусстве стали работать на эту идею с большим духовным подъемом. Второе объяснение: люди в полицейском, сталинском государстве попали в очень жесткие условия, под большой пресс. А когда тебя прессингуют, на тебя давят, это поднимает тонус. Один человек, который так объяснял жизнь, говорил, что он жил три года в Голландии и почти потерял всякую энергию, всякий интерес к жизни, потому что там все очень просто. Там не надо бороться, имеешь деньги, работаешь где-то – и все! В состоянии спячки можно жить – и жить хорошо материально. И он почувствовал, что теряет свой облик, и вернулся в Россию. А здесь – да, здесь надо бороться, здесь интересно. Вопрос в том, можно ли объяснить это двумя названными причинами? И все-таки есть независимая от внешних событий, какая-то скрытая субстанциональная жизнь нашей великой страны, которая по Божьему плану, по какому-то заданию космическому живет и действует. Вот вы, Игорь Ростиславович, в математику вошли рано – так у вас судьба сложилась, и по своим склонностям. Вы рано начали заниматься большой математикой и вошли в большую науку еще до войны.

– Да, в 1930-е гг. я уже вполне, так сказать, был в математическом коллективе и изнутри его чувствовал.

– Вот смотрите: 1930-е, значит, а революция произошла в 1917 г. Значит, где-то ваши учителя, которые вас пестовали и воспитывали как ученого, получили закалку еще до революции.

– Или во время Гражданской войны, или до революции – кто как...

– Скажем, Лузин был дореволюционный математик...

– Главный успех его был как раз в эпоху после революции. Создание его школы произошло в эпоху Гражданской войны. Один из учеников Лузина любил писать полукомические стихи. И он писал об их школе, которую они называли Лузитания:

Катком замерзли коридоры
Горячие здесь только споры.

Эпоха разрухи, голода...

– Вы знаете, я читал у Колмогорова какие-то записки, он сам ученик Лузина, но младший. Так вот, Колмогоров писал, что он сделал какую-то курсовую работу в университете на первом курсе, и ему, по-моему, мешок крупы дали. И он говорит, что чувствовал себя просто богатым, потому что, мол, кашу ел эту. Смотрите, значит, советская школа математики зародилась в очень трудное время, безусловно. Причем интересен еще такой момент: эти математики свободно тогда ездили за границу, да?

– Да. Были так называемые рокфеллеровские стипендии, которые получали многие на несколько месяцев, на полгода. С семьей уехать можно было за границу и там поработать. Причем из лузинской школы там ни одного не осталось.

– То есть невозвращенцев не было?

– Несколько невозвращенцев было из Ленинграда. Но мне кажется, что это второстепенные математики. А вот из известных имен я ни одного не знаю. Во всяком случае, из лузинской школы.

– *Другими словами, люди ехали в относительно сытую Европу, благополучную и возвращались в голодную Россию? Как вы думаете, что же заставляло их так поступить?*

– Я думаю, прежде всего, что интересно было. Лузин сумел создать вокруг себя атмосферу духовного горения. И не могли ничего эквивалентного найти на Западе, во что бы они могли вписаться. Там были такие школы, но надо было в них войти. А тут другая была школа, в которой они себя чувствовали своими людьми, говорили математически на своем языке, свои проблемы у них ценились, и т. д. Вообще мне кажется, что вопрос ваш, как вы его сформулировали, более широкий. Почему в такую суровую эпоху у нас была яркая культура? А время Николая I? Очень суровое было. А это был действительно взлет русской литературы: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Гоголь. А потом была эпоха александровских реформ, Александра II. И это был второй взлет, это были романы Достоевского, Толстого и т. д. А время таких ярких имен, как Лосев, Бахтин, Флоренский? Это неправильная точка зрения, что революция начинается, когда предшествующая эпоха пришла к какому-то тупику, иссякла. Наоборот, она, по видимому, начинается в эпоху прилива каких-то сил, которые могут найти созидательное или разрушительное применение. И вот в этом и заключается деятельность политиков, чтобы направить эти силы туда, куда они хотят. Например, взять знаменитое наше авиастроение, которое сыграло большую роль в войне, несмотря на аресты руководящих авиастроителей. Оказалось, что наши самолеты были примерно на уровне немецких и по количеству мы сможем с ними тягаться и превзойти. У нас начали разрабатываться так называемые реактивные снаряды. Потом они назывались «катюшами».

Так вот все это направление, особенный его характер, заключалось в том, что оно не было чисто утилитарным, техническим, а было связано с наукой, с научной основой. А началось это с Жуковского и Чаплыгина до революции. И ЦАГИ, главный центр нашего конструктивного мышления в области авиации, был создан еще Жуковским до революции.

Наконец, я хочу сказать, что вот в ту эпоху, мне кажется, существенную картину ее может дать взгляд великих творцов того времени. И появился на эту тему ряд произведений. Серия такая прямо напрашивается: «Потаенная литература коммунистического периода»: то, что писали люди в ящик тогда, и то, что теперь издано. Я сюда зачислю «Пирамиду» Леонова. Идея ему пришла во время войны, и он писал роман почти до самой смерти. Еще воспоминания Шостаковича, которые были вывезены за границу и там опубликованы уже после его смерти. Были возражения, что они не подлинные или часть их не подлинная. Но, мне кажется, все это не лишает нас права с ними ознакомиться. Мало ли высказываний на тему, что «Слово о полку Игореве» не подлинное? Кто же говорит, что не следует публиковать? И, наконец, не так давно вышли записи того времени Свиридова, тоже великого композитора, и тоже вышли после его смерти, которые он для себя вел. Они все меня поражали какой-то крайней своей «антисоветчиной». Безусловно, отрицательным отношением к тому, что происходит. У Леонова «Пирамида» начинается с такой фразы: «Хмурое небо конца 30-х не располагало к жизнеописанию подлинности тогдашней действительности». Или Шостакович, например, пишет: «Оглядываясь, вижу за собой только развалины, только горы трупов. Теперь все говорят: не знали, не понимали, Сталина верили. Я на таких людей с гневом смотрю.

Кто же не понимал, кого же это обманывали? Неграмотную бабу-молочницу? Нет, люди все вроде грамотные, писатели, композиторы, артисты – те, которые аплодировали моей 5-й симфонии. Никогда не поверю, что 5-ю симфонию мог почувствовать тот, кто ничего не понимал». Или вот что он пишет о своей 7-й симфонии, которая считается ленинградской, в том смысле, что посвящена обороне Ленинграда во время войны: «В конце концов, я не против того, что 7-ю симфонию называют Ленинградской. Но она не о блокадном Ленинграде, она о Ленинграде, который уничтожил Сталин и потом Гитлер добивал. Я обязан был об этом написать, чувствовал, что это мой долг. Я должен был написать реквием по всем погибшим и замученным.

Ахматова написала свой реквием. Мои 7-я и 8-я симфонии – это мой реквием. Сталина я все-таки изобразил в музыке. 10-я симфония, я ее написал сразу после смерти Сталина, 2-я часть – скерцо – это портрет Сталина. Сталину я все-таки сумел воздать должное. Нельзя меня упрекнуть в том, что я обошел стороной это неприглядное явление нашей действительности». Или – Свиридов. Причем это я все говорю о тех людях, которые советским режимом высоко были подняты и находились в центре внимания. Как говорят, были обласканы.

Да и Свиридов был многократно председателем Союза композиторов, депутатом съезда, лауреатом премий тогдашних – Сталинских, Государственных. И он в своих записках пишет: «Нет никакого основания противопоставлять Ленина Марксу, Сталина – Ленину или Брежнева – Сталину. Это все наша родная единая советская власть». Это все какое-то, безусловно, отрицательное отношение. Вот мое поколение, я считаю, что мы уже выросли советскими людьми. Мы выросли в этой жизни и могли к ней выработать критическое

отношение, но отталкиваясь от нее же, ее же мерками. А это люди, которые просто на дух не приняли ее — жили в ней, но не приняли. Поэтому вся эта высокая культура, которая в России существовала, мне кажется, если она имела заряд, то заряд противостояния. Вы знаете, что-то в этом роде мне пришло в голову в конце 1930-х гг., когда я учился в университете. Я рано, как вы сказали, действительно поступил и был подростком. Я помню, был большой конкурс на мехмат. А ведь тогда будущность математика материально совершенно была неприглядной. Ему в лучшем случае в какой-нибудь технический институт устроиться, но и их не так уж много было; устроиться ассистентом или в школу преподавателем. Все это очень немного давало, а люди шли в большом количестве. И я пришел к выводу, что занятие математикой играло роль некой тихой гавани или, говоря более высоким языком, какой-то катакомбы, в которой можно было найти укрытие. С одной стороны, это была не идеологическая наука, т. е. там не нужно было отражать, как в истории, философии, те или иные точные тезисы. С другой стороны, она не была связана с реалиями жизни. Ты не становился инженером, где тебя могли отправить на строительство зэков или дать план и сказать, что тебя посадят, если тот не будет выполнен, и т. д. И мне показалось тогда, я помню, что это и есть секрет привлекательности мехмата.

— *Все-таки был ли энтузиазм вначале, как вы думаете, или вообще его не было?*

— Я думаю, что был энтузиазм чисто математический. Нельзя доказать красиво теорему, потому что ты хочешь построить социалистическое общество. Нужно чисто математически эту теорему полюбить. Понимаете, я своим ученикам объяснял до последнего времени,

что тут происходит что-то вроде романа. Ты ее не полюбишь – она тебя не полюбит. Если ты ее не полюбишь искренне, то и она тебе не дастся, между пальцев проскользнет.

– Мне кажется, еще один такой момент был, вы упомянули, что героизировались такие ученые в фильмах, литературе, а советская кинематография была на высоком уровне, т. е. умели делать кино, чего сейчас не видно. И вот в этом кино образы ученых были окружены уважением. Помню образ Паганеля...

– Да, это колоритные фигуры, как бы сказать, пережитки, старичок такой...

– И вот хотел у вас спросить: может быть, все-таки такое уважение, невольно проявившееся в фильмах, в искусстве к ученым, было связано с тем, что марксизм подавался как наука? Другими словами, достижение именно ученого, как написано на постаменте: учение Маркса всесильно, потому что оно верно.

– Вы знаете, как бы ни относились последователи Маркса к Марксу, но ученых-то это не спасало. В прошлом году, год назад, вышла книжка невероятная, потрясающая для математиков, называется «Дело Лузина». Вот тот же самый Лузин, который создал эту школу.

– Это не московская, а просто советская школа?

– Да, советская. И вот тогда было начато дело против Лузина. В чем он был обвинен? Современный читатель просто не поймет того, что там написано, потому что то, в чем обвиняли Лузина, – это какая-то бессмыслица, вплоть до того, что он давал слишком слащавые, выпренные отзывы на слабые работы, что он печатал лучшие свои работы в заграничных изданиях, а худ-

шие – в советских изданиях. Кому какое дело? Но это тогда пахло кровью. Вот я читаю и чувствую, что идет как бы предрасстрельное следствие... И самое ужасное было, как все это обсуждалось. Те, кто травили Лузина, были самые блестящие советские математики. Я к ним на семинары ходил, считал, что у этого поколения заимствую математическую культуру. Потом было дано распоряжение, по-видимому, что эффект достигнут всеми этими обсуждениями, и уже никакая научная фронда не грозит, и нет нужды это продолжать. И все очень резко прекратилось. Лузин уцелел. Так что, видите ли, уважение-то уважением, но оно не спасало и не защищало. А изменилось положение во время войны, когда была впервые осознана ценность тех материалов, которые были известны еще немного раньше по шпионским источникам, что американцы сверхоружие создают. Знаете, Сахаров когда-то мне сказал, что нам было передано по атомной бомбе – формулы, технические данные, все, что можно написать на бумаге. Я думал, что он преувеличивает. Но теперь публикуемые воспоминания советских разведчиков рисуют ту же картину. И тогда положение ученых изменилось. Это стало престижным, той целью, к которой стоит молодому человеку стремиться.

– *Такая прикладная сторона заставила государство в лице Сталина, мудрого государственника, все-таки финансировать, инвестировать науку.*

– Вы знаете, не только инвестировать – статус ученого был поднят. О нем стали писать, это уже была фигура не старичка, дожившего с прежних времен, а молодого, сильного коммуниста, члена партии, в то же время академика, может быть. Этот образ появился в фильмах, в романах, как пример для молодых людей.

– Говорят, что ваш знакомый Сахаров был отцом водородной бомбы.

– Нет, это он всегда отрицал, подчеркивал, что это был результат работы коллектива.

– Он делал расчеты эффективных сечений. А они рассчитаны на основе квантовой механики – не классической же. А квантовая механика неотрывна от спектральной теории. Тут, конечно, все тесно связано, так что... Но меня еще интересует такая вещь. Люди, которые отрицательно относились к советской власти, все-таки на нее очень сильно работали. Очень интенсивно.

– Леонов был примером, безусловно, считался советским писателем, наверное, членом партии был... Конечно, много орденов имел и т. д. Что значит: на нее работали? Вот Шостакович или Свиридов, знаете, на культуру работали.

– Значит, наша советская математическая школа, зародившись во время Гражданской войны, в суровое время, может быть, здесь действительно была некоей отдушиной для умов. Но появилась возможность работать в области, не связанной прямо с политикой. Я вспоминаю расцвет нашей детской литературы в то время. Ведь совершенно потрясающая детская литература, там, в 1920–1930-х гг.; мне кажется, ей равной в мире нет, кроме, может быть, знаменитого детского английского фольклора.

– Ну почему же русский фольклор не считать?

– Мне нравится английский детский фольклор. Но я сейчас говорю о профессиональной литературе. Совершенно потрясающая была литература: и Маршак, и Михалков, и Борис Житков – что тут перечислять!

Прекрасные детские книги, иллюстрации к ним. Мне кажется, что талантливые писатели, которые не хотели писать про Сталина, Ленина, уходили в детскую литературу, т. е. она тоже вроде отдушины была, потому что там не надо особенно проявлять свою лояльность...

– Вы знаете, даже Шолохов не писал про Сталина и Ленина.

– Шолохов не писал, Паустовский не писал, ни разу даже не упомянул. Паустовский, Пришвин – они же писали о природе. Это тоже был своеобразный уход. Жили под Рязанью, кто-то в Тарусе. Иными словами, момент ухода от политики был, конечно, у талантливых людей.

– Нет, Шолохов, если угодно, не уходил, он писал книгу о революции, потом о коллективизации, но при этом держался. Конечно, его, как известно, многократно редактировали, но не видно, чтобы текст был искажен какими-то личными веяниями.

– Вы сказали, что Сахаров отрекался. От чего он отрекался? От того, что он работал над водородной бомбой?

– Нет, от этого он никогда не отрекался. Об этом я его даже спрашивал. Он сказал, что мы работали для того, чтобы создать равновесие вооружений в мире. Он отрицал утверждение, что он отец водородной бомбы, и при этом единоличный. Был ряд людей, которые внесли свой вклад в это дело.

– Да, помню, я был немножко знаком с академиком Арцимовичем. Я как-то дерзнул спросить, нет ли у него угрызений совести по поводу того, что он занимается этим страшным оружием. Он моментально

ответил: «А что же нам оставалось делать? Ведь они же первые сделали». Хорошо, теперь давайте перейдем к советской математической школе. Есть такое мнение, что она все-таки одно время вышла даже на первое место в мире.

– Нет, нет, она всегда была на втором месте в мире – вполне почетном месте. Она до войны была после немецкой математики на втором месте, после войны – за американской. Но она полностью усвоила западный стиль работы в математике – при помощи школ, семинаров, воспитания учеников и т. д.

– *А этот стиль сложился уже давно?*

– Он сложился еще в XIX в., когда был интегрирован в мировую науку наш Чебышев и другие представители России.

– *Мы говорили, что у нас есть Лобачевский, гениальный человек начала XIX в. Он все-таки, несмотря на огромное значение его открытий, которые только потом сыграли роль, никуда не ездил, не выступал.*

– Нет. Он прежде всего у нас не был признан. Вот эта геометрия Лобачевского, неэвклидова геометрия, созданная им, много раз он о ней докладывал, и ее как бы отторгали, не говорили о ней. Не то чтобы опровергали, потому что опровергнуть ее невозможно.

– *Значит, нашей советской математической школе второе место принадлежит, но твердое и очень сильное. А ведь Америка скупала умы, туда приезжали европейцы в отличие от нас. К нам же никто не ехал, внутренними силами создавали. И вот здесь такой вопрос возникает, который нельзя обойти. Есть такое мнение, что очень большую роль в нашей школе сыграли*

математики еврейской национальности. И указывают на очень крупные имена, иногда даже создается впечатление, что, если бы не евреи, у нас бы школа была гораздо хуже. Вы все это видели своими глазами, мало того, у вас же масса учеников-евреев.

– Конечно, евреи активно участвовали, у меня и учеников было очень много евреев. И среди тех, у кого я лекции слушал, тоже были евреи. Но я думаю, что это было некое внутреннее явление русской духовной жизни России, в котором евреи приняли как активный, восприимчивый народ очень большое участие.

– Но можно сказать, что у них какие-то сверхъестественные способности к математике?

– Мне кажется, что способность к математике в основном заключается в том, чтобы создавать какой-то новый тип математики, например новое направление, а иногда совсем новый тип математики, который возник в Древней Греции, основанный на доказательствах, аксиомах и т. д.

Первая из доказанных теорем заключалась в том, что диаметр делит круг на две равные части. Цель этой теоремы была не в том, чтобы убедиться в правильности этого факта, который каждому разумному человеку очевиден, а в том, чтобы понять: что же здесь дано, что нужно доказать и почему на самом деле это не очевидно и требует доказательств. И многое другое. Такой тип возник в Греции, потом некий новый вид математики был создан западноевропейскими народами. Я бы даже сказал шире: может быть, не только математики, а некоторый физико-математический взгляд на мир, так сказать, материальной картины мира от молекулы, атомов до галактик. Это начиналось еще с Галилея и до XX в., до квантовой механики... Тут были

авторы – западноевропейские народы: сначала итальянцы, потом французы, немцы и англичане. И русские сюда вошли как ученики, и позднее евреи вошли тоже как ученики в это громадное течение, которое было создано именно западными народами. В связи с послепетровским развитием у нас сначала появился Пушкин, потом Лобачевский. Мне кажется, что индивидуальность России проявилась в литературе прежде всего, и в музыке, пожалуй, тоже.

– Теперь вернемся к вопросу, который вначале мы обсуждали. Это о том, что в 20-е годы, несмотря на тяжелые материальные условия, последствия Гражданской войны, разруху, математики наши, советские, которые ездили за границу, возвращались – и ни одного невозвращенца не было. Кстати, это мне напоминает положение в архитектуре. Я тут интересовался. Когда произошла революция, у нас же были крупнейшие архитекторы, знаменитейшие, такие как Щусев, Жолтовский, Фомин, гиганты мировой архитектуры; они спокойно могли уехать в Европу. Все они восприняли социализм как новый вызов их творчеству, как возможность градостроительства в отличие от заказов богатых людей, что, конечно, не очень им нравилось, хотя и давало деньги. Тут не материальная заинтересованность, а то, о чем мечтал Росси: спланировать целый квартал. В социализме они видели такие большие возможности. Наверное, видели такие возможности в новом мире и математики, и ученые, поэтому не было невозвращенцев. Но смотрите: когда вся культура была уже на высоте, наша математическая школа достигла второго места в мире, вдруг стали уезжать математики. Я знал, например, Новикова Сергея Петровича, знаменитого математика: он в Америке. Ма-

нин, мы с ним дружили одно время, – в Германии. Что их заставляет уезжать?

– Этот вопрос меня затрагивал, поскольку это и окружение мое, и часто – ученики, в которых я много вложил. Знаете, мне кажется, что есть разные причины этому. Во-первых, вероятно, изменился человеческий материал за 70 лет советской власти. Для того, чтобы эмигрировать, нужно занять довольно сложную позицию. Французские проститутки, например, говорят, что они – честные девушки, продают то, что у них есть. Те, кто уезжают за границу, не могут этого сказать. Они продают не только то, что у них есть, а то, чему их научило окружение, их учителя, учителя их учителей – это, может быть, столетие тянулось. Возникает и такая опасность, что их могут выжать, а после этого они и не нужны будут. Как хорошенькая девушка, которая потом постарела. Первое, как мне кажется, это другой человеческий материал. Тут проблема, может быть, патриотизма – того, что нехорошо в тяжелый момент бросать свою страну. А во-вторых, я думаю, что это некий закат, на самом деле происходивший в математике. Она переставала быть такой интересной. Вот в лузинской школе был, по-видимому, такой энтузиазм, что не готовы были они променять на сытую жизнь эти бдения, лекции Лузина, не могли уйти, вокруг него стояли. Потом он шел домой, они его до дома провожали, все спрашивали, что-то такое было. Но это, так сказать, вина нас, предшествующего поколения. Я к тому времени уже старый был. Такого горения энтузиазма уже не было, поэтому уехать было легче.

– Другими словами, внутренние причины, внутреннее развитие математики?

– По-видимому, да.

– *Наверное, и в физике это тоже есть. Я недавно подумал, что последние крупные открытия в физике – это эффект Бауэра – и все, с тех пор только технология.*

– Я могу вспомнить того же ученого, о котором вы говорили: Л. А. Арцимовича. Он был академик-секретарь отделения физико-математических наук. Тогда это было громадное отделение, обнимавшее очень много разных наук, геологию, например, астрономию. И вот как-то делал он отчет о деятельности нашего отделения за год. Я к нему подошел и сказал: вы не заметили, что вы в качестве двух основных достижений нашего отделения назвали создание большого ускорителя и запуск спутника. Ведь это же технические достижения, наука должна исследовать законы природы. По-видимому, это для него вопрос был очень продуманный, большой. Он немедленно взорвался, говоря, что эпоха открытия законов природы кончилась: «А сейчас перед человечеством открывается, может быть, более интересная, захватывающая технология, создание искусственной природы, комбинирование этих известных законов для использования их, для создания каких-то новых реальностей».

– *Наверняка это была продуманная его позиция. Вообще он человек был очень умный и думающий. Конечно, безусловно, он думал об этом. Я сейчас вспомнил: он как-то сказал мне или при мне, что Ньютону лафа была: он вошел в лес грибной, там кругом белые, подосиновики, не собранные никем до него. И вот он начал их в корзинку собирать. А сейчас, говорит, вынюхивают каждую сыроежку, уже весь лес обобран, и физикам очень трудно найти что-то новое. Действительно, вот некоторое такое иссякновение этого запаса интеллектуального, возможностей развернуться в математике, наверное, действительно становится меньше.*

– В физике, во всяком случае, уж в математике я этого не скажу, у меня нет такого чувства. Я помню свою молодость. Что нас поражало? Теория относительности, квантовая механика и генетика. Работы Моргана были, идеи гена, линейное расположение гена в хромосоме. Еще раньше – Мендель. То, что происходило, даже разгадка генетического кода – это, по-моему, логическое развитие этих же самых идей, а не принципиально что-то новое. В физике я такого не помню.

– *Сейчас дали Нобелевскую премию двум нашим физикам – Абрикосову и Гинзбургу. Ведь Гинзбург, собственно, ничего такого в последние годы не сделал, что действительно можно было оценить так высоко. Но, видимо, Нобелевский комитет отметил в их лице заслуги советской школы физики.*

– Знаете, что такое вообще Нобелевские премии? По каким причинам они даются? Я не берусь судить, это загадка более сложная, чем все проблемы, которые нобелевские лауреаты решили.

– *Хорошо. Тогда мы, наверное, закончим на этих грибах, с чего и начали. Я думаю все-таки, что не идея такого революционного энтузиазма, которого не было все-таки, как мы с вами выяснили, у ученых. И не какой-то такой, знаете ли, особой преемственности от до-революционных времен. Жуковского упомянули – да, это было, но все-таки расцвет был несопоставимый с тем фундаментом, который заложили раньше. Поэтому давайте все-таки думать, что есть какая-то внутренняя жизнь нашего народа, которая на поверхности дает эти плоды.*

– Есть такая яркая книжка Герберта Уэллса «Россия во мгле». Он говорит, что встречался в России со

многими учеными и видел, что они вымирают. И дело тут не в плохих материальных условиях – это они бы перенесли, а потому, что они чувствуют, что они здесь не нужны. Вот это неверно – по-видимому, это только часть картины. А ученые могут работать не потому, что они кому-то там нужны социально – их за это хвалят, они встречают одобрение своих коллег, их выбирают в академии или еще что-нибудь такое; а просто потому, что это интересно. И это долго может продолжаться. Я думаю, что на этом и жила вся культура. Культура имеет какой-то свой стимул, сама по себе притягательна, и люди поэтому в ней творят.

*Беседу вел В. Н. Тростников – публицист,
специалист в области экспериментальной
физики и вычислительной математики.*

ЗАРУБКИ ИСТОРИИ¹

– *Какие основания имеют под собой заявления об опасности фашизма в нашей стране?*

– Мне кажется, нужно прежде всего четко расставить точки над «i». Фашизм апеллирует всегда к национальным чувствам и, следовательно, является идеологией какой-то национальности. Так о чем идет речь, чей это фашизм? Чеченский, якутский, еврейский? Об этом не говорится, но, конечно, подразумевается всегда одно и то же: именно русский фашизм. Но это слишком уязвимая концепция. Русские не так давно – полвека тому назад – спасли как раз мир от фашизма, принесли в жертву десятки миллионов своих соотечественников, получив, может быть, самоубийственный демографический удар, который они до сих пор пережить не в

¹ Ответы на вопросы в программе Л. В. Мкртчян «Возвращение на родину».

состоянии. «Фашизм» – это, конечно, очень неточный термин. Было множество режимов, так называвших себя или близких к нему и во время Второй мировой войны, но, мне кажется, они были все слабыми и не смогли бы сыграть какой-то исторической роли. А реальной силой, которая играла роль в истории, был немецкий национал-социализм. Под ним и подразумевают фашизм. Это действительно была страшная сила – они прошли от Пиренеев до Волги и от Полярного круга до Египта. Каким образом они мобилизовали на это весь свой народ? Двумя концепциями – мирового господства и расового превосходства. Но русские склонны к смешанным бракам, они всегда селились среди других народов, причем не как колонизаторы. У русских нет чувства высшей расы, или избранного народа, или концепции превосходства белых, проявления национальной агрессивности. Когда ослабли государственные скрепы, национальные конфликты были – но какие? В Алма-Ате, Карабахе, Сумгаите, Фергане, Туве, т. е. они были либо между двумя нерусскими национальностями, либо русские были жертвами, но никогда не агрессивной стороной, даже, я бы сказал, наоборот. У русских сейчас ослаблено чувство национальной защиты. Вот Буденновск – такая страшная катастрофа, она не вызвала даже какой-либо реакции. И о каком мировом господстве русских можно говорить, когда русский народ сейчас вымирает? Цель русского народа – именно выжить. Но ведь обвинения эти не новы. Десять лет назад тоже крик стоял. Он тогда адресовался обществу «Память». Тогда писали, что в России господствует течение монархистов-фашистов. А теперь-то «Память» никто даже не вспомнит. Значит, угрозы фашизма нет, но в то же время этим жупелом все размахивают. Значит, какие-то основания есть? Мне кажется, что сейчас

эти основания проясняются. Ослабление русского народа создает в громадной богатейшей стране среду для грандиозных экономических спекуляций. Поэтому отстаивание русских национальных интересов сталкивается с сильнейшим сопротивлением, и одно из средств этого сопротивления – пропаганда опасности фашизма. Это хорошо выбранный лозунг, он апеллирует к жертвам, принесенным во время войны.

– Можно ли считать, что демократия установилась в России, согласно известному выражению, всерьез и надолго?

– Мне кажется, что этот вопрос относится даже не только к России, но и ко всему миру. Термин «демократия» имеет очень широкий смысл. Он появился две с половиной тысячи лет назад, в Древней Греции. И тогда речь шла совершенно конкретно о власти, осуществляемой там всем населением крошечного государства-городка, которое могло собраться на площади и вместе решать вопросы. Но и тогда высказывались сомнения, очень аналогичные современным. Например, Сократ спрашивал: разве на корабле решают большинством голосов, поднимать парус или спускать его? Много позже в Западной Европе возникли парламенты, т. е. идея представительной демократии, а теперь демократия, собственно, отождествляется со всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием. До революции это называлось «четырёххвостка». Идея ее нам должна быть очень понятна. Вся власть как бы делится на миллионы кусочков, и каждый получает по одному кусочку себе, а потом люди вкладывают их в определенные партии. Другими словами, это в точности идея ваучеров в приватизации, только привнесенная в политику. Но как ни относиться к результатам приватизации, положительно

или отрицательно ее оценивать – ясно, что, по крайней мере, богатства страны попали не в руки рядовых граждан, а в какие-то другие руки. И по аналогии мы можем заключить, что при такой концепции власти, основанной на «четырёххвостке», власть тоже окажется в руках не рядовых граждан. И мы видим, как на выборах исход их определяется деньгами, особенно через влияние на средства информации, как возникают грязные технологии и административный ресурс, т. е. появился целый язык для описания этих явлений. И как теперь растерянные люди говорят, как они выбирают: вот такой-то мне нравится как мужчина, говорит дама. А может быть, это нарочно телевидение нас воспитывает, чтобы мы таким образом к вопросу о власти в стране относились. Мне кажется, что демократия «четырёххвостки» – это среда манипуляций и аппарата для дележа власти партиями. А для нас, простых людей, и для нашей жизни важно как раз отойти от всех этих священных коров: от всеобщего, от прямого, от равного и от тайного голосования. Причем от последнего уже отступают. И ничего – оказывается, это можно. Для этого существует ряд идей, например ценз оседлости, чтобы в какой-то местности мог выбирать человек, который пять лет там прожил, а выбираться – который десять лет там прожил, с поправкой, может быть, для сложной судьбы военнослужащих. Или позаимствовать что-нибудь из идеи Соединенных Штатов, где президентом может избираться человек, родившийся только на территории этой страны. Или ценз квалификации, чтобы выбирались люди, способные реально оценить трудности и вопросы. Для этого маленький коллектив должен выбирать человека, которого они знают как честного и квалифицированного, должны выбирать выборщиков, которые должны потом дальше выбирать в другие органы власти, т. е. много-

ступенчатость выборов. И выборы, конечно, должны проводиться по производственному признаку, где люди друг друга знают, а не по громадным домам, где мы не знаем друг друга в соседних квартирах. Да и ценз возраста, по-моему, можно обсудить. Почему старик, которому несколько лет осталось жить, должен решать судьбу молодежи, у которой впереди вся жизнь? Мне кажется, разумно: получаешь пенсию – отказывайся от голоса, голосования. Другими словами, мне кажется, что демократия «четырёххвостки» не только у нас, но и в большинстве стран вряд ли удержится всерьез и надолго. Скорее всего, надо надеяться: жизнь будет двигаться, отходя от всех четырех хвостов.

– *Как вы стали заниматься математикой?*

– Математика очаровала меня какой-то особенной, строгой красотой. Мне очень нравится высказывание о ней одного английского математика и философа: «Если сравнить жизнь с трагедией “Гамлет”, то математика играет роль Офелии: она очаровательна и немного безумна». Но жизнь настолько непредсказуема, в ней столько неожиданных зигзагов, что нельзя небрежно отмахиваться от роли случая, который порой имеет в судьбе человека немаловажное значение. Я, например, познакомился в юности с замечательным человеком – Борисом Николаевичем Делоне, математиком, членом-корреспондентом Академии наук и к тому же заслуженным мастером спорта по альпинизму. Он бывал на многих горных хребтах, в том числе на Алтае, где один из пиков назван его именем – Делоне.

Чтобы отдать должное памяти Бориса Николаевича, должен сказать, что он на мою жизнь оказал очень большое влияние, причем как он был такой необыкновенный человек, так и влияние оказал он необыкновен-

ным способом. Обычно учитель математики, например я, на своих учеников оказывал влияние тем, что читал лекции, излагал теории, которые на них производили впечатление, занимался с ними, объяснял... А Борис Николаевич, когда мне было лет 14 или 15, сказал мне: «Знаете, Игорь, не учите вы всякие современные учебники, которые сейчас модны, а прочитайте классиков. Я вам дам великих классиков, и читайте». Я поехал на лето, взяв с собой труды двух этих классиков, читал их, это как-то и определило, по крайней мере на полжизни, направление моих занятий. И точно так же Борис Николаевич оказал влияние в смысле альпинистских походов. Он очень любил горы и обладал необыкновенным чувством красоты. Когда я хотел с компанией, уже позднее гораздо, пойти каким-либо путем, мы выбирали какой-то район, Кавказ или Алтай, я обязательно советовался с Борисом Николаевичем: каким маршрутом пройти? И всегда он говорил: идите не так, как все, а здесь сверните, другим перевалом пройдите – это будет гораздо красивее. И действительно, оказывалось гораздо красивее. Вот такое чувство красоты гор и привлекательности путешествия по горам на всю жизнь осталось. Пока у меня были возможности, я ходил по горам.

– *Каковы причины современного кризиса СССР, России?*

– Мне кажется, что понимание этого возможно в исторической перспективе. Ведь не первый же это кризис, даже в XX в. И обе революции 17-го года, Гражданская война, потом коллективизация, раскулачивание, на базе их индустриализация были даже более драматичны и радикальны. А перед тем – петровская реформа, про которую Ключевский писал, что Россия приходила

от нее в себя столетие. Какая общая база их всех? Видимо, русский народ – один из тех, который приносит в мир и в человечество некоторую свою индивидуальность, свой определенный тип жизни. Он легко восприимчив к новым концепциям, что видно, например, по тому, как глубоко и легко он воспринял Христианство. Но мучительно отторгает попытки как-то приглушить или подавить его собственную индивидуальность. А такое давление в течение веков идет с Запада.

Последние 300 лет – постоянная борьба двух мировоззрений в России. С одной стороны, стремление освоить, т. е. сделать своим, включить в свой тип жизни те привлекательные концепции, которые возникли на Западе. А с другой стороны, тенденция подавить свою собственную индивидуальность и включить весь путь России в рамки некоего западного, как часто говорят, проекта. И с этой точки зрения, если переходить к XX в., то Октябрьская революция – это именно подчинение страны самой радикальной, западной концепции марксизма, не имеющей никаких русских корней, выработанной в применении совсем к другим странам, когда Россия в качестве ее сферы применения и не предполагалась. Кульминацией всего был, мне кажется, самый глубокий «великий перелом» – это разрушение индивидуально-трудового крестьянского хозяйства и индустриализация страны за этот счет. Индустриализация за счет деревни – это, собственно, было принято и в Западной Европе, и в Соединенных Штатах. И главный лозунг тогда и был «догнать», догнать – это значит признать духовное превосходство лидера, это и была, мне кажется, принципиальная потеря духовной самостоятельности, самостоятельности в плане своей жизни, при внешних резких отличиях внутренних, это было принятие чужого плана развития, а приватизация

90-х годов – это только более обнаженное выражение того же принципа копирования, который принял уже какой-то карикатурный характер. И отказ от своего собственного пути – это признание духовной зависимости. Из нее уже логически вытекает и зависимость экономическая – от банков, международно-валютного фонда – и политическая. Брошены на произвол судьбы миллионы русских в Казахстане, Украине и Крыму. Все это последствия отказа от поисков и конструирования своего собственного пути жизни в духе своей исторической традиции.

– Не является ли быстрое сокращение населения, распад СССР и многое другое признаками приближающегося конца истории русского народа?

– Конечно, такой вопрос логически возникает. Но мне кажется, однозначный ответ на него невозможен. Я убежден, что в делах человеческих предвидение невозможно. Прошлое влияет на будущее, но не предопределяет его, как это имеет место где-нибудь в физике. А окончательное решение всегда принадлежит свободной воле отдельных людей и целых народов. Но явные и очень страшные признаки деградации, о которых мы говорили, конечно, существуют. В особенности падение численности государствообразующего народа: на 800 тыс. человек в год. И затем другие признаки – такие как упадок земледелия, бегство земледельческого населения в города, рост сепаратистских тенденций – все это точные признаки того, о чем говорят историки, когда описывают конец Римской империи или Византии. И можно, безусловно, объективно констатировать, что мы переживаем кризис, при котором ставится под вопрос само существование страны и будущее существование нашего народа как участника исторического процесса.

И осознание масштаба такого кризиса – необходимое условие его преодоления, чтобы понимать, какие силы необходимы, чтобы его преодолеть. Он сравним с кризисом, который произошел в XIII в. с покорением Руси монголами, а тогда преодоление его взяло века. Может быть, сейчас нужны не века, но, вероятно, многие десятилетия напряженной борьбы и больших жертв. Однако надо всегда иметь в виду, что есть и противоположная линия аргументов, что в истории много раз тенденция к гибели государства и народа преодолевалась, удавалось повернуть процесс в другую сторону. В русской истории так было и с монгольским игом, и в Смутное время, да и мое поколение пережило это в Великую Отечественную войну. Поэтому настроение обреченности неоправданно и, может быть, даже искусственно внушаемо, чтобы подавить волю, стремление и работу на сопротивление. Решение главных вопросов зависит от самого нашего народа, а не от внешних причин. Например, самое страшное – это падение рождаемости, это все-таки не материальный вопрос, а психологический, может быть, духовный. Сейчас рождаемость меньше, чем во время Великой Отечественной войны, но никто же не скажет, что материальные условия тогда были лучше. Так что возможность преодоления кризиса есть, но только если будет осознан его глобальный характер, масштабы усилий, которые требуются, чтобы изменить жизненную ориентацию. Вместо того, чтобы офицерам стреляться, вместо того, чтобы женщинам отказываться дальше рожать детей, иметь семьи небольшие и т. д., нужно эти же тенденции и другие переориентировать на борьбу за построение страны на основе своих жизненных традиций. Практически речь идет о том, чтобы встать на линию защиты и сохранения страны. Понять, что она находится в смертельной опасности.

– *Существовала ли когда-либо реальная альтернатива двум путям – монополюно-социалистического общества и рыночной идеологии жизни?*

– Мне кажется, что и эти два пути довольно неопределенны. Что под этим подразумевается – совсем не ясно, а то, что мы пережили в течение 70 лет (монополюная экономика, идеология и политика) и за последние 10 лет, собственно, путями не являются – это линии, которые привели к кризису, из которого надо еще выбраться. Но, безусловно, во всей русской истории последних веков в качестве возможного и предлагаемого, а иногда и навязываемого пути предлагался путь Западной Европы и Соединенных Штатов, а первоначально – Англии, т. е. индустриализация, создание индустриального общества за счет деревни, за счет рабочих рук разоренных крестьян. И в России все время шла борьба против этого пути. Вот и крестьянские реформы Александра II были построены так, чтобы предотвратить пролетаризацию деревни. И реформы министра Александра III, которые готовил Бунге, и реформа, которую готовил Витте, и те реформы, которые проводил Столыпин, несмотря на все различия и недостатки, имели одно общее – стремление сохранить деревню как ядро национальной жизни. А вот Гражданская война – это фактически цепь крестьянских восстаний, крестьянская война, целью которой было осуществление марксистского принципа. Потому что, согласно марксизму, общество должно быть разделено на два класса: пролетарии и буржуазия. Крестьянство не имеет здесь места. НЭП был временной победой крестьянства, связанной с движением кооперации. Россия стояла на первом месте в мире по количеству сельскохозяйственных кооперативов. Чаянов считал, что самым ценным в кооперации является элемент индивидуально-семейно-

го хозяйства, который необходимо сохранить, но трудовой процесс можно разложить на отдельные звенья, из них некоторые невозможно объединить, а другие легко в кооператив объединяются. Крестьянство, согласно его концепции, должно быть включено в громадную сеть разных кооперативов – в отличие от идей колхозных, когда все хозяйства объединяются по всем звеньям трудового процесса. На этом в принципе и был построен первый пятилетний план, утвержденный в 1929 г. И, по мнению очень многих экономистов, несмотря на то, что план предполагал быстрый рост, он был вполне реальным, хотя и не предполагал массовой коллективизации. Но потом он начал ломаться под знаменитым лозунгом «Пятилетку в четыре года», потом задания все увеличивались, но главное – была проведена жесточайшая коллективизация. А в результате была нарушена гармония различных элементов экономики и задания были не выполнены – не только те, повышенные, но и первоначальные. В некоторых случаях выплавка фактически остановилась на нуле, как, например, чугуна. Ломка пути, который предлагался и был вполне реальным, не дала ожидаемых результатов. А это была реальная альтернатива, которая, мне кажется, соответствовала бы русской традиции. Вот тогда эта альтернатива была упущена. Однако кажется очень важным факт, что такие альтернативные пути существуют – значит, всегда, в любой момент их можно найти, если над этим работать.

– *Как Вы оцениваете Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.? Было ли неизбежно участие в ней СССР и не была ли цена победы слишком высокой?*

– Мне кажется, что взгляд на эту войну может быть выработан только в исторической перспективе, т. к. это не первая такая глобальная война в истории России.

Перед нашествием Гитлера, более чем за 100 лет, было нашествие Наполеона. Перед тем – петровские войны с Карлом XII, а Швеция считалась сильнейшей державой северной и восточной Европы. Конечно, Великая Отечественная война была очень драматичной, потому что главную силу, благодаря которой она была выиграна, составляли мобилизованные крестьяне, только что прошедшие раскулачивание и коллективизацию. Я думаю: не учитывая этого, невозможно объяснить многомиллионное число пленных в первые месяцы войны. И миллион человек, которые остались на Украине и через 3 года, по официальным данным, были потом мобилизованы в армию, очевидно, просто разошлись по хатам. Самое страшное – то, что условно называется «власовцы», которые так или иначе участвовали в действиях на противоположной стороне, чего в русской истории со времен Смутного времени не бывало. И здесь действительно, по-видимому, столкнулись две линии. Одна, еще четко сформулированная Лениным, – это считать, что победа противника для нас даже предпочтительнее победы своей страны. Такой же в принципе была и точка зрения Власова, по которой отношение к общественному строю ставится впереди отношения к народу в историческом его видении. А другая точка зрения – крестьян войны 1812 года, которые могли бы ответить новой пугачевщиной, а вместо этого били французов. Вот эта точка зрения и победила в Великой Отечественной войне. Мне кажется, что это и является главным подвигом народа – не только что он выиграл войну, а то, что выиграл в этих условиях: народ поставил вопрос существования страны на первое место. Сыграли роль какие-то глубочайшие, психологические импульсы, заложенные в народе, спасение Родины стало доминирующим. Что касается необходимости войны, то здесь, по-моему, вопроса никакого

не было, потому что на нас напали, и видно было, что это не случайное нападение, а вся история наша последних лет состоит из таких походов Запада с попыткой подчинить себе Россию.

И, наконец, вопрос о потерях – он, конечно, болезненный. Если посмотреть на тогдашнюю жизнь, то не могло то же самое общество воевать иначе, чем так, как оно жило и строило жизнь тогда, т. е. очень жестоко, не считаясь с людьми. Безусловно, какой-то элемент избыточности потерь, жестокости был, об этом говорит в воспоминаниях маршал Жуков. Не любил Сталин слышать, что потери излишние. Как пишет Жуков, генералиссимус его обрывал: «Ну опять это нытье, на то она и война». И дело было, конечно, не в его личной психологии, он-то сам проявил гибкость ума, стал понемногу вникать в то, что происходит на фронтах в психологии всего руководства. Но как раз в отношении к войне, в отличие от коллективизации, гораздо труднее сказать, а на какие бы потери мы согласились, какие были бы разумными, война же без потерь быть не может. Границу здесь провести очень трудно. Ну, пожалуйста, вот Франция избрала другой путь войны – без потерь. Фактически сдалась без поражений, даже без единого сражения. Но ведь России был уготовлен план «Ост». Если бы Россия потерпела поражение, тогда народные потери даже оценить было бы невозможно. Я думаю, они были бы еще больше, еще глубже потрясли бы страну. Поэтому мне кажется, что в отношении к войне вопрос о потерях малопродуктивен и фактически носит скорее идеологический, чем исторический характер.

– Как Вы оцениваете вопрос о национальных отношениях в России, в частности введение уполномоченных Президента в федеральных округах?

– Вопрос о национальных отношениях в России, конечно, коренной, от него зависит будущее. Мне кажется, что этот вопрос созрел внутри СССР и в каком-то смысле СССР разрушил. В саму структуру СССР была заложена бомба – именно деление на несколько государств по национальным признакам, которые были наделены неслыханными правами, которыми ни в каком другом государстве никакие части не обладают, даже швейцарские кантоны перед Богом дали клятву быть вместе навечно. В СССР положение было особое, потому что эти свободы носили декларативный характер, а компенсировались монопольной властью коммунистической партии. Но когда власть ослабла, бомба взорвалась и взорвала Советский Союз. А в принципе такое же положение и в России: наличие автономных республик, которые со своими президентами, советами, конституциями называют себя государствами, у многих из них конституция называется государственная конституция государства такого или такого, в которых заложен приоритет закона над союзными законами, собственность над недрами и много подобных пунктов. Это такая же бомба – притом, что разделение произошло по абсолютно искусственному принципу – по принципу выделения так называемых титульных наций. В подавляющем большинстве из этих образований национальных республик и округов титульные нации составляли небольшой процент, или значительное меньшинство, или совсем незначительное меньшинство населения. Это является питательной почвой для сепаратистских тенденций, чрезвычайно сейчас естественных, хотя и болезненных, потому что благодаря политике, которая проводилась в Советском Союзе, – вложение средств в разные стороны развития нерусских образований, возникла интеллигенция, так сказать, первого поколения, которая непосредственно,

конечно, чувствует, что большая независимость дает больше простора, говоря грубо, появляется возможность президентов, а может быть, и послов, представителей при ООН, жизнь в Нью-Йорке и т. д. Но, конечно, это безумная тенденция не только с точки зрения русских, но и их самих, потому что именно русские защитили все народы. Конечно, русские завоевывали и Казань, и Астрахань, и завоевание Сибири было, но, как писал Токвиль, русские дошли до Тихого океана, не уничтожив ни одного народа. В то время как, например, германские народы в течение тысячи лет двигались к востоку от Эльбы и народы славянские, балтийские, которые заселяли тогда страну, сейчас исчезли, остались только в названиях провинций вроде Пруссии. С этой точки зрения этот вопрос очень болезненный, и будущность России зависит от его преодоления. Что касается уполномоченных, то, мне кажется, что само объявление об их создании ничего не определяет. И смысл этого действия будет виден по тому, как оно реально впишется в жизнь. Это могло быть началом процесса преодоления этого национально-административного деления, которое для России пагубно – по крайней мере, смягчением его радикально отрицательных качеств. А с другой стороны, это может оказаться лишь незначительной перестановкой внутри административного аппарата.

– *Как Вы относитесь к идее русского национального образования в пределах России?*

– Мне кажется, что это, собственно говоря, идея создания какой-то резервации для русских в России, это признание того, что на половине России живущие русские уже полностью отказываются от каких-либо прав. Если мыслить в терминах титульных наций, тогда в России есть единственная титульная нация – русские, кото-

рые составляют несравненно больший процент населения, чем так называемые титульные или коренные нации в любых национальных республиках или округах.

Россия входит в следующий век под знаком гамлетовского вопроса: быть или не быть? Об этом говорит падение и численности населения, и жизненного уровня, и геополитических позиций в мире. В XXI в. Россия должна бороться за свое существование. А какая же основная сила поддерживает государство? Мне кажется, что всякое государство складывается вокруг определенного народа. Народ – это живой организм, имеющий клетки и в некотором смысле душу, которая творит его культуру. Государство же – это его орган, подобно скелету, совершенно необходимый для существования, но не сама его сущность, поэтому абстрактные рассуждения о государственности и державности мне кажутся бесплодными и даже сомнительными, потому что часто скрывают какое-то другое содержание. Например, говорят, что Сталину можно многое простить, потому что при нем была создана мощная держава. Но Гитлер, например, тоже хотел создать мощную державу, да еще какую – от Пиренеев до Урала; но тогда возникает вопрос: за что же была война? Сейчас в мире видна тенденция – установить мировое господство с центром власти где-то в Соединенных Штатах и с опорой на силы НАТО. Россия и Сербия этому препятствуют, ну почему же не устранить их ради такой прекрасной цели? Мне кажется, что функционирование государства – это отражение реальной жизни народа. В России 82% населения считают себя русскими и 85% считают русский язык родным. И дело даже не в этих громадных процентах. Именно русский народ создал государство и культуру и особый взгляд, так сказать, на смысл жизни. Завоевания были, конечно, и были восстания и подавление восста-

ний, но если бы, например, прибалты, так агрессивно сейчас настроенные против русских, вошли в сферу не русской, а германской государственности, то о латышах и эстонцах говорили бы сейчас как о пруссах в Германии или о дунганах в Китае. В русском государстве немецкие бароны хотя бы перестали обладать правом первой ночи по отношению к прибалтам. Поэтому мне кажется, что вопрос о существовании России для всех народов, в нее входящих, – это вопрос: восстановит ли русский народ сильное национальное сознание как единого народа? С этой точки зрения надо и смотреть на все государственные программы. Например, ставят ли они в первую очередь вопрос об основной нашей боли, которую чаще всего обходят: о факте сокращения именно русского народа на миллион в год. А для государства реально это означает материальную помощь многодетным семьям, а сейчас, наверное, больше двух детей – это уже многодетная семья. Второй по важности вопрос, по-моему, – что русский народ является разделенным, что 25 млн. русских живут вне России, и это должно быть поставлено как главный национальный принцип, что русский народ обладает правом на воссоединение, как это провозгласили немцы, 50 лет ждали и дождались своего часа, и отстаивание конкретных геополитических своих позиций. Русский народ в самые критические моменты истории спасал и себя, и свое государство, собрав в кулак все свои силы. А сейчас, может быть, и есть самый критический момент нашей истории.

Вот встала проблема продажи земли. При частном и даже кооперативном владении какая-то форма ее продажи, вероятно, неизбежна. А реальный-то вопрос в том, как обеспечить, чтобы земля не выпадала из сельскохозяйственного оборота и не страдали интересы России. Но вот сейчас, в данный момент, вопрос, по-моему, глав-

ный – у кого же есть деньги, чтобы землю покупать. И авторов подобных проектов надо было бы спросить – пусть они проведут социологические обследования, это вполне возможно, и скажут, где же и какие капиталы имеются, на которые будет земля приобретаться. Тогда вот мы и увидим, о чем реально идет речь. Но важнее, мне кажется, даже другая сторона. Речь идет в основном о сельскохозяйственных землях: а почему же тогда решать хотят люди, не имеющие к сельскому хозяйству никакого отношения? Предлагают, например, провести плебисцит, но тогда логично проводить плебисцит среди крестьян, а решать хотят такие вот «земледельцы», которые живут в Москве и Петербурге. Другими словами, мне кажется, что это остаток крепостнического мышления или, может быть, номенклатурного, что не так уж отличается. И вот так сельское хозяйство всегда будет в упадке, потому что в любом деле только тот, кто работает, тот и знает, как нужно работать, и ему и следует решать.

– *Верно ли, что итог XX в. сводится к победе Запада над Россией в многовековой борьбе?*

– Действительно, по крайней мере последние 200 лет, было непрерывное противостояние Запада и России. Анализируя это явление, Данилевский в книге «Россия и Европа» одну главу так и назвал: «Почему Европа враждебна России?». И звучит очень современно то, о чем он пишет. Вешатели, кинжальщики, поджигатели становятся героями, сколь скоро их гнусные поступки обращены против России. И он приводит объяснение: Европа не признает нас своими, видит в нас нечто чуждое, что-то такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды. Гитлер покорил бы весь Запад, но был разбит Россией. И возникла мощная держава,

которая внушила страх всему миру, и страх этот ощущался до сих пор. А сейчас, наоборот, экономическая слабость и череда экономических уступок России привели Запад к ощущению всевластия. Не очень последовательное отстаивание своих интересов и жесткое пресечение любых попыток навязывать свою волю уже и сейчас может обеспечить зависимость России. Тем более что цивилизация, сложившаяся на Западе, имеет, несмотря на видимость, все признаки упадка. Если, например, обратиться к такой, владевшей всеми умами в 20-е годы, книге Шпенглера «Закат Европы», она ведь и была посвящена как раз именно вопросу о росте и упадке цивилизации, особенно размышлениям об упадке. Там он приводит признаки упадка некоторых цивилизаций. Они такие: это конец великих духовных творений, все силы умирающей цивилизации сосредоточиваются на развитии техники, политика превращается в империализм, имеющий характер подчинения более слабых. Как будто он на десятилетия раньше видел войны в Ираке и Сербии... И современная экономика Запада – это уже не экономика строящихся производительных мощностей, это в основном спекулятивная экономика, которую и в западной литературе называют экономической казино. В области спекуляции вращается в сотни раз больше средств, чем в реальной экономике. На Западе это называют пузырь, т. е. эквивалент наших пирамид, и с тем же вероятным исходом, т. е. очень близким к краху. Поэтому запугивание, что у них во столько-то раз больше ракет или их бюджет в 20 раз больше нашего, кажется мне сейчас малоубедительным. Баланс сил между Западом и Россией много раз колебался, и, вероятно, этот маятник снова качнется в другую сторону. Ну вот горько будет, если к этому моменту, когда Россия действительно не будет чувствовать давление

Запада, мы будем духовно не готовы. И мне кажется, что создание собственной идеологии и русского общественного мнения – это главная задача русской мысли и русской интеллигенции.

– *Есть ли будущность у деревни в России и во всем мире?*

– Я уже говорил, что еще до 1930 г. Россия была аграрной страной, потом стала индустриальной. Мне кажется, что важнейший для всего будущего вопрос, касающийся не только России: выживет ли в будущем во всем мире деревенская основа жизни? Тенденция, которая господствовала с XVIII в., – это ее постепенное уничтожение. И сейчас, например, в центре западной цивилизации, в США, фермеры составляют 3–4% населения. У нас с самого начала Гражданской войны прошло постепенное наступление на деревню и жесточайшая крестьянская война, что и было логично, потому что марксизм утверждает, что общество делится сейчас только на два класса – буржуазию и пролетариат, т. е. для крестьянства места нет. Горький в этом смысле был последовательным и каким-то биологическим врагом крестьян. Вернувшись со съезда крестьянской бедноты, сказал: «Видел тысячи морд». Ленин драматично говорил, что мы лучше все ляжем костями, чем разрешим свободную продажу хлеба, что требовало крестьянство. Но на это сил тогда не хватило, и после пришлось пойти на отступление, которое продолжалось 7–8 лет и закончилось коллективизацией и раскулачиванием. Но вся картина того, что произошло тогда в России, удивительно напоминает то, что произошло в Англии где-нибудь в XVII–XIX вв.: сгон крестьян с земли, изъятие массы средств из деревни и использование возникшей дешевой рабочей силы для индустриализации. Эта линия подавления крестьян-

ства побеждала по всему миру. И именно это создание более концентрированного городского индустриального общества привело к экологическому кризису западной цивилизации. Многие ощущают это сейчас. И теперь отношение к деревне, по крайней мере к крестьянину, меняется, возникла даже новая область знания – крестьяноведение. Выяснилось, что крестьянство не связано с какими-то формациями: капитализм, феодализм; как и семья, это есть древнейшая форма существования. Причем совершенно особенная, где крестьяне сами решают, что им сеять и что и когда собирать. Другими словами, труд основан на индивидуальном решении, фактически является творческим и в принципе не отличается от труда ученого и художника. И в этом смысле колхозник уже крестьянином не является. Труд крестьянина связан с природой. Деревня – это та часть современного общества, которая еще соединяет человека с природой и в то же время ограждает ее от разрушения. В России, и тем более во всем мире, этот процесс уничтожения крестьянства нельзя считать закончившимся, совершившимся. В России 27% населения живут в деревне, в Индии – 70, в Китае – 80%. Причем и Индия, и Китай обеспечивают себя продовольствием. И у нас, и во всем мире есть шанс сохранить как влиятельную часть общества его земледельческую часть, может быть, не в таких размерах, но в таких, чтобы она была влиятельной и определяющей во всей жизни. XIX и XX вв. были веками наступления города на деревню по всему миру. И чисто городское технологическое общество привело к уничтожению природы и жесточайшему экологическому кризису, который грозит существованию человека. Задача XXI в., мне кажется, – восстановить в новых условиях деревенскую основу общества. Причем не только в России, которую уже стали называть страной «третьего мира».

– Не стала ли Россия страной «третьего мира»?

– Действительно, многие факты показывают, что Россия приобретает типичные черты страны «третьего мира»: экономика, основанная на экспорте сырья, зависимость от иностранного импорта и кредитов, потеря независимой линии во внешней политике. Страна «третьего мира» – это лишь современное, может быть, более вежливое название колонии. Кажется, что сейчас весь мир подчиняется единой цивилизации, как бы неведомому мировому правительству. Но эта цивилизация сама переживает жестокий кризис. Во-первых, духовный. Все ее прекрасные творения – и Рафаэль, и Моцарт, и Шекспир, и Гете – все это у нее в прошлом. И, во-вторых, экономический. Стоимость труда, например в США, ниже, чем во многих странах Западной Европы. Неограниченные производственные возможности, о которых всегда говорили по поводу цивилизации, происходят за счет катастрофического истощения природных ресурсов. Один известный экономист даже сравнивал западную цивилизацию с предпринимателями, которые наживают большие деньги за счет того, что проматывают основной капитал своего предприятия. А этим основным капиталом и являются природные ресурсы. Так и возникает экологический кризис, когда из всего живого, животных и растений, один вид в час исчезает. Когда леса, которыми дышит наша планета, сократились вдвое, и она уже похожа на животное с ампутированным легким. Видно, что так продолжаться не может, и возникает вопрос о наследнике этой цивилизации. А наследник может быть только в «третьем мире» – Китай, или Индия, или Латинская Америка, а может быть, и Россия. Причем среди всех них Россия никогда не была колонией. Может быть, этой возможной ролью России и объясняется такая антипатия,

которую мы часто встречаем на Западе. Хотя бы когда нас с возмущением выгоняли с Ассамблеи экономического сообщества за то, что мы боролись против того же терроризма, который их главной язвой является. С этой точки зрения, может быть, роль России как страны «третьего мира» – это даже мировое призвание России. Отстаивая свой индивидуальный путь развития, Россия вырабатывает альтернативу катящейся к упадку западной цивилизации. Хотя, конечно, сейчас России вполне реально угрожает роль современной центральноамериканской страны с олигархами вместо наркобаронов. Но с другой стороны, Россия может также и стать лидером в создании новой, не западной цивилизации третьего тысячелетия, которую, может быть, и станут называть цивилизацией «третьего мира».

О НАБОЛЕВШЕМ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

– Что могут сделать писатели, деятели культуры, чтобы спасти Россию, как теперь должен жить русский художник?

– Вы знаете, настоящие русские писатели, которым сейчас от 60 до 80 лет, живут как подвижники, стараясь писать честные вещи. Вот в 2000 г. в журнале «Москва» был напечатан рассказ Белова под названием «Данные». Война много раз описывалась с точки зрения командующих, это так и называлось – лейтенантская проза. А здесь первый раз описана война крестьян, которые составляли большую часть населения России. Повесть насыщена разительными подробностями. Вот солдат хочет набрать воды в котелок, но котелок-то прострелен со всех сто-

рон в бесконечных атаках, обстрелах и т. д. Описывает жизнь в деревне семьи крестьянина с лесоповалами, с мучительной, совершенно нечеловеческой работой. Это необыкновенно сильная вещь. Еще маленький рассказ Распутина «Изба». Писатели живут так, как и должен русский христианин жить.

– *Есть ли реальная возможность повышения уровня образования в России? Остановки продажи мозгов на Запад?*

– Что значит – есть ли возможность? В каком-то смысле есть, а в каком-то нет. Я хочу сказать, что это, безусловно, не какая-то материальная сила, которая этому препятствует. На Западе платят много, и за этим ездят. Вот моя область, например, математика, охватывающая много областей, начала развиваться во время Гражданской войны в университете, в маленьком кружке...

Кончилась Гражданская война, и появилась возможность ездить за границу. Некоторые уезжали, все вернулись. В 1928 г. на Международном математическом конгрессе в Италии была большая советская делегация, никто из нее там не остался. Может быть, интеллигенция была другая. А может быть, тот психоз, что нужно зарабатывать деньги (если не поедешь за границу – пропадешь, дети голодать будут), их не охватывал. Несколько человек, вы знаете, уехали, демонстрируя, что отъезд был возможен. Но это все были даже не второстепенные, а третьестепенные математики, в общем не ставшие известными. Лучшие, которые составили знаменитую школу советской математики, не уезжали, хотя имели такую возможность. Думаю, что их держало чувство чего-то необыкновенно интересного. Думаю, это и было самым главным, что прекратило всякую утечку мозгов. И никто бы тогда эти мозги и не купил.

– Как Вы относитесь к книге Истархова «Удар русских богов», и в частности – излагаемой в ней идее, что Православие есть религия, созданная евреями для управления гоями?

– Мне кажется, прежде всего, надо русским понять, что кроме Православия у нас нет другой религии, мы можем жить с ним или просто без религии. Религия – это нечто, что человеку от рождения дано, что он сменить никак не может, т. е. нация может отказаться от своей религии, но тогда она конечна – это будет ее полный слом. Так что обсуждать этот вопрос, мне кажется, даже непрактично. Я видел эту книгу... Это призыв к возрождению язычества. В язычестве, вероятно, было много положительных сторон. Вряд ли страна с мрачной, дикой религией так легко приняла Православие. Я очень интересовался язычеством, есть несколько книжек, буквально три-четыре, в которых собраны все источники, которые сохранились, в основном полемические, тогдашних православных иерархов... Но о вере ничего не известно. Каким образом язычество исповедовать? Это чисто логическая бессмыслица. Потому что религия основывается на священном предании. Каково оно было – мы не знаем. На каком-то ритуале? Его мы тоже не знаем. Религия создается в результате вмешательства каких-то сверхчеловеческих, потусторонних сил.

Что касается Христианства и иудаизма, этот разговор в принципе мог бы иметь какой-то смысл в первые века Христианства. Но Россия-то получила Христианство, если окрашивать это в национальные краски, как греческую религию, всю пропитанную греческим духом. И когда Иван Грозный говорил Курбскому об Израиле, конечно, имел в виду вовсе не реальных, живущих где-нибудь в Польше евреев, а некий образ, созданный в русской культуре. Мне всегда грустно,

что есть маленькие группы людей, которые соединяют русский патриотизм со стремлением к язычеству. Грустно прежде всего потому, что это просто логически бессмысленная деятельность. Она заводит людей в тупик, уводит от единственной религии, которая может что-то дать в данный момент, и вводит в мир чисто логических противоречий.

– *Прошу объяснить: зачем нам нужно правительство, которое не развивает сельское хозяйство?*

– Что значит – зачем нам нужно? Это примерно вопрос такой же, зачем нам нужно было платить дань хану? Я не вижу сил на данный момент, которые могли бы другую ситуацию создать.

– *Как поставить предел уничтожению Родины? Народ спит, геноцид продолжается.*

– В данный момент не могу предложить никакого практического рецепта. Кроме того, нужно стараться жить, чтобы сохранить Родину. Потом это скажется, я уверен, каким-то чудом. То, что были люди, которые в этих условиях продолжали жить, это чашу весов куда-то склонит. Больше ничего в таких условиях и нельзя.

– *Издавалась ли в последнее время «Русофобия» и предполагается ли ее переиздание?*

– Нет, не издавалась. Что же издавать давно изданное? Последний раз она издавалась более десяти лет назад.

– *Каковы причины массового предательства интересов России руководителями России? Почему сейчас среди русских людей нет настоящих лидеров?*

– Первый вопрос, мне кажется, более-менее тавтологичен. Мы сами допустили таких руководителей

Россией. Почему нет настоящих лидеров? Я думаю, что положение, наверное, такое. Если бы мы жили во время Александра Невского, то, может быть, тоже сказали бы, что в России нет настоящих лидеров. Великий князь, который ездит в Орду, подавляет восстание, поднятое собственным сыном. Казалось, что людей нет. Настоящие спасители России, я думаю, были тогда монахи, которые уходили, причем поразительным образом, в лес, в пустынь, к зверям каким-то. И вот они спасали Россию. Думаю, что такие люди сейчас в России есть – те, которых автор записки называет настоящими лидерами.

– Эсхатологические воззрения были характерны для европейской цивилизации, в частности на рубеже каждого столетия и тысячелетия. В чем принципиальная специфика настроений сегодняшнего дня?

– Конечно, совершенно верно. Я даже собирал когда-то данные – в каком году ожидался именно конец мира. И это начиналось чуть ли не с IV в. Но уж, безусловно, к 800 г., к 1000 г., к 1200 г., 100 лет охватывало Западную Европу такое ожидание. Это какая-то специфика, мне кажется, средневековой Европы.

Мне кажется, то, что сейчас происходит – это несколько другое: это не смутное ожидание конца, но один из факторов. Однако имеется множество очень реальных, материальных факторов, которые все указывают одно и то же направление. И маловероятно, чтобы это было просто какое-то совпадение. Скорее это признак заката западноевропейской цивилизации.

– Что Вы думаете о российской науке? В компьютерах от Запада мы явно отстали. Вообще, видится сильная зависимость от мировой науки, в том числе по части техники. В России вроде умов хватает, но с

материальной базой плохо, многие уезжают за границу, уходят в бизнес.

– Во-первых, здесь соединены две вещи, которые я бы никак не соединял, – наука и техника. Это совершенно две разные формы деятельности. Наука – это некоторое духовное творчество. А техника – это некое реальное осуществление власти в очень специфической форме, которая, конечно, присуща человеку и, может быть, даже как-то связана с грехопадением – самыми первыми шагами человечества, с той эпохой строителей городов, о которой говорится в Ветхом Завете. Но она была взята как основной принцип западной цивилизацией. Один немецкий социолог даже сформулировал, что такое прогресс. Прогрессирует техника – это и есть главный принцип западного общества – убийство природы и замена ее искусственной природой, техникой. Такой элемент враждебности к природе можно в западной цивилизации проследить с очень давних пор, даже лозунг «Победить природу» говорит о восприятии природы как врага. Он принадлежит Фрэнсису Бэкону, который жил в конце XVI – начале XVII в. Это было начало развития западного общества. Ему же принадлежит высказывание, превращенное в лозунг «Знание – сила», т. е. отношение к науке не как к творческому процессу, а как к чисто утилитарному – для осуществления своей власти. Этот принцип западной цивилизации в советское время вполне усвоили.

Думаю, что роль науки была колоссальной именно потому, что она являлась центром западной цивилизации. И с угасанием этой цивилизации роль науки будет уменьшаться. В этом смысле для России важнее не то, чтобы пытаться Запад в этом отношении нагнать, а выработать в новой ситуации какие-то свои принципы восприятия мира. С одной стороны, учитывающие

все достижения и методы рационального мышления, которым мы овладели, с другой – не противоречащие нашей духовной традиции. Мне кажется, Россия в западную, даже научную, цивилизацию входила за счет отказа от своих духовных принципов, потому что эта цивилизация была абсолютно атеистическая, в принципе материалистическая, механистическая. Это видно было в драматических ситуациях. Ньютон, например, был глубоко верующий человек; во что он там веровал – мне трудно даже сказать, какой-то сектант был, к какой секте – трудно установить – принадлежал. Но явно, что религиозные переживания играли колоссальную роль. Научная же его деятельность внедряла, с невероятной силой развивала чисто механистический взгляд на жизнь – в принципе, вся Вселенная воспринималась как машина, мировая машина – принцип, которым ученый все время пользовался. Он то одну сторону пытался сформулировать, то другую. Например, в черновиках Ньютон высказывал одни взгляды, а в книгах – другие. Причем в черновиках – как раз взгляды о том, что мир не может быть понят как машина, а в опубликованных, классических его произведениях – именно попытка осознать мир как машину. Это особое мировоззрение только с западной цивилизацией и связано. Я сам в этом смысле ее ученик, потому что и математика тоже в значительной мере связана с этим развитием, хотя особое место занимает. В ней очень важен эстетический элемент, а ни в какой мере не прикладной. Я, например, уверен, что в каком-то смысле, если бы материального мира не существовало, математика все равно была бы. Но сейчас весь порыв, который зачат был на Западе, себя исчерпывает. Остается развитие техники, в котором они преуспевают, но не знают, для кого оно привлекательно. Действительно,

есть масса таких мечтаний, что людей можно заменить искусственными существами, они называются киборгами, т. е. кибернетическим организмом. Говорится, что, конечно, человек потеряет свою индивидуальность, зато приобретет, может быть, бессмертие, колоссальные возможности и т. д. Когда-то во французском журнале были опубликованы прогнозы на 2000 г., уже прошедший. И там видные представители науки высказывали свои надежды, даже научные фантазии. Это были лауреаты Нобелевской премии, члены американской, советской академий наук, научная элита. И что же? Они все время говорили, что жизнь должна быть благородна и красива; идеи такие: еда будет заменена искусственной пищей, которая будет не пережевываться, а вводиться внутривенно; дети будут производиться искусственным оплодотворением, причем желательно от родителей, которые давно умерли, чтобы их вклад можно было точно и объективно определить; сперма будет храниться в каких-то грандиозных холодильниках. Это какой-то кошмар, в который люди попали не то что по неведению, а который сами выдумывают как свои идеалы. К сожалению, это путь, от которого трудно отказаться. Человечество в каком-то смысле зашло в тупик и, по-видимому, должно перенести какой-то крах. Но в основном это крах западной цивилизации, для остальных это будет потрясение настолько, насколько они себя с этой цивилизацией отождествляют.

– *Лев Толстой предан анафеме. Можно ли его цитировать православному?*

– Толстой отлучен от Церкви за свои вполне определенные суждения на религиозные темы, но почему нам запрещать цитировать «Войну и мир»? Я не понимаю этого.

– *Существует ли жидовское иго? Надо ли бояться жидов?*

– Меня очень в этой области страшит упрощенное, примитивизированное понимание. К последнему юбилею Победы в газете «Завтра» у меня взяли большое интервью. Потом его напечатали в Интернете, а там были отклики – печататься может, кто хочет. Кто-то эти отклики распечатал и подарил мне. Один человек написал: академик Шафаревич прямо и четко сказал, что после революции правительство состояло из одних евреев, а до него никто не смел этого сказать, поэтому ему при жизни надо поставить памятник. Я никогда ничего похожего не говорил, потому что это неверно. Можно было сказать, что там присутствовало пропорционально много евреев – очень большое, доминирующее влияние... И с точки зрения человека, глобально оценивающего историю, если бы это была какая-то египетская история, может быть, такое суммарное суждение было бы допустимо, но в отношении собственной истории, мне кажется, каким-то образом надо стараться различить все нюансы и тонкости, которые в ней есть, это же наше.

– *Меня волнует проблема миграции в России. Игорь Ростиславович, что Вы думаете по этому поводу?*

– Думаю, то, что вы имеете в виду, связано не с перемещением населения «туда-сюда», а с въездом в Россию. Это громадный процесс, который продолжается уже несколько десятилетий. В журнале «Москва» публиковались работы социолога Андреева, в которых много интересных цифр. Например, там говорится, что за последние 50 лет количество грузин в РФ увеличилось в 3 раза, а азербайджанцев – в 8 раз, в то время как население за эти 50 лет выросло примерно на 35%,

а количество русского населения падает. У нас нет ни эффективного контроля над иммиграцией, ни какого-то ее планирования, а сейчас даже в принципе невозможно говорить о национальности иммигрантов. У нас самих в паспорте отменена графа «национальность». Как же нам разделять разных иммигрантов, если невозможно отличить, например, русского от узбека? Вопрос заключается в том – нужно ли? Либералы говорят, что не нужно различать. Я думаю, что, безусловно, въезд к нам людей очень существенно зависит от того, в какой культуре, в какой традиции эти люди выросли – и в языковой, и в религиозной, и в чисто культурной. Конечно, с точки зрения интересов русского народа лучше было бы, если бы те 20 млн. русских, которые остались вне России, отстаивали там свою русскую индивидуальность. Но для этого им нужна хотя бы минимальная поддержка официальной Москвы. В то же время вся ее политика последние 12 лет сводится к систематическому пренебрежению именно теми областями, которые считают себя русскими или так или иначе стремятся не потерять связи с Россией. Прежде всего, это касается Крыма, потеря которого была совершенно необъяснимой. Это вопрос, который, я думаю, будет загадкой для историков. И что Россия воевала за Крым – это можно понять, а что отдала его без каких бы то ни было оснований – и Крым, и Севастополь – уразуметь нельзя. Что уж говорить о проблеме Панкисского ущелья! Это, собственно говоря, одна и та же линия нашей обороны, главная часть которой была сдана с отдачей Севастополя и которую, собственно, невозможно удержать, когда один участок прорван. И теперь в такой ситуации было бы желательно рассматривать этих русских хотя бы как более предпочтительных иммигрантов. В одном из годовичных посланий Президента промелькнула такая

мысль: трагическая демографическая ситуация русского народа. Облегчение русским въезда в Россию и было бы каким-то конкретным действием в улучшении такой ситуации. В любой стране переселение вглубь ее людей той же культуры и традиций обеспечило бы их безболезненную интеграцию в общество и, например, уменьшало бы опасность этнических конфликтов или криминализацию. И мы имеем дело здесь с судьбоносным, общемировым явлением, отраженным не только у нас. Эта миграция жителей бедного, но с растущим населением юга в более благополучные, хотя бы относительно более благополучные, страны севера, в которых население растет медленнее или вообще не растет. Это вдвойне разрушительный процесс. Он как бы связан с разрушением человеческой цивилизации вообще. Во-первых, народы юга эксплуатируются индустриальным севером и культура их разрушается. Благодаря этому и происходит бегство оттуда. Во-вторых, иммигранты с юга, внося в другие страны совершенно чуждую им культуру, чуждые традиции, не интегрируются в это общество, им трудно сделаться такими же жителями этой страны, как те, которые в течение нескольких поколений уже там выросли. Они замыкаются в свои анклавов, больше подвержены искушению криминализации. Например, в опубликованном в 2000 г. списке 20 наиболее опасных разыскиваемых полицией преступников в Лос-Анджелесе было 17 латиноамериканцев, 2 негра и 1 белый. Я ни в коем случае не хотел бы, чтобы это воспринималось как акт недружелюбия по отношению к народам, представители которых превращаются в беженцев, бросают свою страну и бегут куда бы то ни было, хотя бы и в Москву. Часто они ищут место, в которое попасть легче всего и из которого надеются пробраться дальше, на Запад, в более благопо-

лучные страны. Они сами жертвы некоего социального строя, утвердившегося на нашей планете. Но как жертвы они и разрушительно действуют на страны, в которых их оказывается все больше и больше. Например, во Франции мусульмане составляют уже более 10%, в Германии падает численность немецкого населения, а общая численность поддерживается в основном за счет миграции турок.

А наиболее острое положение, пожалуй, в США. Хотя эта страна – вообще страна иммигрантов, поскольку основное население как влиятельный этнос вообще уничтожено. Но в XIX в. там все же сложился определенный англосаксонский тип культуры. А в последние десятилетия произошел громадный всплеск миграции – подсчеты говорят, что к 2050 г. треть населения составят выходцы из латиноамериканских или азиатских стран, а более $\frac{1}{5}$ – африканцы. В Соединенных Штатах всегда существовала очень жестко разработанная система контроля въезда в страну: подсчитывались относительные размеры национальных общин и в таких же пропорциях делилось количество иммигрантов, которые за год допускались в страну. Но после Второй мировой войны против этого принципа началась активная борьба, и он был сломан. И началась массовая, малоконтролируемая миграция, частью законная, но главным образом – незаконная и неучитываемая. Американцы сами не могут сказать, сколько у них мусульман, сколько выходцев из Латинской Америки. Кто приводит одни цифры, а кто – другие. Причем поразительно, что власть явно против любого контроля над иммиграцией. В одной газете была яркая статья под красноречивым названием «Америке не нужно границ». В то же время опросы населения показывают, что все больший его процент этим явле-

нием обеспокоен. Например, в Калифорнии в 1970 г. потомки европейских иммигрантов составляли 80%, а сейчас – 47, т. е. меньшинство. В школах ряда районов английский язык преподается как второй. Большинство предметов преподаются на испанском. Белое, не латиноамериканское, население сокращается. Средняя женщина, как говорят, европейского происхождения рождает двоих детей, а латиноамериканская – четырех. Считается, что к 2030 г. в Соединенных Штатах будет европейского происхождения только 20% населения. Больше будет жителей азиатского происхождения, а больше всего – латиноамериканского. Негры же сохранят свое процентное положение – 6%.

Всплеск обсуждения всех этих вопросов произошел в связи с террористическими актами 11 сентября, т. к. явно, что осуществили их вот эти иммигранты, законно или незаконно проникшие в Соединенные Штаты, но жившие там. Возможно, даже законно, по законным каким-то документам обучавшиеся там технике полета. Президент Буш заявил, что Соединенные Штаты будут бомбить Ирак, потому что там готовились террористы, которые напали на Нью-Йорк и Вашингтон. Но с этой точки зрения прежде всего надо было бы бомбить, вероятно, Соединенные Штаты и Западную Европу. Потому что, готовил ли Ирак этих террористов – это еще не ясно, это совершенно аморфные какие-то высказывания, не сформулированные в виде каких-то конкретных обвинений. А о подготовке этих террористов, например в Соединенных Штатах, в Германии и Англии, были конкретные сведения. Общая мировая причина этого колоссального явления заключается в том, что правящая сейчас миром цивилизация стремится уничтожить национальную основу государства и как бы вытесняет из жизни национальный фак-

тор. Он враждебен тому типу цивилизации, который сейчас сложился на Западе. Многократно это встречалось и у нас – стремление уничтожить национальный характер страны – в нашем случае, конечно, русский. Например, это видно в изменении паспорта. Почему-то отметка, какой мы пол имеем, все еще в паспорте сохраняется, в этом не видят никакого криминала. А национальность стерта, как ее желательно бы стереть из жизни. Один из лидеров западной цивилизации, который был первым председателем банка реконструкции, написал книгу «На пороге 2000-летия», где говорит, что в новом тысячелетии, в котором мы живем, люди превратятся в кочевников, которые не будут связаны с какой-нибудь страной. Они покончат с национальной привязкой, как он писал. И сам человек станет в значительной степени искусственным существом, в него будут вмонтированы искусственные органы, микросхемы и т. д. Это единое стремление цивилизации, как она на Западе сформировалась, заменить все живое на искусственное и техническое. И уничтожение национальной компоненты жизни – это такой же болезненный и опасный признак, как, например, экологический кризис.

– Игорь Ростиславович, по соглашению в Беловежской Пуще союзные республики разделились. Между тем мы видим, что половина жителей закавказских республик (а официально это уже отдельные страны) живут в России, и больше всего их находится в Москве, С.-Петербурге и в их пригородных зонах. Причем люди приезжают сюда вовсе не для того, чтобы созидать, интегрироваться в русское общество, работать на заводах, фабриках, поднимать экономику; приезжают в лучшем случае торговать, перепродавать, покупать, или объединяются в криминальные группы. И этот про-

цесс все увеличивается. И это действительно грозит рано или поздно глобальной катастрофой для русского народа. Что Вы можете сказать по этому поводу?

– Это нельзя, наверное, вычленить отдельно, изолировать от общей ситуации. Положение такое, что национальное государство сегодняшним правителям мира не нужно. И в той же самой Америке иммигранты дают более дешевую рабочую силу. Партии стали уже настраиваться, что они будут поддерживать ту или иную группу; как они говорят, легализовать тех, кто незаконно проник в страну, давать им статус законных граждан. Республиканцы поддерживают выходцев из Латинской Америки, демократы – азиатских иммигрантов и черных. Такое же положение и в России. Я думаю, что национальная Россия действительно глобально не нужна той структуре, которая в мире сейчас формируется и доминирует. И отражением этого является неконтролируемый и, в конце концов, по слабости или по умыслу, поощряемый поток иммигрантов. Мы потеряли ряд чисто русских территорий, но хотя бы их жителей можно было бы в первую очередь обеспечить оформлением гражданства. Как правило, они и составляли более интеллигентную, более связанную с большей модернизацией часть этих стран. И приезд их был бы и для России более важным. Но в каком-то смысле это не нужно. Русским властям русское государство не нужно так же, как немецкое, французское. Судя по разным опросам, которые производились, немцы и французы с этим примирились, а русские – еще нет.

Думаю, что в принципе сейчас в мире действует некая навязываемая система не только России, но и другим странам мира, по которой правительства стран и должны действовать. В данном случае мы коснулись проблемы иммиграции, это стирание национальных границ, нацио-

нальной идентификации, она ставится как непреложный такой факт, видимо, как результат того, какое правительство будет находиться в конце концов у власти.

Надо надеяться, что появится у нас правительство, которое будет опираться на поддержку народа, а не международных финансовых или каких-то еще, может быть, технократических сил.

– Игорь Ростиславович, сейчас нехватка работы в Белоруссии, на Украине. Так пусть украинцы, белорусы приезжают работать в Россию, а азербайджанцы – в Ирак, Иран – куда угодно, в страны, которые им ближе по культуре, как теперь принято говорить, по менталитету. Так ведь нет. Славяне сюда приезжать не могут, а едут люди с совершенно чуждой культурно-религиозной базой, специально их сюда ввозят, что ли? В чем дело?

– Думаю, с точки зрения тех, кто хочет распродавать энергоресурсы и т. д., такой безнациональной, денационализированной страной легче управлять. Я бы не предположил, что это был заранее спланированный разговор с целью открыть шлюзы въезда в Россию. Но это связанные явления, эти люди имеют и деньги, и средства информации – так они влияют.

В июле Главным управлением внутренних дел Москвы был проведен рейд, и выяснилось, что около полутора миллионов азербайджанцев в Москве живут по подложным паспортам. Эту проблему нужно как можно скорее и радикальнее решать, иначе она приведет к глобальной катастрофе.

Казалось бы, у нас открытое общество, свобода слова. Это явно болезненный и сложный вопрос. Он должен обсуждаться, обдумываться, должны предлагаться и необходимо взвешиваться разные программы решения этого вопроса. А это все происходит в пол-

ном молчании, так что большинство наших проблем, острых проблем, решаются путем как бы их выталкивания из сознания. При коммунистическом режиме был такой излюбленный прием решения вопроса: запретить его обсуждение. Положение с Церковью, отношения между национальностями, низкий жизненный уровень, падение рождаемости – запрещалось об этом говорить – и все. Экологический кризис – в какой-то момент о Байкале запрещалось писать. У нас пока такого прямого цензора, который взял бы на себя ответственность Главлита, нет. Это делается другими средствами.

Но хотя бы какое-то гласное широкое обсуждение этой проблемы должно быть. У нас же есть целый ряд специалистов, которые имеют свою точку зрения, и целые институты, занимающиеся этим вопросом, но каким-то образом их мнение никто не слышит.

– *Что будет, если Россия вступит в НАТО?*

– Думаю, что не вступит Россия в НАТО, она НАТО не нужна. Россия сильно способствовала вступлению Украины в НАТО, например, заключив договор три года назад с Украиной, по которому был полный отказ от каких-либо отстаиваний интересов русского населения русских областей – Крыма, даже Севастополя. Почему это способствовало вступлению Украины в НАТО? Потому что в уставе НАТО есть пункт, по которому туда не может быть принята страна, которая имеет территориальные споры с другими государствами. Это последнее условие, мешавшее Украине вступить в НАТО, было снято.

Сейчас произошло невероятное предательство. Маленькая частица русской земли – это Приднестровье. Там примерно поровну русских, украинцев, молдаван, есть немного евреев, немножко немцев. Они считают,

что объединение с Молдавией равносильно их вовлечению в Румынию. В каком-то смысле это верно. Потому что Молдавия, за исключением Приднестровья, – это собственно Бессарабия, которая была одной из самых нищих частей в России, нищая часть Румынии. Там очень слабенькая экономика. Почему они так стремятся присоединить к себе Приднестровье? Потому что они электричеством питаются от Приднестровья, например. И Румыния при всех попытках молдавских националистов присоединиться к Румынии ставила условие: без Приднестровья Молдавия им не нужна. Вот это условие Румынии было выполнено. Мне кажется, что главная опасность заключается в том, что Россия не только пассивно смотрит, но активно способствует тому, что НАТО ее со всех сторон окружает. После этого ей и вступать в НАТО не нужно.

– *Как Вы оцениваете книгу Солженицына о взаимоотношениях евреев и русских в Российской Империи?*

– Мне кажется, это содержательная книга, в которой много материала, подобранного так, что он не вызывает сомнения. Например, еврейские источники, по которым можно судить о сильно преувеличенных слухах о погромах и т. д. В этом смысле книга мне кажется очень содержательной. Она написана в своеобразном стиле, как бы автор «Архипелага ГУЛАГ» превратился совсем в другого человека. «Архипелаг ГУЛАГ» основан как раз на минимальном количестве источников. Какие могли быть, собственно, источники? Рассказы 200 эзков? Но неким пафосом, собственным чувством передавалось ощущение, которое он воспринял. Здесь автор встал совсем на другую точку зрения. Он как бы подавил в себе автора «Архипелага ГУЛАГ» и на чисто фактологическом материале продемонстрировал неко-

торые факты. Мне кажется, каждую книгу нужно ценить по тому, какие цели она ставит.

– *Случайно ли в Москве в новой архитектуре столь много строений в виде пирамид?*

– Мне кажется, что если бы эти пирамиды мы сами выдумали, это было бы не так страшно. А дело в том, что эти пирамиды во всех городах стоят. И ужас заключается в том, что Москва изменилась так, что от любого города, подчиненного Западу, не отличишь. Скорее она имеет тип колониального города – стандартные, западного типа строения, перемешанные с какими-то элементами национальной архитектуры – то ли старинными зданиями, то ли храмами, которые иностранный турист может сфотографировать. На меня именно такое впечатление произвел, например, Бангкок. В этом смысле, конечно, ужасно, что Москва предпочитает эклектику. Гамсун когда-то писал, что, когда впервые увидел ее, она его поразила, потрясла. Москва этот свой облик полностью потеряла.

– *Прав ли был Сахаров, отказавшись от дальнейших работ по водородной бомбе, поскольку ее мог применить СССР в войне?*

– Я совершенно не знаю никаких фактов, что Сахаров отказался работать над водородной бомбой. Я его спрашивал когда-то, осторожно: когда вы занимались этим, вас не беспокоило, что может быть очень крайний эффект? Он говорил: нет, мы были уверены, что делаем важное, полезное дело, устанавливаем мировое равновесие. Я других точек зрения его не слышал. Потом он написал трактат с либеральной критикой советского строя, даже не трактат – большую статью, опубликованную потом в одной американской газете. И после этого

академика уволили из центра в Арзамасе-16, где он был руководителем по научной части.

– *Запад и США идут к экономическому кризису. Можно ли определить временные границы этого процесса?*

– Мне кажется, что временные границы такие: что он уже начался, год уже как происходит, довольно медленно идет. Вот авторы в американской критической литературе говорят следующие вещи. Представьте себе пирамиду. Для хозяев этой пирамиды важнее всего, чтобы никто не заподозрил, что в ней что-то не в порядке. Значит, они должны продемонстрировать всяческое благополучие своего предприятия. Вот это примерное положение Америки – может быть, всего Запада, с ней связанного. И поэтому приводится такая статистика, что доходы, полученные в сфере обслуживания, входят в доходы населения.

В сферу обслуживания входят игра на бирже, брокерские доходы и т. д. Поэтому доходы, спекуляции на бирже, которые ничего не производят на самом деле, создают впечатление роста экономики. И по статистике за 10 лет, кажется, на 30% вырос материальный уровень в Америке. Они говорят: давайте считать, что в экономике называется корзиной потребителя, т. е. по тому, что нужно людям на самом деле, в смысле еды, жилья и в самом широком смысле для обеспечения всяких инфраструктур, медицинского обеспечения, образования и т. д. Тогда выходит, что уменьшился уровень. И вот приводят следующий аргумент: представьте себе, что легализована проституция или продажа наркотиков. И доходы от них учитываются в качестве доходов граждан; тогда жизненный уровень в Америке еще в десять раз увеличился бы. Вот они говорят, что примерно такая картина и сейчас происходит. Что, собственно, идет кри-

зис, постепенный спад, который подходит к точке кризиса, но он всячески затушевывается центрами, которые регулируют мировую экономическую жизнь. Есть еще и такая версия, что все эти драматические террористические акты и военные действия в Афганистане – одна из их целей отвлечь внимание от этого кризиса, потому что кризис в значительной мере есть психологическое явление, люди начинают понимать, что экономика в состоянии кризиса, они пытаются изымать свои средства, а на самом деле средств-то не так и много. И экономика быстро разрушается, как это было в 1929 г.

– *Что будет с Югославией, почему Россия не подержала сербов?*

– Это примерно потому же, почему и отказалась от Приднестровья. Потому что такова была воля тех, кто диктует с помощью тех или иных рычагов политику государству. Конечно, в Сербии мы потеряли последнего своего самого западного союзника. Это надо сравнить с положением перед Великой Отечественной войной. Ведь тогда Гитлер чувствовал, что не может напасть на Советский Союз, пока в тылу находится неподчиненная Сербия. Сначала он заставил Югославию войти в так называемый Тройственный пакт, т. е. подчиниться власти национал-социалистской Германии. Но там произошел переворот. Тогда ему пришлось для того, чтобы обеспечить себе тыл, начать кампанию в Югославии, потом в Греции – до Крита он докатился. И это почти на два месяца задержало начало войны с Советским Союзом. И не знаю, как бы развивались эти события, если бы война началась тогда, в конце апреля. И вот положение такое же, страшно похожее, что Запад должен был уничтожить независимую Югославию, чтобы развязать себе руки в России.

– *Как Вы относитесь к возможной канонизации Ивана IV – Ивана Грозного?*

– Поразительно: мне такая идея никогда бы в голову не пришла. Это надо было к митрополиту Филиппу обратиться за консультацией.

– *Как Вы можете оценить Президента Путина?*

– Думаю, по делам, я же не дама, которая говорит, что мне нравится его походка.

– *Как Вы относитесь к отделению, например, Татарстана от России или басков от Испании?*

– По поводу басков – я совершенно не знаю их истории. Они в Испании, во Франции – и всюду это какая-то болезненная история. А что касается Татарстана, я совершенно уверен, что он отделяться от России не хочет, ему очень комфортабельно жить здесь. Вопрос заключается в том, чтобы они согласились, что будут жить в России на равных условиях, чтобы житель Татарстана не был в лучшем положении, чем житель Орловской или Курской губернии. Примерно лет восемь назад у меня была статистика: какая область какой процент собираемых налогов отдает в бюджет России. Это что-то поразительное. От 2 до 70% менялось. Ну, это, конечно, невозможная ситуация. И, так сказать, декорация сепаратистских тенденций: ах, ты мне не дашь того-то – я уйду в сепаратисты. Это, по моему, некоторая форма шантажа. Нет, не верю, что на Волге имеются какие-то реальные стремления к независимости. Их реалистично даже описать нельзя, в какой форме они могли бы реализоваться.

– *Согласны ли Вы, что кризис экономический, экологический, моральный, национальный, демогра-*

фический является следствием одного кризиса – духовного? Если да, то какие пути выхода из него Вы предлагаете?

– Думаю, это не просто кризис человечества, а кризис вполне определенного общества, которое возникло на Западе и начало складываться в Италии где-то в XII–XIV вв., потом во Франции, Англии, Германии, Соединенных Штатах. Это общество растет, как организм, и силы его кончились; оно совершило путь, который ему было предназначено совершить. Хорошо это или плохо – потомкам судить. Но больше у него реальных сил нет, оно прожило свою жизнь и умирает. Какой же это кризис – духовный или материальный? Мне кажется, что это трудноразделимые понятия – их очень хочется разделить, но это трудно.

– Сейчас в нашем обществе развивается идея христианского социализма. Что Вы об этом думаете?

– Я не знаю, где такая идея развивается. Это, мне кажется, как если бы развивалась идея горячего снега. Социализм всегда основывался на насильственном подчинении человека. Христианство этому противоречит, социализм предполагал некоторую насильственную унификацию общества. И социализм, который от этого отказывается, – это уже что-то совершенно другое, это не социализм, а движение, почему-то желающее сохранить это название. Так что я не представляю, как это можно было хоть как-то соединить. Владимир Соловьев даже сказал, что Христианство очень похоже на социализм, но разница только маленькая: Христианство предлагает отдать свое, а социализм предлагает забрать чужое. Христианство предлагает это отдать добровольно, а социализм – взять насильно. Мне кажется, что он прав.

– *Не превратится ли в скором будущем Москва православная в Москву мусульманскую?*

– Вполне может быть. Сейчас численность мусульманской диаспоры увеличивается с огромной скоростью и несет эту угрозу. И это особенно ярко видно в Москве. Причем дело не в мусульманах именно. В одном подмосковном поселке, например, вдруг оказались чуть ли не доминирующей группой негры из Сомали. Колоссальное количество вьетнамцев...

Не так далеко от нас произошел такой случай. Подростки играли в футбол, начали спорить. Там были подростки-вьетнамцы, они выхватили ножи и одного из игравших убили, другого порезали. Об этом, конечно, никто не говорил. Это совсем не то, что погром, который на рынке произошел. Такое озлобленное настроение вьетнамцев было потому, что их пытаются выселить из каких-то домов, в которых они без юридических оснований живут. Вообще это, конечно, признак некой слабости нации, когда она допускает смешение со слишком большим количеством людей совершенно другой национальной культуры. Это, с другой стороны, есть некоторый фундаментальный принцип либеральной идеологии, что такое смешение всегда идет только на благо, что никакие ограничения в этом отношении вообще недопустимы.

– *Что Вы скажете о скупке русской земли иностранцами?*

– Конечно, даже если это и будет осуществляться в небольших размерах, то все равно принятие этого закона есть некое знаковое действие, которое показывает как бы ориентацию власти – в широком смысле власти, тех, кто действительно имеет реальную власть. Я имею в виду не тех, кто в каких-то видных креслах сидит,

а реальную власть... Это будет означать, что наша страна в широком смысле пошла на распродажу.

Нетрудно было бы провести социологический опрос и представить, кто же эту землю может покупать. Для кого это делается? Принимаются законы, которые жизненно назрели, которые удовлетворяют какую-то реальную потребность? Какую потребность этот закон удовлетворяет? Это, к сожалению, я не слышал, чтобы кто-либо и когда-нибудь объяснял. И в этом смысле, конечно, его самая беспокойная, неприятная сторона. Это скорее всего некоторый знак, идеологический символ.

– *Как Вы относитесь к выражению: «Русский, убей жида в себе и тем спасешь Россию»?*

– Зависит от того, как этот призыв понимать. Если речь идет, чтобы искоренить в себе, так сказать, равнодушное или скептическое отношение к России, то это правильно. Ведь можно так же сказать: «Убей немца».

– *Как вы относитесь к мнению, что миром управляют определенные люди, имеющие капитал, и они решают судьбу этого мира?*

– Это интересный вопрос. Конечно, какие-то люди управляют. Вопрос в том, как они организованы.

Думаю, вряд ли мы это узнаем. Существуют разные версии. Есть гипотеза, что существует какое-то мировое правительство. Знающий человек может сказать, сколько в него членов входит, в каком году кто-то вошел, кто-то кого-то вывел и т. д. Я наблюдал, как управлялись факультет, кафедра – все, что угодно. Как правило, образовывалась группа влиятельных людей, которые обладают большим или меньшим влиянием. Одних привлекали, чтобы посоветоваться по одному только вопросу, другие всегда имеют право голоса, одни больше, другие мень-

ше – это какая-то расплывчатая во времени меняющаяся группа. А что существует какой-то центр власти – конечно, без этого власть не может существовать. Власть сейчас – это власть капитала. Конечно, она есть, принцип ее организации очень интересно было бы узнать.

Германия переживала после краха в Первой мировой войне ситуацию, похожую на ту, которую мы переживаем. И страшное падение жизненного уровня, и отделение различных немецких областей, и унижение. И тогда возникла как протест патриотическая пресса, довольно большая. Их «героем» был крупнейший финансист, еврейский олигарх, торгующий немецким народом, – Ратенау. Вытащили откуда-то его высказывания, по-видимому, верные, что миром правят 300 человек, которые очень хорошо знают друг друга и которых он мог бы назвать. Но это редкое высказывание человека, который, по-видимому, к такому кругу был причастен.

– Как относиться к философии Константина Леонтьева, в частности национализма как орудия всемирной революции?

– Мне кажется, что он мало влияния оказал и со временем значительность его увяла. Какие-то критические замечания, например по отношению к доктрине Данилевского, совершенно справедливы и сохранили свою силу. А в целом его концепция, мне кажется, никем не была подхвачена и не получила развития.

– Как Вы относитесь к закрытию Норильска для въезда иностранных граждан?

– Как прецедент, мне кажется, это правильно. Каждая страна имеет право регулировать передвижение иностранцев, надо привыкнуть к тому, что это нормальный вопрос жизни для каждой страны. Два права, на котором

страна и стоит. Первое – это просто обсуждать свои вопросы. Здесь мы, так сказать, находимся в процессе борьбы. Отстоим мы или не отстоим право говорить о своих национальных русских вопросах, не извиняясь, не доказывая, что мы правда русские, но не фашисты, не уравновешивая мысленно каждое высказывание высказыванием, которое его как бы смягчит, а просто говорим то, что мы думаем, по вопросу, который нам кажется важным. В этом отношении мы в России находимся даже, может быть, в положении лучшем, чем во многих странах Западной Европы, например. А второй фактор – контролировать свое собственное население, основные богатства, которые в стране есть. Это, конечно, даже не ископаемые, не накопленные военные снаряжения, а именно народ, который есть. И вот забота об этом народе, который в этой стране живет, должна быть признана как основное право и обязанность государства. Так что я не знаю, что там в Норильске произошло. Подробности трудно себе представить, но, по крайней мере, это направление создает положительный прецедент.

– Что Вы можете сказать о положении евреев в США?

– Я ничего не могу сказать, кроме того, что каждый понимает. У евреев много денег, они как-то подерживают свою религию, имеют возможность оказать влияние на строительство синагог. Верно, конечно, что в Америке влияние еврейской общины фантастическое. Она организована в ряд структур. Я прочитал в книге еврейского автора, что евреи должны жить такой жизнью, как все люди, и не пытаться себе создать какое-то особое положение. Но автор также говорит, что в Америке колоссальное еврейское влияние объясняется существованием ряда закрытых обществ, в которые при-

нимают только евреев. Можно себе представить, какой евреи подняли бы крик, если бы в Англии или Германии были такие же общества, принимавшие только англичан или немцев. Кроме того, они проводят большую часть времени в общении только со своими единоверцами и культивируют в себе чувства исключительности и отделенности от остального народа. Они организуют сопротивление, бойкоты, процессы. Можно привести целый ряд поразительных примеров. Например, как-то попал мне в руки номер журнала «Тайм». И там рассказывается, что председатель Совета начальников штабов, т. е. фактически первый военный чин в Америке, выступая перед студентами университета, отвечал на записки. И в какой-то момент он не выдержал и сорвался, когда его спросили об отношениях с Израилем. Он сказал, что это возмутительно, они приезжают к нам и требуют нового оружия. Мы говорим, что конгресс этого не разрешит. А они нам говорят: о конгрессе не беспокойтесь. Конгресс мы берем на себя. И это говорят граждане другого государства. Дальше там описывается, что буря возмущения пронеслась. Конгресс, сенат, Пентагон были засыпаны возмущенными телеграммами. Все его осудили, этого генерала. Он был вызван в Овальный зал Белого дома, где президент в течение 10 минут делал ему выговор. После этого он раскаялся, сказал, что эти слова ни в какой мере не выражают его истинных мыслей, что это злополучное выражение и т. д. В чем же заключается свобода слова после этого?

– *Попробуйте перечислить, при каких условиях в России сегодняшней или завтрашней возможен приход к власти национально ориентированного правительства?*

– Не могу перечислить. Мне кажется, это только надежда на чудо. Но чудеса в мире происходят, история

состоит из этого. Кто мог бы сказать, что Жанна Д'Арк освободит Францию в свое время? Кто мог бы сказать, что мы остановим немцев под Москвой? Все это совершенно неправдоподобно. Сформулировать условия, при которых это было бы возможно, никто бы не смог. Но это происходило. И у меня только на это и надежда.

– *Есть ли надежда, что возможно еще вернуть понятию «новое» его старое значение, которое было потеряно или начало теряться в эпоху Возрождения? Раньше новое понималось как еще один взгляд на вечное, умерщвление же культуры, искусства понесло трактовку нового как небывалого. И сегодня мы видим, что новое как небывалое – это только сверхнепристойное, которое стремительно исчерпывается.*

– Мне кажется, что это одна из форм переживания духовного кризиса, когда реальное производство каких-то духовных ценностей заменяется просто чем-то, что щекочет нервы и обращает на себя внимание как на нечто, еще не похожее на то, что раньше видели. Вся, собственно, цивилизация заключается в замене культуры чем-то другим, что называется бизнесом развлечения, тем, что больше похоже на наркотики, на фильмы ужасов по телевизору или на танцы, которые сопровождаются резкой музыкой и непривычными, не укорененными, так сказать, у нас ритмами. Запад переживал, как мне кажется, нечто вроде репетиции той катастрофы, которую они уже начали переживать всерьез... Говорилось, что речь идет о совершенно невиданной революции, которая захватит все стороны жизни. Она называлась «психоделическая» революция. Там соединилась культура принятия наркотиков с культурой выпивки спиртного и с рок-музыкой. Почему-то все это вместе было объединено понятием «психоделическая революция». По-видимому, ее творцы

понимали, о чем говорят. Они считали, что это путь к разрушению «буржуазной индивидуальности».

– *Что Вы думаете об антиглобализации, это что – движение против иудаизации всего мира или просто антиамериканизм?*

– Я думаю, это ни то и ни другое. Глобализация – это распад образа жизни, который Запад создал и который перестал быть образом жизни. Люди кричат оттого, что их заставляют жить в условиях, которые, собственно, не есть условия жизни человеческого существа.

– *Не придет ли Китай на смену западной цивилизации?*

– Мне кажется, что это частный случай более широкого вопроса. Конечно, западная цивилизация была как бы гегемоном в мире. В теперешней ситуации, когда все так тесно связано, она уже не как античная цивилизация средиземноморский мир охватывала, а охватывает почти весь мир. Если она разрушится, то возникнет, конечно, через какое-то время другая, наиболее динамичная цивилизация, имеющая большой потенциал. Другими словами, возникает, так сказать, проблема наследника. И это очень острая проблема. В каком-то смысле – вопрос судьбы человечества на ближайшее время. Конечно, можно сказать, что мусульманский мир сейчас чрезвычайно активен. Но мне кажется, что он не вырабатывает такой идеи, которая могла бы захватить других: древняя цивилизация Китая, в Индии такая же. В Латинской Америке что-то своеобразное есть. И мне, конечно, интересно обратить внимание на то, что Россия здесь занимает особенное место, потому что за последние столетия она впитала громадное количество продуктов западной цивилизации, и в каком-то смысле мы стали мыслить

западными понятиями. Мы даже критикуем эту западную цивилизацию с помощью тех категорий, которым мы у нее научились. Это, по-моему, такое редкое свойство русских, и стыдиться нечего. Когда-то мы восприняли Христианство и громадную культуру из Византии, через нее – влияние античности, потом – ренессансная и постренессансная культура. И в то же время Россия боролась против того, чтобы превратиться в копию или колонию западной цивилизации. Поэтому, если бы оказалось, что наследником оказалась Россия, это означало бы, что гораздо больше ценностей западной цивилизации сохранилось бы. Например, когда античная цивилизация разрушилась, наступил период, который в истории называют «темные века». Вопрос перед человечеством заключается в том, будет ли оно переживать такую эпоху «темных веков» или эта эпоха будет сжата в минимальной степени. Если бы такая последующая цивилизация из России пришла, то это, вероятно, и произошло бы. Но для этого нужно представить очень фантастическую картину: Россия переживет все кризисы, которые сейчас на нее обрушились, восстановится как независимая цивилизация и в духовном, и в материальном, и в геополитическом смысле. Если все это произойдет, мне кажется, это был бы для человечества наиболее спасительный путь развития на ближайшие века.

– Игорь Ростиславович, в последние годы мир не раз поражали кризисы, военные конфликты. Порой информация о них вызывала большой интерес, но это было лишь любопытство со стороны наблюдателей. И совсем другая ситуация с Югославией. У миллионов людей кризис, трагедия сербов вызывает сердечный отклик. На мой взгляд, объяснить это только славянскими корнями невозможно – и православное отношение тоже не

ответит на этот вопрос, потому что румыны – тоже православные. Мне кажется, что создалась ситуация, когда миллионы людей поняли: все, что происходит в Сербии сейчас, прямо связано с Россией.

– Вы правы, конечно, что существует некая глубинная связь между Россией и Сербией, и теперь Югославией. И то, что происходит с Югославией, Сербией, как правило, отражалось на том, что происходит в России, и в обратную сторону. Это верно, в частности, и по отношению к этому конфликту. Я думаю, что все более-менее знают, в чем этот конфликт заключается. И, кроме того, дело во все не в конфликте вокруг Косово, а в том, что в древнейшей области Сербии по разным причинам постепенно начали селиться албанцы и мусульмане и в настоящий момент образуют там подавляющее большинство – 90% населения. Возникло сепаратистское движение, постепенно обострившееся, и была создана освободительная армия Косово, которая совершала нападение на сербов. Были вызваны сербские войска. В этом, собственно, конфликт и заключался. Но в этот конфликт вмешалось НАТО. Оно предъявило Югославии ряд требований ультимативного характера под угрозой бомбардировок и сухопутного вторжения. И на размышление дали четверо суток. И под наведенными ракетами НАТО, готовыми уже к полету бомбардировщиками начались переговоры в Белграде. Думаю, не так много людей осталось, которые помнят аналогичные ситуации. Но я-то помню, как подростком переживал в точности такую же ситуацию, когда велись переговоры об отторжении в Чехословакии Судетской области. Мюнхенское соглашение это и санкционировало. Через год уже велись переговоры в такой же форме о том, что Чехия объявляется протекторатом Германского рейха. Следует заметить, что НАТО никем, никакими международными органами не уполномоче-

но на свои действия, это прямая, иначе ее никак нельзя назвать, агрессия союза, состоящего из 13 государств против 14-го – независимого государства Югославия. И вот в таких условиях было, в конце концов, подписано соглашение. Основные его пункты таковы, что Югославия выводит свои войска из Косово. В Косово создается милиция на принципах пропорционального национального представительства, т. е. на принципе, который у нас в России считается верхом черносотенства, расизма. Кто-нибудь попробовал бы его применить, например, к телевидению? Но так или иначе в результате вооруженная власть в Косово оказывается в руках сепаратистов, а они никогда не отказывались от своего основного требования – полное отделение от Югославии и присоединение к Албании. Для контроля, как говорится, ситуации в Косово начинаются полеты самолетов НАТО над этим районом и при этом отключаются ПВО Югославии.

Поразительно, что конфликт в Косово – далеко не единственный такого рода в последнее время. Даже, прежде всего, в том же самом Косово, где кроме проблемы албанцев существуют проблемы сербов – там меньшинство составляющих. Албанцы составляют меньшинство в Югославии, а сербы – в Косово. И уже больше 30 лет там ведется террор против сербов, убийства, поджоги домов, насилие над монахинями – и никакой реакции это не вызывает. Или, например, в Турции артиллерией и авиацией тысячами уничтожаются курды. В Северной Ирландии кровь льется уже десятилетиями. Талибы при поддержке Пакистана захватили почти весь Афганистан. И, наконец, пожалуй, самый яркий пример, самый нам близкий – Чечня, где конфликт был гораздо драматичнее, погибших было десятки тысяч, бóльшая часть – гражданского населения. И во всех этих случаях, включая Чечню, никто не высказывал ни каких-то опре-

деленных требований, не объявлял ультиматумов – всем было ясно, что это внутреннее дело государства, где происходит конфликт. И отсюда следует, что дело вовсе не в конфликте между албанцами и сербами в Косово. А в чем же дело? Мне кажется, здесь действуют два фактора, каким-то образом друг с другом связанные, но которые, конечно, сильно различаются.

Во-первых, это стремление к гегемонии в мире определенной силы. Сейчас видится так, что это стремление к гегемонии США. Мне кажется вполне возможным, что США и НАТО – это только орудия, а реальная сила – некий межнациональный слой банкиров, политиков, военных, специалистов по манипуляции сознанием. И сейчас выработанное соглашение не носит характера, который предполагался сначала – прямого нападения и оккупации части территории Югославии. Это не полный разгром Югославии, а как бы решение того же вопроса, но поэтапно. Сейчас создается независимая от центрального правительства часть Югославии, ориентированная на Запад. Именно таким образом действовал и Гитлер, когда начинал Вторую мировую войну, – до тех пор, пока он ее не развязал глобально, он по частям подчинял своих ближайших соседей. И Россия, в конце концов, тоже находится среди потенциальных жертв этого течения, и спасают ее только ядерные силы, которые еще сохранились. А Югославия в то же время является как бы безопасным для НАТО и Запада уроком, который они демонстрируют России: что можно с ней сделать. Это один фактор.

Другой фактор очень загадочный. Это какая-то тысячелетняя устойчивая ненависть Запада к Востоку – сначала католического Запада к православному Востоку, начиная, по крайней мере, с захвата и разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г. Или,

например, когда после разгрома Руси монголами папа объявил крестовый поход против еретиков – православных. Эти походы и были отбиты Александром Невским в 1240–1241 гг. Постепенно эта агрессивная ненависть потеряла свой религиозный смысл, но в то же время устойчиво сохранилась в сознании – вплоть до такого, внешне нерелигиозного человека, как Маркс. Он чувствовал эту традицию и писал, например, что Константинополь – этот вечный град, Рим Востока, центр теократической империи – стал преградой для Европы на ее пути продвижения вперед. Маркс, выступающий в качестве адвоката крестоносцев, – поразительное явление, но здесь сходились какие-то чувства. В другой статье у него встречается совсем загадочная фраза, что нынешние властелины Западной Европы вынуждены оставить вопрос неразрешенным, пока Россия не натолкнется на своего настоящего противника – революцию. Какой «вопрос» – он не говорит, в тексте речь идет об уничтожении России. И позднее, конечно, громадное количество антирусских высказываний – вроде того, что монгольское рабство было той ужасной и гнусной школой, в которой возросла Москва, и т. д. – множество таких. В конце концов, в той же линии идет и Гитлер, его поход на Восток, и тоже, как и сейчас, установление некоего нового мирового порядка. Вот эти два фактора, которые реально определяют этот конфликт в Косово, его смысл. Все же из этого следует то, что в мире образовалась новая геополитическая реальность. Она состоит в том, что НАТО и США отказались от соблюдения традиционных норм международного права, стали на путь военного давления и подчинения других государств.

Вот таким прямым военным давлением и является угроза по отношению к Югославии, под этим давлением и было достигнуто это так называемое соглашение.

Фактически это методы террористов, т. е. если бы это были частные люди по отношению к частным людям, это признали бы терроризмом. Это явление заключается в том, что терроризм стал государственным, стал формой действия государств. Бомбежка Соединенными Штатами фармацевтического завода в Судане или лагеря беженцев в Афганистане – это все проявления того же отношения. Оно существовало и считалось, так сказать, вполне респектабельным в XIX в., это называлось дипломатией канонеров. В начале первой половины XX в. она была заклеямена и от нее отрекивались. Сейчас она снова возвращается в жизнь. И в результате получилось, что вся система международных организаций, вплоть до ООН и ее Совета Безопасности, созданная в конце Второй мировой войны как инструмент для сглаживания конфликтов, стала играть совершенно другую роль – как некое орудие навязывания роли НАТО и США странам, которые еще не подчинены новому мировому порядку.

В этой ситуации России приходится каким-то образом определять свой путь. Русская дипломатия и другие власти России, как мне кажется, оказались совершенно не способными или в какой-то мере и не желающими отстаивать российские интересы. Например, ни разу не был использован принцип единогласности голосования в Совете Безопасности, так называемое право вето, чтобы поддержать сербов, а ведь сербы – наши естественные союзники.

Вот самые яркие примеры. Совет Безопасности учредил суд в Гааге – так называемый суд по вопросам Югославии. Абсолютно незаконное образование, т. к., согласно уставу, Совет Безопасности может учреждать только временные органы, содействующие его работе, и осуждение, и наказание в его функции не входят.

Этот суд всегда занимал четкую и однозначную анти-сербскую позицию. И когда ему указывали на массовое захоронение сербов в Хорватии или в Боснии, на территории, контролируемой мусульманами, они говорили, что у них малый штат и они не могут расследовать. Но вождя сербов преследовать из дома в дом – на это штата хватало. Может быть, решение Совета Безопасности, которое уполномочивало НАТО на бомбардировки сербов в Боснии, тоже было принято при участии России? А эти бомбардировки проводились, как теперь выяснено, при помощи бомб, начиненных радиоактивными материалами, которые сейчас вызывают массовые болезни на этой территории, как свидетельствуют поступающие документы. Можно считать, что все это печальное прежнее, так сказать, козыревский период нашей дипломатии. Но и последующая, условно говоря, примаковская эпоха сохранила ту же тенденцию. Например, решение Совета Безопасности от сентября этого года по вопросу о Косово, принятое, конечно, также при согласии России, распространяет на район Косово деятельность этого же незаконного гаагского трибунала. Мне кажется, что самое важное, что проявилось сейчас, – это то, что в вопросах о косовском конфликте все власти России – и дипломатия, и президент, и правительство, и Дума, включая оппозицию, – проявили уступчивость, нестойкость в отстаивании российских интересов. НАТО, например, выступило с весьма конкретными угрозами ударов по 600 целям. В ответ Россия ограничилась неопределенными угрозами о возможном ухудшении отношений. Позиция российской дипломатии кратко выражается газетами так: ответ на агрессию будет сформулирован, когда она произойдет. Это, конечно, невозможный в такой ситуации ответ. Это напоминает анекдот о милиционере, к которому пришли с жалобами на угрозы,

а он не принимает заявление, потому что пока еще не произошло преступление. Когда вас зарежут, вот тогда и приходите со своим заявлением. А ведь Россия способна принять ряд конкретных контрмер – и отнюдь не бряцая оружием. Приведу несколько примеров.

Вопрос о военных давлениях союза НАТО на независимое государство Югославия должен быть поставлен в Совете Безопасности. Это уже прямая, самая несомненная угроза миру – то, чем и должен Совет Безопасности заниматься. Соглашения, принятые под давлением, должны быть признаны недействительными, как всегда это делалось. Федеральное собрание должно в одностороннем порядке отменить еще не отмененные международные санкции против Югославии. Они были введены с согласия России, в них участвовала Россия, большая часть их отменена, но некоторые – наиболее сейчас важные – не отменены. Это ограничение на сотрудничество в военной и военно-стратегической области. Законное право Федерального собрания эти санкции отменить. Федеральное собрание должно объявить об отказе рассмотрения и ратификации соглашения в области партнерства с НАТО и соглашения СНВ-2 с Соединенными Штатами по стратегическим ракетам. Это то, что должно ратифицировать и может ратифицировать только Федеральное собрание. В его силе только заявить, что от этого отказывается или откажется в случае агрессии против Югославии. Все это сводится к тому, что Россия должна начать формулировать новую геополитическую доктрину, отвечающую новой ситуации. Следует полностью пересмотреть весь комплект отношений России не только с НАТО, но и с ООН, вплоть до возможного выхода России из ООН, которая перестала соответствовать целям, ради которых она была создана. Следует разработать концепцию особых

отношений России с Югославией. Югославия в данный момент – последний оставшийся в мире союзник у России и самая западная точка влияния России. Россию с Сербией связывает то, что они славянские наследники Византии, это тысячелетняя связь. Но в новейшее время Россия вступила в войну 1914 года только ради защиты Сербии. Если бы Россия решила тогда предать Сербию, у нас не было бы ни войны, ни революции, ни гражданской войны, и вся русская история пошла бы по-другому. Это была колоссальная жертва, принесенная Россией ради Сербии. А позже Сербия, Югославия пожертвовала собой ради России. Нападение Гитлера на СССР по плану «Барбаросса» было запланировано на два месяца раньше, чем состоялось. Предварительно Гитлер заставил Югославию признать свое господство и присоединиться к его союзу. Но 27 марта 1941 г. подчинившееся Германии правительство Югославии было свергнуто и Югославия вышла из гитлеровского союза. Разъяренный Гитлер снял группу войск, подготовленную к нападению на СССР, расположенную уже в Польше, и бросил ее на Югославию. Югославия, таким образом, была обречена на четыре года кровопролитнейшей войны, в которой потеряла около четверти своего населения. Но нападение Гитлера на Советский Союз было отсрочено на два месяца. И страшно представить, как повернулась бы история тогда, когда все колебалось на острие ножа, если бы немцы оказались в Подмосковье не в ноябре, когда ударили особенно суровые морозы, а на два месяца раньше. Сейчас Россия слаба и выклянчивает у Запада займы и какие-то транши, но на сколько же поколений наш народ будет деморализован, если в истории останется, что Россия продала последнего своего союзника ради транша, которого она к тому же не получила, а если получит, то, вероятно, себе во

вред. Именно в условиях кризиса и ослабления страны ее может защитить только предельно жесткая позиция и упорное отстаивание всех своих интересов.

– Я помню огромные митинги, когда сербы выходили на демонстрацию под предводительством Дражковича. Там звучала английская речь и были английские и американские флаги. Сербы очень неоднородны, у них много людей, ориентированных на Запад. Расскажите о соотношении сил в современной Сербии.

– Мне кажется, что демократы, лидером которых является Дражкович, составляют меньшинство, очень незначительное в Сербии и в основном в крупных городах, а может быть, сконцентрированное в столице. Положение похоже на положение в России, демократы у нас тоже сильны в крупных городах, где сконцентрированы финансы, капиталы. И как когда-то в Москве были крупные демократические демонстрации, точно такие же демонстрации были и в Белграде. Они вышли с лозунгами: «Вместе с Европой нас 300 миллионов». Это был обычный лозунг сербов, только перевернутый: «Вместе с русскими нас 200 миллионов». Они считали, что, когда войдут в Европу, их будет 300 или 500 – я не помню, сколько – миллионов. Но настроение сербов все-таки однозначно патриотическое, и временно они забывают о своих разногласиях и поддерживают правительство, существующее сейчас в Сербии. И даже этот самый Дражкович выступал у нас в программе с Познером, который так и ждал от него, что он будет критиковать правительство, его оппозицию, а он правительство поддерживал. Познер говорит: вы же, наконец, оппозиционер, вы же должны против него выступать. А Дражкович отвечал, что в чем-то оппозиционер, а в чем-то нет – есть вопросы, в которых Сербия едина. Другими

словами, они все-таки не оппозиционеры в своей стране в отличие от наших демократов.

– Мне представляется, что дух нашего народа и народа Югославии зависит от православной веры. К сожалению, нынешняя вера более обрядоверная, нежели, так сказать, соответствует истинно Православию. Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете эту мысль: чтобы поднять дух, надо вернуться к истокам истинного Православия, которым поклонялся, например, митрополит Филипп, задушенный во времена Ивана Грозного, Пономарь и другие?

– Среди славян в целом далеко нет единства. Поляки, например, тоже славяне, но они католики. И среди православных тоже единства нет. В НАТО входит Греция, хотя в народе у них очень велики симпатии к русским. Но вот комбинация Православия и славянства создает какое-то основание для единства. И у меня даже такое впечатление, что в XIX – начале XX в. случилось, что и религия, и национальность – это какие-то пережитки чуть ли не Средневековья, которые, с марксистской точки зрения, при помощи пролетарской революции будут преодолены, все нации сольются в социалистическом человечестве. С точки зрения либеральной, они будут прогрессом и гуманностью преодолены, когда-то о них забудут – и они уйдут. Сначала с национальностью стало ясно, что это не так. Первая и Вторая мировые войны были страшным ударом по этой концепции либерального усовершенствования человечества. Оказалось, что страшно сильны национальные силы и интересы и они ведут к жестоким, уничтожительным конфликтам. А сейчас проявилась и вторая сила – религиозная, так что война, которая в Сербии была, – это, конечно, чисто религиозная война, война в

Югославии, я имею в виду. Это война сербов, хорватов и мусульман. На самом деле это все сербы, этнически совершенно один и тот же народ, только принявший три разные религии.

И все это, мне кажется, наталкивает на мысль, что человечество возвращается примерно в эпоху религиозных войн – XVI–XVII вв., когда судьба Европы решалась на религиозной почве. И религия, значит, снова начинает играть ту же какую-то определяющую в истории роль, которую она играла. Вероятно, это и относится к России, и, конечно, консолидация и национального чувства, и религиозного является сейчас колоссальным фактом, усиливающим каждое государство. Я видел в так называемой Республике Сербской – маленькой части Боснии, которая отторгнута от Югославии, но населена сербами, их фильмы о войне, когда они отстаивали свои сербские земли от мусульман. Воинская часть становится сначала на молитвы, а затем уже идет в бой, точно так же, как это происходило в Тридцатилетнюю войну в Германии или во время гражданской войны в Англии. В школах преподается Закон Божий, это их объединяет духовно, дает какое-то колоссальное духовное единство. Я думаю, в каком-то смысле это урок для России.

– Игорь Ростиславович, русский народ очень плохо сопротивляется внутреннему врагу и всегда сплачивается, когда появляется враг внешний. Вы сказали, что происходящее с Югославией определяется глубинной ненавистью Запада к Востоку и желанием преподать урок России, т. е. как сбросили атомную бомбу на Хиросиму не ради японцев, а ради нас. И, соответственно, это же можно воспринимать уже как угрозу России. Кстати, Зюганов даже сказал, что в случае атаки на Сербию это будет означать войну России. Как Вы полагаете:

возможна ли ситуация, когда в русском народе почувствуют, что это война против России, реальная угроза Западу нам, и возникнет желание сплотиться? Как Вы полагаете такую перспективу?

– Я думаю, такая тенденция есть, конечно. И даже то, что наше правительство и президент стали делать какие-то хоть не очень-то к чему-нибудь обязывающие, что-нибудь значащие, просербские заявления, показывает не изменение их собственных чувств, а то, что они оценивают здраво, – изменение настроения.

– Почему при решении вопросов не учитывается предсказание Нострадамуса, что все в космосе запрограммировано. Это касается и нашей страны, где предсказан полный распад, и, может быть, напрасна трата нервов, может быть, надо жить спокойнее, не ссориться, не ругаться, потому что в космосе все запрограммировано до секунды?

– Дело в том, что я просто не знаю в точности, что запрограммировано, так же как и в своей жизни. Я знаю, что в скором времени запрограммирован конец моей жизни. К счастью, он мне точно не известен, и это дает возможность некоторой свободы существования. Я думаю, это к каждому относится.

Видимо, кроме того, если стоять на таких позициях, можно убивать, резать все, что угодно, грабить, продавать свою страну и говорить: все запрограммировано, зачем же нам суетиться? Пришли немцы – пусть идут в Москву, бомбят, ну и Бог с ними.

– У нас за самиздатом охотился не только КГБ, но и люди. А на Западе какое отношение к «новым правым»?

– У них есть свой круг людей, которые охотятся, – в том смысле, что хотят получить и прочитать; но раз-

мер данного явления трудно определить. Трудно определить размер симпатий.

– *Игорь Ростиславович, насколько мне известно, «новые правые» во время войны в той же Боснии и Хорватии стояли на стороне отнюдь не сербских сил. Другими словами, они сознают, что их используют, но симпатии и антипатии изменить нельзя... Было сообщение, что они как раз требовали бомбить Сербию, хорватов.*

– Да, у них скорее симпатии к исламу. Они считают, что в исламе есть некоторая сила. Вот я, к примеру, с одним из таких видных деятелей в Италии встретился, он незадолго до этого принял ислам. Причем, как я понимаю, не из-за религиозных соображений, не потому, что ему действительно понравился Коран, а потому, что это чувство реальной силы – мускульной такой, которая может противостоять. Да, они симпатизируют гораздо больше исламу, чем, скажем, славянам. Я думаю, если славяне были бы сильнее, они симпатизировали бы России.

– *Хорошо. У меня предложение такое: Игорь Ростиславович, пользуясь тем, что Вы председатель комитета, считаю необходимым провести широкомасштабный массовый митинг в поддержку Сербии возле Министерства иностранных дел с привлечением всех партий, движений, различных народно-патриотических сил. И второе: считаю необходимым провести митинг у посольства Югославии в поддержку народов Сербии. Думаю, эти два мероприятия будут иметь широкий международный резонанс. С одной стороны, они помогут остановить агрессора, а с другой – придадут дополнительные моральные силы нашему союзнику.*

– Такие меры предпринимаются. В воскресенье были пикеты, митинги, у американского посольства

собрались несколько сот человек. Конечно, такие действия будут продолжаться.

– *В некоторых средствах массовой информации проходили сообщения, что сербы, понимая свое положение, что их все равно разбомбят, выдвигают идею присоединения к союзу Россия–Белоруссия. Как Вы относитесь к подобной перспективе, насколько это реально?*

– Думаю, что со стороны Сербии это может быть реально. Вопрос в том, что это сербам даст? В России должно быть ощущение, что интересы государства важнее всего остального. А в сферу интересов входит Сербия и готовность бороться, обладая большим количеством рычагов, которыми мы еще можем пользоваться. Если, может быть, Югославия войдет, скажем, в СНГ, это никакого результата не даст, потому что СНГ – это довольно аморфное образование, которое совершенно не способствует тому, чтобы Россия боролась за права русских в Казахстане. А может оказаться, что все это зависит от изменения духа России. В Сербии-то он существует. В Сербии есть свои достоинства и недостатки. Они, конечно, легко возбудимые люди, благодаря этому легко разбиваются на несколько групп, трудно объединяются, но отчаянно смелые, крайне патриотичные и готовы на громадные жертвы ради своей страны. Я думаю, что сейчас вопрос в мире решается положением России. Если постепенно начнет выпрямляться сознание России, сознание того, что для каждого из нас страна представляет ценность, без которой ни мы, ни дети наши не проживем, это изменит положение во всем мире.

– *Игорь Ростиславович, скажите, как Вы ощущаете, именно ощущаете: сербы смогут продержаться до*

тех пор, пока Россия осознает свои национальные интересы, т. е. не сама Россия, а правительство?

– Я все же думаю, что, имея такой пример в Минске, очень трудно удерживать в Москве неопределенную, лишенную всякого национального ядра политику, а если резче сказать, то и антинациональную. Другими словами, я думаю, что изменения в России должны быть именно под влиянием примера Белоруссии. И Белоруссия, и Югославия для России являются примерами в смысле решимости народа поддерживать свое правительство и в сознании того, что славянское племя еще не исчерпало своих возможностей.

– Что Вы можете сказать о нашей системе выборов?

– Я прожил чрезвычайно длинную жизнь, очень старый уже. И смотрю на жизнь как бы несколько со стороны, поэтому могу продумывать и такую точку зрения, которая большинством людей считается невозможной и еретической. Моя точка зрения заключается в том, что система выбора пути страны через голосование за ту или иную партию совершенно не работает. Она не создает связи с реальной жизнью, превращается в некую бутафорию и мало чем отличается от выборов коммунистической эпохи – тогда тоже были выборы. Это и во всем мире происходит, но нам-то особенно должно быть ясно. В чем же принцип заключается? Большая воля народа как бы делится на кусочки, сколько есть обладающих правом голоса – скажем, 100 миллионов, и каждый получает такой маленький кусочек. Но он его использовать не может, поэтому вкладывает в какую-то партию. Это есть в точности принцип ваучеров Чубайса. И мы его испытали совсем недавно, ощутили и проверили, к чему он приводит. Мы знаем, что

он очень эффективен, действительно, возникли олигархи, миллиардные состояния. А для страны в целом и подавляющей части народа он привел к разрушению, к разорению, к катастрофе. Может быть, такой принцип и работает, если имеет уже достаточно долгую традицию в стране и особенно если выбор происходит между реально мало отличающимися друг от друга решениями – он довольно долго работал в Швейцарии. Но кто же, например, согласится положиться на волю большинства, как бы она ни была создана или выявлена, если вопрос идет о жизни и смерти? Например, в США в середине XIX в., когда южные штаты захотели отделиться от северных, то голосованием вопрос не решался. И так много раз в истории. А у нас это вопрос очень близкий к вопросу о жизни и смерти. Ведь народ вымирает, а об этом вспоминают только изредка, для красного словца. Собственно, народа уже нет, есть две его части, говорящие на совершенно разных языках и друг друга не понимающие. Больше, чем если бы верхний слой говорил по-французски. Несколько примеров могу привести.

...Премьер-министр, открывая новый завод, сказал, что здесь очень хорошие зарплаты, даже протянул: очень – по шесть тысяч в месяц! Конечно, многие и такой зарплаты не получают, очень многие. Но попробовал бы сам премьер-министр содержать семью, хоть из трех человек, на такую зарплату. Или совсем недавно смотрел телевизионную передачу, которая называется «Свобода слова». Она очень типична для нашего положения. Была когда-то радиостанция, созданная во время «холодной войны» как орудие борьбы с нашей страной. Она финансировалась американским конгрессом, о чем заявлялось в начале каждой передачи честно. Одно время там появился один обозреватель по вопро-

сам футбола. А теперь он ведущий передачи, в которой руководит обсуждением основных наших жизненных вопросов. И там была передача, посвященная выборам. Подталкиваемые журналистским зудом, чтобы сделать все поострее, они еще подключили к этой передаче жителей Иваново-Вознесенска, где воды, электричества нет. Это было потрясающее впечатление. Они говорили: вы смеетесь, а мы замерзаем. На самом деле никто не смеялся, насколько я видел. Но действительно положение было такое, что, с одной стороны, люди говорили, например: у меня пенсия 800 руб., а ровно столько я должна платить за горячую воду. А на что мне жить? А с другой стороны, сидели люди в хороших костюмах, которые организовали себе интересную, содержательную жизнь, состоящую из разных выборов, оппозиций, блоков, переговоров и т. д. И они друг друга совершенно не понимали, как будто люди с разных планет. И вот это-то, мне кажется, и является катастрофой. Там выступал, например, один лидер партии, он сделал лицо честного человека и сказал: я вам даю честное слово, что завтра же у вас будет наш представитель. Конечно, никто не догадался сказать: «Спасибо, благодетель. Оттого, что он приедет, вряд ли нам станет тепло. По-есть он нам даст?».

Все эти передачи платные. Каждая партия платит, а эфир стоит колоссально много. Если бы они передали в Иваново сумму, которую платят ради одной этой передачи, на какое-то время это решило бы проблему. И вот такое катастрофически полное непонимание друг друга, конечно, ужасно, оно приведет, безусловно, к какой-то катастрофе. Может быть, совершенно не в стандартном, привычном нам стиле революций, баррикад, может быть, в виде апатии, вырождения, вымирания народа, безразличия к защите Отечества. Но так

или иначе это будет иметь катастрофические последствия. И вот это, мне кажется, самая страшная сторона сложившейся ситуации. А вопрос о том, кто на этих выборах победит, никакой роли не играет.

К сожалению, ничего не могу предложить в качестве альтернативы в сложившейся ситуации. Жизнь, конечно, найдет какой-то выход – в чьих-то руках окажется власть. Либо это будет диктатура, либо директория, либо, может быть, осуществится власть советов, которая никогда еще не была испробована в нашей стране. Но какой-то выход будет. Важно, чтобы его искали, чтобы была понятна необходимость какого-то выхода. В науке, например, чтобы возникла какая-то принципиально новая теория, необходимо понять, что те, которые существуют и считаются как бы единственно возможными, уже не работают. Например, со времен Ньютона и до начала XX в. все жили концепцией эфира. И только когда поняли ее несостоятельность, возникла теория относительности. А очевидность неэффективности выборов видна хотя бы по тому, что треть избирателей голосует «ногами». Другими словами, народ осознает, что это система, в которой его интересы в принципе не предусмотрены. Это, собственно, и хотели сказать замерзающие жители Иваново-Вознесенска. В конце концов, какой бы строй ни был в стране, всегда при нем существует какой-то верхний слой, который определяет пути развития страны. Но он должен отражать желание народа в целом. А уж как этот слой формируется – это мне кажется второстепенным: выборами ли, влиянием денег, наследованием или каким-то другим способом. У нас же этот слой сейчас народ не защищает, он состоит, как и раньше, из интернационалистов, а не из защитников того народа и той страны, в которой все происходит.

– Игорь Ростиславович, многие, наверно, помнят, как Вы комментировали предвыборную кампанию в новом блоке. Что Вы можете сказать о наших выборах?

– Мне кажется, когда происходит какой-то радикальный выбор в народе, решать его путем подсчета голосов не годится. Тем более, этот метод мало традиционен для России с ее подходами к жизни. Мне кажется, что эти выборы, которые были, мало что могли бы и показать. Народ гораздо более явно говорит о своем отношении к жизни тем, сколько рождается детей, какова продолжительность жизни, каков уровень алкоголизма, сколько разводов и т. д. Но даже эти формальные выборы показывают довольно ясную картину: ведь пришли голосовать очень мало избирателей. Все время перечисляют, какая партия сколько получила голосов, но как-то очень редко проскальзывает, что голосовать-то пришли всего 55%, т. е. 5% отделяли от объявления выборов действительными. Из этих 55% примерно 5% пришли специально для того, чтобы проголосовать против всех. Кроме того, голосовали, конечно, за ряд партий, которые вообще не прошли. Надо сказать, что голосование за некоторые партии явно носило протестный характер. Никто, я думаю, всерьез не ждал какого-то конструктивного результата от этого. Поэтому выборы явно показывают, что существующий строй опирается на меньшинство народа. Эта очень опасная ситуация напоминает пирамиду с очень узким основанием: она неустойчива. Представьте, что была бы война и мы должны были бы защищать страну от противника. И вот так соглашались бы воевать 55%, а остальные сдавались бы в плен. И 5% из этих 55% переходили бы на сторону противника и воевали против. Это была бы проигранная война. А нам предстоит очень тяжелые испытания. Конечно, должна быть выигранная война, которая воз-

можно только с ощущением единого народа и единой его судьбы. И предвыборные дебаты производили гнетущее впечатление. Когда один участвующий возмутился: да у нас тут балаган происходит! – Ведущий говорит: да, но зрителям нравится этот балаган. Так это, значит, и есть оценка того, что происходит в Думе: зрителям нравится балаган. Вот это и есть как бы сконцентрированное выражение того, что происходит.

– *Игорь Ростиславович, что Вы можете сказать по поводу провала на выборах СПС и «Яблока»?*

– Да, это странно. Очевидно, у них и коммунистов, особенно коммунистов, что еще более странно, имеются какие-то жесткие условия, при которых, так сказать, политики допускаются к этой игре. Чем же коммунисты-то не угодили? Казалось бы, они все время выполняли какие-то незримые соглашения, протестовали очень гневно, но только тогда, когда это не могло нарушить какую-то серьезную, запланированную политику. Мне кажется, что произошло что-то вроде переворота в Тбилиси. Ведь тоже странная вещь. Чем Шеварднадзе мог американцам не угодить? Просто мне кажется, что сменились люди, пришли в администрацию другие. Они больше чувствуют и больше контактов имеют с другими политиками, вот старых на них и сменили.

– *Если оформится русское национальное самосознание, то прервется золотая река, текущая на Запад. Чтобы предотвратить это, стране навязана, как Вы пишете в одной из своих статей, система выборов без выбора. Что Вы под этим понимаете?*

– Здесь, мне кажется, некая ситуация, которую понимают очень многие. Но ее как-то не принято или считается неприличным или опасным формулировать.

Мне кажется, что система выборов, основанных на формальном голосовании и формальном подсчете большинства голосов, проявила в теперешнем мире свою полную непригодность решать судьбы народов. Она и была-то продуктивна в редкие и очень короткие периоды истории. Например, когда складывалась только афинская демократия. Когда в Афинах было 20 тыс. мужчин и Перикл говорил, что он знает лично каждого афинянина, конечно, он имел в виду свободного мужчину. А уже в следующем поколении демократия начала вырождаться и стали возникать упреки в манипулировании неинформированным большинством населения, во взяточничестве, в использовании этой власти в чисто личных и групповых целях, партийности и т. д. И в Европе тоже такой крупный рывок демократия, уже другого парламентского типа, с выборами, дала в Англии где-то в XVII–XVIII вв., когда избирательное право было чрезвычайно узким – в основном в парламенте заседали крупные землевладельцы. Кромвель, когда попал в парламент, обнаружил там около 50 родственников. Это был один круг людей, который был заинтересован в своеобразном жестком правлении, учитывающем только интересы меньшинства населения, и был единоклубен. В парламентских прениях тогда не играла роль демагогия, апелляция к массовому слушателю. А это было как бы обсуждение дел, как говорил один историк того времени, это было как заседание торговой компании, в которой все заинтересованы в ее успехе и хорошо осведомлены в ее делах. Англия тогда выстояла в Наполеоновских войнах, тогда была совершена промышленная революция, страна стала мастерской Европы, самой богатой страной Европы, банкиром Европы, как тогда говорили. Это было связано с периодом, когда избирательное право было фантастически

узкое. Владелец какого-то небольшого городка решал, кто будет от этого города избран. Был случай, когда жители проголосовали не как он хотел. Он их всех выгнал в поле из домов, которые ему принадлежали. Глава правительства, который выдержал все войны с Наполеоном, вообще считал, что политическому деятелю не следует связываться с выборами, и всегда покупал свое место в парламенте. И только в 1830-х гг. началось некоторое расширение избирательного права, а пришли ко всеобщему избирательному праву, включая женщин, только после Первой мировой войны. Но тогда уже роль Англии как ведущего государства была в точности сыграна. Англия перестала быть банкиром Европы, мировым банкиром стали Соединенные Штаты, и центр экономической жизни туда переместился. А у нас, мне кажется, эта система выборов просто очевидно демонстрируется как цирк какой-то, как нечто бессмысленное и комическое. Когда спрашивают человека по телевидению, за кого вы пойдете голосовать, ответ такой: вот я буду за такого-то, он мне нравится как мужчина. А вы? За такого-то, мне нравится его походка. Другими словами, это не имеет ничего общего с интересами народа и государства. Все время выбирают представители одного и того же направления. Президенты, те, кого назначают главами правительства, члены Думы, которые голосуют за эти правительства, за бюджеты, в конце концов, все вместе за этот курс отвечают. И этих же людей все-таки выбирают. Как ни цинично это, если даже допускать какие угодно представления о давлении, что называется административным ресурсом, махинациями и т. д., но в целом, если бы народ был против этого, нельзя было бы заставить таким образом реагировать на выборах. И с другой стороны, этот же самый народ вымирает по миллиону в год, т. е. говорит: я отказываюсь

жить такой жизнью. Это показывает, что эти выборы к изъятию воли не имеют отношения, все ходят на них как на какое-то развлечение, никто к ним глубоко и серьезно не относится. А количество тех, кто голосует против всех кандидатов, растет. На последних выборах мне показалось примечательным, что кандидат, которому не давали телевизионного времени для агитации, за которого никто не агитировал, никто не расклеивал для него листовок, никто не выступал за него на собрании, собрал больше голосов, чем многие известные люди. Этот факт заставляет задуматься.

– Некоторые считают КПРФ силой, которая борется за интересы русского народа, за русскую идею. Навязывается мысль: если коммунисты придут к власти, тогда и воцарится действительно русская власть. Что Вы думаете об этом?

– Думаю, коммунисты совершенно не хотят прийти к власти, это партия оппозиции, которая вполне их устраивает. Если они окажутся на пятом месте, это станет для них катастрофой. А если бы они пришли к власти, это было бы для них большим шоком. Вот почему этого никогда не произойдет. В то же время результат коммунистического правления, думаю, как-то сильно усвоен всем народом.

В какой-то период интересы коммунистов были связаны с мировой революцией, они считали, что просто не удержат власть без нее. Ленин говорил, что мы и начинали все дело в расчете на мировую революцию. Потом интересы коммунистов были связаны с коллективизацией, уничтожением свободного крестьянства, а потом постепенно их интерес заключался в том, чтобы жить побогаче и по стандартам, которые были выработаны на Западе. В конце концов, их цель Гайдар очень

ясно сформулировал: заменить власть на деньги, обменять на деньги. И это тоже глубинно усвоено народом. Так что возможность прихода коммунистов к власти, мне кажется, абсолютно нереальной.

– Ваше предположение о том, какова же будет судьба России в XXI в.? Нам угрожает много кризисов, а каков путь выхода из них?

– Все дело в том, что есть принципиальная разница между тем, что угрожает, и тем, что обязательно будет, на что мы обречены. В этом диапазоне развивается вся история. Только когда мы будем понимать, что это действительно угрожает, это мобилизует наши силы, а с другой стороны, будем понимать, что никакой обреченности здесь нет, путь может быть найден. У Ключевского есть заметки о характере русского народа: фундаментальной чертой русского народа, по его мнению, является то, что русские медленно запрягают. Другими словами, русские очень медленно вырабатывают единый, глобальный ответ на формы давления, которые они воспринимают извне. Мне кажется, что 10 лет ушло на этот процесс медленного запряжения. И сейчас создавалась какая-то новая ситуация, по-видимому, уяснилось представление о русской национальной гордости, о том, что оскорбление ее не является для нас безразличным. Уже было такое чувство, что счастье так близко, так возможно, уже готовы были превратить весь народ в стадо, которое с восторгом будет слушать, что ему говорят. Ему надо внушить, что он неправильный народ, нецивилизованный с самого начала, развивавшийся вне всяких норм цивилизации, представляющий опасность для мирового сообщества, что нужно вернуть его в лоно цивилизации любыми средствами. Если при помощи телевизора удастся – то это телевизор, если телевизора мало – танка-

ми, и т. д. Народ будет хохотать, смеяться и весело на это реагировать. Оказалось, что это не так. Вся линия наткнулась на сопротивление, которое сломить не удалось. И повернуть-то пришлось, так сказать, меньшинству, формирующему политику. А что дальше будет? Мы таким образом перешли на какой-то новый этап, в котором развитие уже будет по-новому происходить.

КОЕ-ЧТО ОБ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСТВА¹

О чем книга? Казалось бы, сейчас в России царит полная свобода слова и даже вседозволенность. СМИ – в определенных руках, очень унифицированы, но хотя бы не массово – можно высказывать все, что угодно. Допустима любая порнография, реклама публичных домов, извращения. Возражения отвергаются с возмущением. Возможно кощунство по адресу православной веры – например, «Последнее искушение Христа» на НТВ, задуманное именно на Православную Пасху. Любое очернение России – например: «Это мировая черная дыра, населенная кривыми, корявыми, прячущими лица в складках жира» (по Интернету о выставке художника Кантора). Не неприкасаемы даже любые олигархи и политические деятели, вплоть до президентов – бывших и настоящего. И не только возможно – охотно сообщается о любых катастрофах, несчастьях. Но есть один запрет, нарушение которого вызывает яростную реакцию и который таким образом особенно знаменателен, указывает на какой-то важный фактор нашей жизни. Это обсужде-

¹ Выступление И. Р. Шафаревича на «Народном радио» в связи с выходом в свет его книги «Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России».

ние русско-еврейских отношений. Здесь упраздняется плюрализм и толерантность.

Типичным примером была реакция на недавно появившуюся книгу Солженицына. Книга написана предельно сдержанно, с большим мастерством, лимитированы все субъективные оценки, все, что способно вызвать эмоции. Да и посвящена она лишь дореволюционному периоду. И тем не менее, например в «МК», известный Марк Дейч пишет: «Зачем “живому классику” это постыдство и даже, я бы сказал, паскудство – сто лет спустя подробно выяснять, было ли преувеличено некое газетное сообщение о зверствах погромщиков?» Тут есть и прямой обман. Речь идет не «о некоем сообщении», а о доминирующем тоне тогдашней прессы, создавшем устойчивое (на сто лет) отношение к России. Казалось бы, из таких исследований и состоит история. Но здесь явно затронута тема, объявляемая в нашем обществе запретной. Запрет, собственно, нарушается на первой же странице книги заявлением: «Я верю, что эта история, попытка вникнуть в нее не должна оставаться запрещенной». Это и есть главный криминал. Редактор «Международной еврейской газеты» объявляет книгу «скрытым антисемитизмом» и заявляет: «Теперь не та пора, когда стране нужно очередное противостояние, которое ни к чему позитивному не приведет». Сравним это с тем, что живущий на Западе писатель Тополь опубликовал в «Аргументах и фактах»: «Впервые за тысячу лет со времени поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране». И теперь, по мнению редактора «еврейской газеты», «не то время», когда следует обсуждать, как это произошло. Хотя даже если предположить, что в словах Тополя есть преувеличение, то, казалось бы, ситуация именно требует обсуждения. И далеко не потому, что, по словам Тополя, «у нас вся фи-

нансовая власть, а правительство состоит из полукровок Кириенко и Чубайса». И не потому, что чистокровным русским тоже хотелось бы порулить и погреть руки на дележе богатств страны, потому, как мне кажется, что при любой форме правления – от абсолютной монархии до абсолютной демократии – страной правит довольно узкий слой. Если он перестает ощущать и отстаивать требования к жизни, предъявляемые основной массой народа, то кончается общегосударственной катастрофой. А способность почувствовать фундаментальные запросы народа определяется близостью к нему, разными факторами, в том числе и национальной родственностью. Тут совершенно невозможно вычислить какую-то «процентную норму», но многие признаки иногда показывают, что, если необходимая близость нарушается, переходит какую-то черту, страна обрушивается в катастрофу. Не перешли ли мы этой черты – это, пожалуй, сейчас основной вопрос. И вот обсуждение его (пожалуй, только его) вызывает яростное неприятие, стремление любым способом заставить замолчать.

В истории был ряд примеров таких болезненных ситуаций. Наиболее известный – это послереволюционная власть, 1920-е и начало 1930-х гг., когда, по мнению многих ее противников, «в России была еврейская власть». Я думаю, это означало, что какая-то естественная граница была перейдена, хрупкое равновесие нарушено. Сейчас положение даже более выпукло проявляется во многих странах Запада, особенно в США, чем у нас. В книге разобран ряд аналогичных ситуаций, и, мне кажется, в качестве вывода можно сформулировать, что так называемый еврейский вопрос всегда проявляется не как национальный вопрос, а как вопрос о власти. Всегда речь идет об установлении нового типа власти (или попытке этого). При этом неверно

(хотя часто формулируется противниками переворота), что подавляющее большинство руководителей – евреи. Тем более неверно, что все евреи (как бы этот термин ни понимать) участвуют в конфликте и находятся на одной стороне. Даже более того, основы конфликта, которые приводят к установлению новой власти, всегда создаются представителями коренного народа – как у нас революционное движение началось с декабристов, Герцена, Бакунина, Чернышевского и т. д. И в то же время не случайно так часто подчеркивается этническая сторона процесса. Это вполне оправдано. Участие ярко бросающегося в глаза этнического еврейского меньшинства является важнейшим фактором при осуществлении радикального переворота. В нашей стране мы наблюдали это дважды: в перевороте 1917 года (и февральском и октябрьском) и в перевороте конца 80–90-х годов (в «перестройке»).

Мне представляется, что причина этого общеисторического явления следующая. В течение более чем 3000-летней еврейской истории был выработан ряд факторов, способствовавших созданию совершенно уникальной по сплоченности, хотя и разбросанной по всему миру общности. Сплоченности – в смысле способности заряжаться очень быстро общим настроением, подчиняться доминирующему слою, способности идти на большие жертвы. Это были очень разнообразные факторы. Во-первых, религиозная концепция избранности. Живущая сейчас в Германии, уехавшая из СССР журналистка Марголина пишет, что теперь традиция избранности, потеряв религиозную непосредственность, реализуется в мирской форме чувства превосходства. Во-вторых, это развитая в талмудической литературе концепция принципиального отличия евреев от других людей, так что к ним просто неприменимы общие мер-

ки. В-третьих, структура организации в кагале, которая охватывала все еврейские общины в течение многих веков. Израиль Шахак, живущий в Израиле, пишет, что это было «одно из самых тоталитарных обществ в истории». И в-четвертых, сеть «замкнутых» (т. е. закрытых для неевреев) обществ, покрывающая сейчас США и западный мир вообще. Вместе эти факторы превратили еврейство (понимая этот термин весьма широко) в незаменимое орудие социального переворота.

В ряде ситуаций видно, как эта струя вливалась в уже возникший где-либо кризис, способствуя победе более радикальных тенденций и укреплению победившей партии переворота. Современный автор Д. Фурман пишет: «Везде, во всем мире, роль евреев в прогрессистских “революционных движениях” всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении». Во время «первично революционного цикла», как он пишет, «большинство политически активных евреев выступало на стороне революции... одновременно устанавливающей тоталитарный режим». И продолжает: «На мой взгляд, в очень смягченной форме ту же логику в отношении большинства евреев мы видим и в 1989–1993 годах». Да мы и сами это пережили в период так называемого застоя. Коммунистический режим пытался обойтись без этого фактора поддержки – регулировать, несколько уменьшать еврейское влияние на жизнь, но кончилось это его крахом. В химии известны катализаторы, делающие реакцию гораздо интенсивнее, хотя она происходила бы и без них. В биологических процессах такие вещества называются ферментами. Мне кажется, что такова роль еврейского влияния в социальных процессах, и это я пытался подтвердить фактами в своей книге.

Если мои аргументы убедительны, то мы имеем здесь дело не с основным определяющим вопросом

нашей жизни (а может быть, такого основного, «главного» вопроса и не существует?). Но это очень важный вопрос, это фактор, существенно влияющий на нашу жизнь, от него зависит и наше будущее. Чтобы в этом убедиться, можно произвести такой мысленный эксперимент – предположить, что еврейское влияние, как по волшебству, было убрано из нашей жизни во время революции 1917 года или революции конца 1980–1990-х годов. Ясно, что кризис все равно надвигался, но переживала бы страна его как-то иначе. И это относится также к нашему будущему. А возможность влиять на будущее зависит от способности оценить и осмыслить прошлое. Ведь мы принадлежим к виду *homo sapiens*, и разум – одно из сильнейших данных нам орудий, чтобы найти свой путь в жизни. Поэтому, как мне представляется, это сейчас один из важнейших для России конкретных вопросов: отстаять право на осмысление своей истории, без каких-либо табу и «запретных» тем. Вот почему, собрав свои заметки, накопившиеся в течение 25–30 лет, я решил суммировать их в этой книге.

**СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ,
ВЫСТУПЛЕНИЯ**

ВЫСТУПЛЕНИЕ

*на вечере, посвященном
70-летию А. И. Солженицына*

Я хочу сообщить несколько замечаний и мыслей относительно места, которое Солженицын занимает в традиции русской литературы. Я очень хорошо помню свое первое впечатление, когда появился «Один день Ивана Денисовича». Как меня поразило то, насколько это традиционно русское произведение. Казалось бы, в этом нет ничего удивительного – появился прекрасный русский писатель, он пишет в духе русской традиции. Но тогда это далеко не казалось так само собой очевидным. Произошло то, что называлось Великим Переломом. И это был перелом всей жизни и культуры, в частности литературы. И казалось, мне по крайней мере, тогда, что та литература, которая была, – она ушла в прошлое, так, как ушла в прошлое монархия и крестные ходы на улицах – безвозвратно, а появилась новая литература – Эренбурга или Алексея Толстого, та, про которую Солженицын говорил потом, что она основана на клятве воздержания от главной правды. Об этой эпохе Солженицын сам позже сказал: «Ни на миг не прерывалась русская литература, а со стороны казалась пустыней. Где мог бы расти дружный лес, осталось после всех лесоповалов два-три случайно обойденных дерева». Вот тут возникает какая-то грандиозная загадка. Когда дети родятся похожими на родителей, биологи объясняют или по крайней мере уверяют, что понима-

ют: это связано с генами, с хромосомами, сложными биохимическими процессами. А какие же не известные никому гены делают то, что так точно передается традиция через эту мертвую полосу, в которой не только невозможны никакие прямые контакты с предшественниками, но, казалось, весь воздух страны изменился?

Для того чтобы высказать мою точку зрения на это явление, я должен на него взглянуть в более дальней перспективе и сделать небольшое отступление. Этот перелом – это был не первый перелом в нашей истории, первый-то произошел при Петре, когда юродивых сажали по монастырским тюрьмам, а скomoroxов ссылали в Сибирь.

Это был перелом почти до забвения, настолько та, предшествующая культура была забыта. И литературой стали считать только ту литературу, которая после этого перелома возникла. Еще недавно, в современной нам книге, академик Лихачев пишет как о чем-то, что нужно читателю доказывать и объяснять: «Русская литература существует не с XVIII в., она родилась не в Петербурге, не в петербургском периоде русской истории». Именно благодаря его работам и его школе представление о единстве русской литературы на всем тысячелетнем интервале ее существования стало уже глубоко осознанном. И для того, чтобы дать представление о необыкновенной внутренней однородности, которая спланивает всю литературу, я приведу два маленьких примера.

Первый взят из старой работы Лихачева. Он говорит, что образ Наполеона в «Войне и мире» был бы лучше понят книжником Древней Руси, чем нашими современниками. Этот книжник не обвинил бы Толстого в шарже. С точки зрения его эстетических концепций человек, герой произведения, должен отражать не свои личные качества, а сущность своего дела, в данном слу-

чае дела захватчика. Он горд, то есть грешен первым из семи смертных грехов, он одурманен самоуверенностью, он фразер, краснобай, как Батый, Биргер, Мамай. Наоборот, его противник, защитник Руси, смиренен, молится перед битвой, уповает на Бога.

Второй пример из произведения другого замечательно интересного исследователя, А. Панченко. Он приводит такой пример: ночь перед битвой, судьбоносной битвой, в которой должна решиться судьба отечества. И он цитирует так называемое испытание примет в «Сказании о Мамаевом побоище». «И обратився на плък татарский, слышит стук велик и кличь и вопль, аки тръги снимаются, аки град зиждуще и аки гром великий гремить... и обратився на плък русский, – и бысть тихость велика». И всякий вспоминает Лермонтова: «Прилег вздремнуть я у лафета, и слышно было до рассвета, как ликовал француз. Но тих был наш бивак открытый...»

Вот в таком единстве русская литература представляется как будто написанной одним автором, с определенным своим мировоззрением, со своими собственными излюбленными художественными приемами, а как будто писателям он поручает только помогать ему в той или иной части работы. В этом ряду – тут я уже возвращаюсь назад к Солженицыну – мне кажется, что гораздо яснее место Солженицына, и очень часто оказывается, что он в этом ряду стоит ближе к его древнему концу.

Ну например, какая основная тема всей русской литературы? Смысл жизни: смысл жизни человека и смысл жизни народа. Она рассматривается во всех возможных масштабах – от летописи, которая начинается от сотворения мира, до масштаба Отечественной войны 1812 года или в трактире города Скотопригоньевска. Но всегда присутствует и центром является она. Тот же Лихачев пишет: «Чувство значительности происходящего,

значительности всего временного, значительности истории человеческого бытия не покидало древнерусского человека ни в жизни, ни в искусстве, ни в литературе». «Человек, живя в мире, помнил о мире в целом как об огромном единстве, ощущал свое место в этом мире». Поэтому и летописи, рассказывавшие обычно о сравнительно недавней истории, начинались или с сотворения мира, или от Адама, или от потопа. И у Солженицына человек вечно стоит между жизнью и смертью: в лагере, в тюрьме, в камере смертников, в раковом отделении больницы. Какие там обсуждаются проблемы? Чем жив человек, сколько стоит жизнь, то есть что не жалко за нее отдать. И вот такая деталь – у Лихачева: «В этом мире все значительно» – это концепция, конечно, древнерусской литературы – «полно сокровенного смысла. Задача человеческого познания состоит в том, чтобы разгадать смысл вещей... Вселенная – книга, написанная перстом Божьим, письменность расшифровывает эту книгу знаков». У Солженицына: «Я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий смысл привык с тюремных лет ощущать. Броски моей жизни я не всегда управлялся понять вовремя, часто по слабости тела и духа понимал обратно истинному и далеко рассчитанному смыслу. Но позже непременно разъяснялся мне истинный разум происходящего... и я немел от удивления. Много в жизни я делал противоположно моей же главной поставленной цели, не понимая истинного пути, – и всегда меня направляло нечто. Это стало для меня так привычно, что только и оставалась у меня задача: правильной и быстрее понять каждое крупное событие моей жизни». Он в трудный момент читает русские пословицы, старается понять по ним смысл того, что с ним происходит. В древности это называлось бы гаданьем. «Получалось, что беду свою надо использо-

вать как благо. И даже, может быть, на торжество. Но как? Но как? Шифр неба оставался неразгаданным». Я читал перед тем цитату из Лихачева, что письменность должна расшифровывать этот мир знаков.

Даже и тот образ-шифр сохраняется на расстоянии многих веков. Я этим увлекся, и чем больше я читал, тем больше для меня понятен становился Солженицын как писатель, мыслитель, человек, который ближе к Иллариону Киевскому, Нестору или Аввакуму, чем к каким-нибудь поздним стилистам – Чехову, Бунину или, упаси Бог, к Набокову. Я много набрал таких сопоставлений, но хочу все же одну маленькую деталь вам сообщить.

В «Поэтике древнерусской литературы» у Лихачева большой раздел посвящен миниатюре. Более сотни тысяч миниатюр на полях русских летописей он рассматривает как часть литературы. По ним читали и рассказывали историю. Какова же при этом главная задача художника? Сжать свой рассказ, сделать его более лаконичным и плотным. Это есть любимый прием Солженицына! В самом первом интервью, которое он дал, в 1966 г., он говорит: «Я стремлюсь всегда писать плотно, т. е. вместить густо в малый объем». Как он вошел в литературу? В первом опубликованном произведении действие происходило в один день. В «Круге первом» действие сплотно в три дня. В «Красном колесе» каждый его узел содержит два-три дня. Конечно, этот тот же эстетический прием.

Главные, основные черты русской литературы две, мне кажется. Первая – это типичная для нее стыдливость, чопорность или целомудрие (все какие-то слова несовременные, которые как будто неприлично даже и выговаривать). Отсутствие эротизма и всего того, что называется сексом. Даже в Средние века у нас не было куртуазной поэзии трубадуров. Но и больше, гораз-

до шире. Это стыдливость сдержанности, опасение за чрезмерность выражения своих чувств, страх ходульности, как религиозной категории – гордыни. В книжке Лихачева «Смех Древней Руси» есть очаровательный отрывок, называется «Юмор Аввакума». Он разъясняет, что вечная проблема Аввакума в том, чтобы бороться с гордыней, бороться с соблазном считать себя праведником. Как же он с ним боролся? С помощью юмора, юмористического отношения, улыбки по отношению к своим страданиям и к своим гонителям. Он пишет: «Смех Аввакума – это своеобразный религиозный смех, столь характерный для Древней Руси в целом. Это щит от соблазна гордыни, житейский выход из греха и одновременно проявление доброты к своим мучителям, терпения и смирения», приводит знаменитый отрывок: «Отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми итти не поспеем – голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет да и повалится, кользко гораздо. В ыную пору бредучи, повалилась, а иной томный же на нее набрел, тут же и повалился. Оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батко, меня задавил?» Я пришел – на меня бедная пеняет, говоря: «Долго ли муки сия, протопоп, будет?» Я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохня отвечает: «Добро же, Петрович, ино еще побредем...»

И перед той же проблемой стоял Солженицын. Представьте себе, что он публикует главное свое произведение – «Архипелаг ГУЛАГ», которое он воспринимает как завет, завещанный ему от мертвых, от тех, что не дожили, чтобы обо всем об этом сказать. Как же ему бороться с этой же опасностью – ходульностью, похвальбой своими страданиями, бряцанием кандалами? Как начать? Он начинает так: «Году в 1949 напали мы с

друзьями на примечательную заметку в журнале “Природа” Академии наук. Писалось маленькими буквами, что на Колыме во время раскопок была как-то обнаружена подземная линза льда, замерзший древний поток и в нем замерзшие же представители ископаемой, несколько десятков тысячелетий назад, фауны. Рыбы ли, тритоны ли эти сохранились настолько свежими, что присутствовавшие, обколов лед, тут же охотно съели их. Многочисленных своих читателей журнал, должно быть, немало подивил, как долго может рыбье мясо сохраняться во льду. Но мало кто из них мог внять истинному, богатырскому смыслу неосторожной заметки. Мы – сразу поняли... Мы поняли, потому что сами были из того единственного на Земле, могучего племенного рода, которое только и могло “охотно” съесть тритона». Дальше он опять возвращается к этому образу, который поворачивает по-другому: «Идут десятилетия и безвозвратно слизывают рубцы и язвы прошлого. Иные острова Архипелага за это время дрогнули, рассыпались, полярное море Забвения переплескивает над ними. И когда-нибудь в будущем веке Архипелаг этот, воздух его и кости его обитателей, вмержшие в линзу льда, станет допотопным тритоном. Свои 11 лет, проведенные там, усвоив не как позор, не как проклятый сон, а почти полюбив тот уродливый мир, а потом еще по счастливому обороту став доверенным многих рассказов и писем, может, сумею я донести что-нибудь из косточек и мяса? – еще, впрочем, живого мяса, еще, впрочем, живого тритона». Разве это не то же, что и у Аввакума, балансирование на грани улыбки и трагедии? Не тот же «своеобразный религиозный смех, столь характерный для Древней Руси»?

И, наконец, главный родовой признак русской литературы – это ее светлость, разлитая в ней ее теплота.

Трагедия присутствует в ней часто, и очень даже часто, но она не принижает, а возвышает душу. Как говорили в древней литературе, «героизм выше одоления», «самоотречение выше силы». И это всегда чувствуется, мне кажется, в типичном произведении русской литературы, и всегда чувствуется противоположное течение – безблагодатность, ну вроде как, например, у Кафки. И тут, пожалуй, Солженицын вне всякого сравнения, потому что у него такие сюжеты и такие темы светятся, которые обычно связаны только с мраком, причем с беспросветным мраком. Кто другой мог бы назвать главу так: «Первая камера – первая любовь»? Или такой пассаж: «Невесомые лубяньские вечера», но в скобках: «(впрочем, тогда только невесомые, когда не ждешь допроса)». «Невесомое тело, ровно настолько удовлетворенное кашицей, чтобы душа не чувствовала его гнета. Какие легкие, свободные мысли! Мы как будто вознесены на Синайские высоты, и тут же из пламени является нам истина. Да не об этом ли и Пушкин мечтал: “Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать”. Вот мы и страдаем, и мыслим, и ничего другого в нашей жизни нет. И как легко, оказалось, этого блага достичь».

В этой тональности большинство в «Архипелаге ГУЛАГЕ». И в «Круге первом» описывается прекрасная мужская дружба на шарашке, почти как пушкинская лицейская. В «ГУЛАГЕ» через всю страницу крупными буквами:

«Благословение тебе, тюрьма».

«Я – достаточно там посидел, я душу там взрастил и говорю непреклонно: Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни». Правда, в скобках дальше: (А из могил мне отвечают: «Хорошо тебе говорить, когда ты жив остался!»).

Но более всего, конечно, это в «Иване Денисовиче». Какими средствами он достигает этого чувства, света сквозь мрак – это, конечно, тайна, которую никакими словами разобрать невозможно. Но кое-что лежит на поверхности. Например, Иван Денисович все время радуется своим удачам: «Житуха: умирать не надо...» (это ему дали валенки). «А и без печки – все равно хорошо!» (приткнулся, где немного потеплее). «Чем в каторжном лагере хорошо – свободы здесь от пуза!» (говорить что хочешь). И кончается: «Засыпал Шухов почти удовлетворенный... Прошел день ничем не омраченный, почти счастливый». В его отношении к жизни нет зависти. Он находит оправдания тем положениям, которые могли бы вызвать осуждение. Цезарь Маркович получает посылки, пристроился придурком, но ведь и его тоже пожалеть надо: сколько каждому надо на лапу дать. Гопчик прячет посылки, ест по ночам один – «и то правда, всех не накормишь». Но главное – любовное, теплое отношение ко всем. «Гопчика-плута любил Иван Денисович (свой-то сын помер)». Про Алешку-баптиста: «Щеки ввалились – на пайке сидит, чему рад? По воскресеньям с другими баптистами шепчется. С них лагеря как с гуся вода». Про эстонцев: «Эстонцев, сколь Шухов ни видел, плохих людей не попадалось». И так далее, так далее. Автор как будто немного хитрит с читателем – все время отводит его от опасной мысли, которая могла бы покоробить, что пишет о праведнике. Он даже строит свое алиби. Иван Денисович говорит Алешке, что от молитвы горы не стронутся, что его, Ивана Денисовича, молитвы остаются без ответа. И читатель уже сам даже не понимает, а чувствует, что соприсутствует житию праведника, то есть имеет дело с единственным литературным жанром, где тьма действительно светится.

Но Солженицын тем не менее не добр! Его в этом много раз упрекали: «Он сыплет соль на раны». И это верно – он сыплет, да еще смеется! Например: «Ну зачем это все вспоминать, зачем беречь раны тех, кто жил в это время в Москве и на даче, писал в газетах, выступал с трибун, ездил на курорты и за границу». И ведь действительно обидно. Я помню очень хорошо, как мне обидным показался такой пассаж об ученых: «Непробудная, уютная дрема советских ученых – делать свое научное дело, а за это – жить в избытке, а за это – не мыслить выше пробырки». Даже в главе «Придурки» берет и шире: «Весь образованный наш слой – техники, гуманитарии – все эти десятилетия разве не были такими же звеньями кашеевой цепи, такими же обобщенными придурками?» И мечтает он, что когда-нибудь будет издан альбом фотографий: надутые, отечные лица; они открывают дверцы машины, вылезая; они пьют воду на трибунах; они сидят в президиумах – и никакого текста, только одна подпись: «Диктатура пролетариата».

Тут опять возникает параллель с Аввакумом, который так же все это хорошо умел. Вот, например, в поучение царю он пишет о некоем Максимияне-мучителе, который «ревет в жупеле огня. Навесь тебе столовые, долгие и бесконечные пироги, и меды сладкие, и водка процеженная, с зеленым вином! А есть ли под тобою, Максимиян, перина пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твое здоровье, чтобы мухи не кусали великого государя. И как там с—ь ходишь, спальники-робята подтирают ли гузно-то у тебя в жупеле том огненном? ...Бедной, бедной, безумной царишко! Что ты над собою сделал?»

Тут мы подходим к еще одному аспекту Солженицына – к его публицистике. То, что писал Аввакум, тоже в значительной мере можно назвать публицистикой. И

цель у них была одна и та же: это была битва за Россию, битва за ее национальные истоки и корни, за то, чтобы ее культура сохранилась в сознании народа и не была от него отрезана, замарана и вытеснена как нечто грязное, как «мужицкая правда» (как говорили поборники реформ в эпоху Аввакума), как «проклятое прошлое» (как говорили в эпоху Солженицына). Тут Солженицын проявил совершенно новые свои черты. Была, я помню – кто помоложе, тот не помнит – такая полемика между Солженицыным и Сахаровым. Сахаров написал возражение против «Письма вождям Советского Союза» Солженицына, и западная пресса, всегда падкая на какой-нибудь штамп, страшно обрадовалась: «Вот мы здесь видим картину – ученый, который мыслит логически, и поэт, который оперирует чувствами». На самом деле все было совсем не так, по крайней мере в том, что касается Солженицына. Он проявил здесь емкий, сильный и четкий ум – он совершенно не зря окончил физмат и из математики извлек то, что многие не извлекают, занимаясь ею всю жизнь.

Это замечательная тема, которой, наверное, должно быть целое исследование посвящено, – его публицистика. Началась она отсюда, но более ярко расцвела на Западе. Свежим умом окинув все, что с ним происходит, он увидел, что его оппонентами оказались выходцы отсюда же, деятели правозащитного движения, почти без исключения. И он увидел удивительную картину, сумел ее парадоксальность оценить и представить своим читателям. В России, в СССР, существовало правозащитное движение, провозглашающее очень четкие лозунги, небольшое количество требований и положений. Одно из самых главных было – это свобода слова. И вот как будто какой-то экспериментатор решил произвести эксперимент. Когда спрашивали этих деятелей здесь: «Для чего свобода сло-

ва?», то ответ их заключался в том, что этот вопрос не корректен, на него отвечать не нужно. Но кто-то решил экспериментально это исследовать, и они оказались в большом количестве на Западе, «избрав свободу». И там в их произведениях уже невозможно было не сказать, зачем же им нужна была свобода слова, которую они так темпераментно анонсировали. Ответ оказался парадоксальным: для того, чтобы чернить Россию, для того, чтобы пророчить ее скорую гибель и в меру силенок туда ее подталкивать. Например, возникла концепция о том, что у России не было истории, а было только бытие вне истории. Такова точка зрения философа. А литературовед, например, открывает, что Пушкин – это была кудрявая болонка при дамах как при деле, это был Хлестаков, самозванец, упырь. А Толстой – это «артист» (в смысле теперешнего сленга), «гениальная посредственность». И Солженицын замечает, что выстраивается новая концепция: «У России не только не было истории, у России не было и литературы». И вообще, русский человек вечный раб. Обращаясь на Запад, видный борец за свободу анонсирует. «Альтернатива: либо миру быть живу, либо России», и Запад должен выбирать.

Какой же после этого открытия, однако, водопад хулы на Солженицына обрушился! Здесь были все образцы этого искусства, из которых я хочу привести, может быть, самый филигранный. 24 ноября 1977 г. радиостанция «Немецкая волна» передавала тезисы заседания в институте славистики в Кельне. Я лихорадочно записывал за радио. Доклад под названием «Советская литература» читал покойный ныне Виктор Платонович Некрасов. Собственно, доклад был посвящен «Новому миру». Он говорил о редакторах, которые там были: «Замечательный редактор Анна Самойловна Берзер». И Солженицын о ней очень тепло отзывается. Но как же

это имя было использовано? Докладчик говорит: «В ее руки попала рукопись “Одного дня Ивана Денисовича”, и вот появился великий русский писатель Солженицын. Это было большим несчастьем для Солженицына, что рядом с ним не было Анны Самойловны, когда он писал “ГУЛАГ”. Я ручаюсь, что тогда он был бы в два раза меньше и ничего не потерял бы из своего содержания («меньше», вероятно, не Солженицын, а «ГУЛАГ» – *И. Ш.*), – так она умела отжимать воду».

Это все началось здесь, когда мазали его в сто кистей и его собратья-писатели, и мои собратья-ученые, и кому только не лень, шло за границу, а потом, как мистический змей, который кусает себя за хвост, вернулось сюда, и уже сейчас здесь опять в бой вступает Рой Медведев, а в книге «Иного не дано», недавно вышедшей, в которой собраны, казалось бы, самые свежие мысли перестройки, вдруг оказывается и такое открытие, что Солженицын, не понимая Сталина, ненавидя его, делал то же самое дело. И один писатель предупреждает, что будет с Солженицыным бороться, хотя оговаривается, что только пером. (Хотя хорош тот писатель, которому такие оговорки нужны.) Действительно, проглядывается какая-то аналогия между Солженицыным и Аввакумом – и тюрьма, и лагеря, и ссылка, и это вечное гонение. В одном только аналогия не выдержана – Солженицына все же не сожгли, по крайней мере до сих пор. Не сожгли, но отрезали его от читателей. Выросло новое поколение, которое Солженицына не читало практически нисколько. Сам он говорил о такой ситуации: «Если такие мастера, как Ахматова и Замятин, на всю жизнь замурованы заживо, осуждены до гроба творить молча, то это не их личная беда, но горе всей нации, но опасность всей нации». В той мере, как это касается Солженицына, мне представляется положение таким образом.

Русский народ и все человечество находятся сейчас в страшном кризисе, не имевшем, возможно, прецедентов в истории. Под угрозой все – и леса, и реки, почва и вода, нравственные ценности и физические силы народа – буквально земля и небо. Землю смывают, превращают в солончаки, ее бурят на десятки километров, а в небе пробивают какие-то озонные дыры. Видно, что так ни человечество, ни Земля долго не продержатся. Вопрос стоит так: быть или не быть? Закрутились в каком-то водовороте, из которого не могут выплыть. И что поразительно: ни у кого нет никаких мыслей о том, никаких идей, как оттуда выпрыгнуть можно было бы.

Но не хочется верить, что выхода и не существует. Можно даже было бы, исходя из некоторых общих мировоззренческих установок, привести аргументы в пользу того, что выход должен быть. Но если он есть, а никто его сформулировать не может, это означает, что выход нужно искать в надындивидуальном уровне, то есть он должен быть дан мудростью народа, воспитанной в его истории, или мудростью живой природы, или, в каком-то смысле, мудростью Космоса. А наше дело – только узнать его, узнать и признать, когда он промелькнет, не пройти мимо него... И тогда успех зависит от близости к традиции, от умения чувствовать мудрость народа, его историю. Литература здесь играет роль питающих сосудов, которыми мы соединяемся со своими корнями. Солженицын, как я пытался показать, занимает здесь какое-то особое место, он к этим корням особенно близок, восприимчив. И поэтому вопрос о его возвращении в литературу – это вопрос не о соблюдении правовых норм, оттачивании правовых основ государства – эту-то задачу можно было решить и на ком-нибудь помельче. Это не вопрос даже гуманности по отношению к Солженицыну, это даже не вопрос высокохудожественной, нравственной прозы, ко-

торой читатели лишены. А это вопрос, который стоит в таком же плане: поворачивать ли вспять наши реки, воспитывать ли детей на порнографии и музыке тамтамов и строить ли атомные электростанции? То есть это один из факторов нашего выживания как народа. Вот эту мысль я только и хотел аргументировать своим сообщением.

1990

О ДАНИИЛЕ АНДРЕЕВЕ

Выступление на вечере в ЦДЛ

В повести Гофмана «Крошка Цахес» рассказывает, что студент Валтасар написал поэму о любви соловья к пурпурной розе и преподнес ее своей возлюбленной. Потом он встретился с некоей загадочной личностью, магом Проспером Альфанусом, и тот похвалил эту поэму, назвав ее «изрядным опытом в историческом духе, отличающимся тщательным и подробным описанием деталей». Студент не знал, что ответить, потому что думал, что написал самую фантастическую вещь в своей жизни. Но Проспер Альфанус заметил, что он-то может судить о точности его описаний, потому что эти события происходили на его глазах в стране Джиннистан совсем недавно, всего несколько тысяч лет назад, так что обстоятельства еще не успели изгладиться из его памяти.

Как часто у Гофмана, за шуткой здесь скрывается глубокая мысль. Каждый великий художник открывает какой-то новый взгляд на загадку существования человечества и своего народа. Поэтому его можно считать «историком», исследователем Истории – правда, очень нестандартными методами. Особенно плодотворным кажется мне этот взгляд в применении к творчеству

Д. Андреева. В нем многое, по-моему, становится понятным, если воспринимать автора как «историка» – в гофмановском толковании этого слова.

Поколение, к которому принадлежал Д. Андреев, столкнулось со следующей ситуацией. На нашу страну обрушился каскад катастроф: истребительная война, революция, вторая революция, гражданская война, лагеря, расстрелы, уничтожение крестьянства, еще одна война и опять – расстрелы и лагеря. Это перед каждым мыслящим человеком и перед всем народом ставило вопрос: либо попытаться, несмотря на всю непредставимость и как бы невозможность того, что произошло, как-то найти этому место в картине истории, либо признать, что существование бессмысленно, бессмысленна вся человеческая деятельность, в частности искусство.

Я хочу обратить внимание на одно любопытное обстоятельство: в тот момент, когда началась эта апокалипсическая эпоха нашей истории, в России существовала многогранная, глубокая культура: искусство, философия, богословие – то, что называется «серебряный ренессанс». Поразительным образом эта тонкая и глубокая культура оказывалась в высшей степени невосприимчивой к тому вопросу, о котором я сказал, очень не склонна хоть как-то на него ответить. Ее представители либо давали очень поверхностные, совершенно не удовлетворяющие нас ответы, либо уходили в какое-то другое измерение и от ответа отказывались. Конечно, когда они сами попадали под шестеренки этого механизма, они передавали те чувства, которые они испытывали, своими – высочайшими – художественными средствами – «Муж в могиле, сын в тюрьме...» – но это было, так сказать, фактологическое описание, которое показывало еще раз трагизм и драматичность того, что происходит, но никак не было даже попыткой его

осмысления. Мне приходят в голову, как исключения, только Блок и Замятин. Может быть, есть и другие, кого я не вспомнил или не знаю, но картина общая, мне кажется, такова. Например, в 1917 г., когда можно было просто думать, что Россия кончилась и совершается ее агония, мудрый и тонкий богослов о. Сергей Булгаков написал одно из самых своих глубоких произведений «Свет Невечерний». В этой книге только по одному подстрочному примечанию можно узнать, что книга написана в 1917 г., а не на десять, не на двадцать лет раньше. И подобная позиция была для той культуры типичной! По-видимому, произошел как бы геологический переворот в области духа. Человечество существовало до того и в историческом времени двигалось в каких-то определенных пластах бытия, его контакты с другими пластами были редкими и были делом избранных, исключительных людей. Произошли какие-то обвалы, совершенно новые пласты бытия вторглись в жизнь, и духовная жизнь протекала уже в этих новых условиях. Старые приемы осмысления мира в этих новых условиях оказались недействительными. Надо было разработать совершенно новую систему представлений, с помощью которых можно было все это вместе воспринимать как некое разумное целое. Эта проблема с тех пор нас и мучила. Она обрушилась, пала на плечи поколения, которому принадлежал Даниил Андреев, и мучит нас до сих пор. И до сих пор мы об этих мучительных размышлениях слышим: то они угасают, то они вспыхивают... Одни говорят, что здесь возникло противоречие между производительными силами и производственными отношениями и из-за этого одни люди принялись стрелять другим в затылок. Другие говорят, что таков русский народ: это его извечное свойство – истреблять самого себя. Третьи говорят, что проявилась необычно-

венно коварная личность. Но какая личность проявилась – тоже идет спор; одни говорят, что одна личность, другие – другая... Это показывает, что до какого-то понимания еще очень далеко. Оно вряд ли и возможно в каком-либо варианте логической, наукообразной схемы. Но, как мне кажется, Даниил Андреев пытался создать нужную для этого систему образов, концепций, как бы создать мир, в котором такая ситуация могла бы, по крайней мере, иметь смысл.

Действительно, если мы говорим, что имеем дело с трагедией, которая по своей жестокости не укладывается ни в какое наше представление о справедливости, о смысле, то другими словами это можно сказать так: мы столкнулись с новым аспектом проблемы зла, которого раньше не видели. Проблема эта очень старая, и сейчас только стало не модно ее так называть. Она стояла в центре мысли авторов античной трагедии, ей были посвящены многие размышления отцов Церкви. И, как мне представляется, вплоть до последнего времени, как бы ни была малорелигиозна или антирелигиозна цивилизация, она питалась в основном теми же представлениями, которые были созданы отцами Церкви. У них существовала очень разработанная и яркая концепция: с их точки зрения зло не имеет самостоятельного существования, оно есть только недостаток добра. И человек попадает под власть зла через соблазны, то есть зло как бы не может являться самоцелью, но является недолжным путем в достижении вполне должных целей. Например, вполне здоровым, естественным является и жизнь, и деятельность человека в жизни. Жизнь иерархична, и поэтому столь же естественным являются и концепция власти, и стремление к власти для человека, который хочет себя проявить. Но, соблазняясь этой концепцией, он ради этого преступает какие-то другие заветы и со-

вершает жестокости, обман и т. д. Отцы Церкви тонко проанализировали путь, которым проникает соблазн: последовательные стадии помысла, сдружения, страсти, борьбы и, наконец, пленения.

Как кажется, наш век показал, что эта точка зрения есть истина, но не есть вся истина. В какие-то моменты, в которые роковым образом творится история, зло в историю врывается как самостоятельная сила, которая имеет и свою собственную логику, и собственную цель. Это чувствовал и Блок, например: «И век последний, ужасней всех, – Увидим и вы и я. – Все небо скроет гнусный грех, – На всех устах застынет смех. – Тоска небытия...» Согласно традиционной концепции, смерть, небытие есть крайнее зло, и вот он утверждает, что она есть не случайность, а может служить целью, к которой стремятся, о которой тоскуют.

С этой точки зрения зло сопоставимо с такими же автономными силами жизни, как добро и красота. Не в том смысле, что это вера в равновесные силы, не в том смысле, как это утверждают дуалистические концепции: манихеев, богумилов или катаров, которые верили, что равны сила и власть злого и доброго бога, Чернобога и Белобога, борющихся за мир. Но, по крайней мере, зло и добро имеют внешнюю сходную структуру, внешне сходный механизм проявления в жизни. Например, в зле существуют свои таланты и свои гении. И точно так же, как в области религии через откровение, а в искусстве через вдохновение, они тоже способны к творчеству, созданию каких-то новых идей, концепций, другими словами, – новых сущностей. Они способны к контактам с какими-то другими сферами, откуда они их заимствуют. Другие люди не способны к этому творчеству, но они способны воспринять результат этого творчества: так, как мы, в большинстве своем, не можем писать стихи,

но способны воспринимать стихи, когда поэт их напишет. Эти все концепции и содержатся в какой-то мере и в «Розе мира» Даниила Андреева, и в его стихах.

Он шел к пониманию этих проблем двумя путями: путем откровения и путем вдохновения. Первый – это «Роза мира», второй – его стихи. И, как лишь биноклярное (двумя глазами) зрение дает выпуклую картину мира, так только сочетание обоих путей дает полное представление о духовном мире Д. Андреева.

Как мне представляется, «Роза мира» является типичным явлением мистики. Говоря «мистика», я подразумеваю, что это не есть выдумка, в самом хотя бы благородном смысле слова – не сочинительство, не искусство, не творчество, а описание реальных переживаний, мучительная попытка передать по возможности точно эти переживания. Это типично для громадного количества известных мистических опытов. Есть книжка Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта», где он собрал колоссальное количество свидетельств людей самого разного интеллектуального и духовного уровня, свидетельств об их мистических переживаниях. У всех у них удивительное сходство характера переживания и восприятия, чувство подлинности. Что это за переживания? Каково их происхождение? Это каждый человек может оценить по-разному. Можно считать их и галлюцинациями. Например, Иван Карамазов читает «Легенду о Великом Инквизиторе». Алеша спрашивает: «...что это такое? – прямо ли безбрежная фантазия или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь невозможное *qui pro quo?*» – «Прими хоть последнее, – рассмеялся Иван, – если уж тебя так разбаловал современный реализм <...> Это мог быть, наконец, просто бред, видение девяностолетнего старика перед смертью». Те, кто «разбалован современным реализмом», могут и «Розу мира» считать галлюцинацией.

Можно по-модному сослаться на Юнга в том смысле, что человек черпает из общечеловеческого подсознательного заключенные там архетипы.

Можно опираться на традиционные религиозные точки зрения – как на это смотрел Даниил Андреев.

Важно то, что речь идет о некоем непосредственном опыте, который рассказчик должен передавать. При этом возникает одна вечная трудность. Речь идет о чем-то типа перевода, но о проблеме гораздо более трудной, чем перевод. Речь идет не о переводе с одного языка на другой, а о том, чтобы передать впечатления из одной сферы переживаний средствами, заимствованными из другой сферы, совершенно несхожей с ней. В каком-то смысле это деятельность, обреченная на неудачу. Полной удачи здесь не может быть: то, что пережил автор, не может совпасть с тем, что испытывает читатель.

Такая трудность свойственна большинству подобных ситуаций, в очень широком диапазоне. Например, у Булгакова в «Мастере и Маргарите» Иешуа Га-Ноцри говорит: «Эти добрые люди – ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной». Автор «Розы мира» сам неоднократно жалуется на трудность своей задачи. Прерывая себя, он сетует на то, как неадекватны возможности языка тем переживаниям, которые он хочет передать. Он говорит о черном или лиловом небе, называет странно звучащие имена, вроде «Уицраор» – но не ясно даже, были ли его первоначальные переживания в форме красок и звуков? Мне кажется, что, лишь отдав себе отчет в этой принципиальной трудности, осознав, что мы как бы глядим на иной мир через замутненное стекло, можно правильно

почувствовать «Розу мира», отсеять искажения картины, возникающие из-за непрозрачности стекла.

Так, в «Розе мира» чувствуется наследие стандартных взглядов интеллигенции начала века. Например, если не симпатия, то всепрощение по отношению к революционерам террористического направления. Теперь-то мы знаем, что это такое – террористы. Для нас это убийцы, которые являются ущербными людьми, в них отсутствуют какие-то нормальные человеческие запреты, которые не дают здоровому человеку идти на такое зло. Унаследовано и раздражение, ненависть интеллигенции к русскому государственному строю: это концепция, согласно которой в основе всех трагедий русской истории лежит гипертрофия государственной власти, централизация и усиление русской власти... – эти положения Даниила Андреева трудно соотнести с глубиной всего остального. О них, может быть, не стоило бы и говорить, если бы хулители России, «русохулы», не переняли эту точку зрения. Они очень любят ею пользоваться. По-видимому, из всего Даниила Андреева они восприняли только ее, более высокий уровень его концепции они не способны оценить...

Этих проблем нет в его поэзии, хотя сочетание с «Розой мира» дает новое измерение тому миру, который в ней описан.

В качестве примера я приведу одно его стихотворение, «Гипер-пеон». Оно посвящено все той же проблеме поиска формы для выражения духа нашего времени. Стихотворение говорит о том, что новая эпоха, в которую мы попали, провалилась, не может быть постигнута при помощи познавательного аппарата нашей цивилизации. Нужны новые концепции, мысли, совершенно новый строй сознания. Д. Андреев сравнивает это с новым стихом, который нужно создать, новым ритмом.

Замечу, что некоторые историки (например, Арнольд Тойнби в его многотомном «Исследовании истории») определяли конечную цель изучения истории как выявление некоего ее скрытого ритма, отражающего ритм космоса.

Андреев говорит:

Не подскажут мне закатившиеся эпохи
Злу всемирному соответствующий размер,
Не помогут во всеохватывающем вздохе
Ритмом выразить величайшую из химер.

И далее:

Я работаю, чтоб улавливали потомки
Шаг огромное и могущественнее, чем людской.
Чтобы в грузных, нечеловеческих интервалах
Была тяжесть, как во внутренностях земли,
Ход чудовищ, необъяснимых и небывалых,
Из-под магмы приподнимающихся вдали.

То есть он рисует картину каких-то геологических катаклизмов, выпустивших на свет чудовищ, скрывавшихся в недрах земли. Обращаясь к новому стиху – «Сверх-пеону», автор восклицает:

Наши судороги под расплющивающей пятою,
Наши пытки и наши казни запечатлей!
И свидетельство о склонившемся к нашим мукам
Темном демоне, угашающем все огни,
Ты преемникам – нашим детям и нашим внукам –
Как чугунная усыпальница, сохрани.

Я до сих пор помню, как впервые читал это стихотворение. Когда дошел до «склонившемся к нашим

мукам», то мысль, забегаая вперед, рисовала что-то вроде образа плачущей Богородицы, и он казался мне очень трогательным, сильным. Но образ «темного демона, угашающего огни», был совершенно неожиданным и поразил меня. Действительно, кроме, так сказать, внешних форм воздействия зла – мучительства, обмана, – существует и более глубинное его воздействие, когда оно убивает добро и красоту, «угашает огни». И если сейчас эпоха «пытков и казней» может быть (но лишь может быть!) для нас позади, то апогей «гашения огней» лишь приближается. В кино, театре, литературе появляется все больше произведений, где нет хороших, симпатичных людей, рисуется темный, безблагодатный мир. На нас надвигается образ жизни, в котором дети не будут знать ни колыбельных, ни сказок, а воспитываться на «мультиках по телеку», когда первая любовь, описанная Шиллером и Тургеневым, заменится половым актом, увиденным в кино, а любовь к своей родине, устарелый «патриотизм» уступит место более «прогрессивной» концепции космополитизма. Один видный атомник несколько лет назад рисовал картину мира, в котором из всех живых существ останутся лишь люди и бактерии. У нас на глазах действительно кто-то «угашает все огни» – один за другим.

Я говорил выше о том грузе, который жизнь возложила на плечи поколения Д. Андреева. Конечно, не он один это ощутил. По крайней мере еще один великий художник посвятил всю свою творческую жизнь попыткам ответить на те же вопросы: Д. Шостакович. Они даже родились с Д. Андреевым в один год и шли одним путем – или параллельными путями. Несомненно, что центральной в творчестве Шостаковича является концепция зла, злой силы, с поразительной яркостью выраженная в седьмой и восьмой симфониях, трио и многих других его

произведениях. Причем чувствуется, что явление, о котором он пишет, выходит далеко за пределы обыденных человеческих несчастий, имеет космический характер¹.

Но есть и существенное различие в самом характере творчества Д. Андреева и Д. Шостаковича. Почти вся музыка Шостаковича трагична, в ней много мрака. У Андреева же множество светлых стихов о песне соловья, мычании теленочка, об игрушечном мишеньке, о закате и летнем ливне. Даже самые его трагические стихи трагически оптимистичны. Шостакович кажется мне подобным человеку, который взял на себя подвиг – вошел в горящее здание или в отравленную зону. Он вышел опаленным или отравленным, но смог этой ценой передать людям нечто для них бесконечно важное. У Андреева же была какая-то гораздо более надежная защита, быть может, в его глубокой и твердой вере. Он сам говорит об этом:

Тихо печальница Русского края
Рядом с тобой
Шла,
Если прошел ты, не умирая,
Сквозь этот строй
Зла.

Известно высказывание Достоевского, что Тютчев – поэт-философ. Таким же поэтом-философом был и

¹ Уже после этого доклада А. А. Андреева рассказала мне, что они с Д. Андреевым были на первом исполнении в Москве Пятой симфонии Шостаковича. Симфония произвела на Д. Андреева громадное впечатление. В романе «Странники ночи» описывался этот концерт: на нем познакомились один из героев (поэт) и одна из героинь романа. Впечатление от симфонии было описано подробно и выразительно – то, как под сокрушающими шагами Тьмы гибнет одинокая душа, возносясь к небу хрустальными звуками молитвы Финала. После ареста Д. Андреева и А. А. Андреевой на их допросах не раз всплывала эта оценка Пятой симфонии: следователи пытались узнать, не отражает ли она взгляда самого Шостаковича на симфонию. К счастью, Андреевы с Шостаковичем не встречались, и им удалось убедить в этом следователей.

Даниил Андреев. Благодаря этому восприятие его стихов отличается одной особенностью. Чисто эстетическое, душевное их восприятие затем будит мысль, дает работу интеллекту. Обдумывание произведения, в свою очередь, увеличивает его эстетическое воздействие, открывает новые его художественные стороны. Это ставит новые вопросы перед интеллектом – и так возникает диалог, превращающий, в принципе восприятие его произведений в бесконечный процесс.

Я боюсь, что это свойство творчества Даниила Андреева зачаровало и меня и мое выступление, задуманное как очень короткое, тоже почти превратилось в бесконечный процесс.

1990.

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ

Шостаковичу посвящена целая литература. Специалисты исследовали его симфонии, камерные и вокальные произведения, выяснили, кто из предшественников Шостаковича влиял на его творчество и какое влияние он оказал на развитие музыки. Написаны его биографии и воспоминания о нем и несчетное число отзывов об отдельных концертах.

Но дилетант может рискнуть на большее: попытаться увидеть, какой общий смысл, какая общая идея объединяет все творчество Шостаковича. Конечно, не для того, чтобы тут же на этот вопрос ответить – такая надежда была бы слишком легкомысленной даже для дилетанта – но чтобы нащупать, при помощи каких понятий можно такой вопрос обсуждать, и особенно чтобы оправдать осмысленность самого вопроса.

Действительно, смысл всей творческой жизни художника кажется столь же расплывчатым понятием, как и смысл жизни каждого человека. Нам так ясно видно, от какого громадного числа случайностей зависит наша жизнь, что представляется бессмысленным искать для нее какую-то единую цель или смысл – она выглядит подобной броуновскому движению частицы, описывающей причудливую траекторию под влиянием случайных соударений с молекулами. Но является ли такая точка зрения единственной логически возможной? Напомним в этой связи одну знаменитую физическую концепцию – так называемый «принцип дополнительности» Н. Бора в квантовой механике. Согласно квантовой механике, все те данные о механической системе, которые мы принципиально можем получить из опыта, не определяют ее изменения в будущем. Только когда имеется много подобных систем, можем мы определить вероятность того, что каждая из них будет находиться в том или ином состоянии. Таким образом, разрушается представление о детерминированном физическом процессе, настоящее не определяет будущее. Однако механическую систему можно описывать и другим путем, при помощи так называемой волновой функции, являющейся точкой некоторого пространства, совершенно отличного от нашего физического пространства, даже не трехмерного, а бесконечного числа измерений. Но зато изменение волновой функции во времени – это вполне детерминированный процесс.

Трудно сомневаться в том, что понимание человеческой жизни требует по крайней мере столь же тонких логических конструкций, как и анализ квантовомеханических систем. Нельзя ли предположить, что, аналогично «принципу дополнительности», тот аспект человеческой жизни, который мы наблюдаем, действительно

во многом подвластен силе случая, но что существует другой аспект («в другом пространстве» или, как говорил Достоевский, «в мирах иных»), который не случаен, подчинен определенной цели и смыслу? Подобная точка зрения действительно была провозглашена: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без *воли* Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Мф 10 : 29–31).

Эти же слова приведены и в Евангелии от Луки (12 : 6–7). По-видимому, они относились к числу тех мыслей Спасителя, которые особенно поразили Его учеников. Действительно, этот взгляд очень трудно согласовать с той властью случая, которую мы ежечасно видим в своей жизни. По-видимому, наблюдаемый нами аспект человеческой жизни слишком сильно отличается от того, подчиненного Высшей власти и смыслу аспекта, о котором говорится в Евангелиях; редкие избранные способны увидеть, что это лишь два отражения одной сущности. Но в творческой жизни гениального художника эти два аспекта гораздо ближе, один из них более зримо проникает в другой, и мы можем надеяться его различить. С такой точки зрения правомерно говорить о смысле творчества художника подобно тому, как мы говорим о смысле какого-либо романа – смысле, не совпадающем ни с его фабулой, ни с психологией героев, ни с языком, хотя во всем этом выражающемся.

А именно творчество Шостаковича нам особенно важно было бы понять, так как в течение длительной и драматической эпохи (20–50-е годы) оно наиболее ярко выражало духовную жизнь страны. В то время музыка, ввиду неоднозначности ее истолкования и меньшей доступности для контроля властей, играла приблизительно ту же роль, что в последующие десятилетия – Самиз-

дат. И ярче и глубже всего эта эпоха отразилась как раз в творчестве Шостаковича; как мне кажется, именно его, а не Прокофьева, который умел уходить в какое-то четвертое измерение красоты и иронии и оттуда посмеиваться и над пасомыми, и над их властителями (как, например, в забавной оратории на слова классиков марксизма, написанной в 1937 г!).

Шостакович хлебнул зелья, обильно разлитого в ту эпоху, – и озлобленного, хулиганского нигилизма, так исковеркавшего стихи Маяковского (такое впечатление производит на меня, например, финал его фортепианного концерта с демонстративно-пошлой «веселенькой» темой), и того «блеска эксперимента» (например, в театральной работе с Мейерхольдом), пафос которого, как кажется, состоял в стремлении разрушить всякую культуру. Но сейчас это воспринимается лишь как малозначительные искривления его творческого пути – да и то в его начале. А в целом Шостакович очень мало поддавался столь сильным тогда влияниям, его творчество идейно совершенно самобытно и несомненно является ценнейшим источником для понимания одной из ключевых эпох нашей истории.

Статья о музыке сталкивается со специфическими трудностями: здесь нельзя привести цитату, каждое произведение гораздо менее однозначно поддается интерпретации. Контрапунктическое и гармоническое построение произведений Шостаковича я не буду анализировать, во-первых, потому, что на это не способен, а во-вторых (хотя достаточно и первой причины), потому, что вынужден был бы тогда обращаться к слишком узкому кругу читателей. С другой стороны, обычные описания с «глубокими лирическими раздумьями» и «сценами народного веселья» относятся совершенно одинаково ко всем произведениям и не выражают

почти ничего. В этой статье я применяю следующий прием: я описываю те образы, которые у меня возникали при слушании произведения или потом, когда я задавался вопросом – «о чем это?» – то есть сочиняю нечто вроде его программы. Такое описание, конечно, очень неточно и неоднозначно; его цель – лишь в общих чертах передать мое понимание общей мысли или настроения этого произведения. Даже для меня самого яркость и четкость моей «программы» зависит также и от исполнения. Но я заметил, что те образы, о которых будет ниже рассказано, возникали у меня гораздо отчетливее, если исполнителем (или одним из исполнителей) был сам Шостакович.

Разумеется, такой прием не может служить основой для сколько-нибудь широкого анализа творчества Шостаковича. Поэтому я выбираю в качестве примера три его произведения, в которых особенно ярко проявляются те тенденции, на которые я хочу обратить внимание.

Работа делится на две части. В первой части я на примере трех произведений Шостаковича пытаюсь охарактеризовать тот комплекс мыслей и чувств, который кажется мне центральным в его творчестве. Во второй части я обращаю внимание на некоторые особенности русской культуры в XIX и XX вв., дающие, как мне кажется, возможность увидеть то особое место, которое Шостакович занимает в развитии этой культуры.

I

а) **XIV симфония.** За несколько лет до своей смерти Шостакович написал симфонию о смерти. Рассказывают, что на первом исполнении этой симфонии он вышел и сказал, что написал ее, ибо каждый человек в преддверии смерти должен задуматься над смыслом своей

жизни. Поэтому можно предположить, что эта симфония способна многое нам разъяснить в его мировоззрении.

Однако первое впечатление – что симфония есть собрание загадок. Начиная с названия этого произведения: называется оно симфонией, но состоит из одиннадцати песен, которые исполняются сопрано и басом в сопровождении оркестра.

Тема всего цикла – Смерть. Что хочет сказать автор? В самой расшифрованной форме ответ, казалось бы, содержит текст песен. Но они-то и не помогают, скорее, сбивают с толку. Особенно те, которые взяты из Аполлинера: их внешняя красивость, бессодержательное жеманство сейчас раздражают и коробят. За Лорелеей идут толпы томящихся любовью мужчин, а она бросается в Рейн, тоскуя по возлюбленному... Самоубийца – в могиле без креста, из его тела растут три прекрасные лилии, красота которых проклята... Все это такие примелькавшиеся, находившиеся в долгом употреблении образы. Узник замурован в темнице, где «есть только двое: я и рассудок мой»... Это сочиненная фигура настолько бледнее тех бесчисленных реальных узников, о которых мы знаем! Да и какое это вообще имеет отношение к Смерти? И, наконец, как венец непонятности, среди трагического цикла вдруг «Ответ запорожских казаков Константинопольскому султану». «Нечистотами вскормленный», «весь ты в ранах и струпьях», «окривевший, гнилой и безносый», «зад кобылы и рыло свиньи» – как все это вписывается в симфонию о Смерти?

Можно было бы перестать думать об этой симфонии, решить, что она, видимо, не удалась, если бы не оставляемое ею ощущение сильнейшего воздействия. Многие дни и недели спустя она вспоминается – слышится и видится в образах. От мыслей о ней невозможно избавиться (чему одно из доказательств и эти заметки).

Более того, в симфонии чувствуется сложность и «глубина», кажется, что, думая над ней, можно углубляться все дальше и дальше, что в ней есть какая-то «философия». В этом отношении интересно сравнить ее с другими произведениями на ту же тему: «Песнями об умерших детях» Малера. Воздействие «Песен» Малера не меньше, но остается впечатление, что это произведение «двумерное». Встает образ страшной черной дыры, поглощающей жизнь, – но это и все, дальше ни мысль, ни чувство никуда двигаться не могут.

Остается поискать другого пути для понимания симфонии – не через тексты. Ведь если бы тексты полностью выражали мысли автора, то ему нечего было бы трудиться писать музыку. Тогда симфония была бы только иллюстрацией к стихам, то есть давала бы упрощенное и огрубленное изложение уже содержащихся в них мыслей.

Музыка, написанная на текст, только тогда действительно значительна, когда она использует текст лишь как материал и так придает ему новый смысл, который в нем не был заложен. Тогда текст, сам по себе слабый, может прекрасно выражать этот новый смысл.

В одном музыка и текст согласуются вполне – что тема симфонии – Смерть. Что хочет сказать об этом предмете автор?

Пожалуй, первым препятствием, мешающим нам понять это, является он сам, автор, известный нам не только как композитор. В частности, по поводу этой симфонии Шостакович сказал корреспонденту «Правды»: «Мне очень близки слова Николая Островского: “Самое дорогое у человека – это жизнь”. Я хочу, чтобы после исполнения симфонии слушатели уходили с мыслью: жизнь прекрасна».

Судя по этому, как и по многим другим высказываниям, автор придерживается того рационалистического

и атеистического мировоззрения, в котором воспитана большая часть современного интеллигентного человечества. И оно не дает никакой точки опоры для размышлений о Смерти.

С этой точки зрения смерть – чисто пассивное, отрицательное понятие – отсутствие жизни. Можно констатировать как закон биологии, что живые существа (по крайней мере, многоклеточные) имеют конечную продолжительность жизни, то есть смертны, а как закон психологии – что представление о смерти вызывает у человека чувство страха. Последнее можно, вероятно, объяснить как дополнительный страховочный механизм, который полезен для сохранения индивидуума, так как заставляет его напрягать до предела все силы в момент опасности. Правда, эта «тоска по бессмертию» сильнее всего не в момент наибольшей близости смерти, а в молодости, в расцвете сил. Этими словами Рильке кончается симфония Шостаковича:

В час высшей жизни она в нас страждет,
Поет и жаждет
И плачет в нас.

Почему «в час высшей жизни»? Я не могу представить себе, что это мировоззрение может на такой вопрос ответить.

На почве господствующего сейчас мировоззрения все мысли о смерти сразу натываются на стену. С этой точки зрения здесь и вопросов нет – есть только констатация факта. Этот факт с поразительной силой констатируют, например, «Песни об умерших детях» Малера. Но проблема смерти теряет смысл.

Вот и еще одна загадка! Как может автор, который, судя по всему, что мы о нем знаем, стоит на этой

точке зрения, сказать о смерти что-то столь несомненно значительное?

Гораздо легче было бы попытаться понять симфонию Шостаковича исходя из религиозной точки зрения. Это мировоззрение, в частности, содержит и совершенно другой взгляд на смерть. Вопрос о смерти выдвигается в число нескольких самых важных для человека вопросов.

Проблема Смерти стояла еще перед неандертальцами, воспринималась ими религиозно. Об этом свидетельствуют их захоронения: в мустьерский период, не менее 50 тысяч лет назад, люди хоронили покойников, окрашивая их красной охрой и кладя рядом с ними каменные орудия.

Для ближайшего к нам христианства жизнь и смерть являются активными и борющимися силами. Обе эти силы обладают столь тонкой и сложной структурой, что их можно воспринимать как индивидуальности – это Христос и Дьявол. С особенной яркостью такая точка зрения выражена апостолом Павлом. В первом послании к Коринфянам он рассматривает воскресение Христа как поворотный момент мировой борьбы жизни и смерти.

«Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (I Кор 15 : 20–22).

На другом конце цепи христианских мыслителей можно указать русского философа Федорова, автора концепции «общего дела» христианского человечества – воскрешения предков.

Я привел только эти примеры из громадного их числа, чтобы напомнить, что религиозное мировоззрение

(и, по-видимому, только оно) дает основу для все более глубокого, до бесконечности углубляющегося понимания Проблемы Смерти. Не предположить ли тогда, что именно это мировоззрение составляет духовную основу четырнадцатой симфонии? Может быть, такая точка зрения несколько рассеет ее непонятность?

Посмотрим, что дает для ее понимания этот взгляд, и начнем сразу с того места, которое казалось самым непонятным: «ответ султану». Но исходить теперь попробуем из музыки, глядя на текст лишь как на ее иллюстрацию.

Как далека эта музыка от настроения терпкого украинского юмора, знакомого по картине Репина! Резкие звуки струнных создают впечатление хлопанья гигантских крыльев, какого-то ледяного вихря. На ум приходят химеры со старинных готических соборов.

Музыка вводит нас в совершенно иной круг образов. Теперь и текст приобретает другой смысл. Все эти образы знакомы – только в контексте, который не приходил на ум. Таким издавна представляли себе Князя Тьмы – Сатану. Он гнездится в могилах, среди нечистот, крови и струпьев (как говорит Евсевий), имеет вид нечистых животных: верблюда, свиньи (говорит св. Иероним), отравляет воздух (говорит Лютер). Таким он изображен на многих средневековых фресках. А чтобы понять связь этого образа с темой четырнадцатой симфонии, вспомним, что одно из его употребительных имен – Князь Смерти, и в Евангелии он называется «человекоубийцей от начала». Да ведь и в тексте, которым воспользовался Шостакович, имя Вельзевула упоминается во второй же фразе.

Теперь сразу же вспоминается, что и другие образы, встречающиеся в текстах песен, – невесты, ждущей жениха, смерти как избавления из плена, замурован-

ного узника – типичны для мистической литературы (например, они стандартны в германской средневековой мистике).

Ни в какой мере я не хочу утверждать, что эти замечания делают симфонию Шостаковича кристально ясной, что они полностью уничтожают то чувство затрудненности понимания, о котором я говорил вначале. Если моя основная мысль правильна, то так оно и должно быть. Слишком далек от духа современной культуры весь тот строй мыслей, на котором симфония основывается. Да думаю, не менее он непривычен и для композитора и вряд ли хоть в какой-то мере воспринимается им сознательно. И, наконец, он чужд и современной музыке, она не имеет для него языка.

Было бы, пожалуй, натяжкой признать четырнадцатую симфонию произведением религиозного искусства – наравне, скажем, с музыкой Шютца или Баха. Слишком явно в ней господствует ощущение непроглядного мрака, безвыходной тоски. «Реквием», который Моцарт, по твердому его убеждению, писал на свою смерть, золотисто светится красотой найденного ответа. А из музыки Шостаковича дышит ужас существования – не жизни – без этого ответа. Так понятые, разве не становятся и образы текстов ясными и убедительными? Можно ли выразить это существование в лучшем образе, чем «могила без креста», на которой все, что ни вырастет, – красота (и красота музыки!) – все проклято? Разорвав связь с Богом, человек оказывается отрезанным и от мира, замурованным в своей индивидуальности. И опять прекрасный, глубоко символический для всего современного человечества, образ узника в темнице, в которой «только двое – я и рассудок мой». А третьего – Бога – нет.

Если в музыке Шостаковича и нет явного положительного отражения Божественной Правды, то невоз-

возможность жизни без этой Правды показана в ней так, как нигде во всем Искусстве. Этой своей стороной она обращена к религии.

б) **Трио.** Эти же соображения можно попробовать применить и к другим произведениям Шостаковича. Через многие из них проходит образ, на который часто обращали внимание, – Злой Силы, Зла. Ему давали много толкований, чаще всего социальных, связывая его с современной композитору действительностью. Так, часто видели в этом изображении германского фашизма – хотя совершенно непонятно, почему Шостакович через годы после окончания войны так страстно пытался бы изобразить психологию фашизма. Еще менее убедительное объяснение: что это картина мрачных сторон дореволюционной России, – которую Шостакович и увидеть-то не успел. Был распространен и такой взгляд, что Шостакович отражал мрак, который он ощущал в то время, в которое он жил, в собственной своей стране, – но мне это объяснение не кажется исчерпывающим.

Конечно, на художника не могла не влиять окружающая его жизнь, может быть, именно эти впечатления дали ему первый толчок. Но мне представляется, что в музыке Шостаковича речь идет о каких-то глубинных проблемах, связанных с существованием Зла в мире, об истинах, затрагивающих саму природу человека, лишь одно из проявлений которых можно наблюдать в нашей стране.

Человек, мыслящий мистически, нашел бы, вероятно, вполне адекватное выражение этого образа – Антихрист. К этой теме Шостакович возвращался снова и снова (особенно ярко она выражена в 7-й и 8-й симфониях, в трио). И если предложенное объяснение правильно, то он, по-моему, создал наиболее глубокое толкование образа Антихриста во всем мировом искусстве.

Обычно, например в «Трех разговорах» Соловьева, исходят из того, что Антихрист своими действиями стремится погубить человечество. Но он есть антитеза Христа. Христос же показал людям столь высокий образ красоты, что прежняя жизнь стала для человечества уже невозможна. Можно мыслить тогда, что роль Антихриста – показать образ Зла, столь темный, что он способен затмить, сделать бесцельными все лучшие стремления человечества.

Такая концепция, как мне кажется, встречается в музыке Шостаковича.

Одно из самых совершенных произведений Шостаковича, стоящее под знаком этой темы, – его трио, в особенности это относится к двум его последним частям. Конечно, бессмысленно искать его программу. Если даже в произведении, написанном на текст, не он раскрывает сущность произведения, то тем менее это может сделать придуманный «постфактум» текст, программа. Поэтому нижеследующая фантазия имеет целью только характеризовать то умонастроение, в котором, по-моему, следует воспринимать это трио.

Фонем драмы служит конец мира. Войны, гражданские войны, взаимное истребление – как будто сдвинули ось природы. Началась чума, реки вышли из берегов, море пошло на сушу. Землетрясения разрывают землю. И тут до сознания и битников, и академикова-томщиков стало доходить, что это – конец мира. Откуда ждать спасенья? Молиться? Но и отцы и деды их забыли, что это такое.

Правда, остался один человек на земле, который сохранил веру в Бога. Может быть, это был Римский Папа, которого давно изгнали из Ватикана и который многие годы спасался в пещере. К нему стали стекаться толпы. Под звуки мерно рушащихся гор он все глубже и

глубже уходит в молитву, в которой смешаны скорбь и вера в то, что даже один человек способен спасти мир.

Тут начинается самое сильное место произведения, ради которого оно, думаю, и написано. В пещеру отшельника нечто не то вползает, не то втекает. Это или змейка, или струйка тумана. Оно ползет и переливается, как переливается змея. Все больше и больше его втекает в пещеру. Оно растет, корчится и кривляется, хохочет и плачет. Чувствуется, что здесь совершается какой-то космический ритуал, танец. Оно уже закрыло весь мир, затмило солнце. И с такими же стонами и хохотом оно вытекает из пещеры.

Звучат опять торжественные аккорды молитвы, но в них чувствуется теперь слабость. И икона на стене не так свята, как прежде, и лампада перед ней не такая ясная. Тема молитвы, спасения перепутывается с той скользкой, ползучей темой. Вместе они замирают. Конец.

в) **Восьмая симфония.** Это, мне кажется, величайшее творение Шостаковича. Ее громадная первая часть является как бы самостоятельной симфонией – я не буду здесь о ней говорить, она требует отдельного разбора. Для второй части, как говорят, Шостакович сам указал заглавие: «Дурак шествует по жизни». Можно было бы даже сказать «Дурак властвует над жизнью» – в бодрой теме чувствуется тупая и самодовольная сила, весело похотывая, давящая все, что ей непонятно. Центральная тема следующей части сразу вызывает образ какого-то мучительного перепиливания, пытки, прерывающейся взрывами хохота. Сначала представляется средневековая картинка, изображающая камеру пыток: заплечные мастера заняты своим делом, а на переднем плане уселись два шута, перебрасывающие друг другу бутылку вина и отпускающие остроты. Но вслушавшись, чувствуешь, что здесь подвергается

пытке не человек, а нечто большее: Добро или все Человечество. Резко оборвавшись, эта часть без перерыва переходит в следующую – Пассакалию. Характер музыки совершенно меняется, вместо вскриков и хохота предшествующей части слышны какие-то шорохи, еле различимые стоны. Представляется громадное поле, еле видимое в сумерках, покрытое грудой тел, где не различишь трупов от еще живых. Изредка раздается вздох – может быть предсмертный. Где-то подымается рука и опять падает...

Поразителен финал симфонии. Эта нежная, какая-то убаюкивающая музыка нагоняет даже большую тоску, чем ужасы предшествующих частей. Мне передавали, что Шостакович дал этой части «заглавие»: «Пастораль. В космическом пространстве Земля летит навстречу своей гибели». У меня финал 8-й симфонии ассоциируется с явлением, игравшим столь большую роль в Истории, – УТОПИЕЙ. Это поразительно, как все без исключения Утопии оставляют ощущение тоски, иногда даже ужаса, – и чем талантливее она написана, тем сильнее это ощущение. Казалось бы, автор берется придумать самое счастливое состояние человечества и при этом освобождает себя от обязанности доказать реальность, осуществимость своих мечтаний – какой простор для самых радужных фантазий! А в результате всегда выходит что-то гнетущее, вызывающее тоску. По-видимому, потому, что картина человеческого общества, не выросшего органически, а логически сконструированного, как строят механизм, воспринимается нами как превращение людей в заводных кукол, как изящная и остроумно сконструированная смерть человечества. Этот образ изящной, ласковой смерти видится мне в финале 8-й симфонии (в этом смысле и есть «Пастораль»).

Вероятно, эти примеры достаточно ясно определяют ту линию в музыке Шостаковича, которую я хотел очертить и которую считаю самой глубокой в его творчестве, может быть, его центром: это вопрос о смысле Зла и его роли в мире. Проблема Смерти включается сюда как частный или предельный случай: смерть есть крайнее Зло и его самое полное проявление. Точно так же, как и этот частный случай, и вся проблема Зла может быть предметом обсуждения лишь в рамках религиозного понимания мира. Иное мировоззрение капитулирует перед наиболее последовательным проявлением Зла (например, смертью) – признает его неизбежным и в принципе необсуждаемым, а другие проявления считает внешними недостатками строения человека или общества, устранимыми при помощи технических усовершенствований. Христианство СТАВИТ проблему Зла при помощи концепции грехопадения и первородного греха и открывает путь к пониманию роли Зла в наиболее полных его проявлениях, – например, в духе цитированного выше отрывка из ап. Павла. Как это ни странно звучит, когда речь идет о Шостаковиче, – весь этот круг вопросов относится к БОГОСЛОВИЮ и давно обсуждается там под названием «Теодицеи» – оправдания Божественной справедливости, согласования ее с существованием Зла.

Можно даже попытаться в очень общих чертах сформулировать, что же нового вносит музыка Шостаковича в понимание этого древнего вопроса. Насколько я себе представляю (и насколько вообще возможно столь суммарное обсуждение такого тонкого вопроса), точка зрения христианского богословия заключается в признании глубинного, но не равноправного характера обеих категорий: Добра и Зла. Оно, во-первых, исходит из первенствующей роли Добра, из того, что мир создан

Единым и Всеблагим Богом, но, во-вторых, понимает и Зло как более глубокую сущность, чем просто недостаток социальной или психической организации, – через концепцию грехопадения ангелов и человека, приведшего к тому, что «мир во зле лежит». Мне кажется, что это единственно возможная устойчивая концепция, то есть такая, которая не приводит к противоречию и самоотрицанию в результате своего логического развития.

Но, по-видимому, в господствующей тенденции богословия центр тяжести лежал в уяснении первой из этих двух взаимосвязанных концепций – в понимании подчиненного характера Зла, его интерпретации как отсутствия Добра. Так, св. Дионисий Ареопагит говорит:

«Для всех: и умов, и душ, и тел зло состоит в бессилии обладать свойственным им благом и в отпадении от него»;

или св. Максим Исповедник:

«Зло есть недостаток деятельности присущих естеству сил в отношении к их цели и решительно ничего больше»;

а св. Григорий Нисский сравнивает грех с тенью (хотя последнее сравнение очень емкое: если тень есть отсутствие света, то ведь должен существовать и предмет, отбрасывающий тень). Но История, и тем больше, чем ближе к нашему времени, – заставляет обратить внимание на другую, до сих пор менее продуманную сторону: на роль Зла как АКТИВНОЙ СИЛЫ. В своей последней и, может быть, самой глубокой работе В. Соловьев с характерной для него четкостью формулирует проблему: «Есть ли **зло** только естественный **недоста-**

ток, несовершенство, само собой исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная **сила**, посредством соблазнов **владеющая** нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь опоры в ином порядке бытия?» Мне кажется, что творчество Шостаковича, основывающееся на новом опыте человечества и особенно нашей страны, является и новой ступенью в понимании этого вопроса.

Возникает вопрос: как же сам Шостакович оценивал эти свои произведения? Конечно, нет оснований сомневаться в его искренности, когда он писал, что 7-я симфония посвящена войне с немцами, или, говоря о 14-й симфонии, цитировал комиссара гражданской войны Н. Островского. Мне кажется совершенно неправдоподобным предположение, что он таким образом хотел «облегчить жизнь» своим произведениям. Нельзя, однако, исключить, что подобные аргументы, усвоенные изо всей окружающей атмосферы с самого начала сознательной жизни, способствовали вытеснению в подсознание некоторых решающих для творчества композитора переживаний. Минуя его сознание, эти идеи находили какой-то прямой путь в его произведения, а сознание только подбирало объяснение, которое спасло бы автора от слишком резкого (а возможно, и губительного) конфликта с окружающим миром.

Так можно понять некоторые другие черты Шостаковича. Проблема Зла (или, говоря другим языком, Греха) – одна из самых глубоких, недаром Достоевский свой главный роман хотел назвать «История великого грешника». Но это тема и небезопасная для исследователя: погружение в стихию Зла не может пройти для человека бесследно, если он не обладает надежной защитой, а такой защитой может быть, вероятно, только

глубокая вера. Этой защитой Шостакович не обладал, и таково, по-видимому, объяснение неудач и падений в его творчестве или его печальных общественных действий (хотя в самые тяжелые для него моменты он радовал нас своим мужественным достоинством). В этом он повторил судьбу своей страны: колеблющийся между Светом и Мраком, падающий и поднимающийся, но все же пробивающийся к Свету.

II

Русская культура, очевидно, не может быть понята как одна из национальных ветвей западноевропейской культуры – она слишком явно в эти рамки не укладывается. Но если искать эталон для сравнения духовного развития России в «послепетровский» или, точнее сказать, «послепушкинский» период, то таким эталоном естественно окажется культура Западной Европы. И при этом сопоставлении особенно ярко выделяется одна черта, специфическая только для русской культуры и резко отделяющая ее от духовных влияний, господствовавших в это же время на Западе. Я имею в виду то, что все самые высокие достижения русской культуры этой эпохи были неразрывно связаны с христианством.

Яснее всего это видно в русской литературе. Общеизвестны примеры – Гоголь, Достоевский, Толстой. Но мне кажется, что и духовный мир Пушкина подтверждает это наблюдение. Он шел от «ренессансного» равнодушно-иронического отношения к религии через тонко-кощунственную «Гавриилиаду» к исполненным христианским смирением «Повестям Белкина» и «Капитанской дочке» и к его последнему стихотворению «Отцы пустынноики и жены непорочны». Другая область – русская философия: Хомяков, Достоевский,

Соловьев, Бердяев, Булгаков, Флоренский (конечно, прав Бердяев, считая Достоевского также и крупнейшим русским философом). В музыке – творчество величайшего композитора этого периода Мусоргского все пропитано Православием: церковными песнопениями, колокольными звонами. В живописи крупнейшие художники – Васнецов, Врубель, Рерих – расписали такое неисчислимое количество церквей и монастырей, что иногда кажется – не были ли они в первую очередь иконописцами, для которых «светская» живопись была второстепенным делом? И наконец, пожалуй, самое поразительное явление – традиция православных святых и учителей: Серафима Саровского, Оптиных старцев, Иоанна Кронштадтского. Бердяев отметил любопытный факт: св. Серафим Саровский и Пушкин – величайший русский святой и величайший русский гений – жили в одно время, а ни один из них, вероятно, не знал о существовании другого. Мне кажется это не столь удивительным: если бы в Германии на рубеже XVIII и XIX вв. жил монах и учитель типа Серафима Саровского, то очень вероятно, что Гёте о нем тоже не знал бы. Но гораздо удивительнее и именно характерно для России, – что эти две линии духовного развития оказались связанными: что в Оптину пустынь ездили Гоголь, Достоевский, Леонтьев и Соловьев, и даже Толстой, предчувствуя приближение смерти, бежал туда, несмотря на всю его антипатию к Церкви.

Правда, так часто мы слышали о «передовой русской литературе Белинского–Герцена–Чернышевского–Добролюбова–Писарева». Но, прежде всего, это вообще не литература, а критика. А если попытаться оценить дерево по его плодам, то к этому направлению из литературы мы, как самые высшие достижения, сможем отнести лишь Некрасова и Щедрина. Зато

в лице своих наиболее ярких представителей это течение поняло Пушкина – как певца дамских ножек, Достоевского – как «Федюшу из Тетюши», припадочного дурачка, а Толстого – как интеллигентского хлюпика, юродствующего во Христе. Все вершины русской литературы (как и всей духовной жизни) – относятся к христианской линии ее развития.

Здесь можно говорить не об ОТЛИЧИИ, а ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ в этом отношении русской и западноевропейской культуры. Образ «православного инока» – старца Зосимы – был бы невозможен не только у Анатоля Франса, но и у Мопассана и даже у Диккенса, так же, как невозможно представить себе Матисса или Сезана расписывающими церкви. В этом смысле, когда Маркс и Энгельс писали, что «ненависть к России есть первая революционная страсть немцев», они выражали в крайней форме отношение гораздо более широких кругов Запада, чувствовавших в России, во всем направлении развития ее культуры чуждую, непонятную и пугающую силу. Этим можно объяснить и то, что западное общественное мнение до революции так враждебно относилось к России, и то, что революция была принята Западом так благосклонно, несмотря на то, что грозила разрушить его спокойствие и материальное благополучие.

Революция положила конец этому направлению развития русской культуры: если Блок или Маяковский еще его отражают негативно, в форме демонизма и богоборчества, то на смену им идут жаровы и багрицкие, у которых уже нельзя обнаружить никакой преемственной связи с русской литературой; русская школа религиозной философии обрывается гибелью о. Флоренского... И это не случайность – в полном разрыве с духовной основой прежней культуры заключается са-

мая суть революции – не только нашей, но и самого понятия, «идеи» революции.

Пытаясь осмыслить Историю, можно исходить из двух концепций человеческого общества: либо считать его организмом, в котором каждая следующая фаза есть результат всего предшествующего развития, либо рассматривать его как механизм, который предназначен для выполнения определенной функции и который можно любым образом перестроить, если в этом появится необходимость и если появилась счастливая идея решения соответствующей конструктивной задачи. Наиболее последовательной формой теоретического осуществления второй точки зрения является Утопия – план перестройки общества или чаще постройки заново, а формой воплощения в жизнь – революция. Если отвлечься от той окраски, которую эти термины получили в накале партийных распрей, то правильно было бы называть первую точку зрения консервативной (или почвеннической), а вторую – революционной. И сейчас, например, в оценках положения нашей страны или в составляемых проектах можно очень четко увидеть, к какой из двух концепций примыкает автор.

В своей устремленности к будущему, к «новой жизни» революция кажется воплощением жизненного начала. Но эта видимость обманчива. Отрицая концепцию живого организма и ставя на его место концепцию механизма, каждая революция является победой идеи Смерти. Прокламируемый революцией разрыв с прошлым (отраженный, например, в штампе «проклятое прошлое») для каждого живого организма равносителен разрыву непрерывной нити жизни, то есть смерти. По глубокой мысли Бердяева, для всего живого прошлое не менее важно, чем будущее, они неразделимы – в этом он видит смысл заповеди «Чти отца твоего и ма-

терь твою, и благо тебе будет, и будешь ты долговечен на земле».

С этой точки зрения революция не только исходит из понимания общества как мертвого механизма, но и стремится привести общество в это состояние, лишая его основного свойства всего живого – непрерывности развития, связи с его историческими корнями.

Такая характеристика относится к «идее» революции, но каждая конкретная революция, совершившаяся в определенное время над определенным народом, всегда есть смешение этой универсальной идеи с многочисленными воздействиями, исходившими от этого времени и этого народа. Насильственный характер революции тем самым указывает на вызванное ею сопротивление – духовное и материальное. А сопротивление всегда в какой-то мере препятствует полному воплощению принципов, заложенных в самой идее. Для осмысления судьбы России, пережившей революцию, основным является вопрос: в какой мере общие тенденции революционной идеи воплотились в жизнь в нашей стране? Этот вопрос имеет много аспектов: экономический, государственный, национальный и т. д., но, пожалуй, важнее всего аспект духовный. Иными словами, речь идет о том, чтобы попытаться оценить, насколько радикальным был разрыв с традицией русской культуры.

Долгое время могло казаться, что разрыв был абсолютным и, например, появление Солженицына воспринималось как чудо. Он был прямой противоположностью типа «внутреннего эмигранта», творил на самом жгучем современном материале, а по своему духовному оснащению настолько прочно следовал традиции русской культуры, что как будто и не замечал в ней никакого разрыва. Мне кажется, что сейчас есть возможность осознать

это явление как часть еще большего чуда: ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ВООБЩЕ НЕ ПРЕРЫВАЛАСЬ, она лишь не была заметна, уходя вглубь с поверхности жизни, а часто ее проявления были замазаны чуждой или враждебной рукой.

Но краски чуждые, с годами,
Спадают ветхой чешуей...

Так, уже после появления первых произведений Солженицына стал известен «Мастер» Булгакова, открывший нам глубокого религиозно-мистического мыслителя, о существовании которого мы до того и не подозревали. Но тогда приходит на ум, что та же традиция проявляется и у Ахматовой, и в последних стихах Пастернака, хотя и начинавшего как футурист. Восстановление этой преемственности есть основная предпосылка будущего развития русской культуры, вопрос ее жизни.

Все предшествующее отступление было необходимо, чтобы можно было сформулировать основную мысль этой статьи. В первой ее части мы пытались доказать, что творчество Шостаковича имеет религиозно-мистическую основу, оно вращается в кругу проблем, обсуждавшихся отцами Восточной Церкви, Достоевским и Соловьевым. В этом смысле, в музыке, Шостакович играет такую же роль, как в литературе Ахматова, Булгаков или Солженицын; его творчество является основным звеном, связывающим в этой сфере современность с духовными основами русской культуры. Поэтому его дальнейшее изучение и понимание представляется мне глубокой и важной задачей: это борьба с губительной опасностью отщепенства, работа на пути осознания русской культуры (а значит, и России) как живого целого.

Есть и другой вопрос, относящийся уже не к русской, а к общемировой культуре, для ответа на который много может дать понимание творчества Шостаковича. Последние несколько веков выделяются из всей Истории тем, что это, вероятно, те единственные столетия из насчитывающей много десятков тысячелетий истории человечества, когда религия не является для него основной руководящей силой. Из наличия захоронений можно заключить о существовании религии в палеолите, а о ее роли в жизни тогдашнего человечества можно судить по аналогии с современными первобытными народами, часто вымиравшими в результате разрушения их религиозной жизни. Греческую культуру мы знаем по храмам, статуям богов или трагедиям, созданным на мифологические сюжеты. Позже европейская культура основывается на христианстве. Но последние столетия влияние религии на жизнь человечества непрерывно падает. Великие географические открытия, стремительное развитие науки и техники, промышленная революция, борьба за всеобщее избирательное право, создание индустриального и сверхиндустриального общества – вся эта деятельность если и не была враждебна религии, то протекала совершенно независимо от нее, как бы в другом пространстве. Но проявляется и прямая вражда к религии – целые государства объявляют себя враждебными любой (а не какой-либо определенной) религии, начинаются гонения на религию.

Поразительно в этом процессе то, что здесь не выдвигается никакой альтернативы религии: она просто отбрасывается без попытки заменить ее чем-то вышшим. Как бы ни оценивать роль религии, представляется весьма вероятным, что благодаря этому происходит грандиозное духовное опустошение человечества,

которое может привести к его духовной (а тогда, вероятно, и физической) гибели. Возникает основной вопрос: является ли эта тенденция последних веков лишь временной болезнью человечества или необратимым процессом?

Вопрос этот отражается в любой области культуры, в частности и в музыке. Здесь можно обратить внимание на то, что в последние десятилетия пишут много музыки религиозного характера. Из наиболее знаменитых примеров – «Симфония Псалмов» и «Кантата Святого Марка» Стравинского, «Глория» Пуленка, «Страсти от Луки» Пендерецкого. Но все эти произведения вызывают вопрос: не стилизация ли это? Быть может, это подражание старинным образцам, а не передача собственных чувств – типичный продукт упадочного искусства. Здесь музыка Шостаковича – особенно тонкий индикатор. Если правильно то понимание его творчества, которое предложено в этой статье, то религиозные основы музыки Шостаковича не осознавались самим композитором, а это полностью исключает возможность того, что его музыка подражательна. Но именно поэтому для него закрыт и путь использования традиционных форм религиозной музыки – хоралов, псалмов, месс. Это и придает его музыке такую силу: «новое вино не вливают в мехи старые».

И если наше толкование творчества Шостаковича правильно, тогда необычайная популярность его музыки, его слава являются важнейшим симптомом: они указывают на то, что в душе современного человечества есть мощные пласты религиозного чувства, которые пока им ощущаются лишь подсознательно, но могут стать основой для возрождения сознательного религиозного понимания мира.

Написано в 1973 г.

ШОСТАКОВИЧ И РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КОММУНИЗМУ

Выступление по центральному телевидению

Я думаю, многие из моего поколения согласятся со мной, что мы все в колоссальном долгу у Шостаковича: таком, что полностью его никакими словами выразить нельзя.

Сейчас я это чувствую особенно сильно. Сейчас молодежь часто говорит людям моего поколения, что не понимает, как мы терпели ленинско-сталинский режим, как ему подчинялись, – и даже иногда говорит, что мы виновны тем самым в тяжелой жизни, которую создали для них. А есть люди – не обязательно молодые, – которые делают более широкие обобщения и говорят, что такова душа русского народа, это – рабская душа, ему просто близок деспотический строй, он к такому строю всегда стремился.

Здесь упускается одна важная сторона: что этот режим был основан не только и даже не столько на подавлении физическом, сколько на интеллектуальном и духовном. Не только людей заставляли делать то, что нужно было режиму, но и думать так, как ему было угодно. И, в частности, эта концепция, которая выражалась лозунгом «народ и партия едины» – что народ без сопротивления и с радостью следует призывам партии, – она внушалась всем пропагандистским аппаратом коммунистического государства. И ее-то без проверки повторяют до сих пор люди, объявляющие себя противниками коммунизма. Так что, наоборот, этих обвинителей русского народа потом кто-то сможет обвинить в рабском духе. Тем более что сейчас нет уже ни лагерей, ни расстрелов и непонят-

но, что же заставляет повторять этот пропагандистский штамп коммунистической эпохи.

Всем известно, как при том режиме из истории исчезали неугодные имена. Но гораздо усерднее стирались и просто выжигались опасные для режима факты. И главный из них – это правда о непрекращавшемся противостоянии режиму: как физическом, так и духовном. И вот Шостакович в этом движении русского сопротивления коммунизму являлся одной из центральных и самых необыкновенных личностей. Об этом я и хотел бы сказать.

История русского сопротивления коммунизму, конечно, когда-то будет написана, потому что она нам может быть даже нужнее, чем история всех тех ужасов, которые перенес тогда наш народ. Ведь это в Германии Гитлер пришел к власти практически конституционным путем и сопротивление ему в тот момент унесло несколько десятков жизней. У нас же было 4 года гражданской войны, поглотившей миллионы жизней, – и эти миллионы до сих пор сосчитать не удастся. И крестьянские восстания от Украины до Сибири, где, как свидетельствуют очевидцы, люди шли с вилами на пулеметы и вместе с мужчинами участвовали и женщины, и дети. Тысячи восстаний во время коллективизации, которые усмирялись пулеметами, а по некоторым рассказам и только что созданными тогда танками.

Но было и духовное сопротивление, которое надо, наверное, начать с посланий Патриарха Тихона, где он обличал коммунистов, говоря об убийствах священников и епископов и расстреле царской семьи. Он пророчески предсказывал коммунистам, что взыщется с них всякая невинно пролитая кровь и они, поднявши меч, от того же меча погибнут. Находясь в полной их власти, он анафемствовал их (тех, кто хоть по крещению при-

надлежал к Церкви) и запрещал православным общение с ними. По его пути следовало великое множество священников и епископов, отказывавшихся молиться за «власть предержашую», когда она была властью безбожников. Их называли «непоминающими», и они наполняли Соловки, а потом и другие лагеря. Или священники, служившие тайные службы в лагерях и все на них присутствовавшие – под угрозой за это расстрела. Наконец, катакомбная Церковь.

Именно в нашей подъяремной коммунистической России возникло первое опровержение социалистической утопии, которое было не результатом логических рассуждений, а силой искусства пробивалось прямо к сердцу. Это был роман Замятина «Мы», положивший начало жанру «социалистических антиутопий», – свой знаменитый «Лондон 1984» Орвелл писал, зная Замятина, сохранились его письма. Булгаков писал «Собачье сердце», Ахматова – «Реквием». Даниил Андреев (обращаясь к своему стиху) говорит:

Наши судороги под расплющивающей пятою,
Наши пытки и наши казни запечатлей!

И Солженицын еще подростком решил, что он должен написать роман, в котором правдиво расскажет о революции, а потом писал свои произведения и в лагере, и в ссылке. И только в рамках этого грандиозного движения сопротивления, физического и духовного, можно, мне кажется, оценить роль Шостаковича.

В этом движении Шостакович был совершенно особенным участником. Особенность его заключалась, прежде всего, в особенности его языка – музыки. Язык этот не имеет однозначной словесной интерпретации, не может быть переведен в слова и потому мало досту-

пен и деятелям ЦК, и деятелям ЧК. У них был, конечно, свой здоровый нюх, и то Сталин заявлял, что у Шостаковича вместо музыки – сумбур, то Жданов обвинял его в формализме. Но явно они не понимали масштаба его музыки как социального явления. И хотя вся его жизнь состояла из притеснений или их ожидания, хотя время от времени его произведения запрещали исполнять, но через некоторое время запрет снимался. А. Ахматова в это время должна была давать заучивать наизусть «Реквием» по частям своим друзьям, чтобы так его хранить для будущего. И Солженицын заучивал свои произведения в лагере наизусть и только так хранил. Даниил Андреев в стихотворении-молитве говорит:

Помоги поэмы, те, что ночью
Создавать повелеваешь Ты,
В щель, не предусмотренную зодчим
Для столетней прятать немоты.
Научи, как светлого венчанья,
Ждать бесцельной гибели своей,
Сохранив лишь медный крест молчанья,
Честь и долг поэта наших дней.

Это был символ веры русской литературы того времени. А Шостакович «медного креста молчанья» не нес, его музыка звучала по всему свету, и у нас радио доносило ее до самых глухих углов.

Благодаря этому Шостакович тогда и воспринимался многими как единственный голос, которым могла говорить Россия. Конечно, он был доступен довольно узкому кругу, так как вообще не очень-то много людей слушает музыку, ходит по концертам. Но, с другой стороны, благодаря той роли, которую играла музыка

Шостаковича, мне кажется, тогда больше людей вообще к музыке тянулось. И конечно своей музыкой Шостакович не только выражал наши чувства, но и помогал как-то тогдашнюю жизнь осмыслить, вывести ее просто из ситуации бесчеловечного абсурда.

Что же помогала понять музыка Шостаковича, о чем она была? На это, конечно, нельзя однозначно ответить, так как музыка не допускает однозначной интерпретации в словах: иначе зачем бы ее и писать? Но я скажу, как я и многие из нас тогда ее воспринимали. Прежде всего, весь дух его музыки – если бы перевести его в слова, то это, вероятно, был бы язык каких-то мистических видений в духе Данте или даже Откровения Иоанна Богослова. Вроде таких образов: «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными». Такого типа образы, как бы пришедшие из другого мира, и составляли язык музыки Шостаковича. А что она нам говорила? В применении к другому композитору такой вопрос, может быть, не имел бы смысла. Но музыка Шостаковича настолько трагически-страстная, что возникает уверенность: автор хочет передать какую-то концепцию. То есть что это музыка, которая имеет свою «философию». Многие тогда высказывали мысль, что это была какая-то метафизика Зла, особого Зла, с которым мы столкнулись в нашей жизни. Чувствовалось, что это какой-то глубинный пласт Зла, с которым раньше человечество либо не сталкивалось, либо задевало только его край и не имело случая его осознать. Действительно, в нашей жизни мы видели нечто отличное в принципе от обычных в истории жестокостей, скажем, завоевателей – Чингисхана или Тамерлана. Это ведь не были простые грабежи

или порабощения народа, где действуют хоть и злые, но искони понятные силы: жадность или стремление к власти. Например, тот небывалый накал зла, который как бы выплескивался через край и приводил к тому, что партия эта бросалась сама на себя и начинала себя поедать с иррациональной жестокостью. Совершенно необычной была иррациональная ненависть к религии, которая носила характер какой-то несовместимости, невозможности быть с ней на одной земле. Церковь одинаково преследовали и при Ленине, и при Сталине, и при Хрущеве, и в красной Венгрии, и в Албании, и в Китае, и в Камбодже. Противниками здесь оказывались не конкуренты в политической борьбе, даже не другой класс, а сама человеческая душа, которая ищет какого-то высшего смысла, человеческая индивидуальность. Конечно, среди тогдашних властителей и деятелей была масса жулья и темных личностей, но те, на ком это держалось, кто их соединял и двигал, – это были люди, готовые идти ради своего дела на материальные жертвы, даже рисковать жизнью. Они шли комиссарами на гражданскую войну или в деревню эпохи коллективизации, недоедали или даже гибли. А единственная награда была – что они могут разрушать церкви, стогнать крестьян в колхозы, ссылать в тайгу. То есть как бы зло становилось самоценным, наградой, оно становилось привлекательным само по себе. И являлись какие-то гении зла, которые могли этим чувством зажечься, передать его следующему эшелону деятелей. Тут был действительно некий идеал черной красоты. Пафос образа мертвого мира – механизма, в котором человек – только ничтожное колесико, но может бесконечно возвыситься над другими колесиками своей способностью без иллюзий созерцать и принимать в душу эту величественную картину, а тогда он становится неизмеримо эффектив-

нее в работе механизма, сила его воздействия на жизнь в той же степени возрастает. Все это двигалось каким-то пылающим огнем зла. И мы недавно увидели, что когда огонь выгорел, то на чисто материальной основе этот строй существовать не смог и рассыпался без видимых внешних причин.

Подобная картина представлялась мне под впечатлением музыки Шостаковича. Конечно, возникал вопрос, насколько правомочна подобная интерпретация. И очень серьезные сомнения вызвало то, что по этому поводу говорил сам Шостакович. Он часто высказывался в печати по поводу своих произведений, и, например, о 7-й симфонии он говорил, что знаменитая тема в 1-й части, конечно, изображает зло, но это зло фашизма, с которым мы столкнулись во время войны, а сама симфония посвящена Ленинграду, вынесшему блокаду. Да он писал и музыкальную поэму о Волго-Донском канале и легко подписывал любые обращения с гневным протестом против зверств империализма – как будто рядом с ним ничего похожего не происходило.

Творчество Шостаковича очень привлекало меня по причинам, о которых сказано выше. И очень давно, лет 20 с лишним назад, я записал некоторые свои мысли на эту тему – тогда совершенно не предполагая, что это можно где-то опубликовать. А потом, лет 15 назад, опубликовал – на Западе и только совсем недавно – здесь. Там я предположил, что сознательно, какой-то коркой головного мозга Шостакович исповедует те взгляды, которые публично высказывает, но что в подсознании, где и происходит истинное творчество, он исходит из представлений, подобных тем, которые я выше изложил. С тех пор появился замечательный документ, который в этот вопрос внес некоторую ясность. Это так называемые «Мемуары Шостаковича», изданные на

Западе. Их издал музыковед Соломон Волков, эмигрировавший из СССР. Его версия заключается в том, что это – запись рассказов Шостаковича, потом Волковым отпечатанная, а Шостаковичем просмотренная и визированная. Действительно, на многих страницах текста стоит подпись Шостаковича. Высказывались и протесты, ставившие под сомнение подлинность некоторых частей или даже всей рукописи. Я не берусь судить, все ли части рукописи аутентичны, но что она целиком не сочинена – в этом я уверен. Потому что это такой силы документ, что можно было бы обсуждать, не сочинил ли его, скажем, Достоевский, но что его не мог сочинить Соломон Волков – в этом не может быть сомнения. И в этих «Мемуарах» Шостакович говорит многократно, что писал он – о творившемся тогда в нашей стране и описывал не зло фашизма, а то зло, которое он видел и ощущал всю жизнь. В частности и про 7-ю симфонию он пишет, что посвятил ее Ленинграду в память террора 34–37 годов, что к началу войны симфония была практически кончена, а тему из 1-й части он даже апробировал в музыке к какому-то кинофильму. Она была посвящена Ленинграду, как «Реквием» Ахматовой. То есть некоторую интерпретацию своих произведений, подобную приведенной выше, он вполне сознательно принимал, таково было его истинное мировоззрение. Дальше он рисует поразительную картину. Видно, что и в детстве он был слабеньким, хрупким мальчиком. И повзрослев, остался ранимым и хрупким, с опаской относящимся к проявлениям грубой силы. А кругом все рушилось под ударами таких сил, и он все время чувствовал себя в жизни неуверенно, как бы на птичьих правах. Но вот ему кажется, что судьба ему улыбнулась: он нашел влиятельного покровителя: им заинтересовался Тухачевский. Поразительно описание того, как Тухачевский

давал ему чуть ли не советы, играл ему на скрипке! Но Шостакович и этим был счастлив. И вдруг Тухачевского арестовывают и расстреливают. Оперу Шостаковича «Катерина Измайлова» со скандалом снимают: на представление пришел Сталин, сказал: «Сумбур вместо музыки» и ушел. В прессе – разгромные статьи с повторением той же фразы. Шостакович рассказывает, что в какие-то дни он, собственно, пережил свою смерть, уже считал себя мертвецом. И когда он понял, что на этот раз смерть его минула, он, как пишет, решил надеть на себя маску юродивого: он будет говорить то, что ему прикажут, как бы грязно это ни было, но в своей музыке он скажет правду.

Это вообще документ невероятной глубины и силы. Не на материале колоссального размаха, как «Архипелаг ГУЛАГ», совсем в другом плане, но, мне кажется, что он создает столь же яркую картину жизни той эпохи. Это история человека, схваченного каким-то чудовищем, покалеченного, едва живого. Но благодаря своей гениальности, необыкновенной силе духа он сохраняет все свои творческие силы – и изуродованным калекой умудряется все же сделать даже больше, чем сделал бы, сложись его судьба более счастливо. Тут вспоминается, как многие говорили, что тюрьма некоторых губит, некоторых – возвышает. Достоевский не раз писал, какую роль сыграла каторга в его жизни. Солженицын приводит такие пословицы, как «Тюрьма и сума дают ума», в «Архипелаге ГУЛАГе» написано: «Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни», целая глава о лагерях называется «Восхождение». У Даниила Андреева есть такое стихотворение:

Ты осужден. Молчи. Неумолимый рок
Тебя не первого привел в сырой острог.

Дверь замурована. Но под покровом тьмы
Нащупай лестницу не из, а внутрь тюрьмы.
Сквозь толщу мокрых стен, сквозь крепостной редут
На берег ветренный ступени приведут
Там волны вольные, отчалъ же, правь, спеши!
И кто найдет тебя в морях твоей души!

Мне кажется, что в некотором расширительном смысле творчество Шостаковича тоже можно относить к «лагерному искусству», а его самого – к числу художников, сформировавшихся если и не в тюрьме, то под ударами нашей тогдашней жизни и под непосредственным ежедневным ощущением близости тюрьмы.

В заключение мне кажется важным обсудить один упрек, который иногда бросают Шостаковичу, – что его музыка не национальна, он авангардист, а авангард всегда не национален. Мне кажется, что это не так. Во-первых, уже по упомянутым «Мемуарам» видно, какую роль в его жизни играла русская музыка, как он все время «прорабатывал» Мусоргского, Римского-Корсакова. Он писал клавиры их симфонических произведений, перелагал для оркестра – фортепианные. А во-вторых, – я помню, что еще очень давно один профессионал, музыкальный критик, мне сказал, с некоторым даже сожалением, что Шостакович, конечно, гениальный композитор, но он старомоден, мы ведь очень мало знаем современную музыку (тогда это действительно так и было) и Шостакович в нее не «вписывается». Действительно, он, видимо, был ближе к композиторам предшествующего ему поколения: Прокофьеву, Стравинскому, даже к Малеру – чем к своим западным современникам. А ведь авангардизм – явление относительное. Тут все дело в глубине разрыва с традицией,

именно этот разрыв приводит к нигилизму и поискам других стимулов, не идущих от почвы и традиции. А относительно того, насколько музыка Шостаковича была национальной – то есть национально русской, то все дело, мне кажется, в том, какой смысл вкладывать в термин «русское». Например, в литературе: кто более русский – Толстой, Тургенев или Достоевский? У Толстого и Тургенева – прекрасные пейзажи, по которым можно восстанавливать облик русской природы и описания быта, прямо для этнографа. У Достоевского если и встречаются описания природы – то это сжатое осеннее поле, или облака, бегущие по небу, или петербургские туманы. А если быт, то уж очень специфический, например быт нищих мебелированных комнат. Но у Достоевского были другие, не менее «русские» черты – например, стремление доходить до «последних вопросов», как он сам это называл. А это очень существенная компонента русского отношения к жизни: чувство, что нельзя существовать, если не ясен смысл жизни. Так что в этом отношении Достоевский никак не менее «русский» гений, чем Толстой – и так всем миром и воспринимается. И мне кажется, что в этом же смысле Шостакович – глубоко русский художник.

Именно эта укорененность в традиции, вероятно, помогла ему сделать то, что он сделал и в тех условиях, в которых он жил. И он, со своей стороны, может служить источником силы для нас, для многих поколений русских. И не только он, но шире – все движение русского сопротивления, одним из самых ярких представителей которого он был. Какой-то высокий, героический и подвижнический дух горел во всех них. Он может дать силы и нам подняться из той катастрофы, в которую мы вот уже семьдесят четыре года катимся и все не можем остановиться.

О ВОКАЛЬНОМ ЦИКЛЕ ШОСТАКОВИЧА «ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ»

К 100-летию со дня рождения Д. Д. Шостаковича

Это, безусловно, одно из самых ярких произведений Шостаковича. Так, например, оно характеризуется в воспоминаниях и Свиридова, и Рихтера. Сейчас, через полвека с лишком после его создания, можно к нему вернуться и попытаться осознать более рефлексивно, не только на основании чисто эмоциональной реакции.

Прежде всего, очевидно бросается в глаза, что цикл был написан почти непосредственно после знаменитого постановления «Об опере В. Мурадели «Великая дружба»», в результате которого музыка Шостаковича, Прокофьева, Мясковского и других крупнейших композиторов была объявлена “формалистической” и надолго запрещена к исполнению в нашей стране. Точнее, постановление было опубликовано 10 февраля 1948 года, а основные песни цикла (первые восемь) были написаны в августе того же года. Потом, в начале октября 1948 года, были написаны еще три песни, отображающие счастливое настоящее в контрасте с «мрачным прошлым». (Похоже, что автор надеялся этим увеличить приемлемость произведения.) Таким образом, есть полное основание рассматривать цикл как ответ Шостаковича на удар, нанесенный ему правящим режимом. Причем это был уже второй удар. Первый был связан с разгромными отзывами на оперу «Катерина Измайлова» в 1936 году и, видимо, глубоко потряс Шостаковича. В опубликованном на Западе «Свидетельстве», изданном музыковедом С. Волковым, приведены

такие оценки самого Шостаковича по поводу критики его оперы: «Я был полностью подавлен страхом. Я не был больше хозяином своей жизни. Мое прошлое было зачеркнуто, моя работа, мои способности – все это оказалось никому не нужным. И в будущем также не намечалось никакого просвета». (Несмотря на сомнения, высказывавшиеся по поводу аутентичности публикации С. Волкова или отдельных ее частей, мне кажется, что приводимые там высказывания Шостаковича в значительной мере передают его переживания.) Можно себе представить, что второй подобный удар еще сильнее подействовал на Шостаковича и что именно эти его переживания передавали слова одной из песен:

Нет силы терпеть и молчать.
Кричите же, плачьте же, дети,
Зима возвратилась опять!

Об этой «зиме», например, Свиридов (которого постановление, кажется, непосредственно не затронуло) в своих воспоминаниях пишет: «В последние годы жизни генералиссимуса И. В. Сталина обстановка в стране стала ужасающе мрачной: постановления следовали одно за другим, едва ли не все области подвергались критике, люди жили в страхе «за каждый миг своей жизни», и казалось иной раз, что Бог дал ее человеку напрасно... Я уже не говорю о бесконечном числе ссыльных и казненных...» (Музыка как судьба. М., 2002). Строго говоря, эти слова не соответствовали фактам. Постановления не «следовали одно за другим...» – с 1945 до 1953 года их было всего 3 или 4 (включая и знаменитую Лысенковскую сессию ВАСХНИЛ). И число ссылаемых и казненных не было «бесконечным», но намного меньшего масштаба, чем в предшествующие

периоды, – например, в 1937 году или при коллективизации. Но именно так жизнь воспринималась многими. Например, казалось бы, обласканный властями Л. Леонов в это время тайно писал свой роман «Пирамида», наполненный ужасом и полным отрицанием тогдашней жизни, характеризуя ее хотя бы таким пассажем: «И в том состояло педагогическое значение системы, что непосредственное созерцание смерти кругом привело к сознанию своей вины перед священной идеей с подсудностью военно-полевому трибуналу, что облегчало исполнителям зачисление в штрафной батальон целого народа, с переплясом совершающего переход через мертвую пустыню в землю обетованную». Подобным образом жизнь тогда воспринималась многими. Что показывает неизмеримость человеческого мироощущения числом жертв.

Я помню, что тогда задумывался: что-то теперь напишет Шостакович? Помню, мне мерещились образы вроде «Медного Всадника»:

И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне.

И ведь действительно, вскоре стали распространяться слухи о новом произведении Шостаковича. Мне очень хотелось его услышать, и кто-то из знакомых музыкантов сказал, что в определенный день и час в Союзе композиторов назначено прослушивание. Я поехал туда. Но оказалось, что союз новое произведение и слушать не захотел, и почти никого не было (видимо, о решении было уже заранее известно). Потом знакомые музыканты рассказывали, что видели ноты, и говори-

ли, что произведение какое-то странное, некоторым даже показалось смешным: странные имена – Рифочка, Шейндел, Абрам... Наконец мне удалось этот цикл услышать. Произошло это дома у Сильвии Федоровны Айкхингер (будущей второй жены Г. Г. Нейгауза – оба теперь уже покойные). В то время любители музыки собирались у кого-либо дома и играли в четыре руки или иначе исполняли произведения, тогда в концертах не исполнявшиеся. Это было нечто вроде будущего «самиздата» – только музыкального. Помню, что в тот раз за всех трех исполнителей пела Нина Львовна Дорлиак, а аккомпанировал пианист Толя Ведерников (сейчас оба уже скончались). Иногда он же и подпевал.

Я помню сильнейшее впечатление от этой музыки – тем более сильное, что предшествующими рассказами я совсем не был подготовлен к тому, что услышал. Человек я отнюдь не сентиментальный, но там стал шмыгать носом и под конец чуть не разревелся. Впечатление было какое-то горькое, безысходное, но чисто эмоциональное, никак не осмысляемое. Только много лет спустя цикл можно было услышать в концерте. (История изложена в воспоминаниях о нем Н. Л. Дорлиак в книге: «Шостакович. Между мгновением и вечностью». СПб., 2000.) Цикл не все принимали. Помню, что по какому-то поводу А. И. Солженицын сказал мне о нем: «Вот и Шостакович – пожалел евреев, а не русских». Я тогда возразил (впрочем, не помню, может быть, и не возразил, а это только позже пришло мне в голову): «А если бы он использовал образ бездомного пса, подыхающего под забором, разве можно было бы его упрекнуть, что вот – пожалел собак, а не людей?»

Но теперь мне кажется, что образ был взят далеко не случайно, он именно очень подходит к тому чувству, которое хотел выразить композитор. Шостакович

использовал подлинный фольклор еврейских местечек (опубликован в 1940 году Добрушиным и Юдицким). Этот выбор, вероятно, не случаен. В «Свидетельстве», изданном С. Волковым, приведен ряд высказываний Шостаковича о еврейском фольклоре: «...еврейская народная музыка произвела на меня сильнейшее впечатление»; «...любая народная музыка прекрасна, но про еврейскую народную музыку я могу сказать, что она уникальна».

Какие же уникальные черты фольклора еврейских местечек были использованы Шостаковичем? Только десятилетиями после того, как я услышал цикл Шостаковича, мне стал приходить в голову ответ, который на этот вопрос можно было бы предложить. На меня произвели большое впечатление две книги по истории еврейства, обе написанные евреями. Впечатление – своей искренностью и знанием предмета.

Автор первой, Израиль Шахак, получил в Польше еврейское религиозное образование еще до войны, потом в 1945 году переехал в Палестину, был там профессором химии, сейчас в отставке. Книга называется «Еврейская история – еврейская религия. Тяжесть трех тысячелетий». (Сначала издана по-английски, есть и французский перевод.) Автор считает, что мировоззрение современного еврейства – и в Израиле, и в диспоре – восходит к мировоззрению, которое он называет «классическим иудаизмом». Как полагает автор, оно сформировалось в еврейских общинах Западной Европы и исламского мира к концу I тысячелетия после Р. Х., то есть является уже послеталмудическим. Жизнь еврейского общества того времени он сводит к трем основным факторам:

1. Оно было чисто городским, а его мировоззрение проникнуто жестокой ненавистью к крестьянству (автор

считает даже, что это отношение отразилось в позиции современных еврейских социалистов).

2. Еврейство составляло привилегированный слой. Несмотря на распространенную там бедность и временами возникавшие народные движения, жертвой которых становились евреи, еврейство как часть городского населения стояло социально несравненно выше крестьян, особенно крепостных. Оно обычно находилось под непосредственным покровительством королей и крупных магнатов.

3. Еврейское общество находилось в антагонистическом противостоянии всему окружающему обществу, кроме самой его верхушки. Тогда и были выработаны положения так называемой Галахи, формулирующие отношение к неевреям как существам принципиально иного и низшего сорта, на которых не могут распространяться нормы, обязательные в отношении евреев.

Еврейские общества того времени строили свою жизнь на абсолютном подчинении их верхушке и строжайшей регламентации всей жизни (далеко не только религиозной). Шахак называет их «одним из самых закрытых и тоталитарных обществ, известных в человеческой истории».

Автор выступает как еврейский и израильский патриот. Он сам сторонник системы либеральных ценностей и считает, что Израиль не станет «открытым обществом» до тех пор, пока в еврействе не произойдет «честный пересмотр своего прошлого», «признание еврейского шовинизма и веры в исключительность». То, что он пишет, в чем-то напоминает выступления Солженицына еще до высылки из Советского Союза, когда он доказывал, что общество не станет здоровым, не осознав открыто болезненных периодов своей истории (например, цитируя слова Толстого, что излечившийся от тяжелой болезни че-

ловек говорит о ней свободно, а если умалчивает, то чувствует, что еще болен и в душе опасается ухудшения).

Такова была, считает Шахак, жизнь еврейских общин Западной Европы вплоть до Французской революции. А в Восточной Европе – до XIX века. Следовательно, именно таков был тип жизни еврейских общин Западного края России в конце XVIII – первой половине XIX века. Детальное его описание дает Я. Брафман («Книга кагала. Материал для изучения еврейского быта»). Автор – еврей, уже взрослым принявший Православие. В своей книге он привел 285 документов кагальной администрации, которые многосторонне и ярко характеризуют жизнь еврейских общин. Автор, как бы предваряя точку зрения Шахака, пишет, что более всего его ужасает страшная «власть еврея над евреем», царившая в общинах (ср. «тоталитарное общество» у Шахака). Если верить суждению Шахака, такой же была жизнь практически всех еврейских общин до XVIII века.

Книга Брафмана описывает абсолютное подчинение членов общины ее верхушке. Регламентировалось: кто в каком городе мог жить, кто кого мог звать в гости, как следовало справлять праздники и т. д. Дисциплина поддерживалась особыми судами Бет Дин, опиравшимися на так называемых тайных мстителей и располагавших широким спектром наказаний: от запрета послушнику осуществлять супружеские отношения с женой до смертной казни (Шахак тоже описывает ряд типов смертной казни: запарывание насмерть кнутом, опускание в кипящую воду...). Но эта система проявляла и заботу о своих подчиненных: содержались на общественный счет повивальные бабки, выдавалось приданое бедным невестам... В особенности регламентация была сильна в отношениях с нееврейским миром.

Например, определенный христианин закреплялся за определенным членом общины, который один имел право экономических отношений с ним (в качестве торговца, арендатора, ростовщика и т.д.) – это право называлось «меропие».

Ясно, что такое монопольное право давало очень большие преимущества. Мы видим более детальную, бытовую картину того, что Шахак охарактеризовал как «одно из самых тоталитарных обществ, известных в человеческой истории».

И теперь становится понятным, что Шостакович почувствовал родство этих двух типов тоталитарного общества (конечно, скорее всего, чисто интуитивно и то, как оно отразилось в фольклоре). И понятно, что язык еврейского фольклора оказался подходящим, чтобы передать его переживания, вызванные постановлением 1948 года.

Теперь можно и более расчлененно проанализировать впечатление, которое вызывает этот цикл песен. Он написан в исключительно мрачных тонах. В первых восьми песнях мы встречаем: «Плач об умершем ребенке»; нищету – больную жену и голодных детей; колыбельную ребенку, отец которого сослан в Сибирь; разлучаемых влюбленных; отца, брошенного дочерью. Кажется, что собраны все несчастья, способные обрушиться на человека. В частности, мы встречаем здесь подобие и короля Лира, и Ромео и Джульетты. Но, например, дуэт этих Ромео и Джульетты (Абрама и Рифочки) совсем не передает того накала и поэзии страсти, которая все заслоняет у Шекспира. Тут нет ни соловья, ни жаворонка! Да и весь цикл полностью лишен высокого трагизма: его герои просто раздавлены этой ужасной жизнью и корчатся в муках.

А. Ф. Лосев пишет об эпическом трагизме: «Мы чувствуем какое-то возвышенное спокойствие, какое-

то благородное удовлетворение оттого, что при созерцании этой катастрофы прикоснулись к чему-то высокому, к чему-то очень общему и далекому от мелких и обыденных дел, к чему-то мировому». Я привел эту цитату, чтобы сказать, что трагизм цикла Шостаковича имеет какой-то диаметрально противоположный характер. Иногда критики трактуют цикл как развитие темы «маленького человека». Но мне кажется, что это было бы несовместимо с фольклорным его характером. «Маленький человек» появляется в большом городе. Его тема – предмет тонко развитой литературы: Диккенса, Гоголя, Достоевского. Фольклор же (как и эпос) говорит «о чем-то мировом». И в песнях цикла это «общее и мировое» и чувствуется: это трагедия *без катарсиса*, без «благородного удовлетворения». Можно было бы коротче сказать – *безблагодатная*.

Шостакович – типичен для художников и мыслителей своего поколения, живших в России, – тех, кто был лет на двадцать старше меня, кому сейчас было бы около ста. Во всех них для меня оставалось нечто загадочное. Не так давно по поводу одного столь же значительного ученого (и почти ровесника Шостаковича) один его ученик сказал мне: «Это был человек за семью завесами». Мне кажется, то же применимо и к Шостаковичу – и неизвестно, сколько завес нам удалось открыть, несмотря на все оставшиеся письма и воспоминания современников. Свиридов пишет, что в одной из редких откровенных бесед Шостакович назвал свою жизнь «одиноким на людях». Я встречал много таких людей. У некоторых из них погибли или были арестованы родственники, другие были унижены коммунистическим режимом, все были им запуганы. И все же они ему подчинялись и служили, а вот «за страх и совесть» или «наступая на горло своей песне» – это оставалось загад-

кой. Может быть, это было результатом той жизни, в которой они жили, а может, таков был и сам дух той эпохи, где так неразличимо сплетались добро и зло.

Возвращаясь к Шостаковичу, не могу опять удержаться от воспоминаний. Он был моим кумиром, как и для многих в моем поколении. Но знал я, конечно, то, что тогда обычно исполнялось: симфонии, начиная с Пятой, трио № 2, квинтет, первые квартеты, да и тот вокальный цикл, о котором шла речь. В более поздних его вещах мне кое-что было непонятно и далеко: эксперименты с 12-тонной системой, подчеркнута «диссидентский» характер некоторых произведений; да и музыка в них меньше трогала. Вместо водопада новых мелодий – обилие цитат, да часто из революционных песен. Поразило его вступление в партию и включение в ЦК. (В некоторых письмах Шостакович намекает на оказанное на него давление. Но я совершенно не представляю себе силу, способную *заставить* Шостаковича сделать такой шаг тогда, в хрущевские времена. По крайней мере, социальную, организованную силу. Быть может, какое-то личное влияние?) Однако я пренебрегал всем мне непонятным, относя это на счет «сложности человеческой природы».

Но вот несколько позже возникла возможность познакомиться с ранними произведениями Шостаковича, долгое время не исполнявшимися. И при их сопоставлении возникло совсем другое, жутковатое чувство.

По-видимому, с самого начала своего композиторского пути Шостакович полностью отдался тому ядовитому, антирусскому и в сущности своей античеловеческому духу, который господствовал у нас в 20-е годы и в начале 30-х. Тогда им были написаны и «Октябрьская», и «Первомайская» симфонии. В конце одной из них был хор на слова Безыменского. При его безусловном художе-

ственном вкусе, Шостакович не мог не почувствовать пошлости стихов Безыменского. Видимо, саму эту пошлость он принимал как символ «массы».

Его оперы «Нос», «Катерина Измайлова» написаны в духе «разоблачения проклятого прошлого», в них введены сцены, осмеивающие «попов» и «городовых». Даже в поздних рассуждениях, приведенных в «Свидетельстве», он пишет о «Носе»: «...засилье полицейщины. Куда ни ткни – всюду полицейский». О «Катерине Измайловой»: «...судьба талантливой, умной и выдающейся женщины в кошмарных условиях дореволюционной России». «Несмотря на то, что Екатерина Львовна является убийцей, она не конченный человек... Ведь вокруг – одни только разбойники». Это – теория «среды», определяющей поступки человека, снимающая с него ответственность за них. Да он и говорит: «Я ей симпатизирую». То есть, если пользоваться принятым тогда в НКВД языком, она – «социально близкая». (И эта опера была посвящена его невесте!)

Не берусь анализировать, наступил ли Шостакович «на горло собственной песне» или он искренне был адептом этого духовного течения. Но он так талантливо в него вписался, что стал вскоре во главе. «Катерина Измайлова» была поставлена в Ленинграде и Москве, и постановка сопровождалась восторженными отзывами прессы. Молодой человек, которому еще не исполнилось 30 лет, стал самым знаменитым, «главным» советским композитором. Но этот режим не любил ни блестящих личностей, ни блестящих карьер. И Шостаковича постиг в 1936 году закономерный удар. Может показаться, что удар был не так уж силен: многие произведения Шостаковича по-прежнему исполнялись, все свелось к разгромным отзывам в прессе. Но тогда грани были зыбкими: Шостакович мог быть пощажен

в 1936 году, а арестован в 37-м, 38-м или 39-м. (Как случилось с Мейерхольдом, с которым Шостакович тесно сотрудничал.) Может быть, играла роль и хрупкая психика композитора: он не раз упоминает о захлестнувшем его страхе. Во всяком случае, ясно, что он был потрясен и пережил глубокий кризис.

Как сказал Солженицын: «Страшно подумать, каким писателем я стал бы (а ведь стал бы!), если бы не арест».

Шостаковича арест минул, но он очень остро пережил ожидание и страх ареста. И ведь именно после этого появились его Великие симфонии (от Пятой – до Десятой). Основой этих симфоний, особенно Пятой, Седьмой, Восьмой, является героический трагизм, к которому вполне применима та характеристика эпического трагизма, данная Лосевым, которую мы привели выше. В них действительно ощущается, что мы «прикоснулись к чему-то высокому... к чему-то мировому». Именно этим, мне кажется, и объясняется тогдашний успех музыки Шостаковича в стране: она давала нам возможность вывести ощущения тогдашней жизни из категорий театра абсурда, воспринять ее как трагедию эпического масштаба. Нескольким поколениям они помогли сохранить, хоть в какой-то мере, свое духовное здоровье в ту эпоху. Этим мы все, люди тех поколений, ему навек обязаны. И больше того, я уверен, что они сыграют аналогичную роль и в будущем, при осмыслении всего этого периода нашей истории. Возможно, что, сверх того, прав Свиридов, утверждавший, что течение симфонизма в музыке вообще закончилось. Тогда симфонии Шостаковича были последним аккордом этого течения. А ведь речь идет о великом течении культуры, начинающемся еще с Гайдна. Может быть, именно ощущение конца, «Заката», привнесло дополнительный привкус трагизма в симфоническое творчество Шостаковича.

Но тогдашнему строю его осмысление трагедии народа было совершенно ненужно. Когда-то это должно было проявиться и проявилось в постановлении 1948 года. «Ответ», данный Шостаковичем в обсуждаемом нами цикле, был очень мужественным поступком. Таково же было его поведение на Совещании деятелей советской музыки в 1948 году, где Жданов и Шкирятов поучали величайших композиторов мира, как надо писать музыку. В двух его выступлениях он ни на пядь не отказывался от своей музыки, наоборот, предупреждал об опасности надвигавшегося «воинствующего дилетантизма».

Удар, нанесенный в отместку за это, был потяжелее, чем в 1936 году. Теперь исполнение его произведений было запрещено – и многих надолго. Например, вокальный цикл, которому посвящена эта работа, был написан в 1948 году, а впервые публично исполнен – в 1955-м.

Но Шостакович держался. Режим сталинского периода так и не дождался от него привычного «покаяния». Он пытался отделаться дежурными заявлениями, песенками из кинофильмов да «Песню о лесах». Видимо, в нем был очень силен внутренний импульс – устоять, не дать себе погибнуть как личности. Но когда давление исчезло, пропал и импульс, в Шостаковиче что-то стало ломаться. Его более поздние произведения не производили такого глубокого впечатления, как раньше. В мире появился более сильный хозяин, способный и защитить, и громче прославить. Прислониться теперь к нему, найти у него защиту («Защиту чуждых крыл», как формулировала Ахматова) было соблазном для следующих поколений. Но Шостаковича и он не миновал. Последний период его творчества производит впечатление зеркального отражения его раннего периода 20-х – начала 30-х годов. Например, он писал музыку на стихи Евтушенко – вряд ли более художественные, чем у Безыменского.

С этим я сопоставил бы то, что в тех его поздних высказываниях, которые мне известны, нигде не обсуждается проблема его собственной ответственности. Он так ярко описывал и, видимо, ощущал себя как жертву режима – и в 1936 году, и после 1948 года. Но кажется, ему не приходило в голову, что он был далеко не только жертвой коммунистического режима, но что до кризиса с властью, в 1936 году, он всеми силами своего гения этот режим укреплял в самой тонкой области – духовной жизни. В массе работ, посвященных анализу его творчества, мне ни разу не встретилась работа со столь, казалось бы, напрашивающимся названием: «Проблема раскаяния в творчестве Шостаковича». Наоборот, недавно появилась книга того же С. Волкова, который издал «Свидетельство», – «Шостакович и Сталин». К ней есть предисловие В. Спивакова, в котором можно прочесть: «Шостакович чувствовал себя в ответе за свое время. Он чувствовал себя виновным, что живет в такое время». Вот, как мне кажется, очень точная формулировка того чувства, которого Шостакович как раз был полностью лишен. Хоть вспомнил ли он в 1936 году, когда в марксистской прессе появились статьи «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь», как сам раньше призывал «заострить вопрос о привлечении в консерваторию марксистских кадров»? Отсутствие цельной жизненной позиции неизбежно сказывается и в творчестве – особенно такого гения, как Шостакович.

Говорят, что Свиридов любил повторять слова Шолом-Алейхема: «Талант – вроде денег. Или они у тебя есть, или их нет». И гением Шостакович оставался до конца, что видно хотя бы по его Четырнадцатой симфонии, где он так глубоко вдумывается в проблему смерти (смертности) человека – уже в то время, когда смерть и стояла за его плечом.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ МАТЕМАТИКИ

*Лекция по случаю официального вручения
Хейнемановской премии
Геттингенской академии наук*

Всякое существо склонно воспринимать среду своего обитания как нечто безусловное, что и не может быть другим и что поэтому не порождает никаких вопросов. Так относится и математик к своей науке, – и только изредка, когда представляется повод взглянуть на нее со стороны, он вдруг замечает, с каким странным, в сущности неправдоподобным явлением имел дело всю жизнь. Для меня таким поводом было лестное предложение сказать здесь несколько слов о математике моим коллегам, работающим в далеких от нее областях науки.

При поверхностном наблюдении математика представляется плодом многих тысяч мало связанных индивидуальностей, разбросанных по континентам, векам и тысячелетиям. Но внутренняя логика ее развития гораздо больше напоминает работу одного интеллекта, непрерывно и систематически развивающего свою мысль, лишь использующего как средство многообразие человеческих личностей. Как бы в оркестре, исполняющем кем-то написанную симфонию, тема переходит от одного инструмента к другому, и, когда один исполнитель вынужден прервать свою партию, ее точно, как по нотам, продолжает другой.

Поверьте, это не риторическая фигура! История математики знает очень много примеров того, что открытие, сделанное одним ученым, остается неизвестным, а позже с поразительной точностью воспроизводится

другим. В письме, написанном ночью перед дуэлью, окончившейся его гибелью, Галуа высказал несколько утверждений исключительной важности об интегралах алгебраических функций. Более чем двадцать лет спустя Риман, который никак не мог знать о письме Галуа, вновь нашел и доказал в точности те же утверждения. Или: после того как Лобачевский и Болиаи независимо друг от друга положили начало неевклидовой геометрии, выяснилось, что два человека – Гаусс и Швейкарт – более чем за 10 лет до этого тоже независимо друг от друга пришли к тем же результатам. Странное чувство испытываешь, видя одни и те же чертежи, как будто начерченные одной рукой в трудах четырех ученых, работавших совершенно независимо друг от друга.

Невольно приходишь к мысли, что такая поразительная, загадочная деятельность человечества, длящаяся несколько тысячелетий, не может быть случайной, должна иметь какую-то цель. А признав это, мы с необходимостью приходим к вопросу: в чем состоит эта цель?

Как может целая наука – не один только ее раздел и не в один лишь период ее развития – иметь единую цель? Попробуем усмотреть это на примере физики, которая всегда была так тесно связана с математикой. Ко времени Ньютона перед физикой вырисовалась захватывающая цель: построить теорию (или, как тогда говорили, систему) мира, то есть заключить всю вселенную в несколько простых законов, из которых многообразие физического мира может быть выведено чисто логически. Долгое время казалось, что Ньютон эту задачу в принципе решил, а на долю его последователей осталась лишь проверка того, что известные явления описываются его системой. Только на периферии физики теория электричества не хотела укладываться в эту схему. Но в XIX в. именно явления электромагнетизма

стали центром физики, и хотя этим была поколеблена ньютоновская концепция, зато возникла надежда, что ньютоновская механика, дополненная максвелловской теорией электромагнитного поля, позволит создать полную и окончательную систему мира. Однако и этим ожиданиям не было суждено сбыться, – квантовая механика и теория относительности вскоре разбили все старые концепции. Одно время физиков подогревало стремление извлечь из единой теории поля или из релятивистской квантовой механики полную теорию элементарных частиц и новую систему мира. Этого до сих пор не произошло, и вряд ли многие физики сейчас считают такие надежды реальными. Во всяком случае, если некоторое единство в физической картине мира когда-нибудь и восстановится, трудно будет после стольких перестроек верить в окончательность этой системы.

Возвращаясь к математике, мы должны будем признать, что глобальная цель, которую в своей амбиции физика себе несколько раз, хотя и без успеха, ставила, в нашей науке вообще не созрела. Как же это отражается на ее развитии?

Математика растет стремительно и непрерывно, не зная типичных для физики перестроек и кризисов, обогащая нас все новыми идеями и конкретными фактами. Я глубоко убежден, что достижения современной математики не менее совершенны, чем творения классиков XIX, XVIII и XVII вв., что они могут даже выдержать сравнение с плодами эллинского гения. Но ведь и прекраснейшие из современных достижений ни в чем принципиально не превосходят классические! Какова же ценность неограниченного накопления идей, в принципе одинаково глубоких? Не превращается ли математика в поразительно красивый вариант «дурной бесконечности» Гегеля?

Любая деятельность, лишенная цели, тем самым теряет и смысл. И если сравнить человечество с живым организмом, то математика окажется непохожей на осмысленную, целенаправленную деятельность. Скорее она аналогична инстинктивным действиям, которые могут стереотипно повторяться, пока работает некий внешний или внутренний возбудитель.

Не имея цели, математика не может выработать и представления о своей форме, ей остается в качестве идеала ничем не регулируемый рост, а вернее расширение по всем направлениям. Используя другое сравнение, можно сказать, что развитие математики не похоже на рост живого организма, который сохраняет свою форму, сам определяя свои границы. Оно больше напоминает рост кристалла или диффузию газа, которые могут распространяться неограниченно, пока не встретятся с внешним препятствием.

Очевидно, что такое развитие науки противоречит ощущению осмысленности и красоты, которое непреодолимо возникает при соприкосновении с математикой, – подобно тому как невозможна бесконечно продолжающаяся прекрасная симфония.

Но только ли в нашей науке встает эта проблема? Я не думаю, что математика радикально отличается от других форм культурной деятельности. Однако ее объекты более абстрактны, в ней происходит отвлечение от большего числа случайных свойств. Как говорил Платон, в ней больше от познания чистого бытия и меньше – от мнений о предметах видимого мира, в ней «как бы грезят о сущем». Поэтому в математике ясно различимы закономерности, хотя и универсальные, но лишь смутно видимые в других областях. В частности, то отсутствие целей и формы, о котором мы говорили выше, относится, как мне кажется, почти ко всей жизни

современного человечества. Так, наряду с математикой, развивающейся без цели, мы видим пример физики, в погоне за непосильной, видимо, целью теряющей представление о какой-либо цели вообще.

Бесформенная, лишенная иной цели и смысла, кроме неограниченного расширения, лихорадочная деятельность уже несколько веков как захватила человечество. Она получила название «прогресса» и на некоторое время стала чем-то вроде суррогата религии. Ее последним порождением является современное индустриальное общество. Уже много раз указывалось на то, что эта гонка содержит в себе внутреннее противоречие, приводит к катастрофическим материальным последствиям: все возрастающему, непосильному для человека темпу изменений жизни, перенаселенности, уничтожению окружающей среды. На примере математики я хочу обратить внимание на не менее разрушительные духовные последствия: человеческая деятельность лишается глобальной цели, становится бессмысленной.

Опасность здесь не только отрицательная, она заключается не только в том, что напряженные усилия человечества, жизнь его наиболее талантливых представителей не освещается пониманием их смысла. Она не исчерпывается и тем, что, не понимая цели своих действий, мы не можем предвидеть и их результатов. Духовная конституция человечества не позволяет ему долго мириться с деятельностью, цель и смысл которой ему не даны. И здесь, как и во многих других явлениях, вступает в силу механизм замещения – не найдя того, что им необходимо, люди не успокаиваются на этом, но прибегают к суррогатам. Пример этого нам всем хорошо известен – порвав связь с Богом милосердия и любви, люди тотчас создали себе других богов, требующих миллионов человеческих жертв. Согласно тому же закону, когда культурная дея-

тельность человечества лишена понимания своих целей, она пытается заимствовать себе осмысление из других источников. В частности, математик ищет смысл своей работы в выполнении заказа государства, которому он готов рассчитать траекторию ракеты или подслушивающий аппарат, а если это ученый крупного масштаба – то спланировать и целое общество, состоящее из гибридов людей и компьютеров. Такая установка уродует не одни только души ученых, – появляются области математики, лишенные той божественной красоты, которая зачаровывает всех, знакомых с нашей наукой.

Более чем двухтысячелетняя история убеждает нас в том, что математика, по-видимому, не способна сама сформулировать ту конечную цель, которой может направляться ее развитие. Она должна, следовательно, заимствовать ее извне. Разумеется, я далек от того, чтобы пытаться указать решение этой глубокой, не только внутриматематической, но и общечеловеческой проблемы. Я хочу лишь указать на основные направления, в которых возможен поиск решения.

По-видимому, таких направлений есть два. Во-первых, можно пытаться извлечь цель математики из ее практических приложений. Но трудно поверить, что более высокая – духовная деятельность найдет свое оправдание в более низкой – материальной. В открытом в 1945 г. «Евангелии от Фомы» Иисус иронически говорит:

«Если плоть произошла ради духа, это чудо. Если же дух ради тела, это – чудо из чудес».

Вся история человечества – убедительное доказательство того, что «чудо из чудес» невозможно. Если мы посмотрим на решающий в развитии математики момент, когда она сделала первый и самый значитель-

ный для человечества шаг и возникла та основа, на которой она зиждется, – логическое доказательство, то увидим, что произошло это на материале, который просто исключал возможность практических приложений. Первые теоремы Фалеса Милетского устанавливали истины, очевидные для каждого здравомыслящего человека, – вроде того, что диаметр делит круг на две равные части. Гениальность нужна была не для того, чтобы увериться в справедливости этих положений, а для того, чтобы понять, что они нуждаются в доказательстве. Очевидно, что практическая ценность таких открытий – нулевая.

И в наше время, как ни разнообразны и глубоки приложения математики, отнюдь не под их влиянием возникли ее самые прекрасные достижения. Как же можно тогда ожидать, что приложения математики дадут ей эту цель, которую она не смогла найти своими внутренними силами?

Если мы, таким образом, отбросим этот путь, то останется, как мне кажется только одна возможность: цель математике может дать не низшая сравнительно с нею, а высшая сфера человеческой деятельности – религия.

Конечно, сейчас очень трудно представить себе, как это может произойти. Но еще труднее вообразить, как математика сможет вечно развиваться, не зная, ни что, ни зачем она изучает. Да уже в следующем поколении она погибнет, захлестнутая потоком публикаций! А ведь это еще самая элементарная, внешняя причина.

С другой стороны, в принципе такое решение возможно – это доказано историей. Обратившись опять к той эпохе, когда математика только возникла, мы увидим, что тогда она знала свою цель и получила она ее именно на этом пути. Математика сложилась как наука в VI в. до Р. Х. в религиозном союзе пифагорейцев и была

частью их религии. Она имела ясную цель – это был путь слияния с божеством через постижение гармонии мира, выраженной в гармонии чисел. Именно эта высокая цель дала тогда силы, необходимые для научного подвига, которому принципиально не может быть равного: не открытия прекрасной теоремы, не создания нового раздела математики, но создания самой математики.

Тогда, почти в самый момент ее рождения, уже обнаружили те свойства математики, благодаря которым в ней яснее чем где-либо проявляются общечеловеческие тенденции. Именно поэтому тогда математика послужила моделью, на которой были выработаны основные принципы дедуктивной науки.

Кончая, я хочу выразить надежду, что по той же причине она теперь может послужить моделью для решения основной проблемы нашей эпохи:

ОБРЕСТИ ВЫСШУЮ РЕЛИГИОЗНУЮ ЦЕЛЬ И СМЫСЛ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

1973.

ЗАГАДКА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Обзор некоторых работ Конрада Лоренца

Введение

Эта работа была написана 25 лет назад, когда я впервые, совершенно случайно, познакомился с работами Конрада Лоренца, «отца» этологии – науки о поведении животных. Его работы меня поразили своей логичностью и красотой. Они, как мне кажется, относятся к высшим достижениям естествознания нашего века. (Да и в науч-

ном сообществе Лоренц получил, видимо, все возможные формы признания, включая и Нобелевскую премию.)

По разным причинам моя работа не была опубликована до сих пор, но главный ее стимул – познакомить более широкий круг лиц с прекрасными исследованиями Лоренца – сохранился. Хотя переведены его популярные книги ([1] и [2] в литературе в конце работы), его основные работы не переведены и у нас не популярны. В качестве основной темы выбрана теория Лоренца о «загадке индивидуальности» – происхождении индивидуальных связей между животными, когда животные индивидуально узнают друг друга, становятся друг другу необходимы и незаменимы. На этих отношениях основывается, в конце концов, и вся человеческая жизнь. По ходу изложены и другие, необходимые для понимания сведения из этологии. К сожалению, чтобы сократить объем, пришлось пожертвовать изложением многих фактов из жизни животных и их сообществ, иллюстрирующих общие понятия. А эта сторона делает особенно привлекательными работы Лоренца в наш век, когда мы чаще всего имеем дело с механизмами или абстрактными схемами!

Изложение теории Лоренца и других элементов этологии взято из книг [3], [4] и [5]. Оно составляет содержание § 1–5. В «Заключении» я позволил себе привести некоторые соображения, индуцированные этими идеями.

§ 1. Инстинктивные действия

Поведение животных составляет из отдельных действий, которые все можно отнести к двум типам, обычно четко различимым.

Действия первого типа основаны на понимании, они ориентированы на определенную цель, корректируются успехом в ее достижении и легко видоизменяются сооб-

разно обстоятельствам. Такие действия приобретаются обычно путем обучения. Действия другого типа производятся всегда устойчиво в одной и той же форме, они передаются по наследству, а не создаются обучением. Такие действия называются инстинктивными. Эти два типа действий соответствуют двум путям, по которым животное может получать информацию о внешнем мире. Один из них основан на взаимодействии с внешним миром всего вида и наследственной передаче информации. В области поведения он приводит к жестким, наследуемым инстинктивным действиям. Другой путь основывается на взаимодействии индивидуума с внешним миром. Он использует информацию о непосредственном окружении животного и приводит к процессу научения и к поведению, основанному на понимании.

Инстинктивные действия часто очень детальны, и их сложные комбинации порождают разнообразное поведение, в высокой степени приспособленное к внешним условиям. Классическим примером инстинктивного действия можно считать построение пауком своего кокона. Если помешать этой работе после того, как будет построено основание кокона, и предоставить пауку продолжать работать в другом месте, он построит кокон без основания. Движения продолжают даже в том случае, если из-за жары выводные органы желез паука высохли и не производят паутину. Оказывается, что во всех этих ситуациях неизменным остается число элементарных движений, совершаемых пауком, – около 6400. Таким образом, это действие не контролируется достижением цели (Мельхерс).

То, что инстинктивные действия наследуются, а не приобретаются путем обучения, доказывается рядом опытов, при которых животные воспитывались в полной изоляции. Например, голуби, воспитанные в узких

трубах, где они не могли пошевелить крыльями, будучи выпущенными, летали не хуже своих нормально воспитанных сверстников (Громан). Но и многие действия, которые явно совершенствуются, имеют часто инстинктивный характер. Их более совершенное выполнение просто связано с созреванием мышц, необходимых для совершения действий. Например, цыпленок все точнее клюет зерно. Б. Хесс поставил остроумный опыт – воспитал цыпленка в очках, сдвигающих положение зерна. Разброс в ударах клюва становится все меньше – однако не вокруг зерна, а того места, в котором оно видится. Таким образом, действие не корректируется успехом и его выполнение не связано с обучением.

Такие цельные действия организма, как добывание пищи или размножение, не связаны с определенным инстинктом, но являются результатом взаимодействия большого числа специализированных инстинктивных действий. Например, у волка добывание пищи есть результат применения таких инстинктивных действий, как вынюхивание, выслеживание, погоня, встряхивание, убивание жертвы.

Большей частью каждое такое инстинктивное действие возникает под влиянием возбудителя: запаха добычи, вида самки и т. д. Однако оно отнюдь не является реакцией на воздействие внешней среды. Ряд признаков указывает на то, что инстинктивные действия являются проявлением спонтанного импульса, постоянно возникающего в организме. Лоренц сравнивает его с биением сердца или периодическими сокращениями дождевого червя. Внешние стимулы лишь регулируют проявление этого импульса.

Иллюстрацией служит открытый Крейгом закон понижения порога возбуждения, вызывающего инстинктивное действие. Он поставил опыты с голубями, кото-

рые на различные промежутки времени изолировались от самок. При этом исследовалось, какие замещающие предметы способны вызывать действия токования. После нескольких дней изоляции самец адресовал токующие движения самке другого вида, которую он раньше не замечал. Еще через несколько дней – чучелу самки, еще позже – скомканному платку, а после нескольких недель изоляции его токующие движения обращались к пустому углу клетки.

Одно из проявлений спонтанного характера инстинктивных действий имеет особое значение для дальнейшего. Отсутствие возбудителей, «включающих» инстинкт, не только понижает необходимый порог раздражения. Оно действует гораздо глубже, вызывая в организме как целом состояние беспокойства и стремление к поиску соответствующих возбудителей. Это состояние называется поисковым (*Appetenzverhalten*). В простейших случаях оно может выразиться в беспорядочном беге, полете или плавании. Однако формы его не жестки и не наследуемы. Наоборот, именно в этом месте обычно возникают действия, основанные на обучении и приводящие иногда к поведению, основанному на понимании. Можно сказать, что в поисковом состоянии животное подвергается обучению или дрессировке, в которой приманкой является включение соответствующих инстинктивных действий.

Например, добывание пищи у сокола в основном состоит из инстинктивных действий. Поисковое состояние ограничивается попытками «наугад», носящими чисто случайный характер и имеющими целью найти возбудитель, включающий сложные и многообразные и инстинктивные действия преследования добычи. После этого субъективная цель животного достигнута. Следующие действия являются чисто инстинктивными. С другой

стороны, у человека почти вся деятельность добычи пропитания относится к области состояния поиска и состоит из целенаправленных действий, основанных на понимании. Инстинктивными остаются только действия жевания, слюноотделения и глотания. Именно они связаны с чувством удовольствия. При этом именно те возбудители, которые в состоянии особенно хорошо включить эти действия, являются лучшими возбудителями аппетита: глотание устриц, пережевывание хрустящего хлеба и т. д. Таким образом, и здесь субъективной целью является возбуждение инстинктивных действий, а не та цель (насыщение), в которой содержится биологический смысл всей деятельности.

По аналогии с ощущениями человека и на основании наблюдений над поведением животных можно заключить, что инстинктивные действия связаны с сильными эмоциональными переживаниями. Видимо, состояние поиска всегда имеет яркую эмоциональную окраску, являющуюся его субъективным стимулом.

По-видимому, роль инстинктивных действий заключается в том, что они дают возможность животному решать задачи, намного превышающие ассоциативные возможности его интеллекта. Именно поэтому никогда не встречаются вместе, для решения одной и той же задачи, инстинктивные действия и поведение, основанное на обучении. Если животное способно решать данную задачу на основе обучения, то благодаря пластичности этого решения оно будет несравненно эффективнее.

Весьма вероятно, что наличие инстинктивных реакций часто тормозит выработку поведения, основанного на обучении. Достаточно взглянуть на поведение в других отношениях самокритичного и ясно мыслящего человека

при решении задачи выбора невесты, которую он решает при помощи инстинктивных реакций влюбления.

§ 2. Ритуалы

Джулиан Гексли первый обратил внимание на инстинктивные действия особого типа, которые назвал ритуалами. Так называется инстинктивное действие группы (минимум двух) животных, использующих в качестве материала переосмысленное другое, эволюционно более древнее действие (или систему их), относящееся к совершенно иному кругу жизнедеятельности.

Например, различные формы токования у кур, павлинов и фазанов имеют смысл «ухаживания», но выражаются движениями, которыми самец подзывает самку к корму (иногда очень схематизированными). Наименее ритуализированы эти действия у домашних кур. Петух перебирает ногами и с характерными криками делает клевательные движения. На них подбегает самка, которая начинает перед ним клевать. Ритуализированность проявляется только в том, что те же действия производятся, если поблизости нет никакого корма. Петух клюет тогда любые мелкие предметы. У фазанов самец нагибается с распушенным хвостом глубоко до земли и клюет землю. Когда подбегает самка, он застывает в «экстазе» и только хвост продолжает мерные движения. У павлинов ритуализация продвинулась так далеко, что трудно разглядеть первоначальную основу. Самец распускает хвост и делает несколько шагов назад. Потом он наклоняет хвост вперед и показывает клювом на определенную точку на земле, вытягивая шею. Однако молодые самцы при этом еще клюют землю.

Связь кормления с ритуальными ухаживаниями встречается исключительно часто. Особенно широ-

ко распространена ритуализация действий кормления птенцов. Многие певчие птицы в период тока кормят друг друга, как будто партнер – птенец. Он тогда делает движения крыльями, которыми птенцы выпрашивают еду у родителей. Даже у кукушек, которые вообще не кормят птенцов, встречается взаимное кормление как элемент токования. У шакалов, волков и собак детеныши выпрашивают еду у родителей, толкая их мордой. Эти же толчки в угол рта ритуализируются у взрослых в приветствия. У шимпанзе родители кормят детенышей пережеванной пищей. Взрослые приветствуют друг друга поцелуем.

Ритуализация действий другого типа связана с ритуалом «натравливания» у уток. Неритуализированные действия возникают при столкновении супружеской пары уток (селезня и утки) с другой парой или уткой. Часто утка, увлеченная своей агрессивностью, бросается слишком далеко вперед и, испугавшись, возвращается под защиту селезня. При этом она поворачивает голову назад, по направлению к противнику и грозит ему. Эти действия пластичны и подвержены видоизменениям, зависящим от степени интенсивности взаимодействующих инстинктов – страха и агрессивности. Они вызывают у селезня естественную реакцию – он заражается агрессивностью утки, и его готовность участвовать в столкновении повышается.

В наиболее ритуализированной форме «натравливание» является «предложением» утки образовать брачную пару с селезнем. Действия приняли совершенно жесткий, однозначный характер. Утка плывет за селезнем и производит ритмические движения поворота шеи и головы то влево, то вправо. В случае согласия селезень отвечает так же ритуализированными действиями «питья и символической чистки перьев». Между этими

двумя крайними формами имеется ряд промежуточных ступеней, благодаря которым только и можно догадаться о связи между ними.

Тот же ритуал «натравливания» выполняется и после образования пары и служит ее укреплению. Если селезень и утка разлучены, так что связывающие их узы ослабли, при встрече они особенно долго и интенсивно выполняют этот ритуал. Было бы неправильно рассматривать ритуал «натравливания» как выражение любви утки или того, что она отдает себя селезню. Ритуал превращается в независимое инстинктивное действие и является не побочным продуктом, не выражением связи между животными, а самой связью. Как и всякое инстинктивное действие, он связан с соответствующим состоянием поиска, которое возникает, если отсутствуют стимулы, вызывающие ритуал.

Гексли использовал термин «ритуал», чтобы подчеркнуть общность человеческих и животных ритуалов. Конечно, между ними есть глубокое принципиальное различие, так как человеческие ритуалы передаются традицией и каждый человек обучается им заново. Тем не менее у людей и животных ритуалы играют функционально одну и ту же роль. Этим объясняется наличие у них ряда общих черт: цепь действий, связывающих группу и внешний объект, изменяет свою функцию и становится сигналом, сообщением внутри группы; длинная цепь действий, носящих пластичный, допускающий изменения характер, превращается в жесткий, однозначный символ. Отдельные элементарные действия теряют свою изменчивость, окостеневают. Ради увеличения действенности символа, отдельные элементарные ритуалы подчеркиваются, утрируются или же их действие усиливается ритмическим повторением. Некоторые элементарные действия, существовавшие в

неритуализированной форме, выпадают или сохраняются в символическом виде. Эти черты придают ритуалу характер театральности, представления.

Это сходство доходит до поразительных параллелей между животными и человеческими ритуалами. Например, между ритуалами волчьей стаи, предшествующими охоте на крупного зверя, когда волки ритмически движутся, соприкасаясь носами, и охотничьими танцами первобытных. Или между ритуалом поднесения брачных подарков, существующим у многих насекомых и птиц, и человеческими брачными ритуалами.

Из этих параллелей можно сделать вывод, что у животных, как и у людей, выполнение ритуалов связано с особым подъемом эмоций, «теплотой чувств», знакомых всякому, кто украшал Рождественскую елку или свой дом в день Троицы зелеными ветками, и которое достигает особой силы в связи с ритуалами, священными для некоторой человеческой группы. Это подтверждается интенсивностью состояния поиска, которое возникает, если выполнение ритуала становится по какой-либо причине невозможным.

§ 3. Агрессивность

Кажется, что образец агрессивности – это отношение хищника к жертве. На самом деле, поведение охотящегося хищника лишено всех типичных черт агрессивности. Это может видеть всякий, чья собака «мышкует» в поле, – она заинтересованно помахивает хвостом, морда не оскалена. Совсем иначе выглядят собаки в драке. Чаще всего агрессивность и проявляется между особями одного вида. Очень ярко она проявляется в связи с наличием у животных «территории». С тех пор как это явление было открыто в 1920 г. Говардом у птиц, стало

известно, что оно распространено очень широко. Многие животные рассматривают часть своего жизненного пространства как свою территорию, которую они защищают и определенным образом отмечают. Территорией могут обладать как индивидуальные животные (это имеет место у большинства хищников), так и общества животных – стаи или стада. При проникновении животного того же вида на его территорию «хозяин» оказывает ему сопротивление, которое тем яростнее, чем ближе место столкновения к центру территории. Наоборот, на чужой территории животное обладает повышенной склонностью к бегству, его агрессивность понижается. (Это используют дрессировщики, которые всегда входят в клетку сами, прежде чем впустить туда животных. Таким образом, животные находятся на «чужой территории» и их агрессивность подавляется.) Собственно говоря, территория животного является вторичным понятием, производным от агрессивности. Это – место максимальной агрессивности животного, которая сама очень переменна и зависит от ряда факторов: есть ли у него потомство, находится ли оно в периоде спаривания и т. д.

Как полагает Лоренц, агрессивность – типичный инстинкт (хотя не все биологи с ним согласны). Для доказательства он и его сотрудники приводят ряд экспериментов, в основном с животными, воспитанными изолированно, у которых агрессивность по отношению к особям своего вида не могла выработаться путем научения. Так, изолированно воспитанные крысы и мыши еще агрессивнее, чем те, которые выросли в обществе. Они немедленно атакуют себе подобных, используя типичные для своего вида приемы угрозы и атаки. Агрессивность обладает всеми чертами, свойственными инстинкту, которые мы описали в предшествующих параграфах. Например, спонтанность и понижение порога раздражения

легко наблюдать, если воспитывать в аквариуме рыбок различных видов, обладающих высокой агрессивностью. При наличии в аквариуме рыбок того же вида, атаки направляются на них. Если их изъять, то рыбка бросается на рыб других видов, на которых она раньше не реагировала (и которые биологически не являются ее конкурентами), причем постепенно на все менее и менее похожих. Полное отсутствие рыб того же вида может даже направить агрессию самца на самку, с которой он образует пару. Агрессивность выполняет ряд функций первоочередной важности для вида. Так, агрессивностью поддерживается территория. Более слабое животное может отстоять свою территорию от более сильного, так как «у себя дома» оно агрессивнее, а значит, и сильнее. Наличие же территорий исключительно важно для того, чтобы особи одного вида расселялись равномерно, не создавая конкуренции друг для друга.

Другой фактор был указан еще Дарвином – в результате боев между соперничающими самцами сильнейший приобретает самку и оставляет потомство. Так производится отбор особенно сильных самцов, играющих роль защитников и руководителей в стадах и стаях. Таким образом отбираются, например, самцы в стадах павианов, которые при любой опасности стеной окружают более слабую часть стада.

Очевидна роль агрессивности, готовности самоотверженно бросаться в бой, для защиты потомства. Эта функция особенно выпукло подчеркивается тем, что у животных, у которых один пол берет на себя заботу о потомстве, именно этот пол ярко агрессивен. У колюшки это самцы, у карликовых окуней – самки.

Агрессивность связана с одним из основных свойств животных обществ – наличием в них иерархии – важнейшего механизма, придающего им устойчивость. Смысл

ее в том, что каждый из членов общества знает, кто сильнее, а кто слабее его и, следовательно, кто кому должен без столкновений уступать в еде, борьбе за самок и т. д. Иерархия устанавливается в группе животных очень быстро, после очень небольшого числа стычек, часто совсем без них. Иногда она приводит к полному упорядочению всей группы – выделение старшей альфы, следующей за ней беты и т. д., кончая последней омегой. Иногда же выделяется группа альфа, группа бета, группа омега.

Явление иерархии распространено исключительно широко и во многих отношениях полезно для вида. Во-первых, оно уменьшает число столкновений в обществе, препятствует его распаду. При этом не подавляется необходимая для общества агрессивность по отношению к «чужакам» – животным, не входящим в группу. Во-вторых, с высоким положением в иерархии связан авторитет, поведение высоко стоящего в иерархии животного гораздо больше влияет на поведение группы, чем поведение низко стоящего. Например, если молодая галка испугается, ее крики не окажут никакого действия на стаю, если же взлетит старая галка «высокого ранга», то вся стая последует за ней. Ирвен де Вор описывает, как стадо павианов в открытой саванне оказалось в близости льва. Молодые самцы сейчас же окружили стадо, а седой, беззубый вожак один разведкал местоположение льва, нашел безопасный путь и вывел стадо.

Вернемся к связи иерархии и агрессивности. В обществе животных происходят непрерывные столкновения в борьбе за повышение статуса в иерархии, причем агрессивность проявляется сильнее всего между особями с близким статусом. В стычки вовлекаются и другие животные, и вот для альфы в столкновении двух ниже стоящих особей врагом естественно становится сильнейший, т. е. сильные защищают слабых членов общества.

С другой стороны, как мы знаем по своему опыту, агрессивность способна разрушить общество и существует много механизмов, нейтрализующих эти ее проявления.

Например, крысы одной стаи обладают общим запахом, который подавляет агрессивность между ними. Стоит изолировать крысу от стаи всего на несколько дней, как она теряет этот запах. Если ее вернуть в стаю, она подвергнется немедленной ожесточенной атаке, как любая чужая стае крыса.

В этой связи вырабатывается поведение, называемое Лоренцом «моралеподобным». Стимулы его, конечно, отличны от человеческой морали – они ближе к табу первобытных обществ – но функция та же.

Ярким примером являются так называемые турниры. Их цель – выяснить, какой из двух соперников является сильнейшим, и в то же время воспрепятствовать тому, чтобы слабейший получил слишком большие повреждения. Тут выработана целая гамма механизмов поведения. Так, многие рыбы долго демонстрируют себя друг другу, растопырив плавники, приняв позу, подчеркивающую их размеры. В результате более слабый, убедившись в превосходстве противника, имеет возможность уклониться от боя.

Сильно ритуализированный турнир оленей состоит из двух фаз. Первая заключается, как и у рыб, в «демонстрации», причем противники проходят друг перед другом, опуская и подымая рога. Во второй фазе они сплетаются рогами и толкают друг друга. Иногда один из оленей готов перейти ко второй фазе раньше другого, и тогда его рога оказываются против незащищенного бока противника. Но он тут же останавливается как вкопанный, потом подымает рога и опять начинает «демонстрацию», пока оба противника одновременно не перейдут ко второй фазе турнира.

Такого рода торможения встречаются далеко не только в связи с турнирами. Например, они обеспечивают то, что взрослые члены группы не нападают на молодых. Например, птенцы затормаживают агрессивность родителей своими криками. В эксперименте оглушенные индюшки мгновенно убивали своих птенцов. То же подтвердили опыты с приманками: если спустить на нитке в гнездо чучело птенца, птица его яростно атакует, но стоит включить записанный на пленку писк птенца, как нападение внезапно останавливается мощным торможением.

Такого же типа торможения препятствуют нападению на «слабый пол» – большей частью на самок. Это хорошо известно всем в отношении собак. То же имеет место и для волков. У некоторых насекомых «слабым полом» являются самцы – самки значительно сильнее и больше. Они могут представлять для самца серьезную опасность. Например, самки богомола часто поедают самца в момент оплодотворения. Выработанный здесь механизм – это «поднесение подарка». Самец подносит самке что-либо съедобное и тем отвлекает в нужный момент ее внимание. Это поведение дало начало ритуалу, т. е. превратилось в символ, причем подарок может уже и не содержать ничего съестного. Ритуал поднесения свадебных подарков широко распространен, причем не только среди насекомых, но и среди птиц.

Действия, вызывающие торможение агрессии, называются действиями умиротворения. Иногда они носят очень драматический характер. Например, во время самой жестокой схватки собак или волков побежденный застывает, отворачивая морду от противника и подставляя ему яремную жилу – т. е. то место, за которое они обычно и пытаются друг друга схватить. Эффект оказывается мгновенный – победитель дрожит от возбуждения, щелкает зубами в воздухе, но не может схватить побежденного.

В человеческом поведении можно выделить ряд действий умиротворения. Например, склонение головы как жест преданности очень близко описанным выше действиям умиротворения волков. Лоренц считает действием умиротворения и евангельское «подставление ланита».

Характер ряда действий умиротворения связан с описанными выше мощными стимулами, тормозящими агрессивность против самок или потомства. Соответствующие действия имитируют или позы самок в процессе копуляции, или инфантильное поведение, хотя в новой своей функции эти сильно ритуализированные действия не имеют ничего общего ни с продолжением рода, ни с воспитанием потомства. К первому типу принадлежат, например, «позы покорности» у многих обезьян, особенно павианов. Это чисто врожденные инстинктивные действия. Совсем маленькая ручная обезьянка, испугавшись новых стульев, внесенных в комнату, прodelывает по отношению к каждому из них церемонию «подставления». Эти действия прodelываются совершенно безразлично как самками, так и самцами, и понимаются как ими, так и теми, к которым они адресуются, как символы покорности.

Инфантильное поведение как действие умиротворения распространено особенно широко. Им является, например, облизывание уголка рта у собак – это имитация жеста, которым щенки просят пищи.

Описанные выше церемонии умиротворения образуют гибкий язык и могут выражать тонкие нюансы отношений. В частности, они могут служить и укреплению связи между двумя равноправными членами группы, выражая «дружественные» отношения, как вежливые люди пишут в конце письма «Ваш покорный слуга», хотя ни один из них не считает себя ниже другого. Эти действия особенно часто возникают, если члены груп-

пы некоторое время не виделись и связь между ними ослабла. Поэтому они называются приветствиями. Например, аисты, приветствуя друг друга, кладут клюв на спину. Приветствия волков обладают такими тонкими нюансами, что их исследователь Мури не мог на основании их заключить об отношениях иерархии между участниками церемонии. Пожатие рук у обезьян играет такую же роль. У них его происхождение яснее, чем у людей – одна из обезьян подает руку тем же жестом (ладонью вверх), которым их детеныши выпрашивают пищу. Поцелуи обезьян при встрече происходят так же от кормления детенышей.

Конечно, ряд приветствий у людей имеет то же происхождение. Это бросается в глаза в связи со снятием шляпы – которое имитирует снятие шлема. Очень важным действием умиротворения у людей, которое так же используется как приветствие, является улыбка и смех, которые, кстати, встречаются и у обезьян.

Улыбка уменьшает напряженность, совместный смех устанавливает дружественную атмосферу. Улыбаются, когда приносят извинения. Когда испуганный человек нервно смеется, его поведения аналогично поведению обезьянки, подставляющей свою заднюю часть стульям. Дальше мы еще вернемся к интересному анализу смеха.

Указанные выше формы поведения лишь уменьшают или ограничивают действие агрессивности. Самый же мощный фактор, переориентирующий агрессивность в направлении укрепления сообществ, будет описан в следующем параграфе.

§ 4. Индивидуальная связь

Теперь описаны все понятия, необходимые для того, чтобы изложить центральную идею той теории,

описанию которой посвящена эта работа. Речь идет о происхождении одного из важнейших творений Природы – индивидуальной связи между животными, из которой в конце концов возникла и человеческая дружба, и любовь, и сострадание.

Далеко не все животные, даже общественные, различают друг друга индивидуально. Но уже у рыб это явление можно обнаружить экспериментально. Для этого достаточно взять две пары рыбок одинаковой породы, находящихся в одной фазе цикла воспроизведения потомства, и поменять местами самок. У некоторых видов самцы на замену никак не реагируют. Но, например, у цихлид (тропических родственников наших окуневых) реакция самца не вызывает сомнения: он согласен образовать пару лишь с индивидуальной, выбранной им раньше самкой. Опыты подробно описаны в переведенной книге Лоренца ([1], с. 42).

Но часто животные не просто знают друг друга индивидуально. Между ними существуют связи, во многом аналогичные связям привязанности, дружбы, любви между людьми. Эти связи настолько сильны, что часто сохраняются, несмотря на длительную разлуку. Если животные насильственно разлучаются, они приобретают все признаки «несчастья». С громкими призывными криками животное бродит, ища дни и ночи напролет своего «друга». Особенно ярко это видно на примере серого гуся – классического объекта наблюдений Лоренца и его учеников. Если гусь теряет своего сотоварища, с которым он связан узами «дружбы», это сразу меняет все его поведение. Его способность постоять за себя резко падает. Он часто вообще не оказывает сопротивления нападающим на него гусям и убегает от самых слабых членов стаи. Вскоре он занимает одно из самых низких мест в иерархии всей гусиной колонии. Даже выражение

лица его меняется. В особенности окружение глаз, главным образом под глазами, претерпевает в точности то же изменение, которое у людей создает впечатление несчастного выражения лица.

Для того чтобы понять структуру и происхождение таких индивидуальных связей, рассмотрим простейший пример – отношения между самцом и самкой у ряда коралловых рыбок. Эти животные исключительно агрессивны и яростно бросаются на любого представителя своего вида, приближающегося к их территории. С другой стороны, чтобы дать жизнь потомству, они должны встретиться в гнезде самца. Возникает на первый взгляд неразрешимая задача – как блокировать агрессивность самца в ситуации, которая должна вызывать наиболее мощный взрыв агрессивности – когда другая рыба того же вида приближается к самому центру его территории. Наблюдения говорят, что это достигается при помощи сложного ритуала танца. Видно, что решение дается нелегко – бывают случаи, когда танец может закончиться атакой на самку. Но и в благоприятном случае движения самца очень напоминают действия угрозы и нападения, а движения самки – действия страха и бегства. В ритуализированной, утрированной форме самец атакует самку – но с одним отличием – он направляет свою атаку не на нее, а на «воображаемого противника» рядом с ней. (Таким образом, мы имеем здесь дело с явлением «переадресованной реакции». Оно каждому известно на примере рассерженного человека, который ударяет кулаком по столу – вместо лица своего оппонента.) Погрешив антропоморфизмом, можно так перевести смысл этого ритуала на человеческий язык: «Я храбр, силен и воинствен, но не по отношению к тебе, а к нашему общему врагу». Танец явно оказывает умиротворяющее действие на агрессивность самца

и уменьшает готовность к бегству самки. Но для того, чтобы сосуществование было возможным, его необходимо повторять. Он становится ритуалом, т. е. врожденным инстинктом. Он обладает, следовательно, способностью вызывать состояние поиска, цель которого найти соответствующие стимулы, а это для каждого из супругов – его партнер. Зная, какова сила и эмоциональная окрашенность состояния поиска, мы можем понять, что супруги становятся необходимыми друг для друга. При этом каждый из них в состоянии выполнять ритуал только со своим партнером. Так в простейшем случае образуется индивидуальная связь между двумя животными. По мнению Лоренца, было бы неправильной антропоморфизацией считать, что ритуал танца является выражением связи между рыбками – он является самой связью, тем, что их связывает и влечет друг к другу.

Этот пример иллюстрирует общую концепцию Лоренца: индивидуальная связь между животными – это ритуал умиротворяющего характера, причем такой, в котором первоначальное, неритуализированное действие, на базе которого возник ритуал, служило выражению агрессивности.

Таким образом, создавая сообщества животных, природа не подавила, не уничтожила инстинкт агрессивности, который, казалось бы, мог эти сообщества разрушить. Она не только сохранила агрессивность и все ее полезные для сообщества функции, но и переориентировала ее в ритуал, превратившийся в связь, объединяющую животных. Вряд ли возможно более красивое решение!

Ярким примером является ритуал диких гусей, который Хайнрот назвал «торжествующим криком» (Triumphgeschrei). Он состоит из двух частей. В первой части один из двух участвующих в церемонии партне-

ров (более сильный) совершает символическое нападение на «подставного» врага. При этом он издает угрожающие звуки, так называемое грохотание. Во второй части гусь возвращается к своему партнеру. При этом он издает тихое гоготанье и совершает действия, чрезвычайно похожие на действия угрозы. Они отличаются от последних только тем, что направлены не прямо на партнера, а немного в сторону.

Если у коралловых рыб описанный выше ритуал танца тесно связан с образованием супружеской пары, то «торжествующий крик» гусей играет совершенно независимую роль. Эта связь часто устанавливается, когда гусь и гусыня образуют пару и может предшествовать обручению (т. е. согласию образовать такую пару, которое на год предшествует оплодотворению и выведению потомства). Но супружеская пара может образоваться и без такой связи, однако тогда у нее больше шансов распаться. В связь, устанавливаемую общим выполнением церемонии «торжественного крика», включаются и птенцы, так что она охватывает всю семью. Новорожденный гусенок обладает уже действиями, составляющими основу ритуала «торжествующего крика», точнее соответствующими второй части ритуала. У птенцов эти действия имеют смысл умиротворяющих действий «приветствия» и только позже весь ритуал приобретает окончательную форму. Когда весной более взрослые пары готовятся к увеличению своего семейства, а более молодые – заняты ухаживанием, многие гуси, не имеющие пары, образуют группы, в которых развиваются связи, основанные на ритуале «торжествующего крика». Этот ритуал может связывать и двух гусаков, которые тогда благодаря взаимной поддержке обычно занимают высокое место в иерархии. Таким образом, этот ритуал пронизывает всю социальную жизнь гусей, является ее основой.

По-видимому, таково же происхождение индивидуальных связей, соединяющих людей. Надо, однако, предполагать, что в основе их лежит большое количество разнообразных ритуалов. Одним из них, по-видимому, являются смех и улыбка, о которых мы говорили выше. В смехе ясно заметен элемент агрессивности, выражающийся в обнажении зубов. На востоке, где приветственная улыбка, по-видимому, сохранила более архаичную форму, смотрят при этом не в глаза друг другу, а несколько в сторону – аналогично поведению коралловых рыб и гусей во второй стадии ритуала «торжествующего крика». Когда встречаются два долго не видевшихся друга, приветственная улыбка часто переходит в громкий смех. Аналогично после долгой разлуки гуси впадают в вакханалию «торжествующего крика». В обоих случаях необходимо укрепить связи, ослабленные длительной разлукой. Наконец, ритмические звуки, издаваемые при смехе, напоминают звуки, которыми многие приматы угрожают общему врагу группы. Смех имеет аналогичный чисто агрессивный эквивалент – высмеивание.

§ 5. Взгляд на человеческое общество

В заключение – о тех взглядах Лоренца, которые чаще всего встречают возражения. Речь идет о применении его концепций к человеческому обществу. Критики упрекают его в недооценке колоссальной пропасти, отделяющей человека от животных. Лоренц возражает, что он вполне это осознает, а вот его противники не отдают себе отчета в том, как много черт человеческой психики получено в наследство от животных предков – причем глубинных и высоко нами ценимых черт.

По мнению Лоренца, человечество находится в трагической ситуации. У любого животного органы

его нападения и присущие ему механизмы торможения агрессии находятся в равновесии. Волк легко может убить в схватке своего соперника, но он обладает и безотказными действиями умиротворения. Заяц не имеет зубов волка, у него нет и механизмов торможения агрессии. У человека же это равновесие нарушено искусственно изготовленными орудиями. Лоренц сравнивает человека с зайцем, который приобрел зубы волка. Как животное человек был снабжен вполне достаточным запасом умиротворительных реакций. К ним относятся – действие криков боли, страдальческого выражения лица, отвращение, вызываемое видом крови, разбрызганных мозгов. Очень немногие люди способны убить человека теми средствами, которые врождены человеку, что свидетельствует о надежности этих механизмов. Уже изобретение ручного рубила нарушило это равновесие. Человек приобрел орудие, о котором его инстинктивная сфера просто не знала и которым он мог убить врага, прежде чем тот криками или другими действиями умиротворения успел бы включить врожденные механизмы. Еще больше этот эффект усилился, когда стало возможным убить человека даже не видя его, нажав на кнопку или подписав список приговоренных к расстрелу.

Естественно, что параллельно развитию оружия естественный отбор вырабатывал и в человеческом обществе, как и в животных обществах, механизмы, блокирующие агрессивность. Целый ряд типичных для животных механизмов вмонтирован и в человеческую психику и культуру. Например, умиротворяющие действия, связанные с капитуляцией, – снятие шлема, бросание на землю меча и функционально аналогичны и внешне исключительно похожи на соответствующие действия животных.

И наконец, человечество выработало новое оружие против агрессивности – сознательную мораль и чувство ответственности.

К несчастью, развитие инстинктивных действий, тормозящих агрессивность, требует колоссальных масштабов времени. Конструирование же орудий, а особенно деятельность, основанная на распространении знаний при помощи языка и письменности, как и все действия, основанные на понимании, происходит исключительно быстро, скачкообразно.

В том же направлении действует и другой фактор – именно в социальном поведении животных (в том числе и человека) инстинкты играют гораздо большую роль, чем в таких действиях, как добыча пищи или строительство жилища. Например, галки узнают из опыта и путем обучения, какой пищей питаться, где ее искать, каких врагов опасаться, в каких местах и из какого материала строить гнезда. В этом отношении их поведение в деревнях и в городах совершенно различно. Но отношения их друг к другу внутри стаи ничем не различаются. Такого рода консерватизм социального поведения, объясняющийся его насыщенностью инстинктивными действиями, еще усугубляет разрыв между социальными инстинктивными действиями человека и требованиями, которые перед ними ставит его собственная жизнь.

Вторая причина того, что в человеческом обществе агрессивность вышла из-под контроля врожденных инстинктивных механизмов, также станет понятной, если применить общие соображения о действии инстинктов, которые были изложены раньше.

Как и всякий инстинкт, агрессивность обладает свойством спонтанности, с которым связано явление понижения порога возбуждения. В той форме, в кото-

рой агрессивность существует в современном человечестве, она является, по-видимому, результатом развития, имевшего место сотни тысяч лет назад, в эпоху палеолита. Когда человечество, благодаря оружию, одежде и своей социальной организации, победило угрожавшую ему опасность вымереть от голода, холода или от нападений крупных хищников, основным фактором отбора стала война за территорию между мелкими племенами. Выработанная таким способом агрессивность была нужна в то время человеку, чтобы помочь ему бросаться, забывая о себе, на защиту своего племени и семьи. В «нормальных», мирных условиях современного общества гораздо меньше возбудителей инстинкта агрессивности. Но тут вступает в действие закон понижения уровня возбуждения. Агрессивность может включаться в ответ на все более и более слабые возбудители. Более того, возникает соответствующее состояние поиска, возникает стремление найти «законный» объект для своей неотрагированной агрессивности. Так создается благодатная почва для войн и партийных распрей, на которой собирают свою жатву демагоги. Не обладая, конечно, теоретическими познаниями в психологии поведения, они идеально владеют его законами эмпирически, аналогично тому, как дрессировщики владеют законами поведения животных.

Согласно точке зрения многих социологов и психологов агрессивность современного человечества является следствием его болезненного развития, чем-то вроде патологического симптома. По мнению Лоренца, такая точка зрения, сколь мрачной она ни кажется, на самом деле недооценивает опасность агрессивности. Именно то, что агрессивность является не реакцией на определенные внешние условия, а спонтанным инстинктом, делают ее особенно опасной. Человечество не потому воин-

ственно и агрессивно, что оно разделено на враждующие государства и партии, оно именно потому так организовано, что эта социальная структура порождает возбудители, стимулирующие социальную агрессивность.

Исходя из этой точки зрения, будущее человечество может показаться безнадежным. Лоренц, однако, не придерживается такого взгляда. Человечество не в наше время впервые столкнулось с обсуждаемыми опасностями. Если представить себе нашего предка, исключительно возбудимого и получившего возможность убить своего ближнего одним ударом ручного рубила, кажется чудом, что человечество существует до сих пор. Однако оно находило средства для предотвращения разрушительного действия агрессивности. И прежде всего успех был связан с тем самым свойством человека, которое дало ему возможность создать оружие, – разумом, породившим сознательную мораль, чувство ответственности и понимание последствий своих действий. Опасность «анонимного» характера человеческого общества, где агрессивность должна блокироваться по отношению к незнакомым лично членам общества, также не нова для природы. В «анонимных» обществах развиваются групповые сигналы, например, запах стаи. Люди также обладают этой способностью идентифицировать себя с незнакомыми лично членами общества при помощи сигналов, которые могут быть абстрактными символами и идеалами.

Лоренц приводит впечатляющий пример исключительно важного инстинктивного действия, на котором видно, как функционируют все рассмотренные выше факторы. Это действие защиты своей общественной группы, которое сопровождается субъективным переживанием «воодушевления». Оно возникает в ситуациях, которые человек рассматривает как угрозу своей

семье, социальной группе или священным для него идеалам. Поведение это может быть охарактеризовано следующими чертами. Выпячивание груди, поднятие плеч, легкое выворачивание рук локтями вперед, сжатие кулаков, поднятие головы, выпячивание подбородка, сжатие челюстей, нахмуривание бровей, что создает знакомое «лицо героя». При этом по спине (и как показывают подробные наблюдения, по верхней части рук) пробегает холодок. Человек чувствует себя как бы вырванным из повседневной жизни, он готов оставить все, чтобы исполнить свой священный долг. Все критические способности ослабляются и аргументы против действий, к которым зовет инстинкт, не только не кажутся действенными, но представляются низменными и бесчестными. Этому состоянию способствует музыка, пение, громкие крики.

Во всех деталях аналогичное поведение можно наблюдать у шимпанзе, когда враг угрожает его семье или социальной группе. Занимаемые при этом позы являются типичной «демонстрацией», цель которой казаться больше и страшнее для врага. С этой же целью несколько сгибаются и выворачиваются руки – чтобы повернуть их наиболее волосатой частью и казаться больше. У человека этот жест является рудиментом. Наконец, «священный трепет» происходит от того, что волосы на спине и плечах становятся дыбом в целях той же «демонстрации». У человека это также почти рудимент. Что касается до пения, то и шимпанзе издают в этом состоянии ритмические звуки.

Сказанное выше вовсе не имеет целью представить «воодушевление» низменным или постыдным состоянием – именно в этом состоянии люди совершают многие из благороднейших поступков. В число возбудителей «состояния воодушевления» была в процессе

истории включена и угроза весьма абстрактным идеалам: родине, вере...

И, наконец, самым сильным духовным оружием человеческого общества является тот процесс переориентации агрессивных действий в связи, объединяющие людей, который мы описали в предшествующем параграфе.

Заключение

Этология, как мне кажется, дает возможность с новой и очень важной точки зрения взглянуть на человеческое общество. И далеко не потому лишь, что люди несут в себе громадное наследие своих животных предков. А в первую очередь «по аналогии», как проявление единства тех форм организации живого, которые использует Природа (а человеческое общество – несомненно, нечто живое). Как бы не объяснять это единство: как результат единого механизма отбора, лежащего в основе эволюции, как проявление – согласно идее Агассиза – мышления Божества или каким-то иным образом. Сейчас нам предлагают в качестве модели обычно нечто мертвое, какую-то кибернетическую схему. А тут мы можем сравнить общество с живым сообществом, причем более простым (хотя бы количественно меньшим), более доступным анализу. И сразу же открывается множество поразительно красивых, нетривиальных феноменов, имеющих параллели и в человеческом обществе.

Прежде всего это – разделение форм поведения на приобретенные обучением и инстинктивные. Причем инстинктивные действия связаны с мощным эмоциональным подъемом, относятся к важнейшим областям жизни и предлагают решения, которые можно было бы объяснить разве что работой сверхмощного интеллекта. Аналогично в человеческом обществе существует

громадная область «норм поведения», регулирующих основные стороны общественной жизни и возникающих не в результате рационального осмысления проблемы, непонятным для исследователей путем. И в то же время они воспринимаются как нечто безусловно истинное, вызывают мощный подъем чувств, их рациональная критика отталкивается. Сюда относятся: мораль, религия (вплоть до самых первобытных форм), множество социальных концепций и учений. Одним из самых поразительных примеров таких «норм поведения» является «экзогамия» – система иногда очень сложных брачных запретов, препятствующих бракам между близкими родственниками в первобытных обществах. Конечно, первобытные не имели представления о вредных генетических последствиях кровнородственных браков: их запреты носили характер табу. Из более современных явлений социализм, как мне кажется, обладает рядом признаков инстинкта: он вызывает прилив эмоций, не реагирует на критику, легко примиряется с грубыми логическими противоречиями, игнорирует опыт предшествующих попыток воплощения этой доктрины.

Духу описанных выше экологических концепций соответствует и процесс установления современной парламентской демократии. Это произошло в Англии в результате двух революций (1640–1660 гг. и 1688 г.). Возникшие две партии – вигов и тори – были наследниками враждующих сторон в гражданской войне – «круглоголовых» пуритан и «кавалеров»-монархистов. Но гражданская война приобрела «ритуализированную» форму партийной борьбы, и возникла система выборов, построенная по принципу животных «турниров». Агрессивность обеих партий не была подавлена, но переориентирована в полезном для общества направ-

лении. С другой стороны, и монархия не была уничтожена, но приняла ритуальный характер. В таком качестве она оказалась связью, объединяющей весь народ, символом его любви к своему государству. Вряд ли случайно, что страны, в которых политическая жизнь наиболее устойчива, – это те, которые в конституционной форме сохранили монархический строй – такие, как Англия, Швеция, Норвегия. В своих мемуарах Черчилль высказывает предположение, что судьба Германии могла бы быть другой, если бы в ней в 1918 г. была сохранена монархия.

Тот же круг проблем лежит, как мне кажется, в основе одного из величайших произведений литературы: трилогии Эсхила «Орестея». Содержание ее такое: сын Агамемнона Орест по приказу Аполлона убивает свою мать Клитемнестру, чтобы отомстить за своего отца, которого она убила. Ореста преследуют богини мести Эринии: чудовищные демоны, рождающиеся из крови убитого, со смрадным дыханием, кровью, капающей из глаз. Эринии настигают Ореста в Афинах у храма Афины Паллады. На помощь ему являются Аполлон и Афина. Все соглашаются выбрать в качестве третьейского судьи афинский совет старейшин – Ареопаг. Ареопаг очищает Ореста от греха убийства, и разгневанные Эринии грозят послать за это голод и мор на город. Но Афина уговаривает их согласиться на неожиданное решение. Эринии остаются жить в Афинах, но превращаются из страшных богинь мести в «благодетельниц» – Эвменид, дарующих счастье и охраняющих законы. Афина говорит им:

Заботливый садовник и взыскательный,
Я доблестных и добрых цвет и рост люблю.
Об этом вам забота.

Кончается трагедия хорами, в которых Эвмениды призывают на город счастье и «заговаривают» его от зла:

Братья пусть братьев не губят,
Требуя крови за кровь.
Радость в отплату за радость,
Дело общее любить,
Ненавидеть единым сердцем,
Лучше нет лекарства для людей.

Предлагалось много интерпретаций трилогии. Здесь можно видеть торжество закона над кровной мстостью. Немецкий филолог Баховен толковал ее как отражение процесса замены материнского рода отцовским. Естественно связать ее с современной Эсхилу политической борьбой: аристократического Ареопага с демократическим народным собранием. Ясно, что в трилогии идет речь об основоположной драме жизни: замене старого новым. И главный принцип – превращения мстительниц Эриний в благодетельниц Эвменид – совпадает с основной идеей Лоренца о превращении инстинкта агрессии в укрепляющую общество связь. Нужно ли говорить, как важно нам, именно сейчас, продумать эти идеи? Как нам важно превратить порожденных нашей историей Эриний – в Эвменид!

Написано в 1967 году.

ПО ЭТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА

– У меня такое предложение: может быть, я сначала рассказал бы историю того, как я пришел к этим проблемам, а на этой базе Вам было бы легче задавать вопросы.

– Конечно, пожалуйста.

– Началось все с того, что с юношеских лет меня, как и многих других молодых людей, интересовало, что же за странная трагедия происходит с нашей страной. Какой в этом есть смысл, как это вообще вписывается в мировой исторический процесс? В частности, построение у нас первого в мире социалистического государства. И я помню, что первым толчком к определенному повороту в моих размышлениях послужил глупый анекдот, который я и вспомнить хорошо не могу, из ответов «армянского радио». Спрашивают: стоит ли бороться за построение коммунизма во всем мире? Отвечают: все-таки одну страну надо оставить, чтобы хлеб покупать. И я подумал, что, действительно, пожалуй, этот идеал социализма таков, что, глобально осуществив его, общество может и даже должно погибнуть. И тут я поставил себе такой вопрос: а в чем же причина? Что это, так сказать, ошибка в проекте или в каком-то смысле это в самом проекте и заложено? У нас у всех была распространена первая точка зрения. Она была в разных вариантах, что Ленин пошел не по пути Маркса, а по пути русского нигилизма и терроризма, что Сталин извратил концепцию Ленина, что и Маркс был не прав, он во многом примитивизировал идеалы социализма и т. д. А вот идеалы были хороши: это, собственно говоря, была вечная мечта человечества о справедливом идеальном обществе. От нее, мол, никуда не денешься.

Я и раньше читал с интересом то, что называлось произведениями утопического социализма, но тут я начал их систематически изучать и был просто потрясен. Какая там неудача в проекте? Их считают утопическими потому, что эти люди были якобы слишком непрактичны, прекраснодушны. В своих проектах они формулировали идеалы, в которые наша греховная жизнь

не укладывается, которые были слишком хороши для нее. В последние столетия стал переноситься центр тяжести на то, как конкретно эти идеалы осуществить: опираться на пролетариат или другие силы. А недостаток «утопистов» был в том, что они не думали о реальных путях осуществления их идеалов, а только их декларировали. А когда я начал их внимательно читать, то увидел, что от начала и до конца они удивительно повторяют одно и то же. Это поразительно. Конечно, тут есть передающаяся традиция, но удивительно, насколько она не развивалась. Концепция социалистического государства была в «Республике» Платона изложена так, что к ней ничего не удалось прибавить вплоть до красных кхмеров. Все это просто повторяется от одного к другому. И если посмотришь, что же именно повторяется, то видишь: какое там справедливое общество! Это просто кошмар какой-то. Все люди становятся пожизненными зеками. Это описание концлагеря. Человек лишается всего того, что, с точки зрения нормального человека, составляет радость, красоту, привлекательность жизни: материнской ласки, отцовского авторитета, товарищеской дружбы, влюбленности мужчины и женщины, воспитания своих детей, чувства собственного дома, выбора в своей работе, так чтобы работа превращалась во что-то творческое, любая работа – крестьянский труд или труд поэта. Все это у человека отнимается. Вся его жизнь превращается в сплошную каторжную тюрьму, в которой заставляют перетаскивать камни из одного конца двора в другой. И те, кто этот идеал создавали, чрезвычайно ясно понимали, что люди сами не пойдут на это, что нужно продумать методы, которыми их можно заставить. Платон говорит, что и врачи должны быть включены в эту систему: кого лечить, а кого нет, а кому и помочь умереть. И Мор, и Кампанелла предусматри-

вают обращение в рабство и, конечно, смертную казнь. Причем очень продуманно, например, побиение камнями, так чтобы никто не считал себя после этого невиновным и не мог переложить свою вину на кого-то другого. Вот где уже были запланированы наши собрания, на которых каждый должен был клеймить преступника, требовать «смерти бешеным собакам», чтобы сам потом никогда отмыться не мог. Ведь фантазия, в отличие от жизни, совершенно свободна. Почему же под видом земного рая они, вместо всех возможных радостей, предлагают нам какой-то бредовый кошмар? Ясно, что таков именно и был идеал. Поучительны и неудачи попыток воплотить этот идеал: все время история заключалась в том, что и Парижская коммуна, и Мюнстерская коммуна пытались эти идеалы воплотить, а жизнь не поддавалась. И у нас, наш военный коммунизм – это, конечно, было попыткой полностью осуществить этот идеал. Это прямо написано и у Ленина, что это была сознательная попытка нескольких энтузиастов перейти к новому типу общества. И она не осуществилась, как и во всех других случаях, не потому что идеалы были слишком хороши, а потому что идеалы были слишком чудовищны. Потому что они приводили к уничтожению жизни, всех, и даже самих творцов, руководителей этого движения. А они всегда оказывались не на высоте. Среди них ни разу не нашлось таких, которые были бы настолько принципиальны, настолько бы любили свою идею, что сказали бы, что готовы погибнуть вместе с ней, лишь бы она реализовалась. И пожалуй, наиболее идеальная реализация – это красные кхмеры. Это уже было в мое время. Они действовали как по книжке, по какой-то социалистической утопии. В результате у меня возникло такое представление, что гибель, которая стоит в конце этого, не является случайным явлением.

Не верно, что ужас этого общества является каким-то извращением, что святое дело попало в руки нечистоплотных, жестоких людей и т. д., а все это заложено где-то в самой основе таких проектов.

Другая важнейшая сторона вопроса заключается в том, что Платон был кабинетным мыслителем. Известна его попытка осуществить свою идею (проект) у сиракузского тирана Дионисия. Тот над ним посмеялся, и, когда Платон ему объяснил, что философ всюду свободен, он его продал в рабство, чтобы он проверил это на себе. Тогда, в античности, эти идеи в жизни не реализовались. Но с какого-то времени можно увидеть зачатки этого раньше или позже, но эти идеалы становятся массовыми, становятся силой, они стали привлекать толпы людей. Появился совершенно другой тип людей – не кабинетные мыслители, не какой-то греческий философ или монах, а пропагандист, агитатор с невероятной энергией. Само прикосновение человека к этим концепциям снабжало его колоссальной энергией. Возьмем любого из них, ну хоть Маркса, Ленина, это были люди с просто колоссальной трудоспособностью. Сколько Ленин написал сочинений: 50 с лишним томов лет за 35, и ведь написание сочинений не было главным делом его жизни, большее время его дело имело совсем другой характер. То же самое и Маркс: какая колоссальная энергия в нем была заложена! У других она по-другому реализовалась, они скрывались, создавали ячейки, кружки, попадали на каторгу, бежали оттуда, звали на баррикады. У третьих она состоялась в том, что они на эти баррикады шли и гибли. Значит, в этом, в этой идее есть что-то для человека привлекательное. Это и был главный результат моих размышлений, до которого я дошел, его я изложил в книжке «Социализм как явление мировой истории». Там я все это собрал, сначала как это все укладывается исто-

рически. Потом как-то все это сопоставлял, развивал, а потом формулировал некоторые выводы.

Надо сказать, что я вообще не философ. Философские, а также богословские, абстрактные концепции как-то мне даются с трудом, мне трудно ими оперировать, они для меня слишком абстрактны. Я чувствую себя более уверенным, когда стою на почве каких-то фактов. Поэтому я и говорил не о проблеме зла вообще, хотя и имел ее в виду, а лишь в связи с проблемами социализма; понятно, что это в принципе связано с ней. По-видимому, в социалистических учениях и движениях играет роль какое-то чувство, которое лежит в их основе, для которого этот фатальный конец всеуничтожения не является чем-то отталкивающим, результатом, принесенным извне, ошибкой. Наоборот, именно он-то и способен людей привлекать. Мы привыкли к тому, что человека привлекает добро. Доброе дело само по себе содержит награду, что каждый чувствует на своем опыте. Но есть и какая-то другая привлекательность. В конце концов, гибель, смерть это есть крайнее зло, и в Евангелие так и говорится: Дьявол есть человекоубийца от начала. Это символ зла. Вот это величайшее воплощение зла, оно, видимо, способно людей привлекать и давать им силу. Оно привлекает по-другому и силу дает совершенно по-другому, чем добро, но тем не менее какими-то аналогичными качествами оно обладает. В книге я обсуждал это на примере социализма, и интересно, что я получил ряд откликов, которые дали мне новые аргументы, которые меня очень порадовали. Например, письмо от одного американца, который пишет: «Мне сначала эта идея показалась совершенно нелепой, а потом, когда я стал вдумываться, то мне показалось удивительным, что никто гораздо раньше ее не высказывал, настолько она лежит на поверхности. Например,

заметили ли вы у Оруэлла (я действительно этого не заметил) – в “1984-м”, он там говорит, что мир разделен между тремя державами: Океания, Вест-Азия и Ост-Азия. Мироззрение их в Океании называлось “англ-соц”, в Вест-Азии – “необольшевизм”, а в Ост-Азии – китайским словом, буквальный перевод которого означает “стремление к смерти”. Впрочем, они практически не отличаются друг от друга». Вот это и было, так сказать, отправной точкой всех моих размышлений.

– Мне думается, что Ваши рассуждения о проблеме зла, понимаемого как стремление к смерти, чрезвычайно интересны. Получается, что это направление, заложенное изначально, как нечто не благое для человека в системе его взглядов, в самой системе организации общества вроде бы и должно им осознаваться как очевидное зло, но тем не менее он как-то к этому стремится. Тема смерти сегодня популярна не только у нас, но и на Западе. Ну, например, тот же самый Камю. Для него же жизнь в наличном бытии абсурдна.

– Насколько я понимаю, весь экзистенциализм этим проникнут. Я ведь уже Вам жаловался на свою неспособность понимать философию. Я пробовал читать Хайдеггера. Он очень трудный для меня автор, так что среди непонятого для меня текста встречались только островки понятного. Я читал его «Бытие и время» – его основное сочинение. И у меня сложилось впечатление, что это какая-то философия смерти. Что для него «ничто», «небытие» есть главная реальность, истинное, это то, что реально создает как какой-то свой отпечаток – бытие. Оно его ограничивает со всех сторон, а то, что осталось, это и есть бытие. То же самое и у Сартра, который на меня произвел впечатление какой-то тривиализации, более примитивной интерпретации Хайдеггера. Больше того, есть

целое направление литературы, оно и у нас чрезвычайно развито. Оно основано на каком-то чувстве отвращения к жизни. Вы знаете, в этнографии замечен такой дуализм между жизнью и смертью в мифах и сказках. Что мертвый среди живых и живой, попадающий в царство мертвых, – они ведут себя совершенно одинаково, например, мертвый здесь не может есть, живой не может есть там. Мертвый здесь невидим, живой там невидим и т. д. И вот получается загадочная картина, что для какого-то мировосприятия жизнь воспринимается так, как нормальный человек воспринимает смерть: как разложение, как что-то вопиюще-отвратительное, вызывающее просто тошноту. И Сартр первый свой роман, который он опубликовал, так и назвал – «Тошнота».

– В своих работах, например в эссе о Шостаковиче и Д. Андрееве, Вы пытаетесь показать торжество злых сил, преломленное в творчестве этих людей, но каждый раз, и это, мне показалось, вообще присуще Вашему осторожному стилю исследования, Вы оставляете решение проблемы как бы открытой, т. е. Вы всегда оставляете в конце вопрос как некое поле для умственной деятельности. В связи с этим я и хочу к Вам обратиться: как Вы полагаете, то зло, о котором идет речь, с Вашей точки зрения, и у Шостаковича, и у Д. Андреева, и в Вашем комментарии к работе о С. Булгакове, о Карле Марксе, есть ли оно нечто самодостаточное или только ущербность, недостаток блага, так, например, в конце последней заметки Вы пишете: «Булгаков, несомненно, чувствовал, в какую новую область он вступает, сколько возникает новых вопросов, до ответов на которые еще далеко. Он писал, например: “Мы должны видеть и в Марксе, наряду с работой Господней энергию совсем иного порядка, зловещую и опасную. Он загадочно

и страшно двоится». Что это за особая энергия он не разъясняет, бросая тем лишь намек будущим исследователям. К сожалению, значительного развития идея Булгакова не получила» и т. д. Но, Игорь Ростиславович, Вы тоже как бы бросаете своим читателям выделение этой энергии. Но дело в том, что если Вы ставите вопрос об энергии, то Вы должны своему возможному читателю очертить хотя бы приблизительные «контуры» этой энергии. Что это такое? Вы понимаете под этой энергией нечто субстанциальное, как, допустим, принимается в христианстве благо, либо это только метафора или фикция какой-то другой энергии.

– Тут я могу многое сказать. Во-первых, я, действительно, боюсь гипербобобщений, из-за которых, так сказать, разряжается мысль, теряется ее конкретность, она становится неопределенной и даже бессодержательной. То есть нужно, чтобы мысль была уж очень глубока, для того чтобы в такой общей форме она сохранила свою содержательность. Мне всегда ближе в такой грандиозной проблеме попытаться исследовать какой-то более частный вопрос. Скажем, одного автора, одно течение. Во-вторых, кажется, что человечество сейчас чрезвычайно сужено в гамме тех концепций, которыми оно пользуется. В конце концов, сейчас фактически все приведено к набору представлений некоего естественнонаучного характера. Когда мы говорим, что мы что-то такое понимаем, то под этим мы подразумеваем, что можем сказать: какая причина, какое вызывает следствие. Это можно реализовать с помощью каких-то механических, электрических или каких-то еще схем. А главная наша проблема, может быть, заключается в том, чтобы выйти за рамки этих представлений. А вот рядом с нами, в нашей собственной истории, вторгаются проблемы, которые совершенно, в принципе, не поддаются такому анализу. И это может

быть самое драматическое в нашей ситуации. Это моя защита от упрека в том, что я говорю в качестве намека. Но это был как бы тонущий корабль. Берут бутылку, закладывают в нее то, что о нем могут написать, и бросают в море в надежде, что кто-то ее подберет. Почти все, что я тогда, еще в 70-е годы, написал, было написано в состоянии полного одиночества и обсуждалось в разговорах, может быть, двумя-тремя близкими людьми. У меня была надежда, что, возможно, когда-нибудь найдутся люди, которые будут над этим систематически думать и, разобрав один какой-то пример, другой, объединившись, постепенно интегрируя это в качестве мировоззрения, вырабатывая какие-то новые приемы мышления, необходимые для этого, смогут обсуждать тогда и проблему целиком. У меня есть действительно какой-то страх подходить к этому как к общей проблеме, страх того, что ее можно огрубить, примитивизировать.

Что касается до энергий, то я имею в виду если не материальную, то весьма реальную. Действительно, деятель какого-нибудь нигилистического направления – это как бес сатанинский. Революционер, вроде Бакунина. Это типичный пример. Он как бес вьется, ночей не спит. Сейчас он в Женеве, завтра он бросается куда-то в Лион поднимать восстание. Если не удастся, то в Англию или Россию. Они заряжены какой-то грандиозной энергией! Как, например, происходила революция? Там были какие-то полужулики, полуболтуны, вроде Троцкого. Но ведь были же и те люди, которые организовывали эшелоны, мобилизовали крестьян, расстрелами заставляли их идти на фронт, заставляли их воевать, не спали ночей, голодали, готовы были умереть от тифа, были какие-то мученики и святые революции, и только ими она, конечно, реально и держалась. Их яркие образы можно найти у Платонова, например, в «Чевенгуре».

Схематически дело представляется мне таким образом. Очевидно, в каких-то пределах существует аналогия между Добром и Злом. Прикосновение к какому-то разрушительному началу, к «ничто», хотя и не аналогично по существу прикосновению к Благу и Свету, но логически, структуралистически ему подобно. Аналогичны некоторые формальные механизмы действия. Как к красоте, святости – одни люди более восприимчивы, другие – менее, так и к этому «зову ничто». Восприимчивые люди – это творцы, таланты – и в той и в другой области. Прочие же люди способны к этому восприятию лишь опосредствованно, через творчество «талантов», лишь когда те превратят свои переживания в одном случае – в молитву, проповедь, поэму, симфонию, в другом – в картину разрушения нечестивого мира, гибели грешников, идеала сурового существования на грани небытия. Важно, что в обоих случаях мы имеем переживания, обладающие чувством заразительности, и, в значительной степени, работа «талантов» заключается в том, чтобы обнаружить эти заразительные элементы, сделать их более выпуклыми, облегчить их восприятие.

Изо всех известных мне документов, в которых можно почувствовать притягательность этой концепции самоуничтожения, наиболее ярким кажется мне известный монолог Пятакова, записанный Валентиновым.

Пятаков говорит, что роль партии заключается в том, что она отрицает любые запреты, для нее не существует «недопустимых» путей и таким образом «для нее область невозможного сжимается до нуля». Ради счастья быть в ее рядах можно пожертвовать всем. Он напоминает, что диктатура пролетариата основывается на неограниченном насилии. Но, главное, говорит он, не то насилие, которое мы совершаем над другими, а то, которое совершаем над собой. По приказу партии надо за

24 часа отказаться от идей, за которые ты боролся, также убедить себя в их вредности, искренне усвоить противоположные. Самоубийство, говорит он, гораздо легче, чем такая операция. Но мы легко на нее идем ради счастья принадлежать к этой всемогущей организации. Тут ярко видна эта психология: отказ от своей личности, духовное ее умерщвление, слепая дача себя некоей всемогущей сверхличности – и возникающее в результате ощущение всемогущества. Это переживание напоминает то, как описывалась продажа души дьяволу в Средние века и особенно во время волны процессов над ведьмами, захлестнувшей Западную Европу в XVI и XVII вв.

В этой связи очень важно понять, к сознанию какого типа апеллируют подобные учения. Например, если верить тому, что говорит марксизм сам о себе, то – к научному. Однако сейчас уже высказано много аргументов в пользу того, что марксизм наукой отнюдь не являлся (много их приведено в моей книге, о которой я говорил выше). Просто в XIX и начале XX века апелляция к науке давала любой концепции больший авторитет. Я уверен, что такой же маскировкой под науку является фрейдизм (что отнюдь не противоречит громадному влиянию, оказанному им на человечество, – как и марксизмом). В статье «Карл Маркс как религиозный тип», которую Вы упомянули, С. Булгаков сближает марксизм с религиозным мировоззрением. В работах Булгакова прослежены поразительные, очень яркие аналогии между марксизмом и религиозными учениями (прежде всего – иудейской апокалиптикой). Но черты сходства не означают тождества. И мне кажется, что марксизм и другие социалистические учения нельзя отнести к области религии. Как мне представляется, основным постулатом любой религии, можно сказать, ее определением является вера в то, что наряду с нашим миром существует иной

мир, в котором находятся все ключи к вопросам нашего мира. В марксизме же такое представление полностью отсутствует. Да и у Булгакова с марксизмом связывается «религия – не только в узком, но и в широком смысле, т. е. те высшие и последние ценности, которые признает человек над собой и выше себя».

Мне кажется, что в человеческом сознании, кроме чисто рационалистического сознания, существует громадный слой, в который, как одна из частей, входит и религиозное сознание. Как аналогия: специалисты по поведению животных выделяют четко различные типы действий – основанные на понимании и инстинктивные. Именно инстинктивные действия часто связаны с эмоциональным подъемом, у человека их цели воспринимаются некритически, обычно – как некие высшие цели. Аналогичное разделение на два типа существует, видимо, и в человеческом сознании. Один тип – это рациональное сознание. В другой тип сознания включаются религиозные переживания, но и многое другое – например, моральные нормы. Этот тип сознания способен «интегрировать» индивидуальные сознания, образуя коллективные «существа», во многих отношениях превосходящие человека. Сюда относятся и переживания, подобные тем, которые описал Пятаков и которые, несомненно, вдохновляли других адептов социалистического учения. Их можно было бы назвать «религиозно-подобными», так как они внешне очень похожи, хотя в основе своей отличны от религиозных.

Когда, в какую эпоху такие переживания стали реально вторгаться в жизнь? Надо посмотреть для этого, когда они перестали быть мечтами кабинетных философов, а стали вдохновлять народные движения. В таких случаях всегда трудно указать начало: бывают как бы черновые наброски, репетиции общественного явле-

ния. Таким в нашем случае было, например, движение Маздака V–VI вв. после Р. Х. в Иране. Но как регулярно повторяющееся явление мы встречаем такие движения лишь в западноевропейском средневековье. В интересной книге Н. Кона «В погоне за тысячелетним царством» содержится описание громадного их числа. Их глава обычно провозглашает себя Христом или посланцем Бога, его последователи разрушают церкви, убивают священников. И вдохновляются они ожиданием гибели всего существующего общества, установления царства праведников, кровавого суда над нечестивцами или вообще конца мира. Очень сильны были подобные мотивы в гуситском движении: призывы к истреблению безбожных, так что кровь будет по уздечку коня. Потом в эпоху Реформации. Это очень мощное течение людей, возненавидевших мир.

Эти примеры, равно как и многие социалистические течения или германский национал-социализм, иллюстрируют важную сторону проблемы Зла. Мы видим, что Зло, в каких-то случаях, является не просто недостатком Добра, но некоторой автономной, активно действующей силой. С этим можно сопоставить слова Булгакова из его книги «Свет Невечерний»: «Таинственно и властно влечет к себе разверстая пасть небытия. Подобно тому, как на высоте испытывается мучительное, головокружительное стремление вниз, так и все живое испытывает соблазн метафизического самоубийства». Ничто – говорит Булгаков – не способно творить, но «врывается» в мир, который есть хаокосмос. Интересно, что и у Хайдеггера, видимо, Ничто является активным. Он применяет трудно переводимое выражение: *Das Nicht nichtet* (Ничто ничтожествует).

Но интересно, что такая кристаллизация идеи Зла и уничтожения не является, видимо, врожденной в че-

ловеке. То есть не всегда взаимоотношение Добра и Зла воспринимались так поляризованно. Даже в античности, а тем более у примитивных народов. У громадного их числа в мифах о сотворении мира участвуют два действующих лица, в которых можем распознать прототипы нашего Бога и Сатаны, но взаимоотношения которых гораздо сложнее. Например, у многих северных народов мир творят белая и черная гагара. Белая гагара посылает черную. Черная гагара достает ей ила. Но немножко оставляет и себе, чтобы попробовать творить мир и самой. Белая гагара начинает творить мир: делает его ровным, совершенным и лишенным в то же время каких-либо определенных признаков. А черная гагара подавилась тем, что она достала. Белая на нее закричала. Она побежала, стала на ходу выплевывать: появились горы, реки. Потом это продолжается в другом варианте: в виде черного ворона Клух, где он пролетал, там возникали долины, реки. Он с одной стороны играет роль Прометея: он учит людей строить жилища и рожать, испражняться, половому акту. И, с другой стороны, он вор и, конечно, огонь всегда приносит он, украв его где-то. Но он крадет и у людей, объедает их, он похотлив. В фольклоре известен загадочный образ Локи в скандинавской и вообще в германской мифологии. С одной стороны, он враг богов, богами же держится этот мир. С другой стороны, он бог огня, который есть свет человечества. В силу этого Локи очень похож на Прометея, но только сдвинутый в сторону сил зла и хаоса. В этнографии еще существует такой загадочный образ Трикстера, это тоже очень странная помесь. С одной стороны, это культурный герой, который учит людей различным элементам культуры (например, сажать растения), а с другой стороны, он вор, он страшно похотлив, он в каком-то странном виде изображается. Например, у североамериканских

индейцев: с половым членом, который много раз обматывает себе вокруг пояса.

Более того, во многих первобытных племенах основные для них понятия делятся на два ряда: жизнь, солнце, лето, день, прямое, правое... и смерть, луна, зима, ночь, кривое, левое... Само племя и его селение тоже делится на две половины, из которых каждая связана с одним из этих рядов. В действиях племени, имеющих отношение к какому-либо явлению из этих рядов, основную роль берет на себя та половина, которая с ним связана. И это ни одну из половин племени никак не дискриминирует: обе они равно необходимы для его существования.

Такое впечатление, что когда-то произошла поляризация добра и зла. Она произошла где-то никак не раньше того, что Ясперс называет осевым временем (т. е. VI в. до Р. Х. – возникновение буддизма, конфуцианства, греческой философии, израильских пророков). А «материализуется» – в западноевропейском средневековьи. Похоже, что раньше концепции добра и зла были не так полярно противоположны. Например, как концепция прямолинейного времени, она тоже не вечна. Так и здесь, в принципе, проблема была, постепенно менялись пути ее осознания, сначала концепция была менее жестко поляризованной, чем теперь. Так что это показывает, что проблема эта, видимо, первоначальная для человека. И чем больше мы спускаемся вглубь, тем больше видим отход от этого обостренного дуализма. Люди, творившие первобытный миф, они, может быть, больше понимали смысл зла, зачем оно существует, не воспринимали его как просто проклятие.

– Можно было бы и согласиться с Вами, но, Вы знаете, на мысль наводит вот какое событие. Не так давно,

года полтора-два назад, в «Вопросах философии» была опубликована работа А. Ф. Лосева «Эрос у Платона». И в ней Лосев пытается показать, как близко подошел Платон к такому пониманию мира, которое содержится в христианстве: единобожие, решение многих теоретических проблем и т. д. Но почему не осуществилось у него все-таки решение (открытие) такого христианского мировидения? Потому что Эрос он все-таки не отождествил с человеком, то есть он не нашел пути соединения твари (материи) с чем-то высшим, божественным. По мнению Лосева, он только «чаял» этот путь бессознательно. И кроме того, если мы, в связи с воззрениями Платона, представим, что в мире существует какой-то дуализм равноценный, то неопределенно решается проблема спасения, то есть проблема существования человека. Тогда, действительно, возникает состояние абсурда.

– Насчет Платона. Мне кажется, что у Платона существовал дуализм на уровне космоса, который он считал живым существом, с двумя душами: доброй и злой (в «Тимее»). Но над космосом Бог является воплощением абсолютного добра.

По поводу того, что «не хватало» Платону для христианского понимания мира, мне вспоминается анекдот из времен Великой Французской революции, рассказанный, кажется, Талейраном.

Один ярый якобинец спросил его по поводу христианства: «Почему этот еврейский миф, распространяемый папами, так популярен? Нельзя ли нам заменить его своим мифом?» «Это очень просто сделать, – ответил Талейран, – дайте только себя распять и воскресните на третий день!» Замечательно глубокая мысль, высказанная с идеальным галльским лаконизмом! Того же «не хватало» и Платону, а в этом содержится совершенно другая кон-

цепция взаимоотношения Бога и твари, дающая возможность избежать платоновского пессимизма.

– Да, для него зло существовало в этом земном мире. Оно Богу присуще не было. Когда я говорил о Платоне, я имел в виду, что он Эрос не отождествлял с существом, которое бы совмещало в себе Бога и человека. Лосев буквально говорит так: «Совместить и понять это можно только при предположении скрытой идеи духовной и воскресшей от смерти телесности. Платон еще не знал, что это путь не человеческий, а богочеловеческий, и у него не хватило зрения, чтобы увидеть и назвать предмет до конца...».

– Да, я конечно не располагаю никакими положительными соображениями, но общее чувство мое заключается в том, что аналогия между добром и злом существует. В них много общего. Но аналогия не есть тождество, они не есть зеркальное отражение одного другим. Тем более не означает, что как существует благой Бог, так и какой-то другой равнозначительный злой. Я видел, к чему приводит дуалистическая концепция, я это почувствовал, когда читал литературу по средневековым сектам, в основном дуалистическим. Это было что-то чудовищное, потому что там высшим идеалом человека являлась смерть. Она называлась «эндура»: это было самоубийство или убийство. Например, матери переставали кормить своих детей, обрекали их на голодную смерть. Примерно в то же время эта концепция развивалась, по-видимому, в каббале. Учение Лурии о «божественных искрах», заключенных как пленники в материальном мире. В общем, как и в манихействе, цель исторического процесса – это освобождение их в мир высший, чтобы этот мир весь сгорел, уничтожился. Но одно дело философствование, а другое – когда

ты видишь реальную силу этой концепции, почему она побеждает. Так, у катаров убивали детей, убивали стариков, сами кончали самоубийством. Об этом подробно пишет И. Деллингер, самый крупный специалист по средневековым ересям. Его заслуга, что он поднял архивы инквизиции на Юге Франции XIII в. И он уверяет, что количество катаров, убитых при помощи этого святого убийства, «эндур», – больше, чем количество жертв инквизиции. Это было последовательно проведенное античеловечное мировоззрение, античеловечное в современном его понимании. Прямо отрицающее все существование человека.

Мне много дало то, что писал о катарах современный исследователь С. Рансимен. Он говорит, что отправной точкой их размышлений было неприятие зла в мире. (Вроде «бунта» Ивана Карамазова!) Чтобы его объяснить, они создали дуалистическую концепцию, ответственность за зло была возложена на злого бога. Но ее развитие вскоре привело к тому, говорит Рансимен, что в их мировоззрении не осталось места для добра. То есть строгий дуализм является неустойчивым мировоззрением – так сказать, переходной стадией от религии добра к религии зла. Ту же эволюцию, в более позднее время, проделал, как мне кажется, Фрейд. Сначала он исходил из всеохватывающей роли либидо, «Эроса» – жизнетворящего начала. Потом обнаружил, что есть явления, которые на этом пути объяснить нельзя, прежде всего – смерть, и ввел концепцию стремления к смерти, «Танатоса». Он пытался создать строго дуалистическую точку зрения, но она быстро эволюционировала опять в монистическую, только основывающуюся на «Танатосе». Если в первой его концепции не оказывалось места для смерти, то в последней – для жизни. Жизнь воспринималась лишь как «выбор своего

пути к смерти» и т. д. Похоже, что такова всегда эволюция дуалистических теорий. Мне представляется более обнадеживающей та точка зрения, которая была у Платона: дуализм добра и зла существует на уровне космоса, «души мира» – но на уровне Бога его нет.

– *Итак, мы в какой-то мере рассмотрели теоретические проблемы зла, и теперь было бы интересно коснуться вопросов, связанных со становлением этого зла в истории, т. е. это связано в том числе и с цивилизацией. Я могу назвать имя Макса Джеммера. Макс Джеммер, анализируя понятие пространства, показывает, что в XIV в. особенно, позднее Кампанелла, еще позднее Мур, которые оказали влияние на взгляды Ньютона, полностью опирались на традицию, шедшую от талмудических писаний. Это весьма любопытный факт. В чем основной смысл? Аристотель под пространством понимал сумму мест, занятых телами, а предел места ограничивается пределом занявшим его тела. В связи с этим возникла масса проблем. Потом была проблема в связи с последней сферой Аристотеля. Возникал вопрос: а что за последней сферой? И вот все эти проблемы тривиально решались в соответствии с новыми взглядами, согласно которым мир есть чувствилище Бога, а пространство – атрибут Бога. Он находится и здесь, где мы находимся, и везде. Бог разливается по всему миру, а весь мир становится, таким образом, тем, что содержит в себе божественные элементы. И просто можно было бы выбросить этого Бога, и тогда сразу логически после выбрасывания возникала проблема: в чем искать основание мира? После изгнания Бога оставался один человек, высшее существо (если прочертить грубую схему), которое должно искать авторитет в самом себе и должно было найти где-то основание, и вот Декартом*

в XVII в. формулируется его знаменитый принцип «Мыслью, следовательно, существую», где единственной и подлинной реальностью является наше мышление и мышление о том, что мы существуем. Другими словами, как получилось так, что мир оказался совершенно десаκραлизованным, никакой тайны не осталось?

– Да, «разобожествление природы» (Die entgotterte Natur), как Шиллер сказал.

– Да.

– Да, это конечно длинный процесс. Мне кажется, что он начался в «осевом времени». Например, в области культуры, у Гераклита, у Анаксимандра. Мне кажется, что самый страшный переворот в человеческом сознании это было представление Анаксимандра о том, что Земля ни на что не опирается, а висит в пространстве и не падает вниз лишь потому, что падать вниз у нее столько же оснований, сколько падать вверх. Представьте себе, мы видим колоссальную землю. Мы не можем увидеть ее края, она грандиозна, и для того чтобы ее поддержать, мы представляем себе, что нужны какие-то равномошные силы, какие-то фантастические гигантские слоны, черепахи. А чем же заменяется эта сила – концепцией симметрии, что поскольку условия задачи симметричны, верх ничем не отличается от низа, то и решение симметрично. Единственное решение – это и есть та точка, которая никуда не движется. В этот момент произошел какой-то грандиозный переворот – появилась математика в современном смысле слова, то есть концепции, которые существуют, как какой-то исследователь сказал, не в результате нашего физического опыта, а в силу определения: точка, плоскость и т. д. В которых цель заключается в том, чтобы выбрать несколько определяющих аксиом, а после этого логически из них все выводить.

Это концепция, к которой не приближался ни один народ до этого. Вы знаете, что очень быстро, за двести лет таких размышлений дошли до представления о шарообразности земли, до гелиоцентрической концепции – и до «Республики» Платона.

– *И тут я Вас перебыю. Еще в самом начале нашей беседы я хотел заметить, что, конечно, зло, представленное в «Республике» Платона, было таким гениальным, что определило многие утопические концепции на много веков вперед. Но дело в том, что сам Платон возник на излете греческого полиса. Ему не хватило каких-нибудь 20 лет, чтобы стать свидетелем завоевания Афин. Тот социум, в котором существовал Платон, уже себя изживал, изживал как органически целое, т. е. Платон, выражаясь аллегорически, ощущал запах тления этого полиса. И, безусловно, когда он строил для себя проект «Республики», то это, мне думается, не могло не быть последней, может быть, попыткой обрести основание, и вся его «Республика» должна была бы еще как-то поддержать разваливающийся классический полис.*

– Кого поддержать? Ведь главное, что они под этим подразумевали, нам, может быть, трудно понять. Главная их ценность была свобода. Что ж поддержать потерей этой свободы? Это мне совершенно непонятно. Ну это все равно, что я люблю Россию и, положим, у меня есть опасение, что она гибнет и я, может быть, свидетель ее гибели. Последнего ее столетия или еще что-нибудь такое. Но разве мне пришло бы в голову ее поддержать созданием сплошного концлагеря? А у Платона это именно на таком уровне. Например, это сравнение стражей с собаками, жуткий образ пещеры. Или его взгляд на человека, на то, какой смысл имеют

люди: что этого мы никогда не узнаем. Может быть, это фигурки, вроде кукол, которые боги делают себе на забаву, а может быть, еще для какой-то цели. У него такой невероятный пессимизм. Он начал с переживания смерти Сократа, это, вероятно, была какая-то движущаяся травма его жизни и кончил созданием плана общества, в котором эта смерть была неизбежна.

– *Вполне возможно. Я не являюсь историком философии, но не исключена возможность и такой версии. И потом, относительно Платона сохранились обрывочные сведения, что он был довольно мрачный человек, хотя сведения противоречивы.*

– Но ведь индивидуальные особенности Платона не объясняют успеха его учения! Он мог написать мрачную, еще более мрачную утопию, и она бы не приобрела никакой популярности. А ведь мы же которое тысячелетие слышим: божественный Платон! Ведь поразительно, что у Аристотеля какой-то более оптимистический взгляд на мир. Он мир гораздо более органично воспринимает. Но начиная с XVI в. на Западе властителями дум становятся «платоники», а Аристотель – символ всего, им враждебного.

– *Вы знаете, можно провести такую параллель. Сейчас есть направление во французской философии – Клавель, Глюксман и некоторые другие, это самые современные философы. И они тоже выступают с критикой идеалистического направления, идущего от Гегеля, Фихте, Штирнера, Маркса. По их мнению, это люди, которые сформировали представления о самых страшных монстрах XX столетия. Вообще эта идея может прийти на ум всякому человеку.*

– Это естественно.

– Но интересно то, что, скажем, Гегель был объективным идеалистом, как и Платон, если брать устойчивую классификацию; но ведь как у первого, так и у второго материя, т. е. тварное бытие никакой роли практически не играет. Оно угнетаемое начало.

– Да, конечно. Она выступает как условие.

– То есть этот идеализм есть чистейший рафинированный идеализм? И Вы ведь не зря начали свой рассказ о становлении европейской цивилизации с того, что возникла аксиоматическая система построения науки, когда из одной идеи можно вывести конечным числом шагов любые «выводы».

– Мир как бы сводится к идее. Земля не падает, потому что существует какая-то очень красивая концепция. Потом, по Платону, начинают уверять, что наш мир – это не истина, а является только ее чрезвычайно искаженным отражением. Ценность мира пропадает, мир теряет божественность, ну и в конце концов можно привести линию к любым взглядам о том, что мир должен быть уничтожен, мир должен погибнуть. Мира в принципе не жаль и мир можно подвергнуть любому видоизменению техникой. В этом – духовные основы всего современного экологического кризиса. Другими словами, когда я думаю, каким образом мог произойти грандиозный переворот от платонизма через немецкий идеализм к материализму, то в конце концов меня личная психология Платона не так интересует. А каким образом он как философ мог прийти к этому? Я думаю, что основа лежит в утрированном, схематизированном идеализме. Он тварь лишал божественности.

– Можно ли сказать, что такой чисто идеалистический взгляд на мир приводил в тупик. Тут, кстати,

можно вспомнить и русскую философию. И ее именно заслуга, мне кажется, была в том, что вслед за Соловьевым, и особенно Флоренским, она привносила в мировоззрение оправдание твари.

– Да, эта мысль кажется мне очень важной. Я об этом много думал.

– *Недаром в своей работе «Около Хомякова» Флоренский говорит, что таинство Святой Евхаристии есть решающий вопрос, т. е. как Вы понимаете Евхаристию, так Вы понимаете и вообще христианство. Действительно ли Вы веруете, что этот кусок хлеба есть воплощенная плоть Христа и этот глоток вина – его кровь. То есть признаете ли Вы боговоплощение твари, потому что предлагали и символическое замещение, аллегорические и психологические толкования и т. д.?*

– Я недавно делал доклад «Христианство и экологический кризис». Есть ли между ними какая-нибудь зависимость? Есть такие точки зрения, согласно которым христианство является логической причиной экологического кризиса. Потому, что оно якобы тоже полностью изгоняет Бога из мира (как об этом много писал Розанов). И я там высказывал мысль, что в каком-то смысле христианство, как и всякая религия, допускает громадное количество прочтений, и вот такое прочтение тоже возможно, но не обязательно. Любая религия, как мне кажется, это новое измерение, которое дается человеку, это измерение свободы. А что с этой свободой он будет делать – это уж ему не предписывается, это – нечто вроде огня, человек может этим огнем обогреть жилище, а может и сжечь свое селение. Можно считать, что религия есть проклятие человека. Это в каком-то смысле и верно. С религией связаны страш-

ные эпизоды человеческого существования: в близкое к нам время – религиозные гонения, религиозные войны, а раньше – человеческие жертвоприношения, охота за головами, каннибализм. Но дело в том, что без религии человек просто не может существовать. Когда при столкновении с европейцами разрушались верования примитивных народов, они быстро вымирали. Человек существует в двух мирах – дольном и горнем, – а связь между ними и есть религия. Всякая религия сохраняет за исповедующими ее людьми большую свободу интерпретации. Возможна и такая интерпретация христианства, приводящая к полному отрицанию мира, как у закапывавших себя в могилу крестьян, о которых писал Розанов. Она тесно переплетается с идеологией технологической цивилизации, ведущей к экологической катастрофе. Но возможна и другая интерпретация, для которой основным является благословение твари, внесение в мир божественного начала. Ее можно видеть у многих отцов Восточной Церкви, на Западе у Франциска Ассизского, который служил мессу птицам и мирил крестьян с «братцем волком». В России она имеет два истока. Первый – это народное, деревенское Православие, выросшее на основе более древних культов, земледельческих религий и впитавшее в себя их отношение к природе и космосу. А второй – религиозная философия, о которой Вы упомянули. Особенно ярко это развито у Булгакова и Флоренского – достаточно хотя бы сослаться на главу «Тварь» в «Столпе и утверждении истины». Именно за это их и объявляли (и до сих пор объявляют) еретиками. Да и Достоевского Розанов упрекал в том, что он не понял Христа, а верует в «Бога Велеса». Но мне кажется, что только это или подобное религиозное течение способно создать духовную основу для спасения человечества и мира от

экологической катастрофы в самом широком смысле слова: разрушение всей «среды обитания человека» – и общества, и Природы.

Февраль 1991 г.

Взял интервью и подготовил к печати

Павленко Андрей Николаевич.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

на вечере, посвященном памяти

150-летия закладки Храма Христа Спасителя

и учреждению фонда его восстановления

24 сентября 1989 г.

Православная Церковь на будущей неделе празднует Воздвижение. Это праздник памяти о том, что Крест Господень был вырыт из земли и воздвигнут. Я не думаю, что когда созывалось наше собрание на той же неделе, то имелась в виду эта параллель. Но то, что праздник Крестовоздвижения освящает начало движения, целью которого будет вновь воздвигнуть Храм Христа Спасителя, является одной из черточек, показывающих, насколько глубоко символичен этот Храм.

Может быть, я увлекаюсь и ошибаюсь, но мне кажется, что не только в нашей истории, но и в истории всего человечества нет такой точки, где скрещивались бы линии действия таких разнообразных, противоречивых сил, которая была бы столь насыщена глубокими символами роковых переломов и изменений хода истории – как Храм Христа Спасителя.

Создание его символизировало ответ на вопрос, который стоял более века: каков смысл Петровских реформ? Что значит Петербург, построенный на костях

мужиков? Что значит крепостное право, доведенное до крайних пределов жестокости? Что это – просто желание полуазиатских царьков иметь современную армию и лучше воевать с соседями? Желание дворянства, вкусившего западного комфорта, создать себе нечто подобное дома? Или это есть греховная, темная сторона, но какого-то глубокого народного процесса? И народ дал ответ на этот вопрос, взвалив на свои плечи тяжесть Отечественной войны и проволочив ее до конца. Почему так жертвенно защищали эту страну крепостные мужики – солдаты? – здесь такая же тайна, как и в том, что во вторую Отечественную войну ее защищали и защитили мужики из только что раскулаченных и коллективизированных деревень. Но про первый вопрос – в почти уже двухсотлетней перспективе – мы можем разглядеть, кажется, ответ. И я думаю, что если бы было возможно такое волшебное действие – воскресить этого солдата, да еще каким-то образом перевести на язык слов его неосознанные, совершенно иррациональные чувства, то мы получили бы ответ примерно такой: я защищал не барина своего, каковы бы ни были наши отношения, я защищал будущего Пушкина и Достоевского. И действительно, ответом на Петровские реформы было возникновение в дворянских усадьбах культуры столь же глубокой и народной, как русские песни, и столь прекрасной, что тончайший эстет Поль Валери записал в свой дневник, что он знает три вершины искусства в мире: классическая Греция, Ренессанс и Россия XIX века. И символом рождения – я называл бы ее – Пушкинской культуры, и было рождение Храма Христа Спасителя.

И гибель его – это был столь же глубокий символ самой трагической эпохи, которую пережила наша страна и, может быть, все человечество. Этот взрыв – это была

как бы наша вся история того времени, сосредоточенная в один момент и в одной точке. И фильм, который мы видели, мог бы стать учебником нашей истории.

Когда взрыв произошел и когда реализовалось все, символом чего он был, то казалось, что совершится все задуманное: на месте разрушенного Храма восстанет какой-то антихрам или храм антирелигии, капище антибога. Вся жизнь казалась спаянной в какой-то монолит из железобетона и колючей проволоки, который уже не доступен никаким человеческим силам. Но, как часто бывает, История показала, что она не подвластна ни человеческим расчетам, ни человеческим замыслам. И с этим железобетонным монолитом стали происходить какие-то чудеса: он стал трескаться, крошиться, через него стали пробиваться ростки, сначала совсем изуродованные, чахлые, потом и более здоровые. И сейчас мы проходим через период истории, который, вероятно, будет казаться нашим потомкам совершенно фантастическим. Нет, конечно, никаких гарантий того, что мы выберемся из-под тех глыб, которые нас завалили, а не вызовем нового обвала. Мы, как мне представляется, как бы бредем в темноте, нащупывая с трудом дорогу. А рядом раздается голос спутника безнадёжности и отчаяния. Но с другой стороны идет другой спутник, спутник надежды, и тоже что-то говорит. И когда прислушаешься к его голосу, то чувствуешь: переживаемый нами сейчас период настолько фантастичен, неправдоподобен, что можно поверить во что угодно, никакие надежды нельзя отбросить как несбыточные. Как будто это про нашу страну сказано: «Все плакали и рыдали о ней. Но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит».

Сейчас мы кладем начало совершенно невероятному делу. Если это дело: воскрешение Храма Христа Спасителя – будет иметь успех, то завершится оно не

скоро. Это дело на многие годы – может быть – на несколько десятилетий, и наше поколение не увидит его завершения – я говорю, конечно, о моем поколении, а не о тех молодых, здесь находящихся. Но если оно осуществится, то будет воздвигнут действительно великий Храм всей России, храм на крови всех русских мучеников. Он будет носителем еще одного глубокого символа. В нем не только, как в каждом храме, будет осуществляться, вспоминаться тайна рождения, страстей, смерти и воскресения Бога. Он будет еще и символом того, как эта тайна преломилась в рождении, страстях, смерти и воскресении России.

1991.

ЧТО ХОРОШО ДЛЯ РОССИИ

– Накануне очередной предвыборной кампании хотелось бы подвести некоторые итоги нашей общественной жизни.

В последнее время много говорилось о необходимости построения в России гражданского общества по западному образцу, которое предполагает наличие демократических институтов. Эти институты должны обеспечивать выполнение договора между властью и обществом. Но все заявления проводимых форумов, парламентских слушаний так и остались на бумаге. Коррупция, безнаказанность власти, пассивность населения только усилились. Складывается впечатление, что идеалы гражданского общества в России не приживаются.

– Мне кажется, идея правового государства не противоречит русскому самосознанию. В самом корне этого слова содержится представление о правде, которая русскому сердцу и душе русской чрезвычайно близка.

А элементы права в русскую жизнь вводились еще во время реформ Александра!

Я думаю, у нас должна реализоваться русская модель правового государства, в котором основной центр тяжести переносится не на формально-юридическую сторону, а на представление о справедливости, на готовность жертвовать своими интересами ради интересов народа.

Сами власти предержавшие у нас используют в основном не правовые решения возникающих проблем. Так, в последнее время участились случаи отключения электроэнергии от потребителей. Если рубильник оказался в руках Чубайса, то он имеет право отключать энергию за неуплату? В таком случае каждый может добиваться своего с помощью того оружия, которое оказалось у него в руках. Военные, к примеру, если им не заплатят, могут использовать ракеты? В правовом государстве подобные вопросы решаются в суде.

И я не согласен, что у нас идет строительство демократических институтов. То, что сейчас происходит в стране, мало походит на демократию. К примеру, пресса у нас полностью выстроена в одном направлении – равняется на партию власти. И так было всегда, с самого начала установления нынешней власти. Вспомните, какое комически ничтожное время было отведено на обсуждение Конституции России! Предвыборная кампания президента в Америке забирает год, и это при том, что один президент от другого принципиально ничем не отличается. А нам предлагали в течение одного месяца обдумать и решить, какой новый государственный строй мы у себя введем. Точно таким же образом десять лет назад, после расстрела парламента, мы выбирали первого Президента России. Расстрел Парламента – не самая лучшая прелюдия для проведения демократических выборов. Поэтому, мне кажется, та система мер,

которая у нас продекларирована, – просто декорация демократического толка.

Наше развитие пошло не по наилучшему, а, вероятно, по наихудшему варианту. Полная политическая неискушенность всего населения легла на очень мощный эгоистический интерес небольшого слоя приватизаторов, в интересах которого была проведена разрушительная перестройка экономических и государственных отношений. Разрушили государство, т. к. именно государство сдерживало разрушение экономики и распродажу природных ресурсов.

– И все-таки согласитесь, что со времени переворота 1993 года многое изменилось. В прошедшее десятилетие на карте мира появилось новое государство – Российская Федерация. И это новое государство заметно продвинулось в своем оформлении: границы определены, отношения между народами внутри страны нормализовались, имперские амбиции осуждены и отброшены... Об этом говорит и недавнее выступление нашего Президента. Утверждается, что нынешнее время – время нового витка в развитии России. Однако Вы в своей публицистике называете современный период российской истории смутным временем.

– Да, в какой-то мере сейчас параллель просматривается не только со смутным временем, но и с монгольским нашествием. Как тогда Россия была урезана до небольшой части, так и сейчас Россия загнана в совершенно противоестественные границы. Границы между нациями так не складываются. Вспомните, сколько времени определялась естественная граница по Рейну между французами и немцами. Подобным образом очертания государства, в основном, складывались и в России.

Сейчас же наши западные границы соответствуют тем, которые были предложены Троцким и Иоффе по Брестскому миру. Именно по этому договору Украина превратилась в Украинскую республику. Да, тогда положение обязывало. Но уже через год Германия была побеждена, и подписанные договоры были объявлены недействительными. И вот эта граница, установленная упраздненным впоследствии Брестским договором, почему-то в наше время считается естественной, нормальной.

Еще более нелепо, без всяких оснований, передан Украине Крым; или, к примеру, южный Алтай, который уже с XVIII в. заселялся русскими, был искусственно в свое время передан Казахстану только потому, что, согласно тогдашней догме, в республике должен быть пролетариат, а его тогда среди казахов не было.

Понятно, что такие границы не могут существовать. Их можно поддерживать только путем уничтожения народов.

Россия должна приобрести свои естественные границы, и эта естественность должна быть проверена жизнью.

– Опять собирать земли? Даже создание ни к чему не обязывающего единого экономического союза четырех государств – России, Украины, Белоруссии, Казахстана – тормозится, хотя преимущества от такого союза очевидны...

– До тех пор, пока во главе республик стоят представители групп, которые теснейшим образом связаны с западным финансовым капиталом, толку от объединения не будет. К примеру, Казахстан, по-видимому, запродан намного больше, чем Россия. Ко мне приходили беженцы и рассказывали невероятные вещи. Например, та «реформа» энергетики, за которую ратует Чубайс, в Ка-

захстане давно проведена. В результате, как и следовало ожидать, энергетика через подставные фигуры попала в руки иностранных владельцев. Теперь новые хозяева – иностранные компании – свет дают в Алма-Ате, например, только на несколько часов в сутки.

Нельзя, конечно, забывать, что 25 миллионов русских и других народов, которые не считают себя русскими, но хотят жить в России, оказались за ее пределами.

Будущее России – в собирании ее заново, без агрессии, без захвата тех народов, которые не хотят в ней жить. Я считаю, что удержание в XIX в. Польши под властью России вопреки национальному самосознанию – грубая историческая ошибка. Но объединение с теми народами, которые сами испытывают желание, иногда даже больше, чем русские, необходимо.

Исторически так сложилось, что российская держава всегда была многонациональной страной, в которой жило более 100 народов. И даже сейчас, в урезанной России, живет более 100 народов. Несмотря на то, что эти народы тысячелетие жили бок о бок с русскими, национальность их не уничтожалась. Тысячу лет они прожили в русском государстве, где власть была в руках русских, и сохранились, в то время как в восточной части Германии, заселенной в свое время славянами, этих славян сохранились жалкие остатки... А североамериканские индейцы? Они как народ вообще были уничтожены.

Народы, жившие вместе с русскими, сохранились благодаря таким чертам русского характера, как терпимость, отсутствие чувства расового превосходства. Женитьба русского на нерусской никогда – ни в наше время, ни 100 лет назад – не понижала его общественного статуса. Русские духовные ценности – справедливость и терпеливость – привлекательны и для других народов.

Русское государство можно сравнить с машиной, которая в качестве горючего использовала русские национальные черты и национальное самосознание русского народа. Она служила для сотен народов основой их существования. Сотни лет народы существовали под защитой русских – от татар, турок, персов... Поэтому мне кажется, что и в наше время Россия должна по этому пути идти.

Парадокс заключается в том, что стремление народов войти в состав России, тяготение к великому единому государству гораздо больше, чем чувство, которое можно встретить в России и в общественном мнении, и в правительстве. Я был и в Осетии, и в Приднестровье, и в Крыму. Там, несмотря на жестокое давление, люди все равно борются за право жить – или в качестве независимой автономной республики, или в союзе с Россией.

Народы Приднестровья – русские, украинцы, молдаване – к примеру, мучительно не хотят вхождения в стихию румынского менталитета и отдают свои жизни за право оставаться в составе России. Известен случай, когда русского мальчика Матюшина забили до смерти за то, что он говорил по-русски. Молдавия стремится примкнуть к Румынии. Определенной части молдавской интеллигенции кажется, что в составе Румынии они автоматически приобретут статус европейцев.

Однако без Приднестровья, где Россией еще до войны была создана высокотехнологичная индустрия, Молдавия Румынии не нужна.

Последние договоренности между Президентами Путиным и Ворониным говорят, что Правительство России строит свои отношения с Приднестровьем, исходя из интересов молдавского государства.

– Не получится ли так, что России опять придется держать громадную территорию, истощать свои силы? Столицы бывших союзных республик – это благоустроенные города с прекрасной архитектурой. Но посмотрите на русские города в русской глубинке – такие как Кострома, Рязань, Валдай... И несмотря ни на что, до сих пор приходится слышать заявления о великодержавном шовинизме, старшем брате...

– Трагедия и заключалась в том, что в течение длительного периода государство строилось не как государство русских, которые строят это государство вместе с другими народами, а как государство, устраиваемое за счет русских.

Это и привело, в конце концов, к полному истощению России. Например, к моменту перестройки за один трудодень в России колхозник получал в 10 или 15 раз меньше, чем в Закавказье или в Средней Азии, а в средних школах России училось детей меньше, чем к началу войны в 1940 г. В Средней Азии эта цифра в разных республиках в 3 раза увеличилась. Конечно, это было не русское государство; оно было русское в том смысле, что Россия рассматривалась как основной капитал, который и тратился. Но те народы, о которых я говорил выше, и претензий к русским не имеет. Они просто хотят, чтобы русские помогли им сохранить свою национальную идентичность, что русские вполне в состоянии сделать.

– Если посмотреть на другие народы, например в Корее или Японии, они ощущают себя великим народом. И они действительно добились необыкновенных успехов и в экономике, и в культурном строительстве. Самосознание же русских в настоящее время на самом низком уровне. Кто сейчас с гордостью гово-

рит: «Я русский!»? Русский теперь не ощущает себя гражданином великой державы. Отношение в мире к нам тоже резко изменилось. Мы все время добиваемся, чтобы нас приняли в какой-нибудь очередной европейский союз. Нас то обнадеживают, то отказывают. Если послушать европейские радиостанции, то о России там вообще речи не идет. У нас же главные новости – это новости европейские. Как можно объяснить гражданскую и политическую пассивность народа? В советское время было мощное протестное движение диссидентов, сейчас все молчат.

– Диссидентская деятельность окончилась неудачей. Победило какое-то кружковое чувство очень узкого слоя, для которого самым главным вопросом был вопрос эмиграции, вопрос защиты самих себя. Это увело движение в сторону от решения коренных проблем страны.

Движение не привело к положительным результатам, потому что в нем преобладала абстрактная защита прав человека, будь то хоть права террориста.

– *Вспоминается, как Андрей Сахаров в одном из заявлений высказывал опасения, что права террористов, которые в 1970 г. устроили взрыв в московском метро, будут нарушены тогдашней уголовно-процессуальной системой...*

– Надо было силы тратить не на защиту террористов, а на борьбу с теми несправедливостями, которые затрагивали наибольшее число людей. К примеру, в это время колхозники не имели паспортов, не могли выехать из своего колхоза. А для диссидентов из всех прав человека право на эмиграцию являлось первым среди равных. Главным вопросом считалось: не как жить в этой стране, а как из нее выехать. Казалось, что эти люди озабочены только своими личными проблемами.

– В то время главная тема, обсуждавшаяся западными СМИ, – права человека в СССР. Сейчас проблемы прав человека на Западе не поднимаются. И это несмотря на то, что права русских нарушаются и в самой России, и за ее пределами, в бывших союзных республиках. Талантливейший русский народ с уровня творчества переведен на уровень выживания.

– Меня поражают в гораздо большей степени наши собственные правозащитники... Когда в 1993 г. после расстрела Парламента известного политического деятеля Виктора Анпилова избили омоновцы, сломали ему пальцы, я ожидал, что наши правозащитники начнут метать громы и молнии, но все промолчали.

Западные СМИ смотрят с точки зрения интересов Запада. В то время диссидентское движение использовалось для борьбы с СССР. Поэтому они его и поддерживали, а не из каких-то принципиальных общечеловеческих соображений. Западная журналистика не менее запрограммирована, узко предрешена, чем наша. Корреспондент, приехавший сюда, точно знал, подтверждение каких положений он должен передать в свое агентство. К примеру, они пропагандировали идею, что Советский Союз от царской России отличается только внешне, а по существу все то же самое – тот же русский империализм. И сколько я ни объяснял, что, к примеру, сельское хозяйство там – частное, здесь – колхозное, промышленность здесь – чисто государственная, там – частная, отношение к религии – различное. В чем же сходство? Трудно было нам понять друг друга.

Сейчас Россия, конечно, переживает один из самых трагических моментов своей истории, и это, в частности, связано с ослаблением самосознания русского народа. Посмотрите, как активно национальное чувство в Прибалтике, на Украине и как это чувство слабо в России.

Объяснение этому в том, что во все времена русское национальное чувство подавлялось.

Я помню, в каком контексте мы изучали литературу. Первое произведение Пушкина, с которым нас познакомили в школе, – сказка про Балду. Затем «Узник» Лермонтова или «Прощай, немытая Россия», хотя принадлежность этого стихотворения к творчеству Лермонтова весьма сомнительна. Стихотворение было опубликовано через 40 лет после смерти поэта, и никто никогда не видел оригинала. Из Толстого – «После бала», как порют солдат в России.

После Великой Отечественной войны произошло некоторое изменение, но чисто внешнее.

– И в последние год-два мало что изменилось. Вот только один пример: в этом году московским школам директивной свыше запрещено использовать учебник по граждановедению Соколова. В нем поднимаются проблемы счастья и смысла жизни, любви к своей стране в тяжелые для нее годы, проблемы прав человека и его привилегий... И все это рассматривается с позиций русских национальных традиций.

– В последние 10 лет прибавилось невероятное количество ядовитой желчи, унижения России и русских. Может быть, нынешнее ослабление русского самосознания – это и есть результат этой травмы, с которой можно бороться, хотя бы аргументами.

– От кого ждать помощи русскому народу? Где наши властители дум? Русская интеллигенция периодически полностью себя растаптывает и уничтожает, высмеивая свою историю и народ. Но, может быть, здесь проявляется такое позитивное качество, как умение смеяться над собой?

– Это не смех, это злорадство, когда с удовольствием вытаскиваются на свет самые отрицательные качества для осмеяния, для сведения счетов. Это не свойственно ни основной массе народа, ни Пушкину, ни Достоевскому, ни Толстому, ни Шолохову.

С другой стороны, на Западе это явление тоже есть. Немцы считают Гейне великим немецким поэтом. Он, например, писал:

Большой осел, что был мне отцом.
Он был из немецкого края.
Ослинонемецким молоком
Кормила нас мать родная.

И немцам нравились эти стихи.

Я думаю, что это какое-то временное болезненное явление, которое, может быть, в значительной мере и является причиной того состояния, в котором мы находимся. Я надеюсь, что сама нынешняя катастрофа является как бы и учителем. Люди понимают, что спасение заключается только в объединении – в объединении на национальной почве.

И это может способствовать воскрешению национального самосознания, которое, я думаю, не погибло, а только загнано куда-то в глубину души.

Наверное, в основе такого самосознания должна лежать любовь к своей стране...

Вера в ее значительность, в то, что страна наша имеет мощную глубокую историю, выходила победительницей из страшных испытаний, и поэтому есть все основания надеяться, что в этой исторической традиции мы можем черпать запас сил для трудностей, которые сейчас переживаем.

Россия должна опираться на свою главную силу – созданную за тысячелетия собственную цивилизацию, а не участвовать по правилам Запада в гонке в никуда. В западном мире, конечно же, назревает кризис, и он, безусловно, разразится в ближайшее время. Южноазиатские страны уже принимают меры, чтобы себя от него застраховать. Мы же усиленно и даже искусственно привязываем себя к Западу. Наши интересы в Европейском Союзе никак не учитываются. И это при том, что за членство в ЕС мы платим несколько миллионов в год.

Наше правительство поставило себя в такое положение, когда мы все время что-то отдаем, например Америке: то одну военную базу закрываем, то другую, то свое воздушное пространство предоставляем для военных действий в Афганистане. При этом США демонстративно не идут ни на какие встречные инициативы, показывая таким образом, что мы и обязаны это делать как побежденная страна. Недавний визит Путина в Америку – тому подтверждение. Чудовищно было наблюдать отношение американского Президента к Президенту России: снисходительное похлопывание по плечу, взгляды сверху вниз...

Национальное единство сейчас подорвано и тем, что народ разделен на бедных и богатых в такой степени, что они друг друга уже и не понимают. По ТВ шла передача по поводу войны в Ираке. Телеведущий, обсудив с каким-то политиком последствия войны с точки зрения государственной, затем задался вопросом: а что сулит эта война простому российскому гражданину, который ездит отдыхать в Турцию или на Кипр?.. И это представления наших политиков о простом человеке?

– Народ, несмотря на то, что жить ему при нынешней власти плохо, переизбирает тех же самых дея-

телей... Правящая партия получает большинство на выборах, и в то же время народ вымирает.

– Народ понимает, что от него ничего не зависит. Существующая политическая система не дает людям возможности реализовать свои самые фундаментальные, причем минимальные, требования жизни.

В основе существующей парламентской системы лежит все та же идея чубайсовских ваучеров. Каждый из 100–150 миллионов получает один голос, и этот голос он вкладывает в большое предприятие, в партию. А в результате к власти приходят все те же Бендукидзе, Березовские, Абрамовичи... Так что эффективная политическая система должна быть еще создана... Это дело будущего.

Опираясь на присущие русскому человеку духовные ценности, наши потомки, надеюсь, сумеют построить общество, соединяющее сельский труд с высокой техникой, лучшие плоды западной цивилизации – с русской цивилизацией.

Мне кажется, что в настоящее время спасение страны возможно при условии стабилизации жизненного уровня, государственного ограничения роста цен, государственного контроля над экспортом капиталов и сырья из России. И неважно, какая у нас экономика – государственная или частная. К примеру, в Англии во время войны вводили те же самые меры, вплоть до карточек. Только после того как положение стабилизируется, можно будет серьезно говорить о реальных реформах с учетом той страшной неудачи, которая произошла в последние годы.

Беседа вела корреспондент «ЭГ»

Ирина Аваковна Щеглова.

2003.

ПРЕДНОВОГОДНИЕ МЫСЛИ

За последние годы, несомненно, в нашей стране произошли значительные изменения. Они – менее яркие и катастрофичны, чем перемены первой половины 1990-х гг., поэтому их труднее фиксировать. Большой частью они вызывают (по крайней мере, у меня) тревогу за будущность нашей страны и наших потомков, которые будут в ней жить. Но некоторые, наоборот, внушают оптимистические чувства.

Недавние выборы в Государственную Думу были очевидным показателем произошедших перемен. Наиболее значительным мне показалось то, что в них вообще участвовало лишь 55% всех, имевших право голоса. Да еще из них 5% голосовало «против всех». Это у нас, где в деревнях и небольших городах «всем известно обо всех» и так крепка память о временах, когда «неправильное» отношение к выборам влекло серьезные последствия (да и сейчас сильно ли жизнь изменилась?). К тому же голосование за некоторые партии явно имело «протестный» характер – это был протест против сложившегося образа жизни, хотя бы путем апелляции к скандалу.

Другими словами, складывается впечатление, что большинство в некотором, может быть смутном, смысле голосовало «против». А это очень серьезный признак. Мы, значит, уже не составляем единого народа. В жизни произошли очень серьезные изменения. И есть те, кто их приветствует или хотя бы надеется, что «все уляжется»: воры отдадут часть украденного, будут вкладывать свои деньги в развитие нашей экономики, газеты и телевидение перестанут рекламировать проституток... Но очень много и таких (похоже, что большинство), кто чувствует себя вытолкнутым из жизни, и им остается только не со-

глашаться с произошедшим переворотом, не сдаваться. Если не видят для себя конкретного выхода сегодня – то терпеть, сжав зубы, и надеяться хотя бы передать свои чувства детям (примерно как чувствовали наши предки под монгольским игом). И эти две части когда-то единого народа просто не понимают друг друга, они как будто говорят на разных языках. Одни живут в нищете, в разваливающихся домах, часто без воды или без горячей воды, их дети сидят в школах, надев шубы. Эти люди все больше убеждаются, что существующая система голосования, партий, блоков просто не предусматривает осуществления их интересов. Другие уверены, что, по крайней мере в ближайшие несколько лет, в их квартирах будет электричество и тепло, им интересно подсчитывать, насколько поднялся или упал чей-то «рейтинг», как изменился расклад голосов между партиями...

Разделение населения страны на два «народа», даже не чувствующих забот друг друга, кажется мне очень тревожным. Представьте себе войну, в которой только половина армии готова воевать, а другая думает только, как бы побыстрее сдаться в плен. Ведь это проигранная война. А нам в будущем предстоят испытания не менее тяжелые, чем война.

Особенно значительно, что явления, отмеченные нами, встречаются сейчас во всем западном мире. Так, в последних выборах президента США участвовало 50% имеющих право голоса. А это значит, что вся политическая система, основанная на конкуренции партий и выборах по принципу «один человек – один голос», теряет смысл повсюду. Жизнь неизбежно заменит ее чем-то другим.

Но все же изменения в числе голосов, полученных партиями на выборах, что-то указывают. Явно проиграли партии, проявившие слабость «по линии патриотизма», или те, которые демонстративно не использовали

патриотическую риторику, либо те, которые уступили более патриотической агитации близкого конкурента. Действительно, в стране что-то изменилось. Еду я в такси, водитель включает радио, и диктор сообщает: «Говорит русское радио». Да 10 лет назад от таких слов: «*русское радио*» – началась бы истерика в большинстве прессы! А сейчас без этого нельзя. Убраны с политической сцены или потеснены те, кто этого не почувствовал. Сейчас нельзя просто доказывать необходимость олигархов для экономики. Надо (хотя бы символически) отрастить окладистую бороду и доказывать, что олигархи – наша национальная традиция, вспоминать Мамонтова и Третьякова. Необходимо вспоминать о национальных интересах России, неплохо пользоваться словом «империя». Конечно, пока речь идет лишь о словах. Но нельзя недооценивать произошедшего поворота. Стало ясно, что больше невозможно править, как раньше, демонстрируя свое пренебрежение народом. Ему надо «нравиться». А в частности, это предполагает – апеллировать к национальным чувствам русских. Но значит, эти национальные чувства существуют! Ведь политики и те, кто руководит ими, – люди серьезные и зря ничего не делают. Можно даже надеяться, что наша история протекла не впустую, что русское национальное самосознание долго подавлялось, но не было убито окончательно.

Несомненно, существует опасность, что словами все и ограничится. Ведь в этой области есть такие специалисты! Но возникает и задача: не допустить этого. Выясняется, что у интеллигенции есть другая роль, чем только сидеть на пепелище и посыпать голову пеплом: формулировать ближайшие действия, в которые могли бы обратиться столь полезные каждому политику слова. И я даже рискну для примера конкретно предложить два таких действия:

а) защита нашей культуры: музеев, языка; защита народа от агрессивного и растлевающего телевидения;

б) защита образования: обеих сторон – и преподавателей, и детей, а также всей сложившейся структуры.

Структура может быть не идеальной, но очень неплохой (по поводу математики мне приходилось читать столько высказываний в США с завистью к советской системе образования), не разрушать хотя бы того, что сохранилось: при помощи бессмысленных нововведений вроде экзаменов, основанных на тестах, выхолащивающих интеллектуальную и духовую сторону образования.

Могут спросить: какие же это конкретные действия? Но такие есть! Человек, сосредоточивший всю свою энергию на проведении какой-то определенной линии, не сможет при всем желании успешно проводить другую. Поэтому необходимым (хотя и недостаточным) признаком серьезного отношения к обеим этим областям жизни является отставка обоих ответственных за них министров: министра культуры и министра образования. Такое действие не совсем легко для властей (каждое назначение на высокий пост основывается на каких-то весомых связях). Но оно вполне возможно и показало бы, что для властей государственническая и патриотическая риторика хоть что-то реально значит.

2004.

БУДУЩЕЕ РОССИИ

Предисловие

Здесь содержится итог моих размышлений, которые начались давно – более 20 или даже 30 лет назад. Моя беда в том, что у меня, кажется, сложилась «но-

вая историческая концепция». А историки сейчас этого не любят. Их больше интересует тщательное описание конкретных ситуаций и установление фактов. А «концепции», они считают, можно выдумывать какие угодно – это дело фантазии, а отчасти – исторической неграмотности (в чем есть большая доля правды).

Все же здесь я постараюсь изложить эту «концепцию» (если ее можно так назвать) и некоторые необходимые для ее понимания соображения. Это приводит к другой трудности. Все эти соображения мною обдумывались давно, поэтому многие из них уже излагались в появившихся раньше публикациях. Но ведь здесь нельзя, как в математической работе, написать: «воспользуемся теоремой, сформулированной и доказанной в такой-то работе на такой-то странице». Поэтому здесь повторяются некоторые мысли, ранее опубликованные.

Но что мне самому наиболее интересно: зачем я это все пишу? Ведь согласно взглядам, которые я дальше изложу (и в справедливости которых совершенно уверен), вся теперешняя жизнь, включая культуру и те методы понимания всех явлений, которыми мы пользуемся, очень скоро разрушатся. Вероятно, лет 100 или 200 (это в лучшем случае) будет вариться что-то новое – а что из этого выварится, и угадать невозможно. Зачем же сейчас излагать какие-то свои мысли? Что ожидает Россию в будущем – потомки наши гораздо лучше узнают на своем опыте. Все это только в надежде, что излагаемые мысли попадутся в руки хоть одному «монаху трудолюбивому» и покажутся ему интересными и тем сохранятся в Истории и помогут ее осмыслению. Это доказывает, что стремление не утратить связь с телом Истории гораздо сильнее, чем со своим физическим телом. Факт, вероятно, имеющий многозначительные последствия в общечеловеческой жизни.

Введение

Основной исходной точкой моих размышлений, как, вероятно, и многих читателей, было желание понять, что произошло с нашей страной и народом. Часто этот исторический перелом характеризуют как то, что Советский Союз проиграл «холодную войну». Мне кажется, что такое понимание очень неточно. Вспомним проигранные войны в XX или в XIX в. Россия проиграла Русско-японскую войну или Крымскую. Франция – Франко-прусскую и т. д. Во всех случаях проигравшая сторона теряла некоторые территории, выплачивала определенную контрибуцию, подвергалась болезненным геополитическим ограничениям, но не происходило вмешательства в ее внутреннюю жизнь. В нашем же случае были, конечно, и потери территории, более того, страна распалась на части. Можно сказать, что была и контрибуция – размеры ценностей, перетекших на Запад, трудно даже определить, но ясно, что речь идет о триллионах долларов.

Но сверх всего этого радикально была изменена наша внутренняя жизнь – как в России, так и в большинстве ее осколков. Причем все эти изменения носят характер подстраивания под жизнь и требования Запада. Экономика, раньше почти полностью принадлежавшая государству, теперь почти вся находится в частных руках. Возникли колоссальные состояния, появились так называемые олигархи. Фамилии выходцев из России стоят в списках богатейших людей мира. Была принята и политическая система западных стран, основанная на борьбе партий, выборах, влиянии средств массовой информации, которые, в свою очередь, регулируются финансовой поддержкой. Внешняя политика России теперь основана на безусловной привязке к политике

стран и союзов Запада, США, НАТО и т. д. Причем когда Россия шла на крайне болезненные для нее уступки, например в вопросе об отношениях с Сербией, с исламским миром, о собственной обороне, то это никогда не сопровождалось реальными, а не на словах уступками противоположной стороны. Другими словами, подчеркивалось, что они делаются не на основе равноправия, а продиктованы побежденной стороне.

Одновременно была предпринята массивная попытка подавить независимость русского сознания, унижить его и смешать с грязью. Так, радио «Свобода» утверждало, что «перестройка не только должна демонтировать то, что называется тоталитарным социализмом, но и изменить духовный строй русского человека, приблизить его к западному складу сознания». Должна произойти «мутация русского духа»! Нужно «русского человека выбить из традиции». Нам внушалось, именно внушалось без доказательств, что человеческая история имеет характер движения в определенную сторону. Это движение и называется «прогрессом». В нем западные страны ушли далеко вперед, они «передовые», «прогрессивные». А Россия очень отстала, может быть, безнадежно, благодаря как раз той «традиции русского человека», из которой его и надо «выбить».

И более наглядно: когда русские войска уходили из Германии, отдавая геополитические позиции, завоеванные в самой кровопролитной войне истории, им аккомпанировал на барабане пьяный Президент России. Такая ситуация вообще, насколько я знаю, не имеет прецедентов в истории. Был в Древнем Риме такой сенатор Катон, который оканчивал каждую свою речь словами: «Карфаген должен быть разрушен». Но никому же не приходило в голову предложить, чтобы какой-то вождь карфагенян при этом играл на барабане. И эта красочная картина

сейчас довольно часто воспроизводится на телевидении. Более того, этот Президент недавно в связи с каким-то юбилеем был награжден за свои заслуги высшим орденом, выдуманным сейчас в новой России. Так что то, что с нами произошло, – это не проигранная война, а победа одной цивилизации над другой, ей чуждой, которую надо истребить, превратить в духовную пустыню, где, как говорится, и трава не растет.

Вот эту ситуацию нам и следует обдумать.

Западная цивилизация

Я хотел бы немного конкретизировать, что мы подразумеваем под западной цивилизацией, чтобы было ясно, о чем идет речь. Что же это за цивилизация такая, во власти которой мы оказались? Мы уже применяли термины «западная цивилизация», «Запад». Ими пользуются многие авторы. Конечно, это очень специфическая цивилизация, зародившаяся в Западной Европе. Позднее ее материальный «силовой» центр переместился в Северную Америку. Она очень неожиданно проявилась в XV–XVI вв. Это была, как ее называют, эпоха великих географических открытий. Положение было парадоксальным. Западная Европа, казалось бы, поглощена своими делами. Во Франции еще шла или только что закончилась Столетняя война с Англией. В Германии назревала Реформация, позднее она разразилась, сопровождаемая религиозными войнами. Пиренейский полуостров еще не был освобожден от арабов. Турки осаждали Вену. И в это время западноевропейцы с невероятной энергией бросились захватывать территории по всему миру – в Индии, Америке и Африке, вывозя оттуда золото и рабов. Это была первая экспансия западной цивилизации.

Вторая, называемая «коперниканской революцией», была направлена в сторону природы. Началом ее считается, конечно, очень приближенно, появление учения Коперника в середине XVI в. А основные успехи приходятся на XVII в. Тогда были сделаны открытия Галилея, Кеплера, Декарта, Ньютона, создавших дух новой науки. Подобно тому как путешествия XV–XVI вв. бесконечно расширили кругозор западных европейцев, так открытия XVII в. и последующее развитие науки открыло им целый новый мир звезд, галактик, атомов, молекул. При чем в первом случае была приобретена власть над новыми странами, во втором – над явлениями природы.

Наконец, в конце XVIII и в XIX вв. был создан новый экономический уклад, сделавший экономику западных стран во много раз продуктивней. Это то, что обычно называется капитализмом. Основой было полное освобождение экономики от контроля общества – государства, гильдий, цехов, Церкви и даже совести. Контроль переходил полностью в руки рынка. Рынок – это удивительная конструкция, нечто вроде громадного компьютера, позволяющего регулировать самые различные стороны производства с целью общего роста экономики. Адам Смит называет его «невидимой рукой». Другими словами, производитель должен думать только о наибольшем возможном доходе, а «невидимая рука» уже сама поведет его в ту сторону, которая нужна для общего роста экономики. И эта конструкция действует тем эффективнее, чем большая часть экономической жизни большего числа людей ей подчиняется. Никакая человеческая контролирующая система не способна с ней конкурировать. Но действие этого компьютера имеет свои границы, которые определяются тем, что рынок способен вообще воспринимать только факторы, выраженные в числах – ценах товаров. Поэтому

полностью подчиненная законам рынка экономика по необходимости игнорирует иные требования жизни – такие, как чувство справедливости или сострадания.

Вся рыночная экономика поэтому была построена по типу торговли, а центром ее стала биржа – торгующая ценными бумагами. Многое, существовавшее в более раннем, традиционном обществе, не соответствовало этому новому духу и исчезло. Например, в Англии благотворительность в большой степени была заботой Церкви. После конфискации церковных земель при Генрихе VIII она сильно сократилась, но отчасти осуществлялась государством. После английской революции, особенно так называемой «славной революции» 1688 г., общественным мнением благотворительность была вообще отвергнута. Английские экономисты того времени вообще считали бедность не несчастьем, в котором людям нужно помогать, а справедливым наказанием за лень, а также состоянием, благоприятным для создания рыночной экономики. Существует целый ряд цитат самых знаменитых экономических авторов по этому поводу. Зато рыночная капиталистическая экономика оказалась очень удобной для внедрения и создания новой техники на основе последних достижений науки. Последний переворот, связанный со слиянием экономического производства с развитием техники и науки, называется научно-технической революцией, сокращенно НТР. Он занимает XVIII–XX вв.

Основные принципы западной цивилизации

Многие задавались вопросом: чем же объясняется колоссальный рост силы и продуктивности западной цивилизации? Благодаря имеющимся глубоким исследова-

дованиям ответ сейчас более или менее ясен. Можно попытаться сформулировать основные принципы, на которых эта цивилизация базируется. Как мне кажется, можно выделить два наиболее важных. Первое – это постоянно культивируемая и развиваемая с разных точек зрения концепция власти и силы. Она проявилась и в захватах эпохи великих географических открытий. Ранней формулировкой принципов новой цивилизации считается произведение итальянца Пико делла Мирандола, жившего в XVI в., «Речь о достоинстве человека». В нем, как часто говорят, отражена психология нового человека, освобождающегося от рабства и покорности авторитетам, чувствующего себя господином Вселенной. Действительно, там Пико заявляет следующее: «Человек может общаться со всеми уровнями Вселенной, может познать последние законы всего, приобрести власть над этим всем: над людьми и вещами, совершать чудеса, недоступные самой природе». Но путем к такому господству он считает магию и знание некоторых тайн, которые были открыты еще древними мудрецами и дают власть над миром.

Как бы выполняя эту программу, наука XVII в. поставила себе целью открытие законов природы. Именно тогда появились этот термин и это понятие как бы некоторых центральных тайн мира, из которых можно потом вывести все другие его свойства. Многие принципы науки были сформулированы и предсказаны англичанином Френсисом Бэконом в начале XVII в. – экспериментальность науки, создание научных коллективов и т. д. Сам он особенных открытий не совершил. Но под его громадным влиянием в следующих поколениях находились величайшие ученые Англии – Ньютон, Гук, Галлей и др., объединенные в так называемое Лондонское Королевское общество. Бэкон считал, что экспе-

римент – это насилие или пытка, при помощи которой человек может вырвать у природы ее тайны. Интересно, что и Галилей сравнивал эксперимент с испанским сапогом, в который нужно зажать природу, чтобы она открыла свои тайны. Наука есть некая битва между человеком и природой. Бэконом был сформулирован лозунг «Победить природу». Целью он объявлял установление власти над природой, чтобы распоряжаться ее силами. Ему же принадлежит формулировка принципа «Знание – сила». Оба эти лозунга были всюду развешаны еще в моей молодости.

Наконец, последние, итоговые системы западной философии – Шопенгауэра и Ницше – тоже основывались на концепции воли и власти. Последние политические воплощения этого принципа мы видим в немецком национал-социализме и современной политике США. Этот принцип проявился во всех течениях западных идеологий. Например, в ответе Маркса на вопрос: «Ваше представление о счастье?» – «Борьба».

Вторым основным принципом западной цивилизации является полное подчинение чувств и обыденного опыта интеллекту и логике – то, что называется чистым рационализмом. Колоссальные успехи естественных наук были связаны с опорой на гипотезы, не только не извлеченные из опыта, но и принципиально непроверяемые. Типичный пример – это всем известный так называемый первый закон Ньютона, на самом деле сформулированный впервые Декартом, согласно которому тело, на которое не действуют никакие силы, совершает равномерное и прямолинейное движение. Конечно, неограниченное прямолинейное движение предполагает бесконечное пространство, которое мы никак наблюдать не можем, как и тело, на которое не действуют никакие силы, мы также не можем наблюдать. Аристотель, напри-

мер, посчитал бы подобные высказывания пустым набором слов, т. к. они утверждают нечто о том, чего нет.

Однако такие абстракции оказались очень плодотворными. Этот чисто рационалистический подход, естественно, сближает науку и технику. Ведь логическое рассуждение, распадающееся полностью на заключения: «Из *a* следует *b*», может быть смоделировано машиной, в которой движение колесика «*a*» вызывает движение колесика «*b*». Возникшая на этом пути наука не способна понять и анализировать то, что не подобно машине. И все время возникает идея, что мир – это огромная машина. Еще в XVII в. Кеплер писал: «Моя цель показать, что мировая машина, скорее, подобна не Божественному организму, но часовому механизму». Термин «мировая машина» – а писали они по-латыни: “*machina mundi*” – встречается с самого зарождения новой науки.

И объектами новой науки были величины, точно измеримые в числах, а законы природы понимались как математические соотношения между этими числами. Все развитие научно-технической революции было связано с постоянным вытеснением живого техникой. Технический прибор всегда считался надежней и до сих пор считается надежней, чем то, что называется «человеческим фактором». Техника становится ближе и понятнее, чем живое. А в новом поколении уже и компьютер вытесняет даже традиционный способ человеческой коммуникации – книгу.

Эти концепции привели к колоссальным успехам в астрономии и физике. Под их влиянием возникло убеждение, что таким же принципам подчиняются и живые существа, и человеческое общество. Примером такой «социальной инженерии», как ее называют, и была попытка построить в нашей стране коммунистическое общество по разработанному задолго до того плану. Дру-

гой такой же попыткой было искусственное введение капитализма. Западная цивилизация создала и новую политическую систему – демократию, основанную на выборах, борьбе партий. Сначала в Англии и США она основывалась на очень узком избирательном праве для состоятельных людей, и заведомо только для мужчин. Потом круг имеющих голос расширялся. Эта система также основывалась на некоторой абстракции, положении о равенстве всех людей, которого нет, в особенности в материальном и социальном положении. Но эта система способствовала стремительному развитию капиталистической экономики и научно-технической революции.

Уже в XX в. западная цивилизация привела к некоторым кризисным явлениям. Например, представление о борьбе с природой, стремление ее победить – к экологическому кризису. Об этом будет подробнее сказано позже. Благодаря этому к ней выработалось в некоторых случаях отрицательное отношение как к чистой носительнице зла. Например, на Западе иногда это формулируют так, что белая раса – а это, собственно, другой термин для определения западной цивилизации – есть раковая опухоль на теле человечества. Но нельзя забывать, что в период своего расцвета она создала изумительное по красоте искусство: живопись Рафаэля и Рембрандта, скульптуру Микеланджело, музыку Баха и Моцарта, драму Шекспира, романы от Сервантеса до Диккенса и т. д. Во всем этом чувствуется какая-то «божественная красота», никак не укладывающаяся в образ раковой опухоли. Ведь была же причина, почему петровские реформы были приняты Россией сравнительно легко – сравнительно, например, с таким явлением, как раскол. Я думаю, тогдашних дворян Запад привлекал не только тем, что показывал, как можно вкусно есть и сладко пить. Ведь это они имели и в своих поместьях в достаточных количествах. Видимо,

более чутких из них привлекало новое для них искусство, новые грандиозные философские учения Спинозы и Лейбница, новая, прекрасная наука, может быть, не всеми до конца понятая, но ощущаемая. Таков же был путь, которым Запад подчинял себе многие страны, появился слой людей, как бы зачарованных западной культурой. И это оказывало часто более сильное действие, чем огнестрельное оружие, самолеты и атомные бомбы.

Запад и Россия

То полное подчинение Западу, которое мы переживаем сейчас, наступило не внезапно. Это был длительный процесс, занявший около 300 лет. Первые изменения в сторону частичного подчинения западному влиянию связывают обычно с эпохой Петра I. Конечно, это приближенно, начались они раньше. Эти изменения начались с освоением Россией достижений западной цивилизации, хотя вся страна в целом сохраняла свои традиции. Можно сравнить это с тем, что человек как бы выучил иностранный язык, не потеряв своей национальности. Россия благодаря этому смогла противостоять давлению Запада в целом, в войне со Швецией при Петре I, Наполеону, Гитлеру. Она избежала судьбы Индии или Китая, не стала колонией, достигла своих естественных географических границ. И в результате влияния западной, постренессансной цивилизации на русскую, основанную на православной и византийской цивилизации, возникла великая русская культура XIX в.

Однако этот процесс был далеко не безболезненным для России. Произошел раскол между высшим слоем в обществе, в большей или меньшей степени усвоившим плоды западной цивилизации, и основной частью народа, продолжавшей жить в прежней традиции. Меня

наглядно поразило это явление, когда я прочитал описание, как в 1918 г. окрестные крестьяне жгли Михайловское. Причем отнюдь не с целью грабежа, а весело, с плясками под песни и под гармошку. С другой стороны, в России в правящих ее сословиях образовался слой людей, подпавших под полное влияние Запада, вечно боявшихся, что их примут не за западных европейцев, а за русских. Благодаря этому политика России часто отстаивала вовсе не русские интересы. Однако к XX в. Россия все же в основном сохранила свою национальную идентичность. Она осталась глубоко монархической, православной страной.

Главное же радикальное различие в путях России и Запада заключалось в отношении к крестьянству. А это был коренной для России вопрос, т. к. к началу XX в. еще 80% населения России составляли крестьяне. Западный капитализм возник за счет разорения крестьянства и перемалывания части его в городской пролетариат. В Англии это было связано со сгоном крестьян с их общинных земель. В США процесс зашел так далеко, что сейчас там только 2–3% населения заняты постоянно в сельском хозяйстве, хотя около 25% экономики работают на него: машиностроительная, химическая промышленность и т. д. Другими словами, общество максимально стремится сократить контакт с деревней, с землей, как с чем-то опасным вроде радиоактивных материалов. В России же сохранение крестьянства было не только стремлением самого крестьянства, но и сознательной целью администрации. Еще при реформах 1861 года – при освобождении крестьян – была сохранена община именно с целью предотвратить пролетаризацию деревни.

Когда же стало ясно, что община сковывает экономическое развитие, то планы ее реформирования разрабатывались Бунге – министром Александра III, позже –

комиссиями Витте и, наконец, воплотились в реформах Столыпина. Но что самое значительное, в России был найден реальный тогда путь развития сельского хозяйства в условиях высокоиндустриального общества, а именно – кооперация. Ученые и одновременно общественные деятели этого направления назывались аграрниками. Это были Чупров, Кондратьев, Чайнов, Бруцкус, Студенский и др. Удивительно, что в Англии и в США существовало такое же движение и даже с таким же названием. Но в то время как в Англии и США это ограничивалось манифестами (в Англии об этом писал известный писатель Честертон, в США – менее у нас популярный Тейт), в России кооперативное движение приняло колоссальные размеры. Перед Первой мировой войной им было охвачено более половины крестьянского населения (считая с семьями).

Здесь происходило действительно столкновение разных принципов. Крестьянский труд предполагает личное решение: что и как сеять, как жать, когда жать, когда свозить и т. д. В этом смысле он столь же творческий, как труд поэта или ученого. Внешне крестьянин столь не похож на поэта, что трудно поверить в сходство их дела. Но главное, самое существенное – совпадает. С той разницей, что, пока общество не приобрело чисто городской характер, земледелие остается единственной формой творческого труда, открытого для большей части населения. Как пишет Чайнов, к крестьянскому хозяйству неприменимы понятия стандартной политэкономии – рента, эксплуатация, доход. Там была, как он пишет, своя концепция выгоды. Другими словами, выгодой для крестьянина был не доход, а возможность заниматься своим трудом. И то же, я думаю, сказал бы и любой художник или ученый о своей работе. Благодаря этому, говорит Чайнов, индивидуальное трудовое кре-

стьянское хозяйство в кризисных ситуациях оказывалось более устойчивым, чем хозяйство, ориентированное на доход. Оно могло какое-то время мириться с уменьшением дохода, не идти на увеличение усилий, не оправданных доходами. Но именно благодаря этим чертам оно плохо интегрировалось в капиталистическое хозяйство. Ведь рынок функционировал только в терминах цен и доходов. Да и весь дух западной цивилизации, представляющей себе мир как машину, был крестьянскому хозяйству противоположен.

Разработанная направлением «аграрников» концепция кооперации была ориентирована на то, чтобы сохранить этот творческий характер крестьянского труда. Предполагалась кооперация тех областей деятельности, которые не были связаны непосредственно с производством. Например, сбивание сметаны в масло, трепка льна, получение ссуды в городском банке (минуя деревенского богатея-«мироеда»). Масштабы этой деятельности были колоссальны. Например, созданные до войны 1914 года кооперативные объединения «Маслоцентр» и «Льноцентр» были крупнейшими мировыми поставщиками масла и льна. Перед войной маслоделие давало больше продукции (в рублях), чем вся русская золотодобывающая промышленность.

Таким образом, тот факт, что Россия вплоть до начала XX в. оставалась в подавляющей части крестьянской, показывает, что она далеко не подчинялась тогда нормам западной цивилизации.

Как Запад подчинил Россию?

В начале XX в. Россия стояла еще перед выбором. В ней действовали силы различного направления. Впервые решающий перелом, как мне представляется,

произошел в результате революции 1917 года. Казалось бы, победила коммунистическая власть, яростно антикапиталистическая. Но, как нередко бывает в истории, разнящиеся по своей внешности движения выражают одну и ту же историческую тенденцию. Так и коммунизм в форме победившего у нас марксизма был чисто западной концепцией, выработанной на Западе. И, как считали его создатели, осуществлена она должна была быть прежде всего в западных странах, что долгое время очень смущало советских вождей. Он опирался на ту же самую западную концепцию прогресса, выступавшую в нем в виде закономерной смены экономических формаций.

Основная идея всех социалистических учений (включая марксизм) – создание единого хозяйства, управляемого из центра, как машина. Другими словами, это был тот же принцип западной цивилизации, только машина управлялась не рынком, а государством. Именно поэтому новая власть в России пользовалась значительной западной поддержкой – и интеллигенции, и идеологов Запада, и его финансистов. Причина этого, на первый взгляд, загадочного явления, примеров которому очень много, в том, что речь шла о воплощении в жизнь тех же принципов. Новая власть уничтожала традиционные стороны русской жизни: религиозность, монархические чувства и прежде всего – крестьянское, индивидуально-трудовое хозяйство, мешавшие торжеству принципов западной цивилизации. Последнее и составляло основную проблему власти. Крестьянство также восставало против попыток уничтожения жизненного уклада, подчинив его общегосударственному хозяйству (как это называл Ленин) через комбеды, коммуны и продразверстку, как некогда против помещи-

ков, т. е. фактически против малоземелья, которое тоже делало невозможным их труд и гнало их в город.

Поэтому и на политику новой власти крестьяне ответили тысячами восстаний по всей России – фактически единой крестьянской войной. Ярость противостояния можно оценить, например, по записке Ленина под названием «Товарищи рабочие, идем в последний, решительный бой». Там можно прочесть: «Волна кулацких восстаний перекидывается по России. Если бы кулакам удалось победить, мы прекрасно знаем, что они бы беспощадно перебили сотни тысяч рабочих, восстанавливая каторгу для рабочих. Так было во всех прежних европейских революциях. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Никакие сомнения невозможны, кулачье – бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстание кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им! Рабочие должны железной рукой раздавить восстание кулаков. Беспощадное подавление кулаков, этих кровопийц, вампиров, грабителей народа, спекулянтов, наживающихся на голоде».

Кто же такие были эти кулаки? В этом же тексте Ленин говорит, что кулаков не более двух миллионов. С другой стороны, он много раз повторяет, что в истории счет идет на десятки миллионов. (Он часто пишет: «Меньше не считается» – это была его любимая фраза.) Тогда спрашивается: чем же так безумно опасны эти два миллиона? У них нет ни бронепоездов, как у власти, ни аэропланов, ни артиллерии. Только ружья, принесенные с фронта, и вряд ли много патронов к ним. Как они могут перерезать бесконечное – это, конечно, признак эмо-

ционального возбуждения – число рабочих? Получается какая-то бессмыслица. Если только кулак – это не эвфемизм, т. е. другое обозначение – крестьянства. Крестьян-то действительно были десятки миллионов.

Вот против них и зовет Ленин в последний и решительный бой. Конечно, судьба крестьянства была predetermined, как всегда в борьбе города с деревней. В тот момент, ввиду ряда обстоятельств, крестьяне от власти отбились, принеся многомиллионные жертвы. Власть вынуждена была объявить НЭП, приняв требования крестьянских восстаний. Но лет через 7–8 попытка была предпринята вновь, и тогда удалась на более длительный период. Причем опять под колоссальным террористическим нажимом, который опять назывался раскулачиванием. Здесь можно видеть проявление аналогии: борьба города с деревней имеет такой же характер, как борьба человека с природой. В каждом отдельном месте человек сильнее природы и может ее «победить». Реакция Природы – это гибель целых ее областей, вымирание, грозящее и гибелью человеку, который как-никак – часть природы. Осознав это, он отступает (если еще не поздно).

Как известно, принятию курса на сплошную коллективизацию предшествовал ряд бурных съездов партии – XIII, XIV, XV. Я хочу предложить отчасти новую интерпретацию этих съездов. На них лидеры оппозиции менялись. Например, на XIII съезде ее возглавлял Троцкий. Противостояли ему Зиновьев, Каменев и Сталин. А на XIV съезде оппозицию возглавлял уже Зиновьев при поддержке Каменева. А противостоял ей Сталин, Бухарин и др. Но требования оппозиции сводились всегда к одному: возобновлению наступления на деревню. Мне представляется, что наиболее активная и энергичная часть партии – те, кто собирались на съез-

ды и партконференции, те, кто их выбирали, – именно этого и требовала.

Для нее, для самых принципиальных ее членов, величайшей травмой было отступление нэпа. Эта часть и требовала реванша. Среди членов партии было тогда очень много самоубийств. «Правда» сообщила, например, что в 1925 г. 14,7 %, т. е. почти 15 % умерших членов партии, покончили с собой. А социологи считают, что 1–2 % – это норма или даже, как они пишут, критический уровень для любой социальной группы. Изданные сейчас сводки ОГПУ, выславшиеся тогда очень узкому руководству, сообщают, что в 1922 г. из партии выходят, как они там пишут, «целыми комячейками», вследствие, опять же, как пишут, «несогласия с новой экономической политикой». Это в Поволжье, в северном крае, в Сибири, в юго-восточном крае.

Видимо, у партии в целом и не было другой программы, кроме идей военного коммунизма. Ведь идеи военного коммунизма просто совпадали с принципами «Коммунистического манифеста». Так, например, в «Коммунистическом манифесте» были предсказаны трудармии Троцкого. Это была основная, идейная основа тех оппозиций. Наконец, более чуткая часть руководства, включая Сталина, поняла, что только на этой основе можно сплотить партию, и приняла ее. Менее чуткими были Бухарин и др., которые ее не приняли. Но и они сопротивлялись лишь до тех пор, пока не стало ясно, что план удался. Это были, так сказать, чисто тактические разногласия. Да и Сталин при первых столкновениях лишь обвинял их в излишней осторожности, сравнивал даже с чеховским человеком в футляре.

Я называю свою точку зрения лишь отчасти новой, т. к. Троцкий, уже в эмиграции, не раз заявлял, что Сталин украл его программу. Но тогдашние его

высказывания в ярости борьбы были малоубедительны. Впрочем, и Сталин в период борьбы за «сплошную коллективизацию» сказал (видимо, возражая против подобных обвинений): «Ели бы мы пошли за авантюристами типа Троцкого и Зиновьева, то мы бы тогда провалились». Возможно, главная заслуга Сталина и состояла в том, чтобы угадать правильный момент, когда за годы нэпа страна подкормилась, были укреплены армия и ОГПУ и т. д., – вроде ленинского: «Сегодня рано, послезавтра – будет поздно».

Вообще же, это любопытный и далеко не единственный случай в истории, когда оппозиционная группа подсказывает большой социальной структуре правильную для нее стратегию. Вот пример, который мне кажется красивым. В конце XII в. в городе Лион во Франции сложилась некая религиозная группа вокруг Петра Вальдуса. Они обратились в Рим с просьбой разрешить им создать нищенствующий орден. Их отослали к одному кардиналу, который проэкзаменовал их по некоторым богословским вопросам и выяснил, что они в них неграмотны. В просьбе им было отказано. Группа ушла в подполье, стала быстро радикализироваться и еще несколько столетий будоражила Европу. Это была так называемая ересь вальденсов. Но зато когда через некоторое время с аналогичной просьбой обратился Франциск Ассизский, то святой престол не отказал ему. И орден францисканцев играл громадную стабилизирующую роль в средневековом обществе в тот его период, когда существовали колоссальная нищета и забитость народа.

Но вернемся к России. Аргументируя необходимость массовой коллективизации, Сталин как-то сказал, что без этого невозможно осуществить индустриализацию страны. Конечно, речь шла об определенном пути индустриализации. Но это и был лаконично сформули-

рованный принцип западного капитализма. Индустриализация за счет деревни. Таким образом, Россией именно тогда, как мне кажется, был принят западный путь развития. Элемент заимствования, подражания осознавался тогдашним руководством. Это проявлялось, например, в лозунгах «Догнать и перегнать». Выпускались даже изделия со штампом «ДиП» – «догнать и перегнать». Я помню эти лозунги, висящие просто повсюду, в моем детстве, в 30-е годы. А ведь догнать можно только того, кто бежит впереди, другими словами, кого признаешь лидирующим. Таким образом, Россия была вынуждена надолго принять принцип развития западной цивилизации, поставить себя в положение догоняющей. Это, естественно, изменило и отношение ко всем ценностям западной цивилизации. Они стали выглядеть привлекательными, были восприняты верхним слоем коммунистической власти. Во время перестройки эти принципы были полностью осуществлены путем приватизации, юридически оформлены и легализованы.

Кризис Запада: материальные факторы

Сейчас сложилась парадоксальная ситуация. Россия, как уже было сказано, попала в полное подчинение Западу. Но сам Запад переживает кризис, причем, вероятнее всего, это агония. На Западе уже давно такой взгляд высказывался. Наиболее сенсационной была в свое время очень яркая книга Шпенглера «Закат Европы», опубликованная сразу после поражения Германии в Первой мировой войне. Автор рядом примеров доказывает ложность идеи единого непрерывного развития человечества, концепции прогресса. Эту концепцию он считает лишь продуктом западной культуры и пользуется термином «культура» вместо «цивилизация». История, с его

точки зрения, состоит из разных культур, развивающихся от рождения до гибели как независимые организмы.

«Впрочем, та же точка зрения была развита Данилевским в книге «Россия и Европа» на полвека раньше. Там он, в частности, пишет: «И прогресс состоит вовсе не в том, чтобы все время идти в одном направлении, а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях»¹. А десятилетиями позже Шпенглера – английским историком А. Тойнби в громадном труде «Постижение истории» в 12 т. Наконец, уже в последнее время (опубликовано в 1993 г.) ведущий западный специалист в новой области – «крестьяноведении», Теодор Шанин пишет, почти повторяя Данилевского: «Нет единой истории человечества. Есть десятки историй разных обществ. Разные страны движутся в разных направлениях, разные классы движутся разными путями, разные группы – разными типами движения». И путем ряда сопоставлений Шпенглер приходит к выводу, что западная культура находится в стадии конца, умирания. Эту стадию в любой культуре он называет цивилизацией. Хотя Шпенглер определял длительность этой стадии в несколько столетий, но все восприняли ее как пророчество о ближайшем будущем. И когда в ближайшее десятилетие такого видимого заката не произошло, интерес к его работе постепенно упал.

Но в последние годы на Западе опять появляется ряд книг под названиями «Смерть Запада», «Самоубийство Запада», «Смерть христианской культуры», «Последние дни мира белых» и т. д. Явно происходит возврат к настроению когда-то столь популярного «Заката Европы». Из этих обзорных работ, равно как и из большого чис-

¹ Цит. по: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 135.

ла публикуемых статистических материалов, мы видим удивительную картину внутреннего угасания и разложения Запада на фоне как раз максимального достигнутого им физического могущества. Представляется образ человека, обладающего арсеналом смертоносного оружия вроде атомных бомб или крылатых ракет и умирающего от пожирающего его недуга, чахотки или СПИДа. Впрочем, нам-то не пристало удивляться подобной картине. Ведь и коммунистическая империя на наших глазах распалась от внутренних причин, разъедавших ее в момент своей наибольшей внешней силы.

Дальше я изложу сведения, которые приводятся в западной литературе по этому поводу, разделив их по двум признакам: на те, что носят чисто материальный характер, и на те, которые больше относятся к духовной жизни. Прежде всего многие из упомянутых книг приводят факты, свидетельствующие, что Запад умирает в буквальном смысле. С громадной скоростью сокращается население западных стран. Это столь нам знакомое явление – сокращение населения. Поскольку мы с ним резко столкнулись в своей стране, то восприняли как болезненное явление именно нашей жизни, и не сразу бросилось в глаза, что на самом-то деле это явление более широкое.

Например, если в 1960 г. европейцев, американцев, канадцев и австралийцев было 750 млн человек и они составляли четверть от трехмиллиардного населения мира, то за прошедшие 40 лет население Земли увеличилось до 6 млрд, но европейские нации практически не выросли, а многие сократились. Если предположить такое же развитие и в будущем, то к 2050 г. население мира вырастет еще на 3 млрд., но исключительно за счет народов Азии, Латинской Америки и Африки. В 1960 г. люди европейского происхождения составляли четверть

мирового населения, в 2000 г. – одну шестую, а к 2050 г., по прогнозам, составят лишь одну десятую.

Средний уровень рождаемости в нашей стране катастрофичен, он составляет 1,35 ребенка на одну женщину. Но он не намного лучше и в Европе – 1,4, а ведь для воспроизведения населения он должен быть, по крайней мере, 2,1. На протяжении последних 10 лет средний уровень рождаемости в Германии был равен 1,3 – еще меньше, чем в России. Это значит, что к 2050 г. население Германии сократится с 85 до 59 млн. Если не учитывать иммиграции, то к 2100 г. ее население будет 38,5 млн. В Италии средний уровень рождаемости равен 1,2. При его сохранении к 2050 г. население ее с 57 млн упадет до 41 млн. Ниже всего среди западноевропейских стран – уровень рождаемости в Испании, где он равен 1,07. Это предсказывает сокращение населения на одну четверть за 50 лет. В 1950 г. население Испании в три раза превышало население соседнего Марокко, а к 2050 г. Марокко будет иметь вдвое большее население, чем Испания.

Этот фактор пока еще не так ярко проявляется, потому что компенсируется массовой иммиграцией в западные страны. Так, специалист по демографии Римского университета Антонио Галини утверждает, что уже сейчас Италия целиком зависит от иммигрантов, которые только и позволяют выдержать стране бремя пенсионного обеспечения. В Германии большая часть иммигрантов – турки, во Франции – алжирцы, негры из бывших колоний, в Англии – жители бывшего британского содружества. При сохранении тех же темпов иммиграции в этом столетии англичане составят меньшинство жителей своей страны.

Наиболее парадоксально положение в США. Общая демографическая ситуация там не так катастрофична. Население, кажется, не сокращается, но состав

его в последние годы радикально изменился за счет иммиграции. В 1990-х гг. иммигранты и их дети обеспечили весь прирост населения в таких штатах, как Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс, Массачусетс. Наиболее заметная часть потока иммигрантов течет через границу США и Мексики – это латиноамериканцы. За 1990-е гг. количество жителей США мексиканского происхождения увеличилось вдвое – до 21 миллиона человек. Это касается только легальных иммигрантов, а число нелегальных – неизвестно, приблизительно оценивается в 6 млн. Собственно, почти все жители США – иммигранты или их потомки. Но новые иммигранты привносят с собой и совсем новые черты. Они, как правило, совсем не стараются ассимилироваться, стать обычными американцами, как было раньше. Большая их часть оседает в южных штатах, которые они рассматривают как незаконно отнятые когда-то у них земли, что исторически вообще-то совершенно справедливо. Примерно половина Мексики была аннексирована в свое время Соединенными Штатами. Своей истинной родиной они продолжают считать Мексику. В Техасе есть города, объявившие испанский язык официальным. В Калифорнии в ряде школ преподавание ведется на испанском языке. Несколько раз поднимался вопрос о переименовании штата Нью-Мексико в Нуэво-Мексико, как он назывался до американской аннексии. Функционирует организация, ставящая целью создание нового государства Ацтлан с мексиканским населением со столицей в Лос-Анджелесе. Сейчас белые уже стали меньшинством в Калифорнии. В 1990-е гг. Техас принял около 3 млн новых жителей. Испаноязычное население составляет там 33%. По расчетам демографов, к 2050 г. белые составят в штате меньшинство. Можно считать, что США перестали быть плавильным котлом наций,

как они говорили – “*melting pot*”, чем так гордились, что считали основной стороной американской жизни.

Иммигранты из стран «третьего мира» являются, конечно, жертвами политики Запада, разрушившего их традиционный образ жизни. Но в странах, где они расселяются, они, в свою очередь, разрушают сложившийся там образ жизни.

Массовая иммиграция не является лишь признаком ослабления западного мира, не способного защититься от напора пришельцев. С ней связаны и крупные экономические интересы. Так, предприниматели приобретают дешевые рабочие руки, особенно это касается нелегальных иммигрантов, не имеющих возможности отстаивать свои права. Как обычно, где замешаны крупные деньги, там расцветает либеральная мысль. Сейчас на Западе получил гражданство термин «политкорректность», играющий примерно ту же роль, что выражение «антисоветские настроения» в эпоху коммунистического режима. Это обвинение, не требующее доказательств. Так вот, любой призыв к ограничению, регулированию или хотя бы учету иммиграции объявлен неполиткорректным. Если взглянуть более широко, то становится ясно, что иммиграция совершенно необходима для компенсации падения рождаемости, поскольку Запад желает сохранить привычный уровень комфорта и социальной защищенности – работать-то кто-то должен. Он стоит перед выбором: либо резко увеличить налоги, снизить пенсии, льготы по лечению, либо пойти на заселение своих стран выходцами из «третьего мира».

Можно возразить, что пессимистические прогнозы легко формулируются и оказывают широко влияние, но не всегда оправдываются. Возникает сомнение: не так ли обстоит дело и теперь? Крупный американский политик и политолог Патрик Бьюкенен обсуждает этот

вопрос в книге «Смерть Запада» и приходит к следующему выводу: смерть Запада – не предсказание, не описание того, что может произойти в некотором будущем, это диагноз, констатация происходящего в настоящий момент. Нации «первого мира» вымирают. Они оказались в глубоком кризисе не потому, что случилось что-то с «третьим миром», а потому, что чего-то не случилось у них самих, в их собственных домах.

Другой признак упадка Запада связан с его экономикой. Капитализм, обеспечивающий колоссальную производительную мощь Запада, является парадоксальным явлением. На это указал исследовавший генезис капитализма Зомбарт еще в XIX в. в книге «Буржуа» и других работах. Главным фактором, обеспечивавшим неслыханный успех капиталистической системы хозяйства, он считает явление, которое характеризует сложным термином «коммерциализация хозяйственной жизни». Под этим он подразумевает, что благодаря рынку центр тяжести хозяйства перемещается с непосредственного производства на торговые операции. Человеческие, хотя бы и примитивные, эгоистические символы такого типа: нажить капитал, увеличить свой социальный статус, приобрести дворянство и т. д. – вытесняются более абстрактными целями, например неограниченным увеличением капитала компании. Перед экономикой стоят нечеловеческие цели.

Это осуществляется при помощи определяющей роли, которую играют банки, продажа ценных бумаг и биржа. Теоретический анализ Зомбарта был очень ярко подтвержден реальностью XX в. Действительно, крупнейший кризис экономики XX века в 1929–1933 гг. начался именно с биржевого краха на Нью-Йоркской бирже: так называемый черный четверг 29 октября 1929 г. Да и теперь состояние мировой экономики определя-

ется индексом продажи определенных бумаг на бирже, а не уровнем производства предметов, необходимых в реальной жизни. Во второй половине XX в. эта линия развития совершила еще один резкий виток. Согласно различным оценкам, сейчас в сфере биржевых спекуляций вращается в десятки, а по некоторым данным – в сотни раз больше средств, чем в сфере реальной экономики, т. е. колоссальные денежные суммы реально ничтожно мало обеспечены.

Это усиливается еще и тем, что в 1944 г. на конференции в Бреттон-Вудс ведущие капиталистические страны согласились принять в качестве мировой валюты американский доллар, который обеспечивался золотым запасом США. Но в 1970-е гг. это обеспечение было аннулировано правительством США. Надо еще заметить, что печатание доллара доверено группе частных банков Соединенных Штатов, которые могут печатать любое количество долларов – так называемой Федеральной резервной системе. Мировая экономика приобрела характер тех пирамид, которые у нас расплодились в 1990-е гг. Ее судьбу трудно иначе себе представить, как неизбежное в таких ситуациях банкротство. Оно бы уже и произошло, если бы существующее положение не было выгодно мировому финансовому капиталу, и особенно грандиозным транснациональным компаниям. Они и поддерживают это положение иногда чисто силовыми методами. Например, атакой на конкурирующую с долларом валюту. Руководители Федеральной резервной системы – сначала Волькер, а потом Гриншпан заявили, что мир сейчас переходит в новый этап экономического развития, в постиндустриальную экономику. Реально это и выражается в том, что в спекулятивную экономику вкладывается все больше средств сравнительно с экономикой производящей.

Это естественный итог эволюции западного капитализма. Он начал развиваться в Англии за счет деревни. Крестьяне были согнаны со своих общинных земель. В поисках работы они бродили по стране, их ловили, клеймили раскаленным железом, вешали. Так, с одной стороны, создавался городской пролетариат, с другой – за счет доходов с захваченных земель создавалась промышленность. В результате в Западной Европе и Северной Америке крестьянство было сведено к малой части населения, а его духовное, этическое, эстетическое влияние на общество уничтожено.

Теперь, всемерно укрепившись, капитализм аналогично стремится покончить со всяким реальным производством. Да и картина жизни получается полностью искаженной. В доходы сейчас зачисляются выигрыши при спекуляциях на бирже. В результате кажется, что жизненный уровень быстро растет. Но западные критики этой ситуации приводят такой аргумент. Положим, что были бы легализованы проституция или торговля наркотиками. Были бы созданы акционерные компании, которые выпускали бы акции, продававшиеся на бирже. Тогда можно было бы сказать, что жизненный уровень вырос еще во много раз. Но если считать по так называемым потребительским корзинам, по тому, что реально нужно для семьи, включая медицинское обеспечение, образование и все инфраструктуры, тогда выходит, что жизненный уровень неуклонно понижается, включая и США, и другие западные страны. Вот уже сообщают об отключениях электроэнергии в Калифорнии тамошними Чубайсами – такое знакомое для нас явление. Это ли не признак кризиса? Но ведь раковая опухоль гибнет после того, как она уничтожит организм, в котором существовала. Таково же положение капиталистической экономики в западной цивилизации.

Кризис Запада: духовные факторы

Во-первых, это потеря западными странами своего национального лица – как говорится, «идентичности». Положение в США подробно обсуждается в книге известного политолога Хантингтона «Кто мы?», изданной в 2004 г. и в том же году переведенной на русский. Главным разрушительным фактором является колоссальная иммиграция латиноамериканцев, в основном мексиканцев. Рядом статистических данных автор убедительно показывает, что эти новые американцы совсем не хотят ассимилироваться. Например, они не торопятся хорошо овладеть английским, стараются сохранить владение испанским. Им чуждо американское стремление к большому заработку, они готовы довольствоваться более низким уровнем образования. Создается опасность, что американский народ перестанет объединяться «символом веры», как его называет автор. Уже в следующем поколении США могут стать двуязычной и двухкультурной страной.

Другой признак был указан еще Шпенглером, который писал: «Для западноевропейского человека уже нечего ожидать великой живописи или музыки». Это предсказание исполнилось. Но сейчас видно, что и великая литература западной цивилизации осталась в прошлом. В XX в. уже не возникали и великие философские системы, такие как Канта или Гегеля. И даже грандиозная система материалистического, естественнонаучного описания мира, может быть, величайшее по красоте и широте замысла творение западной цивилизации, видимо, тоже кончается. Все знают или, по крайней мере, слышали о переворачивающих наше представление о мире научных открытиях первой половины XX в., таких как квантовая механика, теория относи-

тельности, генетика. В последней был открыт материальный носитель наследственности – ген, обнаружено линейное расположение генов в хромосоме.

То же, что происходило во второй половине XX в., как мне кажется, является лишь реализацией высказанных ранее идей. А ведь именно культурными своими достижениями западная цивилизация стала привлекательной для представителей других цивилизаций. Эта обаятельность созданной на Западе цивилизации помогла ей привлечь к себе представителей некоторых слоев других народов и облегчала ее экспансию в не меньшей степени, чем порох или канонерки. Однако теперь все это блистательное развитие уже позади. Такие имена, как Микеланджело или Ньютон, принадлежат сейчас Западу в такой же мере, как Пракситель или Архимед. А сомнительно, чтобы одни крылатые ракеты, атомные бомбы и счета в швейцарских банках смогли заменить эту притягательную сторону западной цивилизации. Когда сейчас говорят о великих достижениях человечества, вспоминают о спутниках и компьютерах. Но ведь это не наука, цель которой – открывать законы природы, а техника. И невольно вспоминается предсказание Шпенглера, который писал, что обычно все силы угасающей культуры сосредотачиваются на развитии техники. Да и современная техника настолько тесно связана с самыми последними достижениями науки, что трудно представить развитие одной без другой.

К духовным сторонам западной жизни следует отнести и терроризм. Сейчас его связывают исключительно с исламским миром. Но предшествующий взрыву двух башен в Нью-Йорке широко известный теракт в США произошел в Оклахома-сити, когда погибли 168 человек. Пресса немедленно объявила виновными мусульман, но пока их искали, выяснилось, что взрыв совершил чистый

англосакс по фамилии Вей. Его недавно казнили... Терроризм проявился и в Италии, и в Германии, причем отнюдь не как протест беднейших слоев. В Германии чуть ли не сын канцлера был замешан. Другими словами, это протест против самого духа жизни Запада. Так и наркомания, уровень которой тем выше, чем богаче страна.

Духовной основой западной цивилизации некогда служило Христианство. Это была христианская цивилизация, хотя и основывавшаяся на специфическом христианстве – протестантско-кальвинистском, но все же в основе отношения к жизни представителей западной цивилизации лежал определенный комплекс христианских ценностей. И мы видим, что сейчас именно эти ценности враждебно атакуются господствующей идеологической верхушкой капиталистического общества.

Президент Чехии Гавел сказал: «Мы создали первую атеистическую цивилизацию в истории человечества». Хотя нам-то известно, что таких «первых цивилизаций» было уже много. Но несомненно, что на Западе сейчас действительно сложилась антихристианская цивилизация. Всякое напоминание о христианском прошлом Запада вызывает раздраженные протесты. Так, когда в 1998 г. во Франции предполагалось празднование 1500-летия крещения короля франков Хлодвига, то все левые партии объединились в протесте, но 200-летие французской революции отмечалось за несколько лет до того как общенациональное торжество с прибытием глав многих государств. В Англии и Франции около половины населения, согласно переписи, заявили, что они не верят ни в какого Бога. В ряде стран, например в Великобритании, из присяги члена парламента изъяты слова, указывающие на христианскую веру.

В США Верховный суд постановил изъять из школьных и публичных библиотек все экземпляры

Библии и творения Отцов Церкви. Запрещены молитвы в школах и колледжах США, запрещается молиться или даже перекреститься перед студенческими соревнованиями. В ряде случаев судебным постановлением указано убрать кресты или доски с выбитыми на них библейскими заповедями. Судебное постановление требует убрать из всех документов девиз штата Огайо, содержащий цитату из Священного Писания. В большом количестве расплодились кощунственные изображения вроде статуи «Писающий Христос» или коллажа «Богоматерь Гваделупы» почти нагой, в бикини. Кроме этих нападков, имеющих целью вытравить даже память о христианском прошлом, другие нацелены на традиционные, хотя бы и не только христианские ценности.

Такой является мощная кампания, имеющая целью вырвать женщину из семьи. В XIX в. американские профсоюзы боролись за зарплату, на которую рабочий мог бы содержать всю семью, в том числе жену. В рабочей газете было написано: «Мы надеемся, недалек тот день, когда мужчина сможет обеспечить свою жену и семью, не заставляя женщину трудиться в нечеловеческих условиях на хлопчатобумажной фабрике». Такая система, когда зарплата мужчины предполагала его способность содержать семью, утвердилась в США к 1960-м гг. Но тогда возникло феминистское движение, объявившее такое положение одним из методов угнетения женщины и противоречащим конституции. Был провозглашен и осуществлен принцип одинаковой платы за одинаковый труд. Десятки миллионов женщин переместились в офисы. Средняя заработная плата женщин повысилась, соответственно зарплата мужчин понизилась. Теперь уже женщина по необходимости должна была работать, чтобы вместе с мужчиной содержать семью. Это изменение произошло при поддержке движения феминиз-

ма, объявившего семью пережитком рабства. Но теперь освобожденная женщина уже не может рассчитывать на прежнюю многодетную семью.

Проблема была решена широкой кампанией за свободу аборт. В 1973 г. Верховный суд признал право на аборт одним из конституционных прав. В результате изменилось как отношение к абортам, так и их доступность. За 10 лет число аборт в год увеличилось до полутора миллионов. С тех пор их было сделано 40 млн. Римский папа назвал растущее число аборт победой культуры смерти. И действительно, одновременно пропагандируется и эвтаназия, т. е. право врача на помощь в самоубийстве безнадежно больному. При этом учитывается и довольно стандартная ситуация, когда пациент не может сам принять решение, и тогда оно принимается комиссией из представителей родственников, врача и юриста. Соответствующий закон уже принят в Голландии.

Потеря традиционных ценностей, еще несущих следы христианского происхождения, и стремление к максимальному комфорту, т. е. к «жизни для себя», вызвали ответную реакцию. Стали модными любые формы жизни, лишь бы они не были связаны с продолжением рода, – гомосексуализм, лесбиянство и т. д. Они даже стали господствовать в жизни. Так, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» пишет: «Три четверти людей, решающих, что поставить на первую полосу нашей газеты, оказались ярко выраженными гомосексуалистами». Когда организация бойскаутов подтвердила запрет гомосексуальных отношений в их среде, это было осуждено Верховным судом штата Нью-Джерси и вызвало бурю протеста в печати.

Наконец, хочу еще вернуться к книге Хантингтона. Он описывает раскол западного общества на верхний, правящий слой и остальную часть народа, живущих со-

вершено разными взглядами и жизненными ценностями. Картина, очень похожая на Россию XVIII–XIX вв. Этот верхний слой называют также «золотыми воротничками», «давосскими мальчиками», «космократами». Они космополитичны по воспитанию, да и работают чаще в транснациональных компаниях. Как показал социологический опрос, «от этих людей скорее, чем от бедных и необразованных, можно услышать, что они покинули бы свою страну, если им пообещают удвоение доходов». Как пишет один профессор из Принстона, «американским студентам просто стыдно слушать, что прежде всего они являются гражданами США». Их идеологи проповедуют «эрозию национального суверенитета» и «присягу мировому содружеству». Автор оценивает число «золотых воротничков» по всему миру в 20 млн. Большинство – американцы. Поразительно, что в Америке (и, вероятно, на всем Западе) взгляды основной части народа прямо противоположны (90–70% в социологических опросах) в том, что касается роли своей национальной принадлежности, интересов своей страны, ограничения иммиграции, оценки роли религии в жизни и т. д.

Хантингтон, указывая на громадную опасность, нависшую над Америкой, выражает надежду, что страна ее преодолеет, восстановив свою англо-протестантскую культуру. Автор очень осторожен. Он явно сознает, что пишет на темы, затрагивать которые «не политкорректно». В предисловии он говорит: «Я позволю себе уточнить, что ратую за англо-протестантскую культуру, а никак не за англо-протестантский народ». В этой оговорке вскрывается вся слабость его надежд, т. к. в Истории не бывало еще культуры, существовавшей оторванно от создавшего ее народа.

Но книга Хантингтона вскрывает и более глубокую опасность, о которой он даже не заговаривает. В ней убе-

дительно показано, что идеология правящего слоя Запада, «золотых воротничков», прямо противоположна идеологии большинства народа, как показывают многочисленные и квалифицированные опросы. А это значит, что потеряла смысл созданная там за последние столетия демократическая система. Она не отражает воли большинства обладающих правом голоса. Но при ее посредстве осуществляет свою волю слой «золотых воротничков», в руках которых находятся верхушки партий, СМИ, суды, а главное – финансы.

И в заключение важно оценить, как Запад сам ощущает жизнь. Я хорошо помню, что после войны стали появляться одно за другим предсказания конца человечества, и причем все они шли с Запада, чего во время войны, хотя жизнь была гораздо тяжелее, совсем не было. Сначала это было связано с созданием атомной бомбы и предсказанием неминуемой атомной войны. Было и теоретическое объяснение, что человечество создало силы разрушения, во много раз превышающие его способность их контролировать. Потом появилась концепция демографического кризиса и неконтролируемого роста населения. Крупные биологи, социологи, деятели ООН утверждали, что человечество с этим не в состоянии справиться... Наконец, была сформулирована концепция экологического кризиса... Очевидно, что дело не в конкретной опасности, а в ощущении, в атмосфере заката, надвигающейся гибели. Весь вопрос – в гибели чего?.. Но за всеми этими страхами тогда скрывалось совершенно правильное чувство – объективное предчувствие конца, именно конца традиционного средневекового общества. Так, вероятно, следует оценивать и все предсказания гибели человечества, возникающие на Западе.

И подобный конец имеет обычно некоторую репетицию. Это какое-то общее свойство органического раз-

вития. Так, наша революция 1917 года имела репетицию в виде революции 1905 года. И появлению позвоночных предшествовала тоже репетиция – развитие насекомых, овладевших сушей, воздухом, создавших общества. Вот такая репетиция на Западе произошла в конце 1960-х – начале 1970-х гг. XX в. Это были в основном волнения студентов и цветных, арабов во Франции, негров в США. Студенты захватили ряд университетов США, Сорбонну во Франции. Выдвинулись теоретики этого переворота, указавшие на ряд болезненных, кризисных явлений в жизни Запада: Адорно, Маркузе. Тогда писали, что грядет неслыханная революция, которая потрясет все стороны жизни. Это будет революция, во-первых, экономическая – свержение капитализма, во-вторых, политическая – разрушение репрессивной демократии, в-третьих, национальная – освобождение цветных, в-четвертых, сексуальная – разрушение буржуазной семьи и, в-пятых, психоделическая – это новая культура коллективного принятия наркотиков и увлечения рок-музыкой, что вместе приведет к разрушению буржуазной индивидуальности. Казалось, Запад пошатнулся и вот-вот рухнет. Но каким-то чудом тогда он устоял. Но ведь никакого ответа на критику западного общества, сформулированную теоретиками этого движения, дано не было. Просто воля к жизни Запада на тот момент оказалась сильнее сил разрушения.

Но теперь сформировавшиеся в ту эпоху молодые люди пришли в большую политику. Типичный пример – это чета Клинтонов, соперник Буша на президентских выборах Кэри или министр иностранных дел Германии. Хочу процитировать Патрика Бьюкенена, книгу которого «Смерть Запада» я уже упоминал. Он пишет: «Вероятно, так бывает с любой цивилизацией. Время Запада действительно на исходе. Его смерть предопре-

делена обстоятельствами. И нет уже никакого смысла в прописывании больному новых лекарств. Пациент умирает. И тут уж ничего не поделаешь. Спасти его может только возрождение веры и всеобщее пробуждение». Факты столь убедительные, что против этого заключения трудно что-либо возразить.

Исторические параллели

Так много фактов указывают в одном направлении, что вместе они приводят к единственно возможному выводу, который нам следует осознать. Мы переживаем критический момент истории: угасание западной цивилизации. Около половины тысячелетия она с невиданной продуктивностью и энергией навязывала свой дух все большему числу народов Земли. Как бы на нее ни смотреть: как на самое блестящее, реализовавшееся до сих пор раскрытие возможностей человека или как на раковую опухоль человечества, а может быть, угрожающую гибели всему живому – высказывались оба этих крайних взгляда – ясно одно: это бурное развитие стремительно тормозится на наших глазах, близко к тому, чтобы остановиться.

Пожалуй, наиболее близкая историческая параллель нашему времени – это закат античной, т. е. греко-римской цивилизации. Оба процесса совпадают вплоть до мелких деталей. Их легче понять, если проследить основные черты сходства. Здесь я могу сослаться на парадоксальный факт. Лет восемь назад, потрясенный катастрофическими изменениями, которые происходили тогда в России, я написал статью, где сравнивал положение у нас и в Римской империи эпохи упадка. А теперь я вижу, что все страшные признаки, которые я наблюдал в России, встречаются во всем западном

мире. О причинах и следствиях подобного совпадения естественней поговорить позднее.

Перечислим основные эти признаки. Прежде всего, это депопуляция, а попросту – вымирание государствообразующих народов. По поводу современного Запада уже было приведено много фактов. В античности на это явление указывали очень многие авторы. Оно широко обсуждалось, и государство пыталось с ним бороться. Еще Август издал рескрипты, которые должны были способствовать созданию больших семей. Позднее была создана система поддержки многодетных семей, в которую были вложены колоссальные капиталы. Еще раньше о том же явлении в Греции писал Полибий: «Люди не хотят воспитывать много детей и обыкновенно воспитывают одного или двух». Параллельно происходил упадок деревни. А это общее явление, хорошо известное, что население, как правило, растет именно в деревне. Уже в I в. нашей эры богачи предлагали для обработки бесплатную землю, лишь бы предохранить ее от запустения. Население все больше стекалось в города, где существовало благодаря государственным раздачам хлеба. А эта мера, в свою очередь, усугубляла упадок сельского хозяйства.

Видно, что сил, образующих государство и нацию, уже было недостаточно, чтобы поддерживать грандиозную империю. Тацит рассказывает о завещании, якобы оставленном Августом, где тот советует больше не расширять империю. Признак перехода империи к обороне – появление таких сооружений, как Троянов Вал, Стена Адриана и т. д. О падении сил, нужных для поддержания империи, свидетельствует и растущий сепаратизм. Мы видим эти явления и на Западе. В Великобритании Уэллс и Шотландия имеют независимый парламент. Во Франции – баски, эльзасцы, бретонцы требуют права на самоопределение, корсиканцы – независимости. В Ита-

лии существует лига, ставящая целью отделение северной Италии от юга. В Венеции есть партия, стремящаяся к отделению Венецианской области от Италии. В США президент Лиги единения латиноамериканцев заявил: «Калифорния станет мексиканским штатом. Все органы власти будут в наших руках. Если это кому-то не нравится, пусть уезжает». Это можно сопоставить с постоянными попытками отделения той или иной части Римской империи. Так, в III в. пытается отделиться Галлия. На некоторое время отделяется Пальмира и даже захватывает Египет. После подавления этого движения происходит восстание с той же целью в Александрии. Вождей подобных сепаратистских движений было несколько десятков. Один историк III в. называет даже эпоху с 260 по 270 г. нашей эры эпохой тридцати тиранов. Значит, насчитывает тридцать таких сепаратистских попыток.

Бросающимся в глаза общим признаком является распространение в верхнем слое общества противоестественных сексуальных отношений. Например, у Гомера мы еще не видим никаких указаний на них. А уже у Платона в «Пире» Алкивиад совершенно спокойно рассказывает присутствующим о своей попытке вступить в подобную связь с Сократом. В эпоху императорского Рима мы уже читаем об этих извращениях у таких разных авторов, как апостол Павел, Светоний, Лукиан, Петроний и т. д. А сейчас на Западе, например, супруга бывшего президента США Клинтона, выбранная сенатором от штата Нью-Йорк, отказалась участвовать в традиционном шествии в день Святого Патрика, т. к. организаторы не согласились включить в него представительницу общества лесбиянок. Зато в параде лесбиянок она приняла участие.

В эпоху позднего Рима армия все в большей степени комплектовалась из наемников-варваров. Наибо-

лее боеспособными были легионы, набранные в частях империи, лишь недавно к ней присоединенных Германии, Фракии, Иллирии. Большинство наемников происходили из наименее цивилизованных частей империи. Это были арабы, мавры, фракийцы, бритты, германцы, сарматы. В то время как раньше войны, например пунические, выигрывались ополчением, набранным из римлян. Видимо, сейчас на Западе происходит утверждение принципа наемной армии. Великобритания поднялась до уровня великой державы, обладая только наемной армией. Тот же принцип унаследовали и США. Мы видим – это навязывается и у нас. Хотя из нашей истории можно было бы понять, что Россию много раз спасало народное войско, состоящее из людей, защищающих свою землю, свои дома. Принцип наемной армии тесно связан с идеей о новом типе войны, где, так сказать, наши не будут умирать.

Это, по-видимому, важнейшая часть мировоззрения современного западного мира, что заметно хотя бы по любому приключенческому роману или фильму. Такой стандартный образ, как герой, отдающий свою жизнь за отечество, явно неприемлем для современного западного сознания. Видно, как в последнее время Запад, несмотря на свой милитаризм, болезненно относится к потерям, казалось бы, составляющим неизбежную сторону войны. Они вызывают или паническое отступление, как было, например, в Ливане и в Сомали, или же глубокое беспокойство в обществе. Чувствуется, что война идет как-то неправильно и виновное правительство сталкивается с угрозой потери власти.

С аналогичным мироощущением жил и античный мир. Этому восприятию жизни был нанесен жестокий удар, когда в 410 г. нашей эры Рим был взят и разграблен готами во главе с Аларихом. Вечное господство

над миром вечного града Рима было одним из основ тогдашнего мировоззрения. Его катастрофа являлась нарушением мирового порядка. Язычники утверждали, что Рим был непобедим, пока чтит своих древних богов. Вину за катастрофу они возлагали на победившее не так давно Христианство. Современником этой катастрофы был блаженный Августин, и он размышлял над ее причинами. Собственно, эти размышления и составляют духовную основу его книги «О Божьем граде». Там он развивает другую концепцию истории, дающую иное объяснение этого крушения Рима. Его причину он видит в некотором порочном принципе, заложенном с самого основания римской истории. Он называет его страстью к властвованию – «*libido dominandi*». За успех в этом направлении прославлялись политические деятели, при жизни им ставили статуи, а после смерти они входили в историю как римские герои. Августин пишет: «Помимо других человеческих пороков этот порок глубоко укоренился во всем римском народе. После того, как страсть к властвованию обуяла немногочисленных вельмож, она овладела всеми остальными римлянами и поработила их всех. Сама возможность добиваться почестей не установилась бы в Риме, если бы там не господствовало честолюбие. Честолюбие развилось, так как народ был испорчен корыстью. Корыстным римский народ стал вследствие успеха, в завоеваниях. Народу, подпавшему этому пороку, – говорит Августин, – очень трудно от него избавиться. Страсть к властвованию толкает его на завоевания. А каждый новый успех увеличивает эту страсть. Тут образуется подобие порочного круга».

Но ведь западная цивилизация всегда основывалась на этом духе. Сейчас она не имеет, собственно говоря, никакой другой духовной основы, кроме чувства силы и стремления к власти, причем в гораздо более широ-

ком диапазоне, чем какая-либо ранее существовавшая цивилизация – не только в отношении ко всем другим народам, но ко всей природе, о чем говорят призывы «Знание – сила» или «Победить природу». После террористического акта 11 сентября 2001 г., столь же сокрушительного для западного мировоззрения, как и разграбление Рима готами в 410 г. для античного, казалось бы, можно было ожидать недовольства в США по адресу администрации, допустившей такой грандиозный просчет или такую жестокую провокацию в зависимости от того, какое объяснение принимать. Но администрация сумела избежать такой критики и смогла даже вызвать рост популярности за счет апелляции к этим коренным чувствам. Сразу были указаны «страны-изгои» и декларирован «удар возмездия». Через несколько дней они осознали, что этот термин слишком скандален и заменили его другим, но обещание падающих бомб, авиационных налетов все же вызвало воодушевление населения и прилив симпатии к правительству. И только постепенное увеличение потерь в Ираке вызвало упадок этого упоения силой и одновременно упадок популярности правительства.

На происходящий процесс можно взглянуть и с большей исторической перспективы. Это, собственно, и есть ядро той «исторической концепции», которую я хочу изложить. Запад создал совершенно уникальную цивилизацию. Причем, по существу, к ней принадлежал и Советский Союз. Я помню, что мысль о принципиальном единстве цивилизации, созданной на Западе и в Советской Союзе, пришла мне в голову давно, еще в период коммунистического режима. И когда в разговорах мне указывали на принципиальную, казалось бы, противоположность между социалистическим и коммунистическим обществом, то я возражал, что будущий археолог

этого различия просто не обнаружит, если он не будет владеть современными языками и будет использовать те же методы, которые и сейчас археологи используют для изучения древних цивилизаций, исследуя их на основании их материальной культуры. Первое, что бросится им в глаза, будет невиданная концентрация населения в больших городах, причем совершенно одинаково и в социалистическом, и в капиталистическом мире.

На этот признак современной цивилизации стоит обратить внимание: она является городской цивилизацией, более того – цивилизацией больших городов. На эту черту современной западной цивилизации я отнюдь не первый обратил внимания. Еще в начале XX в. Шпенглер писал: «Мировой город и провинция – выдвигают новую проблему, которую мы, люди современности, переживаем, не понимая всей ее огромной важности. Вместо мира – город, отдельный пункт, в котором сосредотачивается вся жизнь обширных областей, тогда как все остальное засыхает; вместо народа – новый кочевник, паразит, обитатель больших городов; это огромный шаг к неорганическому, к концу». И дальше он формулирует: «Мировой город означает собой космополитизм вместо родины», «Мировой город населен не народом, а массой». Прошло сто лет, и один из руководителей современного мира Жак Аттали, бывший президент Всемирного банка реконструкции, рисует ту же картину нашего будущего: «Человек должен покончить с “национальной привязкой” и семейными узами, превратиться в номада (т. е. “кочевника”, как говорил Шпенглер), стать искусственным существом, которое можно будет купить или продать, как любой другой предмет или товар».

Эта чисто городская цивилизация «космополитов» выделяется из общей картины истории, как ее можно представить за последние тысячелетия. В истории воз-

никают и гибнут цивилизации разного типа: Египетская, Месопотамская, Античная, Западноевропейская, цивилизации Центральной и Южной Америки и т. д. Но при всем этом человечество живет в основном при одном и том же укладе жизни. И продолжается это много тысячелетий. Подавляющую часть населения составляют крестьяне. Города в этой жизни играют очень важную роль, но лишь как вкрапленные в сельскохозяйственное население центры по формированию культуры. Города и деревни были равно необходимы друг другу и развивались в состоянии равновесия, нарушавшемся лишь в некоторые периоды кризиса. Похоже, что и возникли они почти одновременно в исторических масштабах в так называемом плодородном полумесяце, простирающемся в Малой Азии от Кавказа до дельты Нила.

Если я правильно понял стандартные книги по археологии, то появление такого образа жизни относится примерно к эпохе 10 тыс. лет тому назад или еще больше. Крупнейший археолог XX в. Гордон Чайлд связывает его с переворотом, который он называет неолитической революцией. Сначала земледелие было мотыжным. Этот период отразился в так называемой археологами эпохе росписной керамики, поселения которой были распространены от Китая до Центральной Европы. У нас наиболее разработанным и известным является Триполье, вблизи от Киева. Потом земледелие стало плужным. Этот тип жизни вполне продуктивно сотрудничал с индустриальным развитием города.

В XX в. Кондратьев назвал его двусторонним аграрно-индустриальным типом народного хозяйства. Ранние его стадии хорошо описаны в книгах археолога Редфилда. Он говорит: «Город дает деревне как бы другое измерение и не противоречит ее идеологии». Таким, например, было общество Афин периода расцвета их

культуры. Бытовая сторона жизни особенно четко видна в комедии, например у Аристофана. Там ясно видно, что городская жизнь Афин эпохи Перикла и немного позже в значительной степени была жизнью крестьян соседних деревень, сходящихся в городе. Именно они составляли народное собрание и суд, вмешивавшийся во все обстоятельства жизни. Они были зрителями трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, которых, в свою очередь, можно назвать античными деревенщиками, аналогами нашего направления деревенской литературы. Для них возводился Акрополь и на улицах стояли статуи Фидия. Такой же была жизнь и России вплоть до начала XX в. При всей утонченности возникшей в городах культуры в ней господствовали этические, эстетические и религиозные принципы, выработанные деревней.

Но постепенно в Западной Европе стал утверждаться другой тип жизни, основанный на господстве городов. Первые его черты стали проявляться в Италии позднего Средневековья. Многие авторы даже это отмечали. До того статус человека в обществе определялся его положением в деревне, его земельными владениями, а теперь стал зависеть от положения в городе. Возникло общество чисто городское, индустриальное. Оно завоевало свое место в борьбе с деревней. Решающий шаг был сделан в Англии, где крестьян сгоняли с общинных земель, клеймили раскаленным железом. Когда их, как бродяг, ловили, то выжигали букву “V” (от “vagabond” – «бродяга»). А если второй раз ловили такого заклеянного, его вешали. Таким образом их заставляли селиться в городах, где они образовывали городской пролетариат.

Этот тип жизни был связан с бурным развитием науки и основанной на ней техники. С созданием капитализма спекулятивного типа он оказался чрезвычайно

агрессивным. Насилием и войнами он разрушал общества другого типа и подчинял их себе. Маркс приводит документально подтвержденный факт, как английский парламент создал комиссию из ведущих тогдашних экономистов Англии для выработки путей разорения индийских ремесленников и ткачей, с которыми не могла конкурировать английская промышленность и потому не могла захватить индийский рынок. Средства нашлись – и столь эффективные, что спустя несколько лет генерал-губернатор сообщал: «Дороги Индии усеяны костями разоренных ремесленников». Тем не менее в «Коммунистическом манифесте» читаем: «Дешевые цены ее (т. е. буржуазии) товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам». Оказывается, Маркс на самом деле хорошо знал и о других средствах, кроме дешевых цен.

Вовсе не буржуазия и пролетариат были главными антагонистами в драме истории в период капитализма, а город и деревня. В том же «Коммунистическом манифесте» написано: «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вырвала значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни». Это выражение – «идиотизм деревенской жизни» – изящная шутка Маркса. Выражение действительно происходит от греческого слова «идиотес», что значит одинокий, изолированный, и в буквальном смысле должно бы означать изолированность деревни, но, конечно, несет в себе именно представление о деревне как об обществе, в котором живут полуидиоты. Есенин – поэт, очень чутко ухватывающий социальные тенденции, сказал об этом: «Город, город, ты в схватке жестокой окрестил нас как падаль и мразь». И это действительно было только идеологическим аспектом той же самой борьбы города и деревни. На самом же

деле, концепция «темноты», «дикости» деревни – это лишь пропагандистский прием, возникший в период, когда городская европейская цивилизация стремилась подчинить себе весь мир – вроде того как немецкие национал-социалисты объявили славян недочеловеками (Untermensche). Деревня несет тонкую и глубокую культуру: фольклор, народные празднества и т. д., а с другой стороны, способна к развитию и углублению во взаимодействии с городом. И опять никто не чувствовал этого значения деревенской культуры глубже, чем Есенин:

Мир таинственный, мир мой древний.

И цивилизация города в тот период, когда она в городе создавалась, вся основана на том, что получила от деревенской культуры, приобретающей иногда «другое измерение», согласно Редфилду.

Россия и Запад

Сейчас мы видим яркую картину, как западная цивилизация завоевывает мир. Конечно, самая большая ее победа – распад Советского Союза. Но были и Югославия, и Ирак, и Афганистан. И этот процесс явно продолжается. В его оценке возможны две точки зрения. Первая точка зрения прокламируется, конечно, Западом и западниками. Она заключается в том, что в едином процессе развития человечества западная цивилизация представляет передовую на настоящий момент, высшую фазу. Весь мир должен ей следовать и перейти к такой же городской и технологической форме жизни.

Мы должны тогда признать, что человечество переживает ключевой, исторический момент – конец смешанного сельско-городского образа жизни или, по Кондра-

твеу, двусторонней аграрно-индустриальной экономики, длившегося более 10 тысяч лет. Рождается новое общество, новый человек. Все человечество переживает родовые муки появления нового общества. Это болезненно, но неизбежно. А сверх того, окупится в будущем невиданным развитием производительных сил человечества.

Но возможна и другая точка зрения. Очень мала вероятность, что именно на несколько живущих сейчас поколений пришелся конец грандиозного, более чем десяти-тысячелетнего периода истории. Это ведь обычная точка зрения революционеров, что они создают новый мир, нового человека. Так считали вожди и французской революции, и большевизма, и национал-социализма. Такое умонастроение вызывает временный мощный всплеск энтузиазма у его сторонников. Однако через некоторое время обычно выясняется, что переворот хотя и решал некоторую задачу, но гораздо более скромную и часто совершенно отличную от прокламируемых принципов. С другой стороны, мы часто преувеличиваем драматичность в общемировом плане переживаемого нами момента. Ощущение конца мира может правильно отражать лишь ощущение окончания заметного периода истории.

Наконец, все то, что мы сейчас переживаем, в истории уже не раз встречалось. И мегаполисы, и мечта о мировой империи. Миллион жителей некогда насчитывали и Вавилон, и Рим. Мировую империю мечтали создать и месопотамские цари, начиная с Саргона, и Александр Македонский, и римские Цезари, и Наполеон, и Гитлер. Многие отмечали, что это – стандартные признаки упадка определенной цивилизации. Тогда логичнее было бы предположить, что мы переживаем, а точнее, наши потомки, будут переживать в XXI в. закат западноевропейской цивилизации, проходящей сейчас чисто городскую фазу, эпоху конца.

Изложенные уже признаки этого заката, включая и физическое вымирание создавших ее народов, делают, мне кажется, гораздо более правдоподобной вторую точку зрения. Дело не в какой-то особой порочности западной цивилизации. Скорее в том, что все, когда-то возникшее, когда-то и гибнет. Западная цивилизация всегда была очень агрессивной. Она не терпела рядом с собой других обществ, основываясь на твердой уверенности, что она только собственно цивилизацией и является. Но тогда, хотя бы для некоторой части покоряемого общества, она открывала какие-то новые горизонты культуры. Теперь же ее агрессия все более становится проявлением просто грубой силы. Рафаэль, Сервантес, Галилей, Лейбниц столь же мало ей принадлежат, как Эсхил, Евклид и Архимед. А на одних атомных бомбах и крылатых ракетах мировую империю не построить.

Пока еще сохраняется быстрый темп технического развития – компьютеры, спутники, космическая техника. Но та техника, которая дала западной цивилизации беспрецедентную власть над миром, имеет одну очень специфическую особенность. Она основывалась на новейшей науке. Последний переворот так и называется – научно-техническая революция (НТР). Это особая, так сказать, научная техника. Например, когда-то человек научился добывать огонь трением. Но прошли, вероятно, сотни тысяч лет, прежде чем были сформулированы законы превращения механической энергии в тепловую, на которых основывается этот процесс. А вот атомная бомба основана на достижениях ядерной физики и квантовой механики. И созданием ее руководили физики, незадолго до того эти разделы науки создавшие. Особенно ярко это проявилось в Германии, где во главе атомного проекта был поставлен Гейзенберг, величайший физик XX в. Поэтому можно думать, что

принципиальная остановка научного развития приведет и к остановке развития технического.

Позже техника будет основываться уже на школьных, точнее – университетских, можно еще точнее сказать – аспирантских знаниях. Каждая страна может оплатить обучение в каких-то западных университетах сотен способных молодых людей, из которых и образуется десяток специалистов в области новой техники. Атомное оружие, мы видим и сейчас, создали и Индия, и Пакистан, и Израиль, и Корея, хотя ядерной физики или квантовой механики в них не возникло. И США с этим вынуждены мириться.

Перспективы России

Каковы же перспективы России с той точки зрения, которую я излагал? Насколько можно доверять очевидным выводам из множества имеющихся фактов, настолько можно быть уверенным, что ближайшее будущее мира будет определяться уже надвигающимся концом западной цивилизации. Но как это отразится на судьбе России? Казалось бы, основные признаки упадка Запада, которые мы выше перечислили, характерны и для России, часто даже в большей степени. Это и катастрофическое падение рождаемости, и массовая иммиграция представителей культурно чуждых цивилизаций, и утрата основных ценностей, в которых вырос народ.

Но можно обнаружить и некоторые принципиальные различия. Западная Европа и Северная Америка были колыбелью, в которой сложилась некоторая очень специфическая цивилизация. Там она органически вызрела, а затем распространила свое влияние почти на весь мир. Россия же лишь подпала под влияние Запада. Сначала оно укоренилось лишь в верхних слоях

общества. И лишь сравнительно недавно подчинило себе всю страну. Причем наиболее решительный перелом, так и называвшийся годом великого перелома, как мы видели, произошел в самое последнее время. Уже мое поколение было его свидетелем. Так что Россию можно сравнить разве что с покоренной провинцией. Причем покоренной лишь при жизни живущего сейчас или предшествующего ему поколения. Естественно, что это общество было менее устойчиво, поэтому и рухнуло первым.

Соответственно и признаки упадка, наблюдаемые на Западе и в России, часто, хотя и похожи, имеют различные оттенки. Прежде всего, это касается самого страшного признака – депопуляции. На Западе рождаемость падает, т. к. дети мешают комфортабельной жизни. И чем страна богаче, тем в ней рождаемость ниже. В России же это отношение распространено лишь среди узкого слоя «новых русских». А в основной своей массе народ рождает меньше детей просто потому, что их нечем кормить. И точно так же наркомания – на благополучном Западе она распространена еще страшнее, чем в нищей России. Значит, причина здесь не в бегстве от тяжелой действительности. Среди русских, вообще людей русской традиции, совсем не прививается терроризм, так распространенный на Западе в среде представителей народов европейского происхождения: Банда Баадера – Майнхоф, «Красные бригады» и т. д.

Например, часто утверждают, что истинные причины терроризма на Северном Кавказе – экономические и социальные. Но одновременно мы видим, что русские, иногда годами не получающие зарплаты, не становятся шахидами, а объявляют голодовки. Значит, есть какая-то принципиальная разница, укорененная в народной психологии, как их называют – в «националь-

ных стереотипах». И таких различий можно заметить много. Так что Россия никак не может считаться органичной частью Запада, обреченной разделить с ним его судьбу. Видимо, Россия может пойти по одному из двух путей: либо еще усилить свою подчиненность Западу и в результате погибнуть под его обломками, либо найти собственный путь развития, постепенно дистанцируясь от Запада, и тогда пережить его падение, вероятно, в любом случае с тяжелыми потрясениями.

Солженицын как-то сказал: «Вот, коммунизм обрушится. Но как бы нам не погибнуть под его обломками». Сейчас вырисовывается возможность, что мы все же выжили, хотя и в покалеченном виде. Но, с другой стороны, видно, что рухнуло не целое здание, а только какой-то один его угол или стена обрушилась. А здание западной цивилизации грозит рухнуть уже все, и под его обломками мы вполне реально можем действительно погибнуть. Нам предстоит выбор, который определит все будущее народа.

Есть в Библии один текст, который всегда производит на меня сильное впечатление. Там Бог говорит: *«Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое»* (Втор 30:19). Если привлечь аналогию с закатом античности, то и тогда часть Империи смогла найти свой путь и в качестве Византийской империи продлить свое существование на тысячу лет. Перед выбором такого типа стоит сейчас и Россия.

Кажется, правда, что нам-то, России, сейчас такой выбор как раз и не предложен. Так ничтожно мала возможность выбрать нам тот путь, о котором говорится в Библии: путь благословения. Конечно, нам сейчас трудно и мечтать о какой-то независимости от Запада.

Слишком ему подчинен нынешний правящий слой как в его видимой политической части, так и в теневой, финансовой. Приход к власти этого слоя и последующее укрепление его правления слишком зависело от поддержки Запада, чтобы от него можно было ожидать какой-то доли независимости. Если Запад пожелает ради продления своего существования бросить Россию в топку мирового кризиса, то в теперешнем правящем слое России он вряд ли встретит сопротивление. Но положение может измениться в процессе нарастания кризиса Запада. Желание получить больше независимости от него может совпасть с чисто эгоистическими интересами правителей России. А сверх того, ослабление Запада требует большей опоры на внутренние силы России, прежде всего на русский народ. Некоторые признаки этого можно наблюдать и сейчас.

За последние годы кардинально изменилась лексика всего политического слоя. Такие понятия, как «патриотизм», «национальные интересы», «империя» еще недавно носили характер обвинения. А теперь каждый спешит ими украсить. Следующий шаг может заключаться в подкреплении этих чисто словесных уступок более реальными. Для этого должны быть сформулированы конкретные требования, отражающие прежде всего русские национальные интересы. Первым, как мне представляется, должно быть возвращение нашего имени, которое сейчас предусмотрительно вычеркнуто из паспортов. Всем, видимо, ясно, что уничтожение графы «национальность» в паспортах граждан России направлено именно против русских. Возвращение понятия «русский» в официальный, политический и юридический лексикон необходимо далеко не только ввиду идеологического воздействия на русское национальное сознание. Такая мера, как проведенное уничтожение на-

циональности в качестве юридического понятия, имеет многочисленные конкретные последствия. Например, сейчас нельзя не только регулировать, но хотя бы учесть национальный состав громадной иммиграции, приходящей из стран СНГ в Россию. А для будущего России совсем не безразлично, кто селится в ее городах и на ее землях – русские, недавно сами уехавшие из России на какие-нибудь стройки, или представители какой-нибудь другой культуры и психологии.

Я верю, что наш народ преодолет переживаемый им кризис, как бы глубок он ни был. Но меньше всего мне хотелось бы, чтобы меня поняли так, что Запад, сейчас подавляющий нас, обречен, нам надо только дождаться его краха. Наоборот, наиболее вероятным последствием этого краха будет и окончательное падение России. Чтобы пойти своим, отличным от Запада путем, нужна будет ожесточенная борьба, напряжение всех сил. Прежде всего, борьба духовная. Этот путь предстоит еще сформулировать.

В заключение я хочу выразить особенно близкую мне мысль в надежде, что кто-то с ней согласится, будет ее дальше развивать. Мне кажется, что сейчас в нашей стране протекает какой-то совершенно необычный процесс. Народ явно ищет какие-то новые пути в жизни. Взять хотя бы для примера отчаявшихся рабочих, которые по несколько лет не получают зарплаты и отвечающих на это голодовкой. Ведь такого не бывало в Истории! Здесь видится совсем другой ответ на вызов жизни, чем так хорошо известные нам: не баррикады, не забастовки, не выборы новых лидеров, не терроризм. Чем-то он близок жизненной позиции христиан периода упадка Римской империи.

С самого начала так называемой перестройки, т. е. лет уже 18, возникали разных оттенков патриотиче-

ские движения – то коммунистические, то националистические. И все кончались неудачей. Это мы должны, наконец, осмыслить. Ведь теперь уже ясно, что все неудачи не могут быть плодом интриг КГБ, как сначала говорили. Очевидно, интеллигенция постоянно обращается к народу со старыми призывами, а народ ищет какие-то новые пути.

Довольно ясно, что человечество вступило в период распада западной цивилизации, основанной на идее властвования, силы. Если нам, русским, будет дано пережить этот распад, то только за счет того, что мы сможем проявить какие-то собственные, отличающие нас черты. Такой чертой для русских всегда было стремление не покорить, а научиться жить вместе. Вместе и с природой, и с народами вроде мордвы, с которой рядом мы жили и в эпоху «Повести временных лет» и которая и сейчас в русском государстве имеет свой парламент и своего президента. Этот стереотип поведения работает со сбоями, только когда мы соприкасаемся с народами, стереотип поведения которых включает именно господство – будь то немцы или чеченцы.

Половину тысячелетия Запад культивировал идею и эстетику мощи и господства. Эти принципы должны быть чем-то заменены. Русская цивилизация может предложить человечеству древнюю культуру, идеал которой – не двигать куда-то мир, а сосуществовать с ним: не в беге времени, а в идее вечности.

Разные признаки указывают, что сейчас народ ищет такого типа пути в жизни. Это, по существу, – возрождение древней культуры Православия, а может быть, еще более древней цивилизации. Поиск этот осуществляется людьми, не только не воцерковленными, но может быть, никогда о Боге не задумывавшимися. Народ создает или воссоздает некоторые новые чувства и моральные прин-

ципы. Но сделать их действенной частью жизни – это уж дело интеллигенции. Для этого они, как говорят социологи, должны быть вербализованы и рационализированы: превращены в связанное мировоззрение.

Вот когда этот путь будет осознан как национальный путь, тогда и появятся, я надеюсь, силы увести народ от нависшей над ним угрозы гибели.

2005.

«МЫ ПОРАБОЩЕНЫ ЗАПАДНЫМ ДУХОМ»

*Интервью в рамках дискуссии по теме
«Русский вопрос» для «Трибуны»*

– Видите ли Вы сегодня какие-либо перспективы патриотического движения в России?

– Честно говоря, нет. Скажу даже больше. Со времени перестройки, смены партократического режима постоянно появлялись различные патриотические партии разных оттенков. И все они кончались неудачей. Думается, в этом есть какая-то общая причина, которую надо бы понять. По-видимому, народ не воспринимает почвенническую интеллигенцию, несмотря на то, что она обращается именно к народу...

– А кого Вы имеете в виду?

– Прежде всего наших писателей – Валентина Распутина, Василия Белова, Александра Солженицына, Вадима Кожинова... Но, к сожалению, до сих пор не найден тот язык, который народ понимает. Ведь по большому счету национальная интеллигенция зовет людей к восстанию. А в народе, вероятно, какие-то другие представ-

ления о своем будущем. Посмотрите: люди доведены до отчаяния, им годами не платят зарплату. Но вместо забастовки они объявляют голодовку и гробят себя еще больше. Это явление, почти не имевшее прецедента в истории. Оно похоже разве на позицию христиан времен упадка Римской империи.

– *Вы сравниваете мучеников-первохристиан с современными россиянами? Но первоученики оказались победителями...*

– Думаю, что христиане победили Римскую империю благодаря тому, что строили свою жизнь независимо и параллельно тому укладу, которым жило государство. Это была совершенно обособленная жизнь. Большую роль играли, конечно, совместные молебны и трапезы. Но не нужно сбрасывать со счетов и чисто экономические мотивы. Например, христиане выкупали и освобождали много рабов – причем разных национальностей и вероисповеданий. Просто из жалости. И это поднимало древних христиан в глазах окружающего мира на недосягаемую нравственную высоту.

– *Лев Гумилев, выдвигая теорию пассионарности, утверждал, что любая нация проходит период своего расцвета и упадка и что мы сейчас присутствуем при старении русской нации...*

– Я много разговаривал на сей счет с Львом Николаевичем. И меня не убедила его точка зрения, что существуют железные законы истории наподобие естественнонаучных, по которым можно все точно рассчитать. Собственно говоря, по всем расчетам конец Руси должен был наступить, когда нас покорили монголо-татары. К тому времени относится «Повесть о погибели земли Русской» – надрывным сердцем была написана!

Кто же мог тогда поверить, что целая история еще впереди у русского народа?!

– В последнее время с «голубого экрана» опять заговорили, что России извечно присущи варварство и неспособность к цивилизации. Один из популярных телеведущих заявил в одном из интервью, что, оказывается, главная проблема и тормоз России – Православие.

– Просто этот ведущий – дикий человек, чуждый вообще всякой культуры. Если бы он знал западную культуру, то чувствовал бы влияние католицизма на развитие Запада и по аналогии понимал бы нашу культуру.

– Но он стал сравнивать именно благосостояние православных стран – России, Греции, Болгарии с протестантскими – Скандинавией, Америкой. И на первый взгляд, сделал логичный вывод: мол, именно Православие и Русская Православная Церковь стали причиной русской отсталости, по крайней мере, в экономическом плане...

– Так неужели жизнь измеряется одним благосостоянием? Ведь народы принимали ту или иную религию не для того, чтобы она стала основой хорошего бизнеса. Конечно, вероятно, проще жить так, как это принято на Западе: когда их детям исполняется 16–18 лет, они отселяют их в отдельные квартиры, чтобы не мешали жить. А когда старикам исполняется лет за 60 – их отправляют в комфортабельную богадельню. Может, им так удобнее? Благосостояние русские не ставят выше души и любви.

– Но наших граждан сегодня, похоже, больше интересует не духовность, а вещи более обыденные. Например, безопасность. И в плане криминализации

общества в Европе действительно более благополучно, чем в России...

– Простите, в Швеции на улице убили премьер-министра, а в США застрелили президента. В России такого еще не было при всем нашем криминальном разгуле. Да и криминализация-то к нам пришла как раз с благополучного Запада. А до того у нас она очень жестоко подавлялась государством. Раньше в России мафиози не играли какой-либо существенной роли в обществе, экономике, политике. Все это пришло, когда мы оказались подчинены законам жизни Запада.

– Подавляющее большинство нашего общества – за смертную казнь. Однако создается такое впечатление, что власть не слышит собственный народ.

– Принцип демократии как выражение воли большинства не действует ни на Западе, ни у нас.

– Причем в защитниках моратория на смертную казнь ходят адвокаты крупных мафиози, которые апеллируют к христианской ценности человеческой жизни.

– Наше законодательство в последние годы менялось в сторону благоприятствования криминализации общества. Кроме моратория на смертную казнь отменена конфискация имущества, снижен с 10 до 3 лет срок давности по преступлениям, связанным с приватизацией. Получается, что мнение огромного большинства народа, который готов подписаться под лозунгом «Банду Ельцина – под суд!», совершенно игнорируется. И знаете ли, это не только в России происходит. Возьмем, к примеру, Англию. Миллионные демонстрации против посылки войск в Ирак. А правительству и дела нет. Так же и в США, где правящую верхушку называют «золотые воротнички». Это обладающие большими финанса-

ми прожженные космополиты, взгляды которых на государство и семью радикально расходятся со взглядами простых американцев.

– *А можно ли говорить о возможности «оранжевой революции» в России?*

– Этот феномен не новый для нашей страны. Ведь Февральская революция тоже была «оранжевой» в свое время. И были те же самые восторги. А до этого была Французская революция, также более похожая на водевиль. Все перевороты начинались с так называемым «оранжевым» оттенком. И лишь через некоторое время к власти приходили серьезные товарищи и начинался массовый террор. А наши люди, как я уже сказал, устали и от террора, и от революций. Так что подобная возможность – минимальная.

– *Итак, русский народ расслаблен, он гибнет?*

– Это относится не только к нам, но и ко всем народам арийского происхождения. Например, на Западе рождаемость падает быстрее, чем у русских, только у нас еще и огромная смертность. Чем Запад решает демографическую проблему? Тем, что западные страны разрешают к себе въезд людей совершенно чуждой культуры, в основном мусульман. В Германии это турки, во Франции – алжирцы, в Великобритании – арабы. В итоге Запад загоняет себя в миграционный капкан, последствия которого только начинают сказываться...

В России – те же проблемы. Тот факт, что наши люди рожают мало детей, еще не говорит, что это из-за низкого благосостояния. Василий Иванович Белов писал, что во время войны в их семье было шестеро детей и все они голодали. Но, тем не менее, мать их подняла. И в то же время в какой-нибудь кавказской республике,

где очень высокая рождаемость, – самый низкий уровень доходов. На горизонте маячит реальная гибель – не только русской нации, а всей белой расы.

– *В чем причина?*

– Как раз в так называемом «западном духе», которому подчинились и «дорогие россияне» – не только в постперестроечный период. Это подчинение произошло куда раньше перестройки. Постепенно к этому подталкивал весь ход послереволюционной истории: Гражданская война, красный террор, индустриализация, разорение деревни...

– *В последние годы много говорилось о необходимости принятия закона о русском народе. А воз и ныне там.*

– Это очень сложно пробить. Даже я в своем ведомстве, в Академии наук, предлагал создать Институт русского народа. Казалось бы – почему нет? Русский народ – очень интересный и важный объект для страны со всех точек зрения: и демографической, и этнографической, и культурной, и какой угодно. И меня никто не поддержал. Все от этого шарахались.

– *Возвращаясь к экономическим причинам всего происходящего в нашей стране, нельзя ведь отрицать, что материальное и духовное взаимосвязано?*

– Никто и не спорит. Для этого нужно хотя бы представить, что будет, когда рухнет американский доллар, на котором держится не только мировая, но и вся российская экономика. Энергокризис в отдельно взятом округе Москвы показал, что в условиях мегаполиса отсутствие электричества – конец света. В итоге русские люди выживут только в деревнях и маленьких городах, где есть свои огороды и подсобное хозяйство,

а в доме – печка на дровах. В истории, кстати, нечто подобное уже было: в Древнем Риме жили миллион человек, а потом на Форуме козы паслись. А Византия, восточная христианская держава, нашла свой путь развития – и экономического, и культурного, и духовного. И просуществовала еще тысячу лет. В этом и есть, мне кажется, надежда на то, что Россия спасется. Нужно просто быть самими собой.

Беседовал Андрей Полинский.

2005.

В ЗАЩИТУ РУССКОСТИ

– Уважаемый Игорь Ростиславович! Думаю, пора вновь всерьез говорить о русскости в России. Идет непонятная волна запретов публикаций, гонений, обвинений в экстремизме даже при попытке заговорить о русском самосознании. Отчего это?

– Многим не нравится русское самосознание просто потому, что они нерусские. Я прочитал ряд статей Сергея Кургияна: умный человек, со многими идеями согласен. Но почему он, споря с оппонентами, все время ссылается, как на нечто негативное, на некую «русскую партию». Ему просто не нравится русское начало. Он боится русскости. А ведь русское движение всегда было державным, имперским и никогда не замыкалось в русскости. Это свойственно русскому народу. Может быть, увя, это со временем и исчезнет, но до тех пор, пока русский народ будет существовать, он будет имперским, не замыкаясь в чисто русских пределах. Россия только для русских – это чуждый нам миф, внесенный нашими врагами. Русский народ всегда уживался с другими народами, как никакой другой народ. Он объединял все наро-

ды вокруг себя. Спасал их. Спасал грузин, армян, карел. И народы издавна тянулись сами к русским. К примеру, мордва еще со времен «Повести временных лет» входила в состав Руси, дала нам немало великих людей.

Мне кажется, Сергею Кургиняну крайне неприятны любые антикоммунистические оттенки в патриотическом движении, и потому в книгах патриотов он ищет этот антикоммунизм даже между строк, выдумывая за своих оппонентов, делая их (к примеру, Вадима Кожина) чуть ли не агентами ЦРУ. Он винит русских патриотов в развале Советского Союза. Но это далеко не так. Сами коммунисты, их руководство во всех республиках и развалили страну.

– *Каково, на Ваш взгляд, положение русских сегодня?*

– Сейчас многих посещает апокалиптическое видение будущего. У меня немножко другой взгляд. Мир охватил экономический кризис. Ударил он и по без того слабой России. Экономический кризис описывает и Сергей Кургинян в своих многочисленных статьях в газете «Завтра». Что-то в его отношении к кризису мне чуждо. Кое с чем я согласен. Причина заключается в отношении к истории человечества. Кургинян, как и многие другие, подвержен концепции прогресса. Считается со времен Возрождения, что человечество движется в одном направлении – к некоему прогрессу.

Есть и альтернативная точка зрения, которой придерживались Данилевский, Шпенглер, Тойнби, князь Николай Трубецкой и др. Первым эту альтернативную прогрессистам концепцию выдвинул русский ученый Данилевский, но, как часто бывает, его даже в России никто не услышал. Признали теорию, хотя бы для спора с ней, лишь после выхода книги Шпенглера. По мнению Данилевского и Шпенглера, история движется отдельными

ми народами или родственными группами народов. Эти народы и создают культурные цивилизации, культурно-исторические типы сознания.

Последнее столетие характеризуется господством западной цивилизации. С Западом граничила Россия. Естественно было желание Запада захватить Россию военным путем, как он захватил почти весь мир. Были четыре мощные попытки подчинить себе Россию. В XVII в. во главе стояла Польша, в XVIII – Швеция, в XIX – французы, а в нашем XX в. – немцы. Все попытки были отбиты. Стало ясно, что военным путем Россию не подчинить. Был выбран обходный путь.

Коммунизм, по-моему, и был одним из обходных путей подчинения России западному миру. Это может показаться парадоксальным, ведь коммунизм был антитезой капитализму, а капитализм символизирует западный путь развития. Но так часто встречается в истории: противостоящие системы на самом деле тесно взаимосвязаны и близки. Коммунизм развивался по той же возрожденческой идеологии прогресса, следовал этой теории. Марксизм был крайним течением именно западной цивилизации. Западная цивилизация развивалась через цепочку революций, которые были провозглашены Великими. Великая английская, Великая французская, Великая Октябрьская и т. д. Мы входили в эту цепочку. Эти революции стремились создать новый мир, нового человека. Менялись даже боги. Гитлер не выпадал из этой теории, он тоже строил новый мир и создавал нового человека. Это единая западная цивилизация. Без понимания этой теории прогресса не понять, почему западный мир мощно помогал большевикам строить Страну Советов. Поэтому западная интеллигенция почти до самого краха Советского Союза симпатизировала большевикам.

Конечно, наша русская цивилизация стремилась русифицировать все попытки Запада: и петровские реформы, и советские, подчиняя своей русской сверхзадаче. Цивилизация строится одним активным народом, вокруг которого объединяются и другие близкие ему народы. Но для этого сам активный народ должен иметь свое представление на взаимоотношения человека и мира, человека и Космоса. На меня произвела большое впечатление книга «Характер русского народа». Ее автор – Ксения Касьянова. Это псевдоним Валентины Федоровны Чесноковой. Она считает, что очень мало путей взаимоотношения человека и Космоса. Собственно есть два пути: либо подчинить себе всю Вселенную, либо сосуществовать, органично вживаться во Вселенную. Чеснокова доказывает, что второй путь характерен для русского народа. Мы живем в Космосе, сосуществуем с ним, не подчиняя себе.

– Так же мы взаимодействуем и с другими народами: мы не подчиняем их себе на нашем имперском пространстве, как делали англичане или немцы; мы сосуществуем с ними, впитываем их культуру, поддерживаем их национальные элиты. Иначе не можем. Запад действовал по-другому: оккупировал весь мир, при этом как бы обучая свои жертвы демократии.

– Да, у нас разные пути. Запад умеет себе лишь все жестко подчинять, ломать, переделывать по-своему. Мы гибко вписываемся в окружающий мир, сами становимся Космосом. Прошли времена, когда крошечная Португалия захватывала Индию, которая во много раз и больше, и древнее ее, Испания захватывает всю Южную Америку, Англия – почти весь остальной мир. Тогда Россия удержалась и выстояла. Но нельзя отрицать некий пассионарный прорыв западного мира. Ведь у

Запада в те времена были свои проблемы. Мавры вторгались в Испанию, турки захватывали Вену, владели Балканами, вроде бы Европе не до новых завоеваний. Но Запад неуклонно расширял до поры до времени свои владения. Неимоверная энергия. Нельзя скрывать: в тот момент западная цивилизация была очень продуктивной во всем, в том числе и в культуре. Это был золотой период европейской культуры: музыка, живопись, литература. Таким путем шло и ее медленное завоевание России, культурный обходной путь. Наша интеллигенция была очарована западной культурой, мыслила себя в рамках западных ценностей. Что же сейчас? Европа выдохлась, кто идет ей на смену?

– И сегодня прекрасный турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Орхан Памук пишет о так называемой жажде Запада: «А насчет “жажды Запада” я скажу, что это отнюдь не одним туркам свойственное чувство. У людей во многих странах есть ощущение, что все, что в мире происходит, происходит только в Америке и в некоторых европейских государствах... Опыт других народов не оказывается в полной мере разделенным человечеством... 90% человечества знает, что история делается где-то там, где их нет, и они из этого процесса исключены. Я об этом много писал...».

Но все меняется, и сейчас даже в литературе азиатский Букер становится значимее европейского, и нынешний его лауреат, китайский мой сверстник и давний знакомый Су Тун, погружен в историю древнего Китая, мало интересуясь историей Европы. «Жажда Востока» оказывается ныне сильнее «жажды Запада». Когда же в России наступит «жажда России»?

– Я совершенно согласен с мыслями Сергея Кургина, что основа нынешнего кризиса – не в экономике

и финансах. Он в своей статье ссылается на человека, управляющего мировыми финансами, утверждающего, что за этим кризисом последуют и другие. Никуда не уйти от того, что резко сокращается численность европейских народов, в целом белой цивилизации. Если полвека назад белые народы составляли четверть человечества, то в 2000 г. – уже одну шестую. Если так будет продолжаться, то к середине нынешнего века белых останется едва ли десятая часть. Земли мирно заселяются другими народами из бывших европейских колоний. И кто кого уже колонизирует?

– Вспомним слова палестинского лидера Арафата, что matka арабской женщины победит все танки и самолеты, все армии мира. Исламский мир с его экспансией, Юго-Восточная Азия с бешеными темпами промышленного и научного развития – вот что определяют развитие нынешнего столетия. Удастся ли нам остаться в стороне от этого противостояния?

– Западная цивилизация исчерпала силы, в ней заложенные. Это видно и по творческому оскудению в музыке, в литературе. Я бы даже не сказал, что в этом упадке виноваты западная буржуазность, корысть и т. д. Все, имеющее свое начало, имеет и свой конец. Есть такая книга Патрика Бьюкенена «Смерть Запада». Это очень похоже на конец античной цивилизации. Тогда тоже земли Греции и Италии заселялись с точки зрения Древнего Рима варварами. Сейчас такими «варварами» заселяется вся Европа. США заселяют испаноязычные выходцы из Латинской Америки. В книге Хантингтона «Кто мы?» автор замечает, что новые переселенцы в США в корне отличаются от старых. Они совершенно не стараются интегрироваться в американское общество.

Я это ощущаю и в России. Я сам представитель той культуры, которая к нам еще с Петром пришла с Запада. Мне с детства было свойственно трудолюбие. Я и потом очень ценил своих учеников, которым было свойственно трудолюбие. Сейчас у нас в России формируется какая-то иная потребительская жизнь, в которой труд не ценится, а презирается. Это и есть описываемый Кургиняном «Кризис и другие».

У нас происходит настоящая смена цивилизаций. Многие либералы утверждали, что крах Советского Союза связан с проигрышем в «холодной войне». Я не согласен. После любого самого тяжелого поражения в войне теряли территории, платили контрибуции, но характер жизни народа не менялся. Сейчас уничтожаются весь прошлый русский уклад, образ жизни, характер нации.

– Я вспоминаю книгу «Отцы и дети». Наивный Тургенев: какая уж тогда была борьба поколений? Сейчас, на мой взгляд, даже не борьба: тотальная смена взглядов на все, и у правых, и у левых, новое поколение мыслит по-иному – как инопланетяне. Молодые русские националисты – Холмогоров, Самоваров – мыслят совсем другими категориями, чем, к примеру, Вадим Кожинов или Игорь Шафаревич. Иные и молодые западники. Наверное, так было после октября 1917 года, когда еще не старые прославленные «мирискусники», поэты-символисты оказывались никому не нужны и не знали, о чем писать, что рисовать. Они все оказались во внутренней эмиграции, независимо от их политических убеждений. Так и мы – «внутренние эмигранты», все, независимо от политических взглядов, «родом из Советского Союза», что бы ни утверждал в своих статьях Сергей Кургинян, противопоставляя

Бахтина – Лосеву, Кожина – Аверинцеву. Нынешним молодым патриотам эта бахтинско-лосевская возня, придуманная Кургиняном, просто неинтересна. Они не знают ни того, ни другого. Что же будет дальше?

– Кургинян прав не в подборе имен, здесь он мстит за какие-то былые обиды, а в главном: кризис имеет духовный характер.

– Как Вы утверждаете, мы были тесно связаны с западной цивилизацией. Но в чем между нами коренное различие?

– Был в эмиграции такой отчаянный русский националист Иван Солоневич. Он написал в Аргентине известную книгу «Народная монархия». Книга написана явно в истерике. Он боялся, что не успеет ее дописать. Он упрекает и классическую русскую литературу, и русских историков, что они нагромоздили возжи о русском народе, о маленьком человеке. Но в книге содержится ряд ясных конкретных мыслей, которые очень ценны для понимания русской истории. Он очень верно говорит, что одно из главных свойств русских – их уживчивость с другими народами. Русская империя была создана именно на основании уживчивости. Второе качество русских – их готовность к жертвам, к жертвенности, их высокая пассионарность, как сказал бы Лев Николаевич Гумилев. Готовность к обороне своей земли, своей семьи. «Не замай» – вот короткий девиз всех русских. Это похоже на истину. Русские дошли до Тихого океана, не уничтожив ни одного народа. Говорят, что это преувеличение. Может быть, но, по крайней мере, той кровавой бойни, которую обычно устраивали коренным народам англичане, в России не было. И сейчас живы многие малые народы, которые упоминаются в «Повести временных лет».

– Как сочетаются в России русскость и имперскость? Нет ли противоречия между русскими националистами и русскими империалистами, патриотами и державниками?

Некоторые горячие головы на нынешней волне разделения говорят: пусть уходит от нас Кавказ со своими проблемами, пусть уходят или уединяются у себя в норках татары и якуты, будем жить сами.

– Русский народ, может быть, и погибнет. Но пока он существует, он будет уживаться со всеми народами в одной стране. Даже мелкие войны нас не разделят, нам даться друг от друга некуда. Ведь этим народам тоже без России и русских не выжить. Никакая Америка не возьмет их на содержание. Многие мусульманские народы, живущие на территории России, будут мгновенно поглощены Китаем или исламским миром. И были бы в положении уйгуров, которых китайцы постепенно ассимилируют и уничтожают. Исчезли бы среди китайцев и якуты. И они это прекрасно знают. Да и культура малых народов России становится известной в мире через русский язык.

– Я только что вернулся из Эстонии. Помню, как благодаря русским становились известны в литературном мире Европы и Энн Ветемаа, и Ян Кросс, и братья Туулики. Сегодня эстонскую литературу никто нигде не переводит, не издают ее и в самой Эстонии. Кроме двух-трех политически ангажированных публицистов, литература ушедших республик никому не нужна. Исчезли и киностудии. Когда нынешние горячие головы из культурного мира малых народов России постоянно упрекают русских, они недопонимают, что рубят сук, на котором сами и сидят.

– Никто в мире не смеет отрицать: русская культура – одна из мировых культур. Пространство русской культуры помогало становлению и Чингиза Айтматова,

и Отара Чиладзе, и Мустая Карима. Помогает это и русской культуре. Это свойство взаимопонимания и взаимообогащения культур очень важно. Об этом хорошо писал и Валерий Соловей, на которого так обрушился в своих статьях Кургинян.

Я, помню, был поражен, когда в 1960-х гг. встретился с американскими коллегами: они все были настроены антиамерикански. Все говорили, что в Америке есть имперские амбиции, которые нужно уничтожить. Я с ними был не согласен. Но понял, что имперскость является ругательным словом для всей мировой, так называемой прогрессивной либеральной интеллигенции, от Америки до Германии, от Франции до России.

– Может ли такое случиться, что русских в России со временем станет меньшинство по сравнению с теми же мусульманскими или другими народами России, и Россия, к примеру, станет мусульманской державой? Ведь к этому идут и США, где все негры давно приняли ислам, а их число неуклонно растет. К этому идет и Европа, заселяемая и турками, и курдами, и пакистанцами, и арабами. Да и к нам с Востока идет волна за волной. Будет и у нас со временем президентом Обама или его брат. А в центре Москвы будет мечеть Василия Блаженного. Историки быстро определяют, что у юродивого Васьки Блаженного были тюркские корни. Останется и империя, и даже называться будет по-прежнему Россией, только заселять эту Россию будут другие народы?

– В книге Ксении Касьяновой «Характер русского народа» приведены стихи Некрасова, который обращается к русскому народу:

Чем был бы хуже твой удел,
Когда б ты менее терпел...

Касьянова пишет: большего непонимания русского народа трудно представить. Для русских терпение – это не удел, а высокое качество, за что его уважают и другие народы. Европейцы такого бы давно не выдержали и сошли на нет. Им не дано было русских испытаний, от монгольского нашествия до наших дней. Думаю, что удержимся и в нынешнее время, и меньшинством все-таки вряд ли станем. Скорее обрусееют иные малые народы или примут православную веру.

– *Вы – оптимист и в личной жизни, и по отношению к будущему России?*

– Будущее России зависит от власти. Сейчас у нас власть олигархическая, т. е. власть денег. Вспомните события и августа 1991 г., и октября 1993 г. Следование пушкинскому принципу: «Народ безмолвствует». Были во всех тех событиях активисты с разных сторон, но массово народ на улицы не вышел. При этом народ с тех пор не признает власть своей. Это для него какая-то чужая власть. Жили же русские не раз под оккупантами – и выживали. Народ считает: пусть власть сама с собой разбирается. Власть на народ никак не опирается. Так же, как и народ на власть. Власть каким-то образом все же вынуждена учитывать тенденции русского народа, его настроения, проверять его терпеливость, определять предел терпения.

Мало кто обращает внимание на то, что весь политический лексикон за последние десять лет совершенно изменился. Сейчас вся политическая элита России говорит о защите национальных интересов. Хотя никто не спрашивает, чьей же нации эта власть защищает интересы. Это неполиткорректно. Это запрещается. Но раньше, лет десять назад, даже самих слов о защите национальных интересов никогда не звучало. Это погубило бы

любого российского политика. Никакой Жириновский не решился бы на такие слова.

А что будет дальше с Россией? Я не предсказатель. Мне кажется, история тем и замечательна, что в истории существует свобода выбора. Властолюбивые политики могут как угодно командовать, но история все равно распоряжается по-своему. Да и народ со временем сам выбирает тот или иной путь развития.

Нынешняя эпоха мне напоминает эпоху Ивана Калиты. Кто он был такой? Помните роман Дмитрия Балашова? Прекрасный исторический писатель Балашов писал про Калиту, что тот желал хана полюбить искренне всей душой. Так, чтобы не было никакого уголка души, который не был бы пропитан этой любовью.

В то же время народ оценил его деятельность как собирателя всей Руси после периода долгого распада. И дал ему именно это высокое прозвище – Калита. Был ли он верным данником ордынского хана, который хотел собрать побольше дани из московского улуса, и потому всех старался объединить? Или он с опережением на 50 лет готовил Куликовскую битву, готовил грядущее избавление Руси?

Сейчас положение примерно такое же. Мне кажется, что силы, действующие на магнитную стрелку, уравновешиваются.

– Что же делать русскому интеллигенту, русскому писателю? Как сдвинуть стрелку на развитие нации и государства?

– Цель русской интеллигенции сегодня заключается в том, чтобы оказывать давление на правительство, на власть всеми возможными для нее средствами, требуя от них больших уступок для развития русского народа. Сказать, что конкретно надо делать, я бы не решился.

Любая самая хорошая утопия может быть еще страшнее нынешнего момента.

Любое решение должно вырастать из самой жизни. Сейчас, мне кажется, видно, какое решение вырастает из жизни. Первое важное решение заключается в том, чтобы признать существование русских и существование русских национальных интересов. Так же, как мы признаем интересы всех других народов России. Например, восстановить в паспорте название своей национальности – русский. Совершенно непонятно: почему надо сохранять в паспорте возраст или указывать пол, но скрывать национальность? Неужели национальность не характеризует любого человека? Кто чего стыдится? Пусть уж вычеркнут, если так не терпится, к примеру, пол. Все равно видно: мужчина или женщина.

– *Нужен ли закон о государствообразующей нации?*

– Это уже дело какого-то далекого будущего. Сейчас нужно требовать малых шагов со стороны правительства по защите интересов русского народа. Можно требовать чего угодно. Но зачем делать бессмысленные шаги? Важнее добиваться реального улучшения.

Надо учитывать, что у нас власть денег, и ей надо лишь напоминать, что государство у них прежде всего русское. И народ на 80% с лишним русский.

– *Вы утверждаете, что коммунизм – это крайняя модель западной цивилизации, чуждая для русского народа. Но первая модель русского капитализма провалилась в 1917 г.*

Как мы знаем, спустя 70 лет существования провалилась и попытка коммунизма. Сейчас более 20 лет длится вторая попытка русского капитализма, на мой взгляд, столь же неудачная, как и первая. Власть денег,

достаточно успешная в западном мире, заставляющая крутиться все колесики страны, у нас явно не работает. Какая же модель годится для России? Какая экономика наиболее органична для нее?

– Первая модель провалилась все же не в 1917 г. После установления советской власти несколько лет шла умалчиваемая до сих пор крестьянская война – не меньшая, чем крестьянская война в Германии. Волна восстаний по всей стране. Крестьяне, конечно, победить не могли. Но они отбились с колоссальными потерями. Против крестьян были выставлены совершенно несопоставимые силы. Вспомним антоновское восстание, на подавление которого была выдвинута целая армия, руководили его разгромом видные красные полководцы – тот же Тухачевский.

Я с радостью нашел книжку, недавно выпущенную у нас: «Великая крестьянская война в России». Это были лекции, прочитанные в Гарварде итальянским историком Грациози. Я ему послал свою книжку, где высказывал близкие ему мысли. Он мне ответил осторожно, чтобы сохранить свое место в Гарварде, но, тем не менее, откровенно, что во многом со мной согласен...

– И все же, крестьянская война и власть денег, модель капитализма – это немного разные вещи. Возможен ли русский капитализм? Какая же модель годится для России? Не кажется ли Вам, Игорь Ростиславович, что для России такой саморазвивающейся формы русского промышленного и денежного капитализма просто быть не может?

– Конечно, русского капитализма быть не может! Россия может быть только колонией для западного капитализма. Капитализм на Западе развивался несколько столетий. Жесточайшая история западного капитализма до сих пор не написана. Сначала это были жесточайшая эксплуатация и полное бесправие работников. Из-

бирательное право было очень узкое. Оно было только у крупных землевладельцев. Крупные землевладельцы часто решали, кого выбрать во власть. Только в XIX в. началось осторожное расширение избирательного права. Уже после Первой мировой войны и женщины получили избирательное право. Когда в американской конституции говорится, что каждый человек рождается свободным, ни негры-рабы, ни женщины под этими свободными гражданами не подразумевались.

– *Может быть, дай коммунизму просуществовать несколько столетий, тоже все граждане получили бы полную свободу и полное благополучие, но без власти денег? Мы говорим о жесточайшем раннем капитализме, о христианской инквизиции, уничтожившей миллионы, как бы принимая и нынешнюю мирную Церковь, и благополучный западный капитализм, – значит, все новое проходит через тиранию и жестокость, чтобы потом обрести человеческие черты. Что же делать нынешней России? К какому берегу податься? Коммунизм – плохо, капитализм – плохо, что же хорошо?*

– Вокруг русского народа могут собраться все народы, которым хорошо вместе с Россией, безопаснее, которым тоже неохота идти под западный капитализм. Правящий класс во всем мире имеет тенденцию вырождаться, побеждает страсть к властвованию. К большинству своего же народа они относятся как к быдлу, как к ничему не значащей массе. Мечтать о каком-то светлом будущем – это утопия, не имеющая отношения к реальности. Значит, время от времени необходимо менять власть тем или иным путем.

Можно надеяться, что у нас выработается строй, который будет более-менее устойчивым, учитывающим интересы народа.

В России, думаю, всегда будет более-менее авторитарный строй, сильная власть. Западная демократия нам просто по менталитету не подходит. Экономика должна быть в России смешанной. Русские не могут существовать нормально, если у крестьян нет своей земли. На земле должен быть свой крестьянский капитализм, но ограничивающий размеры частных земельных владений. Как писал Чаянов, у русских крестьян своя концепция выгоды. Не больший доход, а возможность заниматься своим делом.

– А существует ли сейчас крестьянство на Руси? Может, это уже утопия? Деревня обезлюдела. Я ездил и по Вологодской области, к Василию Белову в Тимонику, и по Карелии, и из Москвы в Петербург, недавно вернулся из Псковщины. Сотни километров пустого пространства. Нет ни полей, ни коров, ни людей. Все мясо везем из Европы и Азии. Можно ли вернуть крестьян на землю? И кто это сделает? Сначала уничтожили колхозы и совхозы, потом так же добились фермеров.

– Думаю, что каким-то непредсказуемым образом русские вернуться на землю. Может, даже в результате страшных городских катастроф, полной безработицы и вымирания в городах побегут спасаться на землю. Все-таки именно земля спасет русский народ.

*Беседу вел Владимир Бондаренко.
2009.*

О «ЕВРЕЙСКОМ СТОЛЕТИИ»

Беру в руки книгу Ю. Слезкина «Эра Меркурия». Это очень интересная книга, начиная с ее названия, которое в английском оригинале звучит “The Jewish cen-

tingu”, что значит, насколько я могу судить, «еврейское столетие». Долгое время я даже не мог понять, что я ту же книгу, но под другим названием уже читал по-английски. Такое изменение названия вызывает естественный вопрос: «Что же это за тема, для обсуждения которой Америка уже созрела, а нам ее можно подавать лишь под более осторожным и обтекаемым заголовком?». Ответ содержится во введении, где говорится: «Современная эра – еврейская, а XX век – еврейский век. Модернизация заключается в том, что все становятся подвижными, чистоплотными, грамотными, говорливыми, интеллектуально изощренными и профессионально пластичными горожанами... Модернизация – это когда все становятся евреями». Здесь и дальше я пользуюсь имеющимся печатным переводом, несмотря на отмеченное выше изменение заглавия. Далее говорится: «У одних... получается лучше, у других – хуже, но никто не способен стать лучшим евреем, чем сами евреи». Еще одна цитата: «Эта книга представляет собой попытку рассказать историю еврейского века и объяснить его истоки и значение». И только дочитав книгу (ее перевод), я осознал, что статья Радзиховского «Еврейское счастье», из которой мы узнали имена тех, кто тогда определял нашу судьбу, и была напечатана в американской же газете на русском, правда, языке.

Но еще более поразительным, чем изменение названия в переводе, является противоположность картины, которая вырисовывается в начале книги (первая глава) и в ее продолжении (вторая–четвертая главы).

Книга состоит из четырех глав. Их названия такие: глава первая – «Сандалии Меркурия», подзаголовок – «Евреи и другие кочевники»; глава вторая – «Нос Сва-на: евреи и другие европейцы»; глава третья – «Первая любовь Бабея: евреи и Русская революция»; глава чет-

вертая – «Выбор Годл: евреи и три Земли Обетованные». Смысл главы первой, как мне кажется, характеризуется уже ее первой фразой: «В общественном и экономическом положении евреев средневековой и новой Европы не было ничего необычного». Далее речь о концепции этой главы будет идти отдельно. Сейчас лишь отметим, что такая попытка доказать, что «исторически евреи ничем не отличалась от других народов», не нова и обычно согласуется с «либерально-демократическими» взглядами. Наоборот, главы вторая – четвертая содержат достаточно аргументированных (т. е. снабженных ссылками) данных, чтобы объявить автора неполиткорректным или даже «экстремистом», «националистом» или «фашистом». Сейчас к этой категории относят обычно указывающих национальность тех или иных политических и экономических деятелей. А в отношении евреев это считается абсолютно недопустимым. Глава вторая именно посвящена фантастическому взлету еврейского влияния в Европе XIX–XX вв. Так, автор сообщает: «В Вене времен *fin de siècle* 40% директоров публичных банков были евреями. И все банки, кроме одного, управлялись евреями под прикрытием аристократических *Paradegoyim*». Другая цитата: «В Будапеште 1921 г. 87,8% всех участников фондовой биржи и 91% членов Союза валютных маклеров составляли евреи». Следующая цитата: «В 1912 г. 20% миллионеров Великобритании и Пруссии были евреями». Та же картина с образованием: «В 1880 г. евреи составляли 3–4% населения Австрии, 17% студентов высших учебных заведений и треть студентов Венского университета. В Венгрии (5% населения) они составляли четвертую часть всех студентов и 43% студентов Будапештского технологического университета». Следующая цитата: «В Германии, Австрии и Венгрии начала XX в. изда-

телями, редакторами и авторами большинства национальных газет, не являющихся специфически христианскими или антисемитскими, были евреи. (Впрочем, в Вене даже христианские и антисемитские газеты иногда издавались евреями.)» Автор приводит мнение одного исследователя – Стивена Беллера: «В век, когда пресса была единственным средством массовой информации, культурным или не очень, либеральная пресса была по преимуществу еврейской». Автор делает следующую оговорку: «Современный век начался не с евреев. Они вступили в него поздно и имели мало отношения ко многим из важнейших его эпизодов (таким, как научная и промышленная революции) и с трудом приспособились к его многочисленным требованиям. Приспособились они лучше всех и в результате преобразили весь мир, но при акте творения и при раннем распределении ролей они не присутствовали».

С наиболее болезненной для нас (т. е. русских) ситуацией мы сталкиваемся, судя по названию, в главе третьей. Тут автор полностью выкладывает наиболее болезненные как с русской, так и, вероятно, с еврейской точек зрения известные факты. Так, он пишет: «Красная Армия была единственной (...), во главе которой стоял еврей. Троцкий был не просто военачальником или даже пророком, он был живым воплощением искупительного насилия, мечом революционной справедливости и – в то же время – Львом Давидовичем Бронштейном, чьей первой школой был хедер Шуфера в Громоклее, Херсонской губернии». Далее перечисляются вожди большевиков, стоявшие в годы Гражданской войны ближе всего к Ленину – Г. Е. Зиновьев (Овсей-Герш Аронович Радомысльский), Л. Б. Каменев (Розенфельд) и Я. М. Свердлов. Автор рассматривает участие евреев в Русской революции как революцию внутри еврейства, разрыв

поколений, который, с точки зрения младших, был отцеубийством (несколько, как мне кажется, в духе Фрейда). Он приводит цитату из «Конармии» Бабеля, где по поводу «галицийских местечек» говорится: «Повсюду царил вековой запах гнилой селедки и протухшей кислоты испражнений». Мне кажется, что этим объясняется лишь одна сторона пассионарного участия евреев в Русской революции. Да и сам автор цитирует лишь еврейских авторов – Бабеля, Багрицкого и т. д. Привлечение авторов, видевших ситуацию иначе, например Шульгина, могло бы прояснить ее лучше. Впрочем, в рассказе Бабеля «История моей голубятни» рассказывается, как Бабель поступил в гимназию. По этому поводу у него дома было устроено празднество, на котором его учитель Торы «мсье Либерман произнес на древнееврейском языке тост. Старик поздравил родителей в этом тосте и сказал, что я победил на экзамене всех врагов моих, я победил русских мальчиков с толстыми щеками и сыновей грубых наших богачей. Так в древние времена Давид, царь иудейский, победил Голиафа и, подобно тому, как я восторжествовал над Голиафом, так народ наш силой своего ума победит врагов, окруживших нас и ждущих нашей крови». Так что отношение к окружающему народу как к врагам существовало и вне зависимости от проблем «отцов и детей». Тем не менее в книге сообщается: «В апреле 1917 г. 10 из 24 (41,7%) членов Бюро Петроградского Совета были евреями», а также: «На Первом Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. по меньшей мере 31% делегатов большевиков (и 37% объединенных социал-демократов) были евреями», и: «На совещании большевистского ЦК 23 октября 1917 г., проголосовавшего за начало вооруженного восстания, евреями были 5 из 12 присутствовавших. Евреями были и трое из семи членов Политбюро, возгла-

вивших Октябрьское восстание (Троцкий, Зиновьев и Григорий Сокольников [Гирш Бриллиант])». Приводится и состав ВЦИК, избранного на II съезде Советов, ратифицировавшего захват власти большевиками. В него «...вошло 62 большевика (из общего числа 101). Среди них было 23 еврея, 20 русских, 5 украинцев, 5 поляков, 4 “прибалта”, 3 грузина и 2 армянина. Первыми председателями ВЦИК (главами Советского государства) были Каменев и Свердлов. Свердлов также руководил административным аппаратом партии (как глава секретариата). Первыми большевистскими руководителями Москвы и Петрограда были Каменев и Зиновьев.

Зиновьев также являлся председателем Коммунистического Интернационала. Первыми большевистскими комендантами Зимнего дворца и Московского Кремля были Григорий Исаакович Чудновский и Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман). Ярославский был также председателем Союза воинствующих безбожников. Советскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске возглавляли Адольф Иоффе и Лев Троцкий». Следующая цитата: «В 1919–1921 гг. доля евреев в Центральном комитете партии сохранялась на уровне примерно одной четверти. В 1918 г. евреи составляли около 54% “руководящих” партработников Петрограда, 45% всех партийных чиновников города и губернии и 36% комиссаров Северного округа. В 1919 г. евреями были трое из семи членов президиума Петроградского совета профсоюзов, а в 1920 г. – 13 из 36 членов Исполкома Петросовета. В Москве в 1923 г. евреи составляли 29% “руководящих кадров” партии и 45% губернского собеса. Их доля в московской партийной организации (13,5%) в три раза превышала их долю среди всего населения города. Почти половине из них было меньше 24 лет (43,8% мужчин и 51,1% женщин). 25,4% всех большевичек Москвы

были еврейского происхождения». Следующая: «В ЧК большевики еврейского происхождения выделялись – и продвигались вверх – благодаря редкому сочетанию идеологической преданности с высоким уровнем образования». В 1918 г. 65,5% всех сотрудников ЧК еврейской национальности были “ответственными работниками”. Евреи составляли 19,1% всех следователей центрального аппарата и 50% (6 из 12) – следователей из отдела по борьбе с контрреволюцией. Ко времени создания ОГПУ (преемника ЧК) в 1923 г. на долю евреев приходилось 15,5% всех руководящих сотрудников, 50% высшего руководства (4 из 8 членов Секретариата коллегии)». Далее: «Революционное перерождение сопровождалось революционным переименованием. В одном только Петрограде Дворцовая площадь, украшенная Натаном Альтманом, стала площадью Урицкого; дворец великого князя Сергея Александровича стал дворцом Нахамкеса; Литейный проспект стал проспектом Володарского; Адмиралтейская набережная и Адмиралтейский проспект были переименованы в честь Семена Рошалья, Владимирская площадь и Владимирский проспект – в честь Семена Нахимсона; а Новый Коммунистический Университет трудящихся (наряду с целым рядом улиц и городом Елизаветградом) был назван именем Зиновьева. Царские резиденции Павловск и Гатчина превратились в Слуцк и Троцк соответственно. Вера (Берта) Слуцкая была секретарем Василеостровского районного комитета партии». Автор предоставляет громадную информацию, обычно умалчиваемую (вероятно, ввиду возможных аналогий и вопросов в связи с современностью). Выясняется, что Андреев, Бухарин, Ворошилов, Дзержинский, Киров, Косарев, Луначарский, Молотов и Рыков имели еврейских жен. Интересно, что список этот можно дополнить, и он тянется до военных времен. Так, маршал Жуков первым

браком был женат на еврейке и только во время войны посмел сочетаться вторым браком с русской.

Юрий Слезкин пишет: «Особые отношения между большевиками и евреями – или, вернее, между большевиками и еврейской революцией – стали существенной частью революционной войны слов. Многие враги большевиков отождествляли их друг с другом, представляя большевизм преимущественно еврейским движением. Сильной стороной этого аргумента была апелляция к очевидным фактам о роли евреев среди вождей партии. Слабой его стороной были не менее очевидные размеры и состав Красной Армии». Тут очень не хватает анализа явления заложничества среди родственников офицеров царской армии, служивших в Красной Армии, и колоссального размера дезертирства из Красной Армии (и из «белых» тоже).

Автор пишет: «И даже Н. А. Соколов... дал явно понять, что еврейским комиссарам Голощекину и Юровскому не составило бы никакого труда найти рьяных царевубийц (и убежденных большевиков) среди местных фабричных рабочих». Но ведь их не нашли, а возможно, и не искали. Это и загадочно и, насколько я помню, в связи с этим и стоит упоминаемая фраза в книге Соколова. Значит, был какой-то стимул личного участия в подобном преступлении, перевешивавший очевидные политические соображения. Тут автор, соблюдая беспристрастность, дает слово Шульгину, приводя цитаты из его книги «Что нам в них не нравится».

Читаем далее: «Как с этим быть? Возможно, впервые в истории русской политической публицистики Шульгин предложил развернутую недвусмысленную защиту принципа этнической вины, этнической ответственности и этнического раскаяния. Предвосхищая стандартную логику второй половины XX в., он

утверждал, что, хотя юридически сыновья за отцов и не отвечают, морально они всегда за них отвечают, отвечали и будут отвечать... Но если принадлежность к нации дарует гордость, она должна по той же причине накладывать и ответственность. Гордиться Толстым, согласно Шульгину, значит нести на себе вину за Распутина и за большевизм». Но точку зрения Шульгина поддержали авторы-евреи во главе с Биккерманом, белоэмигранты, составившие сборник статей «Россия и евреи», и Я. А. Бромберг, написавший книгу «Запад, Россия и еврейство». С ними-то автор и спорит. Он пишет: «Позиция эта оказалась непопулярной... поскольку подразумевала, что каждому есть в чем виниться, но не предлагала универсальной меры виновности; поскольку “честное признание” казалось невозможным без всеобщего отказа от лицемерия, поскольку ни Шульгин, ни “латыши” не спешили исполнять свою часть покаянного действия; поскольку погромы были специфически антиеврейскими, тогда как большевистский террор – гибко антибуржуазным; поскольку через десять лет в Германии придут к власти нацисты... и поскольку, наконец, нация не имеет возможности искупить свою вину». Автор намекает, что, согласно Шульгину, «русским, кроме как перед самими собой, извиняться не перед кем». Этот аргумент, как мне представляется, не серьезен. Книга Шульгина написана, в частности, о еврейских погромах, так что я его не берусь обсуждать. Слезкин пишет: «Позиция авторов сборника по вопросу о “еврейской коллективной ответственности” (термин Ландау) ничем не отличается от позиции Шульгина. Ввиду того что Бромберг называл “старой страстью периферии к выискиванию и превознесению евреев, прославившихся на разных поприщах культурной деятельности”, и в особенности, ввиду “беззастенчивой кампании, веду-

щейся вокруг имени Эйнштейна”, не оставалось ничего иного как объявить своими и палачей». С этой точкой зрения и спорит автор: «Язык Бикермана и его единомышленников есть христианский язык греха, раскаяния и покаяния, обращенный к смертным обладателям бессмертных душ. Люди, образующие нацию, могут испытывать стыд, но нации как таковые не в состоянии пойти к исповеди, совершить покаяние и предстать перед творцом своим. Требования национального покаяния не могут быть исполнены, потому что не существует законного источника искупительной епитимии...». Но тут возникает вопрос о немцах и холокосте. Вот, казалось бы, пример вполне конкретного покаяния, но когда автор говорит о холокосте, голос его звучит металлом, и тут не остается места для «гнилого объективизма». Он цитирует будущего Нобелевского лауреата Эли Визеля: «Освенцим невозможно ни описать, ни вообразить. Является ли холокост кульминацией или аберрацией истории, он выходит за ее рамки... Мертвые владеют тайной, узнать которую мы, живые, либо не достойны, либо не способны... Холокост? Уникальное событие, уникальная тайна, которая никогда не будет постигнута или описана». Однако он не цитирует и даже не упоминает так называемых ревизионистов, оспаривающих размеры и концепцию уникальности жертв еврейства во время войны. Впрочем, мне-то грех жаловаться на недостаточно широкий взгляд автора на национальные вопросы в России, т. к. именно из его книги я узнал много подробностей об анкете по «еврейскому вопросу», организованной Горьким в 1915 г., или о том, что Малер, Поппер, Лукач и Кафка были евреями.

Автор приводит цитаты, дающие возможность почувствовать несовместимость позиций меньшинства и большинства народа. Цитата: «Ребенок, росший в местеч-

ке, усваивал определенный набор противопоставлений и воспринимал одни типы поведения как характерные для евреев, а другие, “противоположные” – как гойские». Слезкин комментирует: «При взгляде с противоположной стороны перечни эти выглядят так же, но оцениваются иначе. Умеренность, ученость, рационализм и преданность семье (а также успехи по части предпринимательства) могли казаться лукавством, трусостью, крючкотворством, немужественностью, клановостью и жадностью». При чем вся книга не оставляет сомнения (и в этом ее интерес для нееврейского читателя), на чьей стороне симпатии автора.

У него явно есть своя концепция революции. Он пишет: «Русская революция была суммой крестьянских восстаний, крестовых походов, племенных войн, колониальных захватов и временных коалиций. Частью этой смеси стала еврейская революция против еврейства».

Конечно, автор не обходит молчанием, как он пишет, «кульминацию темы еврейских комиссаров». Он упоминает книгу о строительстве Беломорканала 1931–1934 гг. и приводит имена некоторых из 36 ее авторов, а также имена тех, кто занимал основные посты в этом строительстве. Это имена шести евреев, он перечисляет их «достоинства», как он их называет: «Сознательность, безжалостность, подвижность, точность, четкость, проницательность и факультативное еврейство в качестве подтверждения, а возможно, и объяснения всех прочих качеств». Почему еврейство «факультативно» – это неточный перевод? Непонятно. Автор говорит: «То были последние представители героического периода русской революции». И приводит цитату, вполне злободневную, из Гроссмана. Написано после смерти Сталина, но до «перестройки». Речь идет о большевике Льве Меклере: «Он в кротости своей был беспощаден к инакомысля-

щим. Революция казалась ему беспомощной, детски доверчивой, окруженной вероломством, жестокостью злодеев, грязью растлителей. И он был беспощаден к врагам революции». Большое количество еврейских имен среди представителей новой власти бросалось в глаза и требовало объяснения. Слезкин цитирует книгу Луначарского, посвященную этому вопросу: «Когда революция победила и организовала государственную власть, значительное количество евреев вошло в органы государства. Они завоевали право на это своей преданной, самоотверженной службой революции». Автор рассматриваемой книги приводит цитаты из воспоминаний, передающие чувства восторга, которые испытывали эти завоеватели или их дети. Это чувство было особенно сильно на фоне общей нищеты. Например, такое воспоминание: «С 35-го года мы стали жить на Николиной Горе... Поселок... расположился в прекрасном сосновом лесу, на высокой горе, в излучине Москвы-реки. Место изумительное по красоте, одно из лучших в Подмосковье... Участок был прямо над рекой, на высоком берегу. Дача была большая, двухэтажная, шесть комнат. Брат мамы, Вениамин, не без тайной зависти называл ее “виллой”... Около некоторых дач на реке были сделаны деревянные мостки для купания... Мы, девчонки, любили собираться у мостков под дачей Керженцева. Там было мелко и удобно купаться... Жизнь на даче была прекрасной». Характер этой жизни передает другое воспоминание: «Наша школа находилась в центре города, где, в основном, жили привилегированные слои бесклассового общества и дети, конечно, соответствующие. Что же касается национально-процентного соотношения, то “еврейское лобби” абсолютно превалировало. Все эти Нины Миллер, Люси Певзнер, Буси Фумсон, Риты Пинсон, а также Бори Фукс и другие доминировали по всем

статьям над малочисленными Иванами Мухиными или Наташами Дугиными. Училась эта элита легко и славно, во всем задавая безоговорочный тон». Автор комментирует: «Они ходили в театры, читали романы XIX века и проводили лето на дачах или на море, примерно так же, как это делали героини романов XIX века. У многих были крестьянские няни, которые в последующих воспоминаниях превращались в подобие крестьянских нянь старых революционеров (и в конечном счете – в подобие Арины Родионовны, бессмертный прототип всех крестьянских нянь). Инну Гейстер, отец которой был выходцем из черты оседлости и видным теоретиком коллективизации, воспитала Наташа Сидорина из деревни Караулово Рязанской области». И далее: «Самым престижным советским вузом второй половины 30-х гг. был Институт истории, философии и литературы (ИФЛИ), возглавляемый сестрой Розы Соломоновны Землячки – А. С. Карповой-Залкинд... Самые популярные преподаватели ИФЛИ (Абрам Белкин, Михаил Лившиц и Леонид Пинский) были профессорами литературы, а самые заметные студенты (также, в основном, евреи) – поэтами, критиками и журналистами». Студенты ИФЛИ любили в своих разговорах, а позже – в мемуарах называть свой институт лицеем, а завязавшуюся там дружбу – лицейской дружбой. Атмосферу, в которой жила эта элита, передают воспоминания, в большом количестве цитируемые автором. Например: «Ох, уж эти подмосковные дали, подмосковные вечера, дачные поселки в перелесках, деревянные дома с открытыми верандами, садики, окруженные деревянным штакетником!.. А под окнами и вокруг – террасы, где романтические дачники сажали душистый табак, днем невзрачный, но вечером и ночью терпко-душистый... Вечером, после “трудового дня”, мытье из ковша теплой, нагретой солнцем, водой,

сандалии после дневной бесшабашной босоногости, неторопливое вечернее чаепитие со старшими, но чаще всего – до ночи разговоры с дачными подружками и мальчишками тоже... Постепенно все эти обязательные музыкально-дачные экзерсисы стихали, дачники укладывались спать. Наступала тишина, прерываемая паровозными гудками. Но долго еще то тут, то там слышались призывы мам и бабушек».

Цифры, которые приводит автор, поддерживают эти впечатления. Так, мы узнаем, что «в Ленинграде в 1939 г. евреи составляли 69,4% всех дантистов, 58,6% фармацевтов и провизоров, 45% адвокатов, 38,6% врачей, 34,7% юрисконсульты, 31,9% писателей, журналистов и редакторов, 24,6% музыкантов и дирижеров... Московская статистика была почти такой же». Новая цитата: «Чем выше в советской статусной иерархии, тем выше процент евреев. В 1936–1937 гг. в Москве евреи составляли 4,8% всех учащихся 1–4-х классов, 6,7% – 5–7-х классов и 13,4% – 8–10-х классов. Среди студентов вузов их доля равнялась (в 1939 г.) 17,1%, а среди выпускников – 23,9%. В 1939 г. евреи составляли... 19,6% всех врачей Советского Союза. В Ленинграде на долю евреев приходилось 14,4% всех продавцов и 37,9% директоров магазинов. В Красной Армии в 1926 г. доля евреев среди слушателей военных академий (8,8%) почти в два раза превышала их долю среди командиров (4,6%) и в четыре раза – среди всех военнослужащих (2,1%). В РСФСР в 1939 г. евреи составляли 1,8% школьных учителей и 14,1% научных работников и преподавателей вузов». Конечно, все они были очень «идейными» – в советском смысле этого слова. Это объяснимо и с экономической, и с националистической точек зрения. Так, говорит автор: «Как сказала в своем знаменитом – и, по-видимому, глубоко искреннем и горячо принятом – выступлении на вечере выпускни-

ков средних школ в Колонном зале Дома союзов 1 июня 1935 г. одноклассница Раисы Орловой Анна Млынек: (...) “Самая высшая точка на земном шаре – пик Сталина – завоевана нашей страной. Самое лучшее в мире метро – метро нашей страны. И самое высокое небо – над нашей страной; его герои – стратосферовцы. (...) Быстрее, дальше и лучше всех летают, бегают, учатся, рисуют и играют в нашей стране!.. Да, такими и должны быть мы, первое поколение, рожденное революцией”». Конечно, высшей точкой земного шара является не пик Сталина, а Эверест, но такая ошибка только усиливала советский пафос речи. Именно так, судя и по моим воспоминаниям, должны были чувствовать дети тогдашней элиты.

Тем тяжелее было, когда террор ударил и по ней. Недаром этот эпизод (а не раскулачивание, например) известен в истории под названием «большого террора». Но таково основное противоречие любого тоталитарного режима, в данном случае – социалистического. В основе лежит утопия построения такого общества, которое подчинялось бы «хозяевам», как машина. Для этого необходимо, чтобы люди, составляющие это общество, были так напуганы, «что боялись пошевелиться». Это достигалось террором. Но террор должен для этого распространяться и на правящий слой общества. Он даже более подозрителен благодаря большим возможностям. Слезкин так и пишет: «Члены политической элиты были непропорционально представлены среди жертв Большого Террора, но они не были большинством среди пострадавших. Евреи, не очень многочисленные среди неэлитных жертв, пострадали в пропорциональном соотношении намного меньше других этнических групп. В 1937–1938 гг. около 1% всех советских евреев было арестовано по политическим обвинениям – против 16% поляков и 39% латышей. В начале 1939 г. доля евреев в

ГУЛАГе была на 15,7% ниже их доли в советском населении. Причиной этого было то обстоятельство, что евреи не подвергались преследованию как этническая группа». Благодаря этому первые протесты, дошедшие до широкой публики, были написаны еврейскими авторами, но т. к. перед этим евреи служили опорой режиму, в частности авторы протестов, то эти протесты имели двусмысленный характер. В них (в частности, в воспоминаниях Евгении Гинзбург, о которых пишет автор) слышалась жалоба: «За что? Мы так верно служили этому режиму, готовы были и дальше служить ему опорой». В книге приводится характерный диалог между супругами Улановскими, вернувшимися тогда в СССР из Америки, где они «работали» советскими агентами: «Когда при очередном аресте я недоумевала: “Что же делается? Почему? За что?” – отец [т. е. муж, агент ГРУ] спокойно ответил: “Что ты так волнуешься? Когда я рассказывал, как расстреливали белых офицеров в Крыму, – не волновалась? Когда буржуазию, кулаков уничтожали – ты оправдывала? А как дошло дело до нас: как, почему? А это с самого начала так было”. Я ему резонно: “Я понимаю, что когда людей убивают – это ужасно, но раньше мы знали, что это нужно для революции. Но тут же не дается никаких объяснений!” И мы стали искать в прошлом – когда же началось». Действительно, можно понять, что количество еврейских имен среди осужденных заставляло настораживаться, но, с другой стороны, еврейство тогда было в такой степени опорой режима, что предположение об антиеврейском характере террора тех времен совершенно нереально. Так, автор пишет: «В самом деле, советская тайная полиция – святая святых режима, известная после 1934 г. как НКВД, – отличалась чрезвычайно высоким процентом представительства евреев. В январе 1937 г. в канун Большого террора среди

111 “руководящих работников” НКВД насчитывалось 42 еврея, 35 русских, 8 латышей и 26 представителей прочих национальностей. Во главе 12 из 20 отделов и управлений НКВД (60%, в том числе – государственной безопасности, тюрем, лагерей, милиции и депортаций) стояли люди, назвавшие себя по национальности евреями. Самое престижное и секретное из всех подразделений НКВД – Главное управление государственной безопасности – состояло из десяти отделов: главами семи из них (тюрем, охраны, контрразведки, особого, иностранного, секретно-политического и учетно-регистрационного) были выходцы из черты оседлости. Дипломатическая служба была почти исключительно еврейской специальностью (как шпионаж в пользу Советского Союза в Западной Европе и, особенно, в Соединенных Штатах). Начальниками ГУЛАГа с 1930 г., когда он был сформирован, по ноябрь 1938 г., когда Большой террор в основном завершился, были евреи». Как писал об одном из своих персонажей по прозвищу «Полтора жида» Бабель (сам когда-то служивший в тайной полиции, водивший дружбу с несколькими видными палачами и, в конце концов, признавшийся в терроризме и шпионаже): «У Тартаковского душа убийцы, но он наш. Он вышел из нас. Он наша кровь. Он наша плоть, как будто одна мама нас родила». Конечно, опираясь на такую опору, было бессмысленно планировать антиеврейскую кампанию. Но эти вопросы – в четвертой главе, а наиболее болезненные для нас содержатся в главе третьей.

Заголовок главы четвертой, как и вообще названия глав, есть просто проявление шутливости автора и имеют к содержанию глав отношение лишь частично. К примеру, глава третья посвящена роли евреев в революции, в революционном движении, в Гражданской войне и в 1920–1930-х гг. вплоть до Великой Отечественной войны.

«Первая любовь Бабеля», если предположить, что он такие чувства мог испытывать, к ней не имеет отношения. Хотя Бабель цитируется и упоминается в книге много раз, но, скорее, для характеристики дореволюционной жизни или в качестве бойца-чекиста. Оценка художественного произведения очень зависит от точки зрения. Я читал лишь «Конармию», и у меня сложилось очень тяжелое впечатление. Мне кажется, что в ней проглядывает презрение к России и даже ненависть. Автор ее характеризует как «стадо платяных вшей». Как мне представляется, с таким отношением к русским мы сталкиваемся сейчас у ангажированных жителей Северного Кавказа. Оно, вероятно, было присуще Ленину, видевшему в русских и украинских крестьянах, если верить автору, «тупого, заскорузлого, оседлого и медвежье-дикого мужика», которого можно использовать как средство для достижения своих целей. В терминах самого Бабеля, цитированного автором, это смакование «умения убить человека». Начиная с цитаты Бабеля, автор проходит дугой по образам комиссара-коммуниста у советских писателей Фадеева, Лебединского, Тарасова-Родионова, Гроссмана, Аросева и, наконец, самого яркого из них – Багрицкого. В последнем случае автор цитирует самые типичные стихи: «Дума об Опанасе», «ТБЦ» и бестрепетно цитирует его предсмертную поэму «Февраль». Он заканчивает обсуждение поэмы и эту главу словами: «Согласно Станиславу Куняеву, речь идет об изнасиловании России, воспетом поэтом открытого романтического, идеального сионизма, не делающего различия между идеями мессианства и практической жестокостью». Согласно Максиму Шраеру, это «сон о создании гармонии между русским и еврейским течениями в еврейской истории...».

Оценка, как я уже сказал, очень зависит от точки зрения. В частности, очень трудно представить, что

девушка, с которой все это происходит, которую насилуют, взглянула бы на происходящее с точки зрения Максима Шраера. Да и мне это затруднительно.

Последняя, четвертая глава рассказывает о жизни евреев после войны в России, в Америке и в Палестине, т. е. в Израиле. Ее название требует пояснения. Подзаголовок статьи – «Выбор Годл: евреи и три Земли Обетованные». Годл – одна из многих дочерей Тевье в произведении Шолом-Алейхема «Тевье-молочник». В пьесе о дальнейшей судьбе после ссылки в Сибирь ее и ее мужа Перчика ничего не рассказывается, но автор предполагает, что они остались в России, и строит версии, как сложилась судьба их и их детей. Так что Годл символизирует русских евреев, а «три Земли Обетованные» – три открывавшиеся перед ними пути: миграция из местечек в крупные города СССР, или в Палестину (Израиль), или в США. Первый путь в те времена был также миграцией, подчеркивает автор. «На него могло уйти почти столько же времени, и в первые послереволюционные годы он был гораздо более опасным». Что касается его результатов, то мы узнаем: «К 1939 г. 86,9% всех советских евреев жили в городах, около половины из них – в 11 крупнейших городах СССР. И почти треть всех городских евреев проживали в четырех столицах: Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове. Как следствие этого, «к 1939 г. 26,5% советских евреев имели среднее образование (по сравнению с 7,8% по Советскому Союзу в целом и 8,1% – у русских граждан Российской Федерации). В Ленинграде доля выпускников средних школ составляла среди евреев 40,2%. Доля евреев-учеников двух старших классов средних школ в 3,5 раза превышала долю евреев среди населения СССР. Ранее автор отмечал: «Это достижение облегчалось отсутствием хорошо подготовленных конкурентов». «В 1939 г. на

долю евреев приходилось в Москве 17,1% всех студентов, в Ленинграде – 19%, в Харькове – 24,6% и в Киеве – 35,6%». Следующая цитата: «Евреи составляли 15,5% всех советских граждан с высшим образованием... Треть всех советских евреев студенческого возраста (от 19 до 24 лет) была студентами».

Между прочим, мы узнаем кое-что о судьбе поэта Павла Васильева. К сожалению, эта линия прослеживается автором только до момента появления статьи в «Правде», обвиняющей его в «антисемитском хулиганстве», его аресте и осуждении на полтора года тюрьмы. Но смерть Васильева остается за пределами интереса автора. В результате всего обсуждения автор приходит к выводу: «Новоиспеченная, самоуверенная, жизнерадостная и страстно патриотичная советская интеллигенция 30-х годов содержала чрезвычайно высокий процент евреев и чрезвычайно незначительный процент их хулиганов». Автор пишет: «А потом произошли сразу две подспудные революции. Во второй половине 1930-х гг., вслед за установлением развитого сталинизма, и особенно во время Великой Отечественной войны, Советское государство, управляемое выдвигенцами из числа русских рабочих и крестьян, начало ощущать себя законным наследником российского имперского государства и русской культурной традиции. И одновременно с этим вслед за приходом к власти нацистов, и особенно во время Великой Отечественной войны, некоторые представители советской интеллигенции, недавно клейменые биологической национальностью, начали ощущать себя евреями». Эти «подспудные революции» надо было бы различать. О еврейской национальной подробнее речь будет идти позже. Сейчас остановимся на первой революции. Несколько позже автор, видимо, говорит о ней же: «К концу 30-х годов патриотизм победил мировую

революцию». Такова действительно общепринятая точка зрения западных историков. Однако события последнего времени подсказывают совсем другую интерпретацию. Мы действительно видим в это время ряд действий советского руководства, рассчитанных на то, чтобы создать подобную точку зрения – апелляция к жестко подавляемым до тех пор чувствам русского патриотизма, защите родной земли от захватчиков и т. д. Но сравнение с последующими событиями, мне кажется, делает очевидным, что это был довольно грубый обман, на который русский народ, к сожалению, довольно легко поддался. Сейчас положение очень похоже. Неужели нас можно вторично поймать на такую грубую приманку? Бросается в глаза, что все меры, принятые тогда, были чисто внешними или были взяты назад после окончания войны. Так, введение золотых погон и старых воинских званий относится целиком к внешности, а вот возвращение из ссылки старых историков, академиков, арестованных по «делу Академии наук», конечно, переживших ссылку (самый значительный из них – академик Платонов – скончался в ссылке), могло бы стать принципиальной уступкой. Но после окончания войны было проведено совещание в ЦК, в постановлении которого говорилось о проявляющихся ошибочных тенденциях, в числе которых было указано на тенденцию пересмотра концепции «Россия как тюрьма народов». Таким образом, уступка, которая могла вырасти в принципиальное изменение в отношении к истории страны, была взята назад. И так со всеми реальными действиями этой «революции».

Как и следовало ожидать, больше всего места занимает в книге вопрос об антисемитизме. И в то время, которое описывает автор, эта тема не требовала объяснения – это время процесса над ЕАК, т. е. Еврейским антифашистским комитетом. Все изложение следует в

книге Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм».

Теперь можно перейти к рассмотрению второй «подспудной революции», о которой говорит автор. Власть надеялась, что так же, как и другие ее пропагандистские мероприятия, будут развиваться ее отношения с еврейством. Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) был создан как пропагандистская организация для сбора средств и мобилизации общественного мнения в США, но неожиданно он зажил совершенно самостоятельной жизнью.

Думаю, что образование ЕАК и одновременно провозглашение государства Израиль и начало его войны с арабами совершенно независимо от воли обеих сторон – власти и еврейства – превысили какую-то критическую массу во влиянии евреев на жизнь страны, вызвав те проявления еврейских чувств, которые хорошо известны и описаны, в частности, в реферируемой книге. Многие евреи в СССР стали рассматривать ЕАК как еврейский эквивалент правительства, туда приходили письма от советских евреев с просьбой помочь им выехать в Израиль, чтобы участвовать в войне добровольцами. Иногда в этих письмах члены президиума комитета именовались «вождями еврейства в СССР». Как мне кажется, очень метко характеризует ситуацию Костырченко: «Члены комитета впали в эйфорию», – говорит он. Результатом было письмо членов президиума Михоэlsa, Эпштейна и Фэфера Сталину от 15 февраля 1934 г., в котором они предлагали создать в Крыму «Еврейскую Советскую социалистическую республику». Это было кричащим нарушением неписаных законов советской жизни, где инициатива могла проявляться только «сверху вниз». Надо обратить внимание и на название предлагаемой республики. Очевидно, имелась в виду новая полноправная советская республи-

ка типа Белоруссии и Казахстана. Документ, как пишет автор, «умер медленной бюрократической смертью». Но само письмо демонстрировало наличие центра, который считает себя равновесным правительству. Можно легко представить себе шок, испытанный властью, когда она осознала, что слово «жид» отнюдь не есть синоним со «святым великим словом», как утверждалось тогда во всем известном стишке Маргариты Алигер:

Недаром слово «жид» – всегда синоним
С святым великим словом коммунист.

Власть реагировала обычным для нее образом. Тогда был организован процесс над руководителями ЕАК. Все 15 обвиняемых были приговорены к расстрелу. Пошадил женщину – Лину Штерн.

Автор набрасывает основные черты советской еврейской истории после войны. Его точка зрения характеризуется следующей оценкой: «Русская фаза еврейского века завершена. Родина крупнейшей в мире еврейской общины превратилась в отдаленную провинцию еврейской жизни». Или другая цитата: «Еврейская фаза русской истории тоже завершена». Приводимые им данные выстроены в том же ряду. Он считает, что оставшиеся в Российской Федерации евреи составляют 0,16% всего населения. Их общее число – 230 тыс. человек. Поскольку автор ссылается на материалы переписи 2002 г., то, вероятно, национальность определялась заявлениями респондентов. Это число сильно отличается от примерно 3 млн в «еврейской сфере», о котором говорит Леонид Радзиховский в статье «Еврейское счастье». Кроме того, в наше время все определяется деньгами. Автор пишет: «После введения рыночной экономики евреи быстро оказались непропорционально представлены среди

частных предпринимателей, часто практикующих специалистов и тех, кто – если верить опросам – ценил профессиональный успех выше гарантированной занятости. Из семи “олигархов”, построивших огромные финансовые империи на развалинах Советского Союза и сыгравших ключевую роль в российской экономике и средствах массовой информации в эпоху Ельцина, один (Владимир Потанин) вырос в семье высокопоставленного советского чиновника, а шестеро других (Петр Авен, Борис Березовский, Михаил Фридман, Владимир Гусинский, Михаил Ходорковский и Александр Смоленский) – евреи, соткавшие свои состояния “из воздуха”».

Многие считают период 1991–1993 гг., создавший такое положение, революцией. А это в свете последней цитаты плохо согласуется с точкой зрения, что «еврейская фаза русской истории тоже завершена».

Сомнительно и то, что антиеврейская кампания была связана как-то с личностью Сталина. Юрий Слезкин пишет, например: «После смерти Сталина антиеврейская кампания выдохлась». У меня такого впечатления не осталось. Мне помнится, что кампания (и протесты против нее) продолжались, пока существовал Советский Союз, во всяком случае, во все время правления Брежнева. Именно тогда появился термин «космополит». Этот термин был характерен для ситуации того времени. Советский режим осознал свою отделенность от еврейства. Но в то время, как противоположная сторона, не стесняясь, называла режим и тираническим, и колониальным, и вообще «империей зла», публицисты режима явно опасались назвать противоположную сторону. До смерти Сталина был принят термин «сионист», после – «космополит». Но к этому времени (после смерти Сталина) относится кампания, которую при каком-то понимании этого термина можно назвать антисемитской.

Евреи не допускались на определенные места и в качестве студентов некоторых институтов. При этом была использована система анкет, характеристик и т. д., разработанная первоначально как орудие борьбы с бывшими офицерами, чиновниками, «кулаками» или их детьми.

Надо сказать, что кампания касалась лишь самых «верхов» элиты. Так, евреи не допускаются в несколько самых элитных институтов и на избранные факультеты университета. Во всяком случае, я не слышал ни об одном случае, когда ребенок не получил бы высшего образования из-за того, что один из его родителей – еврей. В значительной степени это происходило на моих глазах. И я часто тогда задумывался над тем, что это такое – выполнение инструкций, спущенных «сверху», или инициатива «снизу»? И, наконец, я пришел к выводу, что и то, и другое. Выросла новая советская элита. Она думала о своих местах и о местах для своих детей и видела, что свободных мест остается маловато. Например, во время войны в партию иногда вступала целая воинская часть. Так многие люди оказались в партии, т. е. в элите, не имея идейных коммунистических убеждений или движимые патриотическими эмоциями. Потом это обростало «идейными» соображениями. И часто людям казалось, что они действуют из-за идейных соображений. Характер этих «идейных» соображений можно представить на основании цитат, приведенных в книге. Например, автор цитирует М. С. Агурского: «Можно ли было ожидать, что народ, давший уже при советской власти и политических лидеров, и дипломатов, и военачальников, и хозяев экономики, согласится на состояние сословия, высшей мечтой которого было получить должность заведующего лабораторией в ЭНИМСе или старшего научного сотрудника в ИАТе. Евреи были задавлены и унижены в гораздо большей мере, чем все остальное на-

селение». И автор комментирует: «На первый взгляд, это утверждение может показаться безнадежно неверным и, возможно, безнравственным. Некоторые депортированные народы по-прежнему жили в ссылке. Некоторые христианские конфессии были официально запрещены. У многих кочевых сообществ насильно отбирали детей. Большинству советских граждан не разрешалось жить в больших городах – не то что работать в элитных научно-исследовательских институтах. А большинство сельских жителей, независимо от их национальности, не имели паспорта и являлись государственными крепостными». Автор далее разъясняет: «Евреи не были задавлены в большой мере, чем остальное население, но они ощущали себя более униженными по причине их более высокого и более уязвимого положения в советском обществе. Надо представить себе и психологию народа, прошедшего Великую Отечественную войну под руководством своих, какими бы они ни были, политиков, лидеров и дипломатов, и военачальников, и хозяев экономики, когда он сталкивается с подобным, плохо скрываемым от зрителя, отношением, разлитым во всей тогдашней жизни». Мне кажется, что автор не прав, когда считает, что утверждение М. С. Агурского, «на первый взгляд, может показаться... возможно... безнравственным». Оно и было безнравственным. А таким настроением была проникнута большая часть тогдашней элиты. Это и давало почву для идеологии, питавшей антиеврейские меры «снизу».

Как ни объяснять это столкновение, но советский коммунистический режим разошелся с еврейством и был уничтожен как некогда режим царский. Вероятно, этот фатальный для коммунистического режима разрыв между ним и еврейством связан также и с подъемом чувства еврейского патриотизма, произошедшего под

влиянием жесткостей, жертвами которых стали евреи, оставшиеся на оккупированной немцами территории, – того, что позже стали называть «холокост». Автор не раз цитирует воспоминания реальных лиц и художественные произведения, показывающие, что в атмосфере их господства в 30-е годы многим евреям казалось, что они забыли о своей национальности. Например, согласно воспоминаниям известного философа Виталия Рубина, он учился в одной из лучших московских школ: «Больше половины его одноклассников были евреями. Понятно, что еврейский вопрос там не возникал, и не только в негативном антисемитском его смысле. Он не возникал вообще. Все евреи знали, что они евреи. Но считалось, что все, относящееся к еврейству, – это дело прошлого». Эта же мысль высказывается очень многими авторами – от самого известного тогда журналиста Ильи Эренбурга до подсудимых по процессу ЕАКа. Но наиболее ярко это выражено в романе В. Гроссмана, герой которого: «...Виктор Павлович (“Пинхусович”, но мать переделала его отчество) Штрум (...) никогда до войны не думал о том, что он еврей. Никогда мать не говорила с ним об этом – ни в детстве, ни в годы студенчества. Никогда за время учения в Московском университете ни один студент, профессор, руководитель семинара не говорил с ним об этом». Но вот он получает письмо от матери, последнее перед ее отправкой в гетто, где ее уничтожили немцы, в котором написано: «Я никогда не чувствовала себя еврейкой, а вот в эти ужасные дни мое сердце наполнилось материнской нежностью к еврейскому народу. Раньше я не знала этой любви. Она напоминает мне мою любовь к тебе, сынок». Следующая цитата – это уже текст самого автора: «Последнее письмо матери заставило его услышать “голос крови”. Вид освобожденных территорий, “Украины без евреев”, как назвал увиден-

ное Гроссман, мог придать его голосу новую силу». Так возник еще один источник трения евреев, проживавших в России, с окружающим населением. Оказывается, что, как вспоминал Виталий Рубин, «все евреи знали, что они евреи», но это чувство в некоторых случаях не проявлялось, а в других оживало; это загадочное чувство охватывало всех евреев мира при каком-то одном им известном определении понятия «еврей».

Например, Слезкин пишет: «Был один вопрос, в котором все внуки Бейлки сходились и вокруг которого можно было организовать их чрезвычайно значительные финансовые, интеллектуальные и политические ресурсы – благополучие их заграничных соплеменников». Как внуки Бейлки определяли, кто является их соплеменниками? Это свойство забывать о своей национальной принадлежности в период благополучия и вспоминать о нем в тяжелые времена, да во всем еще мире, и является, как мне кажется, коренным отличием евреев от других народов. Как же понимать это забывание в период благополучия? Ведь при другом «прочтении» это может быть охарактеризовано как сознательный обман.

Встает вопрос и о Левинсоне, герое повести Фадеева «Разгром», о котором написано, что он «беспощадно задавил в себе бездейственную сладкую тоску, все, что осталось в наследство от ущемленных поколений, воспитанных на лживых баснях». Не выдает ли автор желаемое за действительное? Ввиду того громадного напора, который автор описывает выше, внукам Бейлки кажется вполне реальным предположение, что изменение отношения советской власти к эмиграции евреев является следствием давления советских евреев, советского еврейства. Почему же предполагать, что внуки Бейлки принимают благополучие их заграничных соплеменников так близко к сердцу, а внуки Годл этого свойства лишены?

Таким образом, видно, что евреи в РФ вполне способны играть существенную роль в жизни страны и что есть вопросы, в которых их интересы отличны от интересов основной массы населения. Может быть, с точки зрения какой-то загадочной истории мирового еврейства, непонятной, видимо, и самим евреям, автор прав, считая: «Русская фаза еврейского века завершена». Но для русских этот вопрос далеко не утратил своей актуальности и еще долго не утратит.

Теперь можно вернуться к главе первой, где автор высказывает мысль, что евреи ничего особенного не представляют, таких наций много. Он включает евреев в группу наций, живущих среди других «и выполняющих обязанности, которыми коренные жители заниматься не хотят или не могут». В качестве других примеров таких наций он приводит цыган, парси, китайцев – на Дальнем Востоке и др. Он приводит множество примеров племен в Африке и Азии, которые ведут аналогичную жизнь. Автор считает, что черты таких общин воплощены в греческом (или римском) боге Меркурии, и называет членов этих общин «меркурианцами». Автор пишет: «Они были потомками или прародителями Гермеса (Меркурия), бога всех тех, кто не пасет стада, не возделывает землю и не живет мечом, покровителя посредников, переводчиков и перебежчиков, защитника мастерства, искусства и хитроумия». Жителей окружающего народа он называет «аполлонийцы», видимо, имея в виду известный в греческой мифологии рассказ о краже новорожденным Гермесом коров Аполлона, – есть такой гомеровский гимн. Мне представляется, что основное содержание книги, главы от второй до четвертой, является самым лучшим опровержением такой концепции. Ведь автор не приводит статистики немецких или венгерских банков, воз-

главляемых цыганами, парси или китайцами. Никому не придет в голову писать книгу о влиянии цыган или любого из названных автором африканских племен на русскую или какую-либо другую революцию. Если бы концепция автора была справедливой, то немедленно возник бы вопрос: чем же определяется особая роль евреев, а не других «меркурианцев» в русской, американской, немецкой и т. д. истории? Видимо, автором верно замечено свойство евреев быть, как он многократно говорит, «чужаками» в окружающем их обществе. Это одна из причин их влияния, но вряд ли она основная. Мне кажется, основная ценность книги Слезкина «Эра Меркурия» – в обилии фактических данных, которые в ней приводятся, а также в ненавязчивости изложения. Часто автор приводит две противоположные точки зрения, но сам воздерживается от того, чтобы высказать свою. Впрочем, симпатии автора книги очевидны. Он дает нам возможность почувствовать движущие силы и эмоции тех, кто, с точки зрения русского читателя, мог бы восприниматься как «противник» в драме, далеко еще не законченной.

2011.

ГИБЕЛЬ НАЦИЙ

О «малом народе» и правящем слое

– Игорь Ростиславович, Вы являетесь создателем теории «малого народа», раскрывающей природу общественного слоя, противопоставляющего себя большинству нации, искренне уверенного в своей избранности и праве перестраивать жизнь народа по созданным им схемам, при полном отрицании исторических традиций

и национальных систем ценностей. В какой мере теория «малого народа» может быть применима к процессам в современной России?

– Сейчас «малый народ» правит нашей страной и всем миром. В основном это владельцы и менеджеры транснациональных компаний и развивающие их идеологию СМИ. Поскольку они преследуют свои цели, не совпадающие с национальными интересами отдельных народов (а часто и прямо им противоречащие), то они вырабатывают и распространяют идеологию отрыва от этих национальных интересов. Тут для объяснения такого явления и находит приложение старая концепция «ущербности» национальных интересов и самого явления национальности.

Сейчас происходит поиск какого-то нового пути развития всего человечества. Такова, как мне представляется, в частности, психологическая основа современных протестов против «фальсификации выборов» в нашей стране. Конечно, фальсификация такого масштаба, чтобы повлиять на самый итог выборов, была возможна в 1990-е гг., но маловероятна сейчас. Во всяком случае, как кажется, сами протестующие этого и не утверждают. По-видимому, в этих протестах выражается определенное настроение, охватывающее все большую часть населения: выросло новое поколение, не знающее чувства страха, которым управлялась жизнь раньше. Оно чувствует: какая бы ни была сверхдемократия, ему нет достойного места в образующейся жизни. Мне кажется, что таково же объяснение и предупредительного, почти робкого отношения власти к этим протестам. Если бы дело касалось отдельных олигархов, то власть смелее действовала бы, как показали примеры Березовского, Гусинского и Ходорковского. А здесь есть опасность, что это настроение пойдет вширь и охватит весь народ.

Ведь власть держится не силой принуждения, а согласием большинства народа этой власти подчиниться. Стоит всему народу усвоить отношение к власти как чему-то постороннему, чужому – и страна распадется.

Это явление общемировое. Я думаю, можно доверять тем опросам общественного мнения, которые проводятся весьма квалифицированными организациями. Они показывают поразительный факт: изменения, которые происходят в жизни, совершенно не соответствуют настроениям большинства населения. Например, в вопросе о регистрации однополых браков опросы показывают отрицательное отношение большинства, а регистрация идет своим чередом. Или в нашей стране: если провести опрос о введении смертной казни, то, несомненно, выяснилось бы сочувствие большинства населения этой идее, но... такие опросы никем не проводятся.

И таких примеров существует множество. Они приводят к заключению, что жизнь управляется каким-то слоем, интересы и симпатии которого сейчас резко отличны от интересов и симпатий остального человеческого общества. Вероятно, во всяком обществе существует некий «правлящий слой». Так, по крайней мере, считал князь Н. Трубецкой, бывший в 1920-х гг. главным идеологом «евразийства» – наиболее идеологически активного течения русской эмиграции. В работе «Европа и человечество» он писал: «Взгляд на государственно-организованное человеческое общество как на живое и органическое единство предполагает существование в этом обществе особого правящего слоя, т. е. совокупности людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого». Различие же разных обществ он видел в принципе, на основании которого происходит отбор в этот

слой – наследственность, богатство и т. д. Но мы сейчас сталкиваемся с ситуацией, когда интересы этого слоя все дальше расходятся с интересами всего человечества. Таким образом, мы переживаем ситуацию кризиса, которую естественно связать со сменой одной цивилизации другой. Я исхожу из точки зрения, впервые высказанной Н. Я. Данилевским, а потом (в разной степени независимо от него) развитой О. Шпенглером и А. Тойнби, согласно которой идеология непрерывного прогресса человечества носит пропагандистский характер, а реальная история различных цивилизаций, которые живут, следуя законам организмов, имеют периоды молодости, зрелости и упадка. Мы можем сравнить наше время с периодом, когда господствующая сейчас цивилизация сменила господствовавшую тогда цивилизацию – античную, т. е. примерно с V–VI вв. после Рождества Христова. Аналогия оказывается разительной: прежде всего, совершенно параллельно проявляется основное явление – сокращение численности, а по существу – вымирание народов, которые создали и развивали господствующую цивилизацию. По поводу античности много данных содержится в книге М. И. Ростовцева «Общество и хозяйство в Римской империи», вышедшей в Оксфорде в 1926 г.; целиком этому вопросу посвящена книга Отто Зеека «История падения античного мира». Частично содержащиеся там данные приведены в моей работе «Как умирают народы» («Наш современник». – 1996. – № 7). Современная ситуация обрисована в книге П. Бьюкенена «Смерть Запада». В ней идет речь о сокращении численности европеоидов (т. е. людей европейского происхождения) в мире. Бьюкенен, например, приводит такие данные: в 1960 г. европеоиды составляли $\frac{1}{4}$ человечества, в 2000 г. – $\frac{1}{6}$, а в 2050 г., если сохранятся прежние тенденции, составят лишь $\frac{1}{10}$. Конечно,

к европеоидам относимся и мы – русские. У нас на такое же падение рождаемости, как на Западе, накладывается еще и колоссальная смертность. О различных возможных сценариях падения населения России можно узнать из работ В. И. Козлова, опубликованных в «Вестнике Российской академии наук» за 1995 г.

Как и в случае античности, сокращение численности населения, основавшего и развивавшего современную цивилизацию, происходит параллельно с заселением ее коренных стран выходцами из тех областей человечества, которые, с точки зрения этой цивилизации, «не цивилизованы», т. е. являются «варварами». В Германии – это турки, во Франции – арабы и негры из бывших колоний, в Англии – жители бывшего Британского содружества, в США – мексиканцы и вообще латиноамериканцы. Имеется масса фактов, показывающих, как сам стиль жизни в западных странах меняется в результате прилива совсем чуждой крови. Так, в южных штатах США население не так, как прежде, стремится к образованию и больше ценит свободное время, чем величину заработка. Параллели нашего времени с концом античности многообразны. Например, падает дух той цивилизации, которая уходит с исторической сцены. (А этот дух когда-то очень способствовал утверждению цивилизации.) Например, стоило взорвать автомобиль с водителем-смертником в казармах американских войск, оккупировавших в 1960-х гг. территорию Ливана, как американские войска были из Ливана выведены. Если раньше господствовала идея расширения области господства цивилизации, то теперь все большее число областей старается обособиться, растет популярность сепаратизма. Так, во Франции корсиканцы требуют независимости своего острова, баски, эльзасцы и бретонцы – независимости. В Англии Шотландия и Уэльс уже

имеют свой парламент. В Италии есть лига, борющаяся за отделение Севера страны от Юга. В Венеции есть даже партия, борющаяся за отделение Венецианской области от Италии. В США существуют организации, борющиеся за отделение Южных штатов (соседних с Мексикой и некогда от нее оторванных) от США и создание нового государства под названием Ацлан со столицей в Лос-Анджелесе. Аналогичные тенденции проявлялись и в античности, начиная с восстания в 66 г. в Палестине и всем Южном Средиземноморье вплоть до попытки отделения Галлии в III в., уже несколько веков бывшей органической частью Империи. Отделяется Пальмира и даже на какое-то время захватывает Египет. После победы над Пальмирой происходит восстание в Александрии во главе с Фирмом с той же целью. И так шло до конца Римской империи.

Конечно, все слышали об экономическом кризисе, недавно охватившем Западный мир (включая и Россию). Но подобные явления испытывала и Римская цивилизация в период своего заката. В цитированной выше книге Ростовцева говорится о «колоссальном упадке деловой активности в Римской империи III века». Цена самой употребительной монеты – динария – с I по III в. упала в 30 раз. В эпоху Антониев (II в.) власти лихорадочно пытались остановить упадок земледелия (особенно в Италии); император Нерва предлагал землю бедным гражданам, Траян помогал итальянским земледельцам, снабжая их дешевым кредитом. Но все эти меры были безрезультатны.

Я помню время, когда советские историки должны были трактовать упадок античности по-марксистски, т. е. как последствие экономических изменений – они трактовали его как экономический кризис, прежде всего как кризис сельского хозяйства. Параллельность на-

шего времени и периода упадка античности выражается даже в таких деталях, как какое-то демонстративное, почти хулиганское выпячивание противоестественных сексуальных отклонений... Есть много таких примеров, показывающих полное совпадение черт нашего времени и периода упадка античности, – они собраны в моих работах, напечатанных в журналах «Москва» и «Наш современник» и перепечатанных в сборниках «Зачем России Запад?» и «Мы и они». Они показывают, что сейчас мы переживаем не рядовой момент истории, а критический период смены цивилизаций.

Под конец я хочу еще раз остановиться на волне «протестов» в нашей стране. Они вызваны, как мне кажется, тем, что молодежь видит: ее место в жизни просто не предусмотрено, независимо от исхода голосования. И ведь это при полном торжестве демократии! Другими словами, если я прав, молодое поколение сталкивается с тем фактом, что подача большинства голосов за определенного кандидата еще не является достаточным условием для выполнения воли большинства. Молодежь сталкивается с основным принципом современной демократической системы. Политическое устройство, называемое демократией, возникло в Древней Греции в небольших городах-государствах. Тогда, например, многие посты в государстве распределялись по жребию, очевидно, это было возможно лишь при небольшом числе свободных граждан. После этого в Европе XVII в. возникла совсем другая политическая система – представительная демократия, основанная на выборах. Постепенно для ее обозначения укоренилось слово, означавшее древнегреческую политическую систему, но сначала ясно виделось это различие. Так, Жан-Жак Руссо писал, что при теперешней политической системе народ свободен лишь один день, «когда он выбирает прави-

тельство». Сейчас все более становится очевидным, что политическая система, основанная на голосовании, есть форма правления транснациональных компаний, а не всего населения. Об этом много фактов содержится в книге Хантингтона «Кто мы?», написанной в 2004 г. и в этом же году переведенной на русский язык. В ней автор дает набросок того космополитического слоя, который является сегодня правящим классом – и на Западе, и у нас в России. На Западе, как он говорит, их называют «золотыми воротничками» и «космократами». Он оценивает их число в 20 млн человек – это из населения Земли в 7 млрд. Бóльшая их часть – американцы. По-видимому, это первая попытка как-то очертить современный «правлящий слой». Он имеет вполне определенную идеологию, которую развивают и внедряют в сознание остального человечества СМИ.

История как бы поставила эксперимент, чтобы определить, какой строй эффективнее: основанный на страхе и прямом подчинении или на обмане населения при помощи СМИ. В результате их конкуренции оказалось, что второй способ эффективнее. Надо вспомнить, что и в СССР была видна неуверенность, именно она лежала в основе попыток имитировать систему выборов внутри политической системы, основанной на всеобщем подчинении. Имитация была очень примитивной: с одним кандидатом на одно место.

Надо думать, что будущие политики учтут результаты этого эксперимента. Так что будущее, видимо, принадлежит среднему пути, сочетающему обе исторические тенденции.

– В одном из выступлений на радио Вы говорили, что элементы психологии «малого народа» (комплекс избранности, взгляд на народ как на материал, причем

всегда плохой материал, и др.) неизбежно зарождаются в любом правящем слое как средство самооправдания, и приводили в пример помещиков-крепостников. Но сейчас Вы, если я правильно понял, внесли принципиально новое дополнение в теорию «малого народа». Получается, что эти отдельные элементы постепенно развиваются и к концу жизни цивилизации весь правящий слой становится «малым народом»?

– Факты, что вырабатывается какая-то психология, аналогичная психологии «малого народа», и раньше фигурировали в разных сочинениях, например в статье научного редактора журнала «Вопросы национализма» С. Сергеева в первом номере журнала. Из этого, конечно, вытекает, что правящий слой сейчас является «малым народом», а не содержит «малый народ» в виде своей части.

– Последний вопрос. Вы проводите аналогию гибели античной цивилизации с положением современной европейской цивилизации, частью которой сейчас является и Россия. Но ведь крах и разложение той цивилизации сопровождалось всплеском творческой активности на востоке Римской империи, который привел к появлению уникальной византийской цивилизации. Есть ли аналогии в современном мире и с этим процессом?

– В одной из статей, напечатанной в газете «Завтра», я формулировал мысль, что у нас ситуация больше всего схожа с Иваном Калитой, которого невозможно было понять – что же он такое? Верный раб хана, который старается добыть ему побольше «выход» из Московского улуса, или же он готовил, за 50 лет еще, Куликовскую битву? Я думаю, что он сам не смог бы на этот вопрос ответить – это в значительной мере зависело не от его отношения, а от действий его потомков.

Мне кажется, что сейчас такое положение во всем мире, и особенно в нашей стране. И я думаю, что роль интеллигенции – показывать выход из этого положения. Роль интеллигенции заключается в том, чтобы ставить четкие задачи перед властью страны, требовать действий, а не слов. Например, до сих пор отсутствует определенная точка зрения о русском характере Севастополя, потому что один раз русские национальные чувства уже были использованы в Великой Отечественной войне за счет уступок, которые носили, в общем-то, внешний характер. Имевшие какой-то положительный характер действия были взяты назад после выигранной войны.

20 июня 2012 г.

ОТЗЫВ О КНИГЕ С. Ю. КУНЯЕВА «ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА»¹

Есть мелкие вопросы, относительно которых с автором можно было бы поспорить. Но с основной идеей книги я совершенно согласен. Если была в XX в. катастрофа исторического масштаба, то она случилась с русским народом. Все время правления большевистской партии в СССР проводилась антирусская политика, выливавшаяся в прямой геноцид русского и украинского народов. Это и понятно: ведь большевистская партия была создана на интернациональной, а по сути – космополитической основе и прокламировала свою антинациональную политику. А поскольку Россия была всю свою 1000-летнюю историю национальным государством и русские (включая украинцев и белорусов) были в ней государствообразующим народом, такая поли-

¹ Издана: М., 2011. – 384 с.

тика не могла не вылиться в геноцид русского (включая украинский и белорусский) народа.

Все это время (последствия мы видим и сейчас) слова «русский» и «Россия» были под запретом. Даже в школе проходили не русскую историю, а «Историю СССР». Литература на русском языке называлась советской, а не русской, хотя официально признавалось существование грузинской, армянской, литовской, латышской и т. д. литератур. Я помню, что в Конституции СССР («брежневской») слово «русское» избегалось как неприличное. В физическом уничтожении русского народа, начиная с русского царя и кончая высланными на Крайний Север крестьянами, большевики опирались на национальные меньшинства. В книге со ссылками на (в подавляющем большинстве случаев) внушающие доверие источники показывается роль, которую играло еврейское национальное меньшинство.

2012.

К ОБЩЕМУ СОБРАНИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

9 сентября 2013 г.

Я, вероятно, самый старый из присутствующих в этой аудитории, поэтому помню то, что многие могут не помнить, этим я и хочу воспользоваться. Я помню предшествующий случай, когда Академия наук пришла в конфликт с властью, тогда Хрущев решил, что в Академию наук должен быть избран ученик Т. Д. Лысенко – Нуждин. Он был выбран на отделении биологических наук и провален на общем собрании Академии. Против его кандидатуры выступали на общем собрании физи-

ки Л. А. Арцимович и А. Д. Сахаров. Как рассказывали, Хрущев выражал свое недовольство, топая ногами на Келдыша, кричал, что Академия есть пережиток феодализма, и заявил на пленуме ЦК КПСС, что «разгонит эту Академию к чертовой матери».

Конечно, избрание Нужи́дина изменило бы расклад голосов в отделении биологических наук. Сейчас положение более серьезное: речь идет не только о биологических науках (на большее Лысенко и не претендовал), а о самой Академии наук. Академик Алферов правильно сказал в письме к Президенту России: «Сейчас на карту поставлена обороноспособность нашей страны, а в конечном счете – ее независимость от Запада». Видимо, власть придерживается такого же мнения, как и во времена Гайдара, что Россия является типичной страной со слабой экономикой, а мировой экономике выгоднее, чтобы отсталые страны не тратили свои деньги на фундаментальные исследования, а покупали бы их результаты в передовых странах. Об этом говорят цифры. Первые страны, такие как США, Франция и Япония, тратят на фундаментальные исследования примерно 0,5% стоимости ВВП, а Россия – в три раза меньше.

Я считаю, что реформирование Академии наук сейчас несвоевременно и не вызвано какими-то фундаментальными причинами. В свое время российская наука, так же организованная, как и сейчас, выполнила правительственное задание по созданию атомного оружия и атомной энергетики. Правда, тогда и правительство было способно ставить такие масштабные задачи перед наукой.

Академия наук была организована еще Петром I. Какие только изменения не претерпело наше общество с тех пор! А организация науки приспособливалась к ним, не меняя своего характера. Конечно, некоторое

отставание от США в финансировании фундаментальных исследований неизбежно, их ВВП в 10 раз превосходит наш, но, к счастью, это происходит в тот момент, когда мир капитализма с центром в США теряет свою упругость силы.

Когда-то 200 испанских авантюристов покорили громадную империю инков, а сегодня США и их союзники, т. е. объединенные силы Запада, не могут подчинить себе полудикие афганские племена.

«Реформаторы» исходят из концепции «велосипеда». Она заключается в том, что России не нужно придумывать «велосипед», он уже изобретен передовыми странами, а просто провести у себя реформу, которую произвел в Германии тогдашний канцлер. Но исследователи истории возникновения капитализма (М. Вебер, В. Зомбарт) единодушны в том, что это не универсально, для этого нужны какие-то особые народы. Как бы кто ни объяснял происхождение капитализма – из духа кальвинизма или католицизма, они сходятся в том, что для создания капитализма нужны специфические национальные черты: любовь к материальному благополучию, отсутствие жалости к проигравшим конкурентам.

Сейчас меняется образ жизни человечества, и было бы жаль, если бы как раз в такой поворотный момент истории Россия вышла бы из игры по причинам не основоположным, а, как кажется, личным.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАПИСКИ РУССКОГО ЭКСТРЕМИСТА

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Записки русского экстремиста. М.: Алгоритм, 2005. С. 112–313.

СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

Выступление

на вечере, посвященном 70-летию А. И. Солженицына

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 411–422.

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник», 1990, № 1.

О Данииле Андрееве

Выступление на вечере в ЦДЛ

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 423–431.

Впервые опубликовано в журнале «Москва», 1990, № 10.

Д. Д. Шостакович

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 432–450.

Впервые опубликовано в журнале «Вестник РХД», Париж, 1978, № 125.

Шостакович и русское сопротивление коммунизму

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 451–458.

**О вокальном цикле Шостаковича
«Из еврейской народной поэзии»**

К 100-летию со дня рождения Д. Д. Шостаковича

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* О вокальном цикле Шостаковича «Из еврейской народной поэзии». *К 100-летию со дня рождения Д. Д. Шостаковича* // «Москва», 2005, № 9.

О некоторых тенденциях развития математики

Лекция по случаю официального вручения Хейнemannовской премии Геттингенской академии наук

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 459–464.

Впервые опубликовано в журнале «Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften in Getttingen», Getttingen, 1973.

Загадка индивидуальности

Обзор некоторых работ Конрада Лоренца

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 465–486.

1. *Лоренц К.* Кольцо царя Соломона. М.: Знание, 1970.
2. *Лоренц К.* Человек находит друга. М.: Мир, 1971.

3. Lorenz K. Uber tierisches und menschliches Verhalten. Bd.I, II. München, 1966.

4. Lorenz K. Das sogenannte Bese. Wien, 1963.

5. Eibl-Eibesfeldt. Grundriss der vergleichenden Verhaltensforschung. München, 1967.

По эту сторону добра и зла

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 487–505.

В сокращенном виде опубликовано в газете «День» от 29 декабря 1991 г.

Выступление

*на вечере, посвященном 150-летию закладки
Храма Христа Спасителя в Москве
24 сентября 1989 г.*

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 506–508.

Впервые опубликовано в сборнике «Путь из-под глыб». М., 1991.

Что хорошо для России

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Что хорошо для России // «Экономическая и философская газета». 2003. № 41.

Предновогодние мысли

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Предновогодние мысли // «Москва». 2004. № 2. С. 9–10.

Будущее России

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Будущее России // Зачем России Запад. М., 2005. С. 15–72.

«Мы порабощены западным духом»

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Мы порабощены западным духом // «Трибуна». 2005. № 139. С. 5

В защиту русскости

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* В защиту русскости // «Завтра». 2009. Декабрь. № 49 (837).

О «еврейском столетии»

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* О «еврейском столетии» // «Завтра». 2011. № 26–29.

Гибель наций

О «малом народе» и правящем слое

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Гибель наций // «Завтра». 2012. № 25.

**Отзыв о книге С. Ю. Куняева
«Жрецы и жертвы холокоста»**

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Отзыв о книге С. Ю. Куняева «Жрецы и жертвы холокоста» // «Наш современник». 2012. № 2. С. 266–267.

**К общему собранию Российской академии наук
9 сентября 2013 г.**

Публикуется по материалам сайта: www.mi.ras.ru Математического института им. В. А. Стеклова РАН.

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 23.04.2014 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 18,8 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».